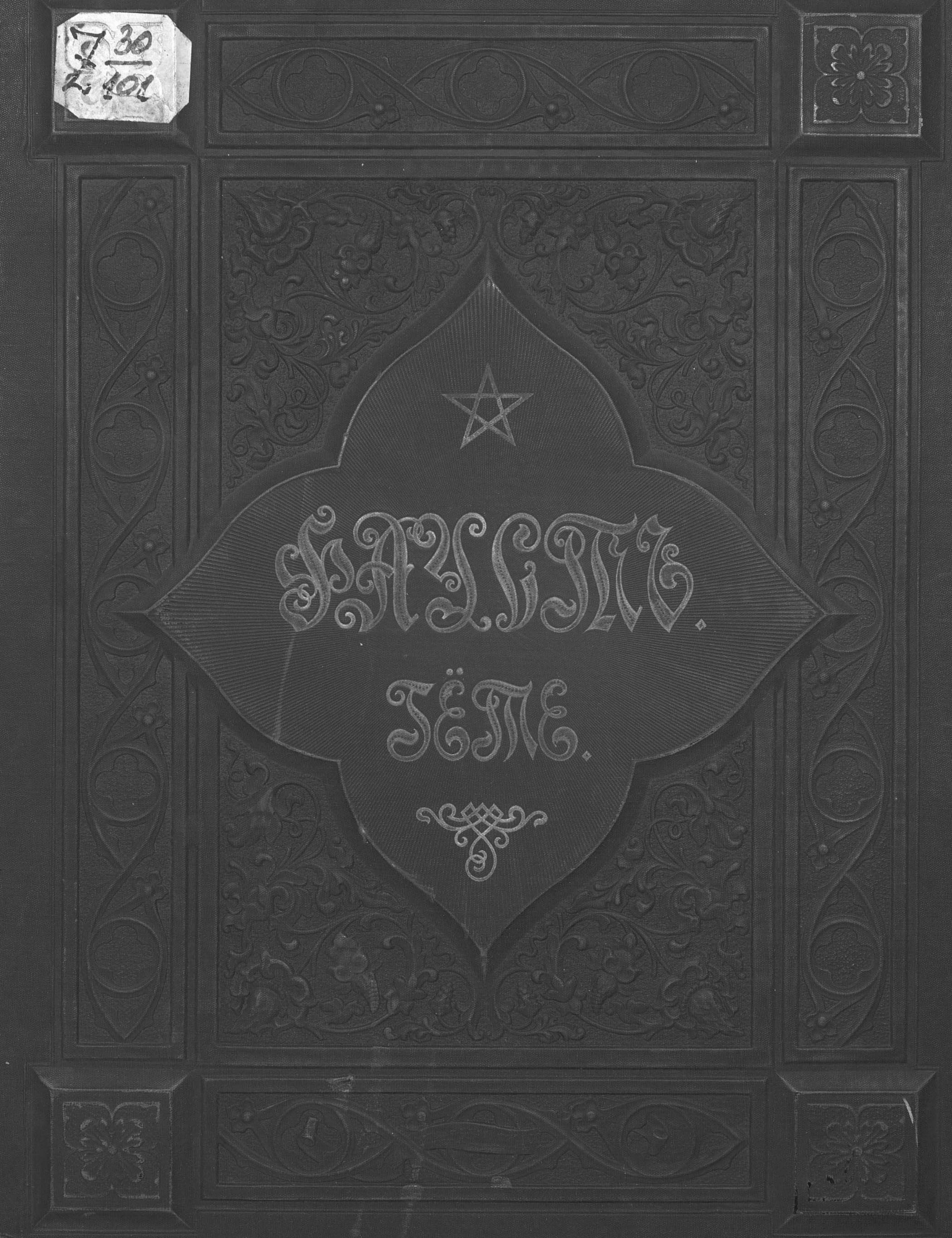
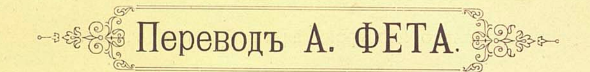

Фаустъ.
Гёте.

ТРАГЕДІЯ

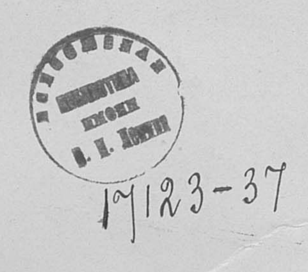
Съ рисунками Энгельберта Зейбертца.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1899.

Дозволено цензурою, 24 ноября 1898 г. СПБ.

Типографія **А. Ф. Маркса,** Средн. Подьяч., д. № 1.

Фаустъ

трагедія

Гёте

Гёте.
Фаустъ.
Изданіе.
А. Ф. Маркса.
въ
С. П. Б.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

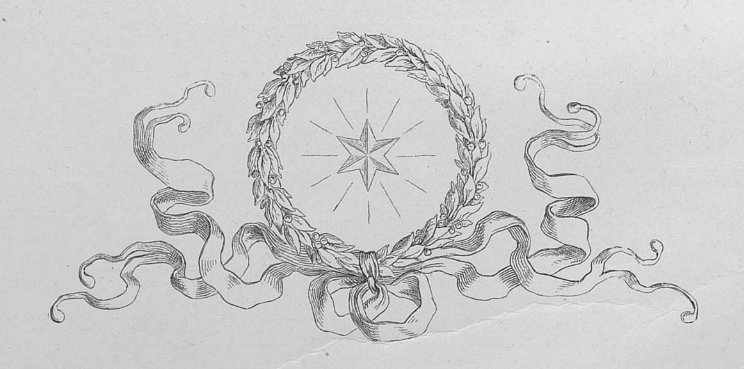

Вы вновь ко мнѣ, воздушныя видѣнья!
Давно знакомъ печальный съ вами взоръ!
Хочу ль теперь тѣ задержать волненья?
Иль сердцу милъ безумный сонъ съ тѣхъ поръ?
Вы принеслись! Я, полонъ умиленья,
Въ туманной мглѣ привѣтствую вашъ хоръ;
Трепещетъ грудь младенческими снами
Отъ волшебства, навѣяннаго вами.

Вы принесли веселыхъ дней картину
И много милыхъ ожило тѣней;
Подобно сагѣ, смолкшей вполовину,
Звучатъ любовь и дружба прежнихъ дней;
И больно мнѣ; давнишнюю кручину
Несетъ мнѣ жизнь со всѣхъ своихъ путей,
И кличетъ тѣхъ, которыхъ въ мигъ участья
И унесло и обмануло счастье.

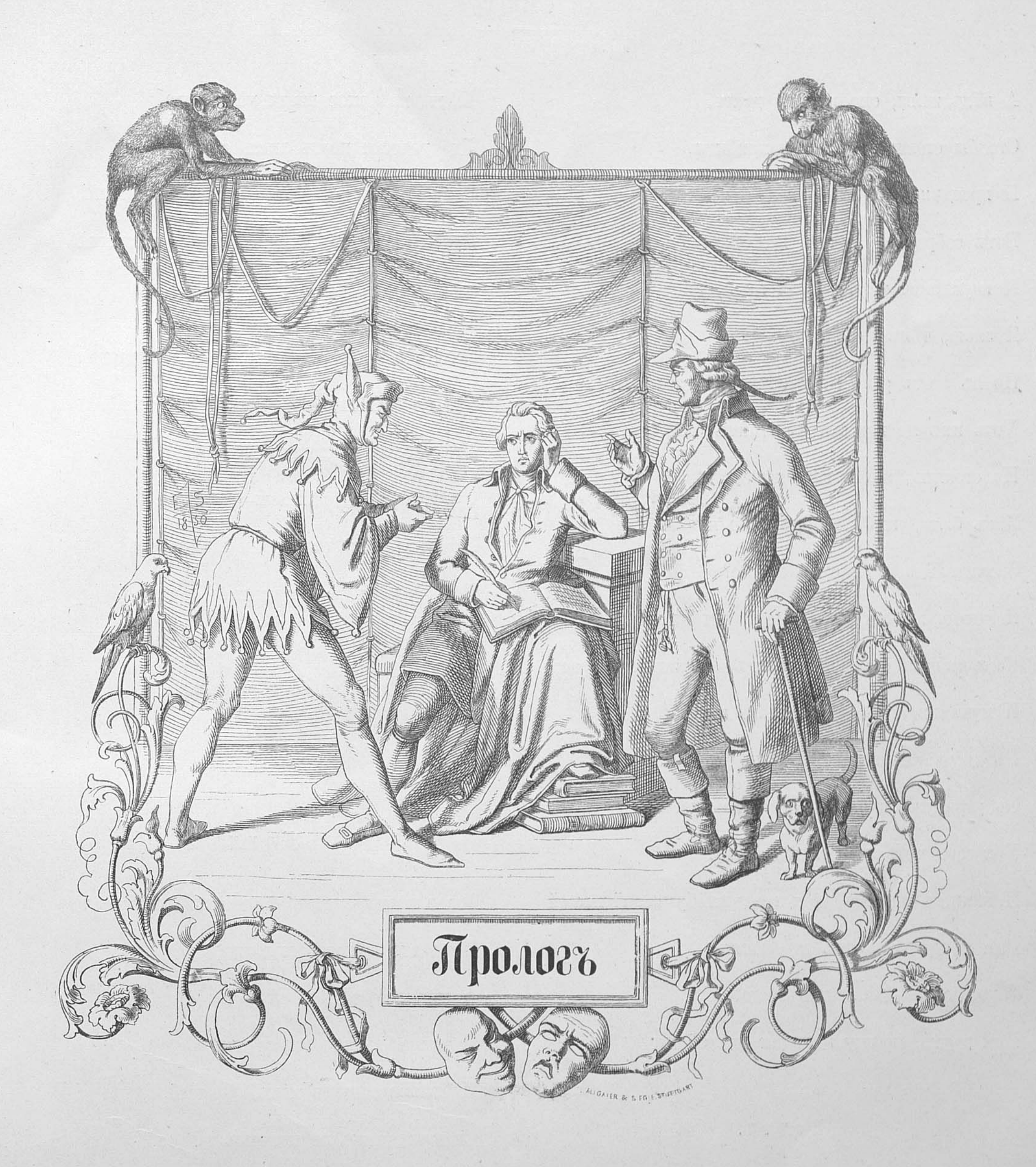
Имъ не слыхать послѣдующихъ пѣсенъ,
Всѣмъ тѣмъ, кому я первыя пѣвалъ;
Кружокъ привѣтный избранныхъ сталъ тѣсенъ
И отголосокъ первый отзвучалъ.
Кому пою, тотъ кругъ мнѣ неизвѣстенъ,
Его привѣтъ мнѣ сердце запугалъ;
А тѣ, чей слухъ мою и любитъ лиру,
Хотя въ живыхъ, разсѣяны по міру.

И вновь во мнѣ отвычное стремленье
Въ тотъ кроткій міръ, къ задумчивымъ духамъ;
Неясное подъемлю пѣснопѣнье
Подобное Эоловымъ струнамъ;
Проснулось въ строгомъ сердцѣ умиленье,
Невольно слезы слѣдуютъ слезамъ;
Все, чѣмъ владѣю, кажется мнѣ лживо,
А что прошло—передо мною живо.

ПРОЛОГЪ НА ТЕАТРѢ.

Götz v. Berlichingen
Tasso

Директоръ, Поэтъ, Комикъ.

Директоръ.

Вы оба мнѣ уже не разъ
Въ нуждѣ и горѣ были братья,
Скажите, это предпріятье
Успѣшно ли пойдетъ у насъ?
Вѣдь на толпу поди-ка угоди ты,

А вѣдь живя, она и жить даетъ.
Столбы стоятъ и доски поприбиты,
И праздника невольно всякій ждетъ.
Вотъ собрались, сидятъ поднявши брови
И изумленья ждутъ, коли не крови.
Я знаю, чѣмъ народу угождать;
Но въ этотъ разъ меня сомнѣнья взяли.
Хоть ихъ не водится хорошимъ баловать,
Но страшно много всѣ читали.
Какъ быть, чтобъ вышло ново и свѣжо,
Значительно и вмѣстѣ хорошо?
Конечно, видѣть радъ я весь потокъ народа,
Какъ къ нашей лавочкѣ валитъ онъ такъ что страсть
И мучается тамъ у узенькаго входа
Въ дверь милосердія попасть.
Съ утра уже начнется страшной давкой
У кассы, чуть забрезжитъ свѣтъ.
И, какъ въ голодный годъ предъ хлѣбниковой лавкой,
Готовъ пропасть онъ за билетъ.
Такое чудо—дѣло рукъ поэта.
Мой другъ, прошу, сегодня сдѣлай это.

Поэтъ.

О, не кажи на пестрое движенье,
Въ которомъ духъ поэта не живетъ,
Скрой отъ меня все это треволненье,
Что насъ невольно мчитъ въ водоворотъ.
Нѣтъ, въ тихое введи уединенье,
Гдѣ радости поэтъ лишь обрѣтетъ,
Тамъ гдѣ любовь и дружба въ благостынѣ
Рукой боговъ приводятъ насъ къ святынѣ.

Ахъ! что лишь сердца глубина рождаетъ,
Что съ робостью лепечутъ лишь уста,
Что удалось и снова исчезаетъ
Суровый свѣтъ развѣетъ навсегда.
Нерѣдко лишь съ годами возникаетъ
Вся образовъ воздушныхъ полнота.
Блестящее на мигъ лишь создается,
Прекрасное въ вѣка передается.

Комикъ.

Мы о вѣкахъ здѣсь толковать отложимъ;
Потомки, я скажу, положимъ,
А современныхъ тѣшить какъ?
И имъ вѣдь хочется забавы;
И въ настоящемъ малый бравый,
Скажу я, тоже не пустякъ.
Кто ловокъ говорить съ толпой,
Тому хоть будь она еще въ причудахъ злобнѣй;
И нуженъ кругъ ему большой,
Чтобъ потрясать его удобнѣй.

Итакъ смѣлѣй, чтобъ вѣрно въ цѣль попасть;
Фантазіи весь хоръ намъ подавайте,
Пускайте умъ и разумъ, чувство, страсть,
А глупости, прошу, не забывайте!

Директоръ.

Но дѣйствію ты долженъ дать кипѣть!
Идутъ смотрѣть, такъ было бъ что смотрѣть,
Коль ты въ глаза бросаешься жестоко,
Чтобъ всякъ сидѣлъ разиня ротъ,
Ты тотчасъ захватилъ широко,
И ужъ привлекъ къ себѣ народъ.
На массы ты лишь массой повліяешь;
Всякъ что-нибудь на вкусъ отыщетъ свой.
Взявъ многое, ты многихъ одѣляешь;
Тогда доволенъ всякъ пойдетъ домой.
Разбей свой кусъ, чтобъ каждый видѣлъ крошку;
Имъ нравится глотать подобную окрошку,
Легко играть, легко и сочинять.
Какая польза, здѣсь имъ цѣлое давать!
Вѣдь публика же все расщиплетъ понемножку.

Поэтъ.

Вамъ не понять, къ чему тутъ ремесло ведетъ!
Художнику оно позоръ неотразимый!
А пачкотня такихъ господъ,
Какъ вижу, ужъ у васъ максимой.

Директоръ.

Не ляжетъ твой упрекъ на совѣсти моей.
Кто хочетъ дѣйствовать вѣрнѣй,
И долженъ выбирать орудіе прямое.
Подумай, вѣдь колоть то дерево гнилое,
Взгляни-ко, для кого писать!
Пришли: тотъ скуку разогнать,
Изъ-за стола поднялся объѣдало,
А вѣдь иной, легко сказать,
Пришелъ отъ чтенія журнала.
Идутъ разсѣянно они какъ въ маскарады,
Полюбопытствовать изъ креселъ и изъ ложъ;
И дамы показать себя, свои наряды,
Безденежно играютъ тожъ.
На высяхъ что мечтать, поэтъ-владыко?
Наполненный театръ порадуетъ ли васъ?
На покровителей взгляни-ко!
То сущій ледъ, то дикари подчасъ.
За карты сѣсть одни мечтаютъ молодцы,
Тотъ до продажной добѣжать постели.
Чего жъ вамъ, бѣдные глупцы,
Прекрасныхъ музъ терзать для этой цѣли?
Давайте больше, больше,—вамъ твержу одно,

Отъ этого никакъ не уклоняйтесь.
Лишь съ толку сбить людей старайтесь,
А угодить имъ мудрено. —
Чѣмъ полонъ ты? восторгомъ иль слезами?

Поэтъ.

Ступай, ищи другихъ рабовъ!
Какой поэтъ права свои готовъ,
То право человѣка, что дано
Природою ему, попрать ногами?
Чѣмъ властвуетъ онъ надъ сердцами?
Чѣмъ примиряетъ все въ одно?
Не тѣмъ созвучьемъ ли, что изъ груди стремится,
Чтобъ съ цѣльнымъ міромъ въ сердце возвратиться?
Когда природа нити безконечной
Бездушное крутитъ веретено,
Когда всей пестрой, скоротечной
Толпиться твари суждено,
Кто все въ ряды текучіе ровняетъ,
Гдѣ все риѳмически плыветъ?
Кто частности въ священный хоръ скликаетъ,
Къ аккорду дивному зоветъ?
Кто въ бурю страсть влагаетъ роковую?
Даетъ задумчивость зарѣ?
Кто милой на стезю кидаетъ дорогую
Цвѣты, въ весенней ихъ порѣ?
Кто злачными, ничтожными листами
Заслугу чтитъ, сплетая ей вѣнецъ?
Кто на Олимпѣ правитъ и богами?
Мощь человѣка—лишь пѣвецъ.

Комикъ.

Такъ властью пользуйся своей,
Примись за творчество скорѣй,
Какъ за дѣла любовныя берутся.
Сначала встрѣтятся, прочувствуютъ, сойдутся,
Глядишь и заплелось, прикованъ нѣжный взоръ;
Все къ счастію пошло, а вдругъ наперекоръ;
Восторгъ въ груди, тутъ жди сердечныхъ ранъ,
И не оглянешься, а цѣлый ужъ романъ.
Обрадуй насъ ты пьесою такой!
Старайся почерпать изъ жизни-то людской!
Всѣ ей живутъ, не всѣмъ она извѣстна,
А гдѣ ни выхвати, повсюду интересна.
Картину пеструю при слабомъ освѣщеньи
И правды искорку при многомъ заблужденьи:
Такое пиво какъ сварить,
По вкусу будетъ всѣмъ, всѣмъ можно угодить.
Весь цвѣтъ сберется молодежи,
Чтобъ откровенья слово услыхать,
И въ каждомъ нѣжномъ сердцѣ тоже
Твое творенье будетъ грусть питать;

То тò, то это станетъ пробуждаться,
И станетъ каждый самъ съ собой считаться.
Они еще не прочь и плакать, и смѣяться,
Имъ дорогъ и порывъ, ихъ привлекаетъ видъ:
Кто довершенъ, съ тѣмъ трудно управляться;
Кто развивается, за все благодаритъ.

Поэтъ.

Такъ вороти тѣ дни мнѣ снова,
Когда я самъ въ развитьи былъ,
Когда потокъ живого слова
За пѣсней пѣсню торопилъ,
Когда я видѣлъ міръ въ туманѣ,
Изъ ранней почки чуда ждалъ,
Когда я всѣ цвѣты срывалъ,
Что распускались на полянѣ.
Я былъ убогъ и какъ богатъ!
Алкая правды, такъ обману радъ.
Дай тотъ порывъ мнѣ безусловный,
Страданій сладостные дни,
И мощь вражды и пылъ любовный,
Мою ты молодость верни!

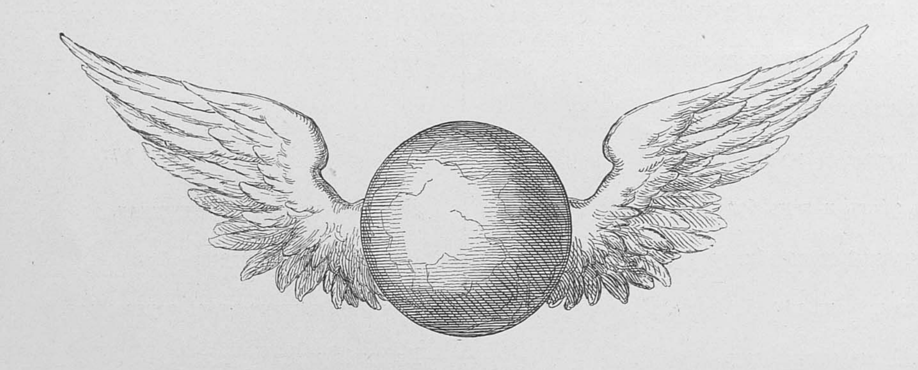
Комикъ.

Другъ, молодость тебѣ нужна,
Когда въ сраженьи мечъ надъ головой твоею,
Когда красавицъ—не одна,
А много кинулись на шею,
Когда за бѣгъ быстрѣйшій твой
Еще вдали вѣнецъ мелькаетъ,
Когда за пляской круговой
Всю ночь попойка ожидаетъ.
Но съ силою, съ умѣньемъ ударять
По всѣмъ струнамъ знакомымъ, неизмѣннымъ,
Цѣль самому себѣ избрать
И въ обаяньи сладостномъ витать
Ужъ долгъ велитъ вамъ, господамъ почтеннымъ,
И честь отъ васъ нимало не отходитъ.
Не къ дѣтству старость можетъ возвращать,
Она лишь насъ вполнѣ дѣтьми находитъ.

Директоръ.

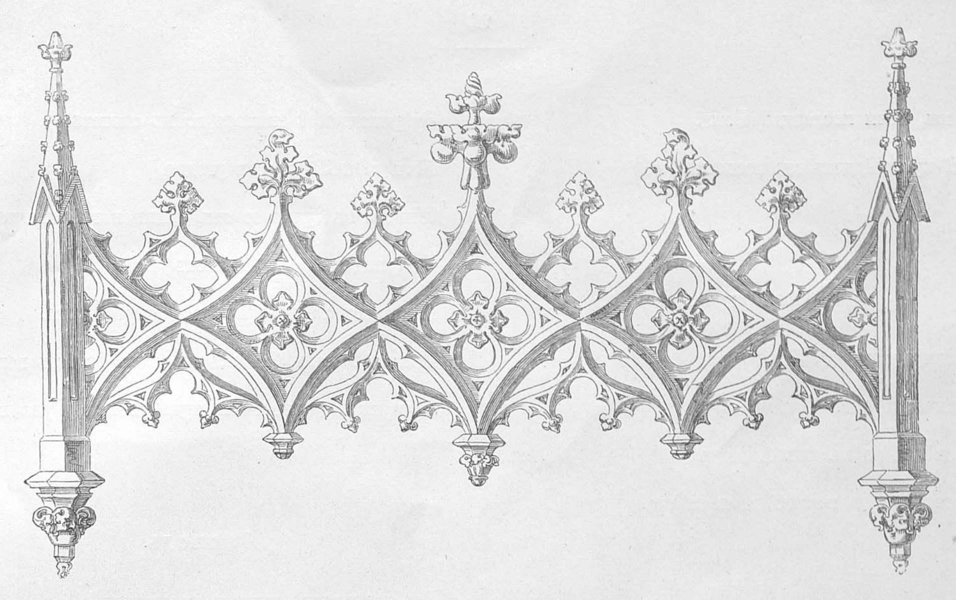
Довольно на словахъ считаться,
Пора бы дѣло увидать;
Чѣмъ въ комплиментахъ разливаться,
Могли бъ полезное создать.
Что толковать о вдохновеньи этомъ?
Не жди, хватай его сейчасъ.
Коль ты считаешься поэтомъ,
Такъ дай поэзіи приказъ.
Нашъ вкусъ довольно обнаруженъ,
Напитокъ самый крѣпкій нуженъ,
Вари сейчасъ, чтобъ былъ хорошъ!

Что нынче не сыскалъ и завтра не найдешь;
Пропалъ, кто день одинъ просрочитъ.
Одно возможное вездѣ
Хватаетъ сильный, пріурочитъ,
Тогда ужъ самъ бросать не хочетъ
И продолжаетъ, по нуждѣ.
Ты знаешь самъ, на нашихъ сценахъ
Свое всякъ тащитъ на показъ;
И не тужи на этотъ разъ
Ты о машинахъ, перемѣнахъ.
Большой и малый свѣтъ пускай ты произвольно,
На звѣзды тоже будь щедрѣй,
Воды, огня и скалъ довольно,
И хватитъ птицъ у насъ, звѣрей.
Такъ на подмосткахъ дай-ко вдругъ
Всего творенья полный кругъ,
И пробѣгай, насколько быстро надо,
Съ высотъ небесъ ты черезъ міръ до ада.

ПРОЛОГЪ НА НЕБѢ.

Engelbert Seibertz erf. u. gez.
Adrian Schleich gest
ИЗДАНIЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ СПБ.

Господь.—Небесныя Силы.—
Затѣмъ Мефистофель.

Три Архангела.

Рафаилъ.

Ликуетъ солнце какъ бывало,
Свой голосъ въ хоръ міровъ неся,
Не уклонилася нимало
Его громовая стезя.
Сей видъ возноситъ херувима,
Твоихъ твореній безъ числа
Краса для всѣхъ непостижима,
И все какъ въ первый день свѣтла.

Гавріилъ.

И съ быстротою вѣской мочи
Земли кружится красота,
То вся покрыта мракомъ ночи,
То райскимъ свѣтомъ залита;
И пѣнясь моря волны рвутся,
Что бъ со скалою въ бой идти,
И море и скала несутся
Стремглавъ по вѣчному пути.

Михаилъ.

И бури вѣчныя бушуютъ
Къ морямъ съ земли, къ землѣ съ морей,
И цѣпь вліяній образуютъ
Живой подвижностью своей.
И все спаля и уничтожа,
Прогрохотавшій гаснетъ громъ.

Но мы, Твои посланцы, Боже!
Твой кроткій день мы воспоемъ.

Всѣ три.

Сей видъ возноситъ херувима,
Твоихъ твореній безъ числа
Краса для всѣхъ непостижима
И все какъ въ первый день свѣтла.

Мефистофель.

Когда, Господь, ты вновь доступенъ намъ
И самъ спросилъ, какъ тамъ у насъ ведется,
И милостивъ ко мнѣ обычно самъ,
То съ челядью и мнѣ предстать придется.
Прости! отъ громкихъ словъ не жду успѣха,
Хоть попади у всѣхъ я на языкъ. —
Мой паѳосъ лишь тебѣ бъ надѣлалъ смѣха,
Когда бъ ты самъ отъ смѣха не отвыкъ.
О солнцѣ, о мірахъ мнѣ вовсе неизвѣстно,
Я вижу лишь, что человѣку тѣсно.
Сей мелкій богъ земли сталъ на одну ступень
И страненъ, какъ и въ первый день.
И отъ того бѣда надъ нимъ стряслася эта,
Что призракъ далъ ему небеснаго ты свѣта;
Его онъ разумомъ зоветъ и съ нимъ готовъ
Звѣроподобнѣе явиться всѣхъ скотовъ.
Коль вашей милости угодно,
Живетъ съ цикадою онъ длинноногой сходно,
Что, подлетая, подскакнетъ
И тотчасъ же въ травѣ все старое поетъ.
И хоть лежалъ бы ужъ въ травѣ-то безъ вопроса!
А то вѣдь дряни нѣтъ, куда бъ не сунулъ носа.

Господь.

Иль ты сказать другого не имѣешь?
Иль только осуждать умѣешь?
Земля хоть разъ тебѣ понравиться могла бъ.

Мефистофель.

Помилуй Господи! Но міръ нашъ плохъ и слабъ.
Мнѣ жаль людей, и я, при ихъ терзаньи,
Самъ мучить ихъ не въ состояньи.

Господь.

Ты знаешь Фауста?

Мефистофель.

Докторъ онъ?

Господь.

Мой рабъ!

Мефистофель.

Не какъ другой тебѣ онъ угождаетъ.
Чудакъ все неземнымъ однимъ себя питаетъ.
Броженіемъ его уноситъ неизмѣнно,
Свое безумство онъ едва ли сознаетъ;
Давай ему звѣзды небесной непремѣнно,
Земля неси ему свой лучшій плодъ,
И все, что близко или отдаленно,
Никакъ въ немъ жажды не зальетъ.

Господь.

Хоть смутно онъ мнѣ служитъ, но въ концѣ
Его на свѣтъ я выведу блестящій.
Вѣдь узнаетъ садовникъ въ деревцѣ
Грядущій цвѣтъ, прекрасный плодъ сулящій.

Мефистофель.

Бьюсь объ закладъ, что онъ для васъ пропащій,
Лишь дайте власть въ моемъ лицѣ
Повесть его дорогой настоящей!

Господь.

Пока съ земли онъ не сойдетъ,
То я тебѣ не возбраняю.
Блуждаетъ человѣкъ, пока живетъ.

Мефистофель.

Благодарю на этомъ; не желаю
Я съ мертвыми возиться никогда.
Съ румянцемъ щеки — вотъ моя среда.
Покойникомъ меня ужъ не прельстишь;
Я такъ люблю, какъ кошка любитъ мышь.

Господь.

Ну, хорошо; теперь ты власть имѣешь!
Сбей этотъ духъ съ живыхъ его основъ
И низведи, коль съ нимъ ты совладѣешь,
Его до низменныхъ круговъ.
Но устыдись, узнавъ когда-нибудь,
Что добрый человѣкъ въ своемъ стремленьи темномъ
Найти сумѣетъ настоящій путь.

Мефистофель.

Прекрасно. Въ ожиданьи скромномъ,
Я въ выигрышѣ буду преогромномъ.
Когда дойду до цѣли я,
Вотъ хохотать-то мнѣ придется.
Онъ пыли въ сласть же насосется,
Какъ тетушка моя, почтенная змѣя.

Господь.

И вновь явись. Таких какъ ты пускаютъ.
Не гналъ я васъ отъ моего лица.
Изъ духовъ всѣхъ, что отрицаютъ
Скорѣе всѣхъ терплю я хитреца.
Слабъ человѣкъ, на трудъ идетъ не смѣло,
Сейчасъ готовъ лелѣять плоть свою;
Вотъ я ему сопутника даю,
Который бы, какъ чортъ, дразнилъ его на дѣло.
Вы жъ, дѣти божьяго избранья,
Любуйтесь красотой созданья!
Все, что въ бываньи движетъ и живитъ,
Пусть гранію объемлетъ васъ любовной,
И что въ явленьи призракомъ паритъ
Скрѣпляйте мыслью безусловной.

(Небо закрывается, Архангелы разсѣеваются).

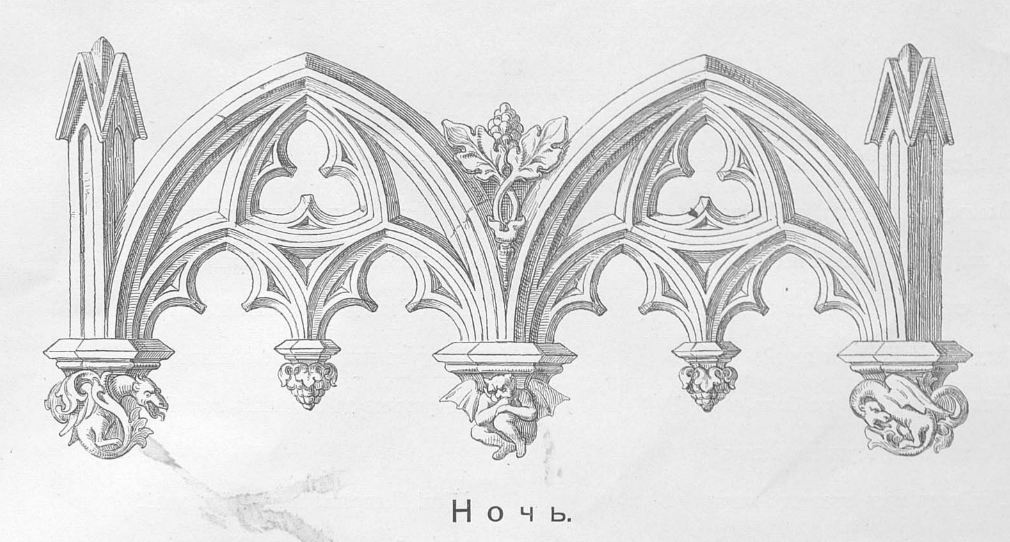
Мефистофель (одинъ).

Радъ видѣть старика я хоть на мигъ одинъ,
Боюсь въ немилость впасть конечно.
Прекрасно, что такой великій господинъ
И съ чортомъ рѣчь ведетъ такъ человѣчно.

ТРАГЕДІИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Ночь.

Тѣсная, готическая комната съ высокими сводами.

Фаустъ (въ безпокойствѣ, на своемъ креслѣ у конторки).

Ахъ, и философовъ-то всѣхъ,
И медицину, и права,
И богословіе, на грѣхъ,
Моя изучила вполнѣ голова;
И вотъ стою я, бѣдный глупецъ!
Какимъ и былъ, не умнѣй подъ конецъ;
Магистромъ, докторомъ всякій зоветъ,
И за носъ таскать мнѣ десятый ужъ годъ
И вверхъ и внизъ, и вкривь и вкось
Учениковъ своихъ далось. —
И вижу, что знать ничего мы не въ силахъ!
Отъ этого кровь закипаетъ въ жилахъ.
Я точно ученѣе всѣхъ этихъ глупцовъ,
Магистровъ, писцовъ, докторовъ и поповъ;
Смущаться сомнѣньемъ мнѣ больше не надо,
Не стану бояться я чорта и ада.
Зато и отрады ни въ чемъ не встрѣчаю,
Не мню я, что нѣчто хорошее знаю,
Не мню, что чему-то могу поучать,
Людей исправлять и на путь наставлять.
Ни денегъ не нажилъ, ни благъ иныхъ,
Ни славы, ни почестей мірскихъ;
Собака бъ не стала такъ жить, какъ я маюсь!
Поэтому къ магіи я обращаюсь,
Не изречетъ ли мощный духъ
Какой-нибудь мнѣ тайны вслухъ;
Чтобъ пересталъ я твердить, кряхтя,
Другимъ, чего не знаю я;
Чтобъ позналъ я, чѣмъ вполнѣ
Міръ связанъ въ тайной глубинѣ,
Чтобъ силы мнѣ предстали сами,
А не возился бы я надъ словами.

О, мѣсяцъ! Если бъ въ этотъ часъ
Ты озарялъ въ послѣдній разъ
Конторку въ комнатѣ моей,
Гдѣ столько я не спалъ ночей!
Тогда надъ книгами горой,
Печальный другъ, ты былъ со мной!
О если бъ на вершинахъ горъ
Я свѣтомъ могъ насытить взоръ,
Средь духовъ вкругъ пещеръ носиться,
Въ лугахъ, въ лучахъ твоихъ томиться,
Отъ чада знанья облегченный,
Въ твоей росѣ возобновленный!

Увы! не въ той же ль я тюрьмѣ?
Нора, въ которой душно мнѣ,
Гдѣ даже свѣтъ небесъ дневныхъ
Тускнѣй отъ стеколъ расписныхъ!
Стѣсненный этой грудой книгъ,
Что точитъ червь, гнѣздясь въ пыли,
Гдѣ вверхъ до сводовъ до самихъ
Бумаги въ копоти легли;
Вездѣ бутыли у шкаповъ
И инструменты по стѣнамъ,
Межъ нихъ набитъ старинный хламъ —
И вотъ твой міръ! вотъ міръ каковъ!

Спрошу ль, зачѣмъ такъ сердце вдругъ
Пугливо застучится въ грудь?
И непонятный мнѣ недугъ
Всей жизни преграждаетъ путь?
Взамѣнъ природы всей живой,
Куда Господь послалъ людей,
Живу въ пыли я лишь гнилой
Звѣриныхъ да людскихъ костей.

Бѣги! Воспрянь! и въ свѣтъ иной!
И развѣ эта книга вотъ,
Что Нострадамуса рукой
Написана, — не поведетъ?
Тогда познаешь ходъ планетъ,
Природою руководимъ,
И сила духа дастъ отвѣтъ,
Какъ духъ бесѣдуетъ съ другимъ.
Напрасно трезвымъ здѣсь умомъ
Святые знаки разъяснять:
Вы, духи! вьетесь здѣсь кругомъ;
Отвѣтьте, коль могли вы внять!

(Открываетъ книгу и видитъ знакъ макрокосма.) ([1])

О! что за радость этотъ видъ исторгъ
Изъ всей души покорной этимъ силамъ!
Я слышу, юный и святой восторгъ
Течетъ по нервамъ у меня и жиламъ.
Не богъ ли эти знаки начерталъ,
Что бурю сердца укрощаютъ,
Его отрадой наполняютъ,

И тайной властію началъ
Природы силы вдругъ предъ взоромъ обнажаютъ?
Не богъ ли я? Все ясно наконецъ
Въ чертахъ я сихъ читать умѣю.
Природы творчество передъ душой моею.
Теперь я понялъ, что̀ сказалъ мудрецъ:
«Не міръ духовъ намъ запертъ властный,
Твой смыслъ закрытъ. — Но ты прозри,
Встань, ученикъ! Омой, несчастный,
Земную грудь въ лучахъ зари!»

(Онъ разсматриваетъ знакъ.)

Какъ все слилося здѣсь въ одномъ,
Какъ все живетъ одно въ другомъ!
Какъ вверхъ и внизъ здѣсь силы неземныя
Несутъ другъ другу ведра золотыя,
На крыліяхъ перелетаютъ,
Съ небесъ сквозь землю проникаютъ
И все созвучьемъ наполняютъ!
Какое зрѣлище! Лишь зрѣлище, увы!
Природы силы, гдѣ же вы?
Гдѣ, груди, вы? Источникъ жизни каждой,
Къ которому земля и небо льнетъ,
Куда всего меня влечетъ! —
Ты всѣхъ поишь, что жъ я томлюся жаждой?

(Онъ нетерпѣливо раскрываетъ книгу въ другомъ мѣстѣ и видитъ знакъ духа земли.)

Совсѣмъ не такъ на этотъ знакъ смотрю!
Ты, духъ земли, ты мнѣ роднѣе;
Себя я чувствую сильнѣе,
Я словно отъ вина горю;
Я мужество почуялъ молодое,
Сносить и скорбь и счастіе земное,
Сражаться съ бурею морскою,
Подъ трескъ крушенья не слабѣть душою.
Тускнѣетъ надо мной —
Луна свой прячетъ свѣтъ —
Лампада меркнетъ!
Чадѣетъ! — Красные лучи дрожатъ
Вкругъ головы моей! — Со сводовъ
Какой-то дрожью вѣетъ
И обдаетъ меня!
Ты рѣешь, духъ желанный, чую я:
Откройся!
Ахъ! какъ стѣснилась грудь моя!
Для новыхъ движеній
Я полонъ волненій!
Всѣ сердца порывы къ тебѣ стремятся!
Явись! Явись! Хоть съ жизнью пришлось бы
разстаться!

(Онъ беретъ книгу и таинственно произноситъ знакъ духа. Красное пламя вздрагиваетъ и *духъ* является въ пламени.)

Духъ.

Кто звалъ меня?

Фаустъ (отворачиваясь).

Ужасныя черты!

Духъ.

Ты влекъ меня въ сильнѣйшей мѣрѣ,

И долго льнулъ къ моей ты сферѣ,

И вотъ —

Фаустъ.

Ахъ! нестерпимъ мнѣ ты!

Духъ.

Ты звалъ, алкалъ подъ страстный лепетъ

Услышать мой голосъ и ликъ видѣть мой;

Я тронулся твоей мольбой,

Вотъ я! — Какой позорный трепетъ,

О, полубогъ, тебя объялъ?

Гдѣ грудь, въ которой міръ ты цѣлый создавалъ,

Носилъ, вмѣщалъ, гордясь мечтой любовной

Возвыситься до насъ, до высоты духовной?

О, гдѣ ты, Фаустъ! чей зовъ ко мнѣ звучалъ,

Котораго ко мнѣ порывъ всесильный мчалъ?

Ты ль здѣсь, объятъ моимъ дыханьемъ,

Вдругъ сталъ трепещущимъ созданьемъ,

Подобьемъ слабаго червя?

Фаустъ.

Ликъ огненный, смущусь ли я душою?

Я точно Фаустъ, и равенъ я съ тобою.

Духъ.

Въ бурѣ дѣяній, въ волнахъ бытія

Бродящая сила,

Кружусь на просторѣ,

Рожденье, могила

И вѣчное море,

За смѣной другая,

И жизнь огневая,

Основу у времени шумно сную,

Живой я покровъ божества создаю.

Фаустъ.

Носящійся надъ бездной міровой,

Духъ дѣятель, какъ родственъ я съ тобой!

Духъ.

Съ тѣмъ равенъ бываешь, кого постигаешь,

Не ты со мной!

(Исчезаетъ.)

Фаустъ (содрогаясь).

И не съ тобой?

Такъ съ кѣмъ же?

Я, образъ божества!

И даже не съ тобой!

(Стучатъ.)

Смерть! узнаю, — мой фамулусъ опять;

Engelbert Seibertz erf. u. gez.

Adrian Schleich gest.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА, ВЪ СПБ.

Прощай все счастіе мгновенья!

Вѣдь нужно жъ эту мощь видѣнья

Сухому шатуну прогнать!

Вагнеръ въ халатѣ и колпакѣ, съ лампой въ рукѣ.

Фаустъ отворачивается.

Вагнеръ.

Простите! декламировали, мнилось,

По греческой трагедіи вы? — Вотъ

Такое бъ мнѣ искусство пригодилось,

Ему теперь большой почетъ.

Слыхалъ я мнѣнье, да и всякій скажетъ,

Иной актеръ священнику укажетъ.

Фаустъ.

Да, ежели священникъ самъ актеръ;

Какъ это иногда бываетъ.

Вагнеръ.

Ахъ! кто сидитъ, вперяя въ книгу взоръ,

И міръ едва по праздникамъ видаетъ,

Лишь издали, въ трубу глядя глазами,

Какъ станетъ міръ онъ убѣждать словами?

Фаустъ.

Чего въ насъ нѣтъ, намъ не поймать, мой милый!

Не изъ груди оно течетъ,

Откуда съ первобытной силой

У слушателя къ сердцу льнетъ.

Вамъ вѣкъ сидѣть въ трудѣ безслѣдномъ,

Въ чужихъ объѣдкахъ видѣть прокъ,

Стараясь въ вашемъ пеплѣ бѣдномъ

Раздуть убогій огонекъ!

У обезьянъ, да у ребятъ возбудишь

Восторгъ, — коль въ этомъ вкусъ нашелъ;

А сердца льнуть ты къ сердцу не принудишь,

Коль не отъ сердца ты изшелъ.

Вагнеръ.

Но дикція — оратора спасенье.

Самъ чувствую, отсталъ я, безъ сомнѣнья.

Фаустъ.

Къ чему при честной цѣли шумъ!

Зачѣмъ шутомъ съ гремушкой быть?

Съ искусствомъ малымъ здравый умъ

Себя сумѣетъ заявить.

И если подлинно есть что̀ сказать,

Зачѣмъ мудреныхъ словъ искать?

Да, ваши рѣчи съ яркой мишурой,

Глаза лишь людямъ отводящей,

Безплодны, какъ осеннею порой

Туманный вѣтръ, въ сухой листвѣ шумящій!

Вагнеръ.

О, Боже! жизнь кратка, — межъ тѣмъ
Искусство долго въ изученьи.
Я при своемъ критическомъ стремленьи
Пугаюсь иногда совсѣмъ.
Источники, какіе и найдешь,
Чтобъ пріобрѣсть, какъ трудно достается!
Полупути пожалуй не пройдешь,
А бѣдняку и умереть придется.

Фаустъ.

Ужель пергаментъ кладезь тотъ священный,
Что въ силахъ жажду навсегда залить?
Лишь изъ души отрадою нетлѣнной
Возможно душу утолить.

Вагнеръ.

Позволь! Такъ радостно, признаться,
Въ духъ прошлыхъ лѣтъ переселяться,
И видѣть, что̀ до насъ писалъ мудрецъ, —
И какъ мы далеко ушли-то наконецъ.

Фаустъ.

О! Далеко. До звѣздъ самихъ!
Для насъ, мой другъ, чреда вѣковъ былыхъ
Есть книга за семью печатьми.
Что̀ духомъ тѣхъ вѣковъ слыветъ,
То въ сущности духъ самыхъ тѣхъ господъ,
А въ немъ вѣка должны признать мы.
Тутъ больше грустнаго, чѣмъ срама.
Посмотришь, — жаль, что не бѣжалъ давно;
Помойное ведро, чуланъ для хлама,
И много что событіе одно, —
Съ прекрасной прагматической максимой,
Ни съ чѣмъ въ устахъ у куколъ несравнимой!

Вагнеръ.

Однако міръ и духъ-то нашъ познать!
Вѣдь каждаго изъ насъ прельщаетъ.

Фаустъ.

Да, что̀ зовется познавать!
Кто вещи звать ихъ именемъ дерзаетъ?
Того, кто что-нибудь да зналъ
И, сердцу въ простотѣ душевной давъ свободу,
Свои воззрѣнія и чувства несъ народу,
Народъ же изгонялъ всегда, да распиналъ.
Любезный другъ, прости, давно ужъ ночь,
Пора разстаться позднею порою.

Вагнеръ.

А я не спать и долѣ бы не прочь,
Чтобъ такъ учено толковать съ тобою.
Но завтра, ради праздника Христова,

Про то и се позволь спросить мнѣ снова.
Ученый трудъ давно себѣ усвоя,
Хоть много знаю,—знать хотѣлъ бы все я.
(Уходитъ.)

Фаустъ.

Какъ въ головѣ надежда не проходитъ,
Когда иной пустому только радъ,
Рукою жадно роетъ кладъ,
А дождевыхъ червей находитъ!

Какъ смѣетъ рѣчь людская здѣсь звучать,
Гдѣ мощный духъ сказался мнѣ тревогой?
Но ахъ! спасибо, въ этотъ разъ, сказать
Я долженъ и тебѣ, бѣднякъ убогой.
Ты спасъ меня въ ужасный этотъ мигъ,
Какъ я едва съ разсудкомъ не разстался.
Такъ исполински образъ сей возникъ,
Что самъ себѣ я карликомъ казался.

Я, образъ божества, когда
Передъ зерцаломъ правды вѣчной
Я мнилъ, въ отрадѣ безконечной,
Стряхнуть земное навсегда;
Я, выше херувимскихъ силъ
Мечтавшій всюду разливаться
И творчески съ небесными равняться,—
Какъ тяжело я долженъ разсчитаться!
Ты словно громъ меня сразилъ.
Съ тобою мнѣ равняться не пристало.
Хоть силъ во мнѣ призвать тебя достало,
Но удержать тебя не стало силъ.
Я былъ въ тѣ чудныя мгновенья
Въ душѣ такъ малъ и такъ высокъ;
Ты вновь столкнулъ безъ сожалѣнья
Меня въ людской, невѣрный рокъ.
Кто скажетъ мнѣ: куда стремить желанья?
За тѣмъ порывомъ, иль назадъ?
Ахъ! наши дѣйствія, равно какъ и страданья,
Ходъ нашей жизни тормозятъ.

Къ высокому, что̀ въ духѣ обрѣтаемъ,
Все чуждое помалу пристаетъ;
Когда земного блага достигаемъ,
Все лучшее мечтой у насъ слыветъ.
Святыя чувства жизненныхъ стремленій
Коснѣютъ средь житейскихъ треволненій.

Хотя сперва, въ порывѣ молодомъ,
Мечта рвалась взлетѣть надъ сферой звѣздной,
Теперь ей кругъ очерченъ небольшой,
Когда за счастьемъ счастье взято бездной.
Забота тотчасъ въ сердце западаетъ,
Въ немъ тайныя страданья порождаетъ,
И разрушая радость и покой
Все маской прикрывается другой:

Домъ, дворъ, жена и дѣти насъ дурачатъ,
Вода, огонь, кинжалъ и ядъ,
Что̀ не грозитъ—предъ тѣмъ дрожатъ,
И то, чего не потерять,—оплачутъ.

Богамъ не равенъ я! Глубоко въ томъ сознаюсь;
Я равенъ червяку, я въ прахѣ пресмыкаюсь.
Его, возросшаго, живущаго въ пыли,
Стираетъ путника ступня съ лица земли.

Не прахъ ли—что̀ съ высокихъ стѣнъ
Здѣсь грудь стѣсняетъ мнѣ до боли,
Что̀ здѣсь гнететъ меня какъ тлѣнъ
Въ жилищѣ копоти и моли?
Найду ли здѣсь, чего искалъ,
Хоть въ тысячахъ бы книгъ я убѣждался,
Что человѣкъ всегда страдалъ,
Что изрѣдка счастливецъ выдавался?—
Что̀ скалишься такъ, черепъ ты пустой?
Что мозгъ твой, какъ и мой, былъ полнъ смущенья,
Что дня искалъ ты въ темнотѣ густой,
И, алча правды, зналъ лишь заблужденья!
Вы, инструменты, кубы горбачи,
Колеса, гребни, на смѣхъ знать вы были.
Стоя у вратъ, я видѣлъ въ васъ ключи,
Бородки ваши ничего не вскрыли.—
Таинственна средь бѣла дня,
Природа не даетъ покровъ свой снять руками,
И то, чего она не вскроетъ для меня,
Винтами выдавить нельзя да рычагами.
Ты, старый хламъ, мной сбереженъ ты весь,
Ты послужилъ отцу, но мнѣ не могъ годиться.
Ты, старый свитокъ, ты коптишься здѣсь,
Съ тѣхъ поръ, какъ на столѣ лампада тутъ дымится.
Не лучше ль было бъ мнѣ всю эту дрянь прожить,
И не потѣть всю жизнь надъ малымъ! Что̀ имѣешь,
Что̀ могъ ты отъ отца въ наслѣдство получить,
Пріобрѣти его—и имъ ты овладѣешь.
Насъ давитъ то, чего нельзя употребить;
Лишь въ томъ, что̀ создалъ мигъ, ты пользу возымѣешь.

Но отчего мой взоръ къ той точкѣ прилѣпился?
Ужель тотъ пузырекъ для глазъ моихъ магнитъ?
Зачѣмъ весь міръ вокругъ внезапно озарился,
Какъ въ часъ, когда луной полночной лѣсъ залитъ?

Привѣтъ тебѣ, о склянка дорогая!
Благоговѣйно чту тебя, снимая!
Въ тебѣ дивлюсь людскому я уму.
Ты усыпительница мукъ несносныхъ,
Ты выжимокъ всѣхъ соковъ смертоносныхъ,
Иди служить владѣльцу своему!
Тебя я вижу—и слабѣй страданья,
Тебя беру—и никнутъ всѣ желанья,
Отливъ волны духовной настаетъ.

Меня влечетъ морская вдаль пучина,
У ногъ моихъ зеркальная равнина,
На новый берегъ новый день зоветъ.

Я огненную вижу колесницу
Сходящую! — и я готовъ душой
Перелетѣть эѳирную границу
Къ дѣяньямъ чистымъ сферы неземной.
И это счастье жизни богоравной,
Недавній червь, ты могъ бы заслужить?
Лишь къ солнцу, милому недавно,
Дерзни ты спину обратить!
Отважься только въ тѣ врата ворваться,
Которыхъ всякъ бѣжитъ невольно самъ.
Пора тому на дѣлѣ оправдаться,
Что сильный не уступитъ божествамъ.
Не трепетать предъ мрачной той пещерой,
Куда мечта на казнь себя ведетъ,
Въ тотъ переходъ пуститься съ вѣрой,
Гдѣ цѣлый адъ предъ устьемъ тѣснымъ ждетъ;
На шагъ такой съ улыбкою рѣшиться,
Хотя бъ затѣмъ пришлось въ ничто разлиться.

Теперь сойди, хрустальная ты чара,
Изъ своего стариннаго футляра,
Тебя я много лѣтъ позабывалъ!
Пиры отцовъ ты обходила,
Гостей угрюмыхъ веселила,
Когда тебя одинъ другому подавалъ.
Изображеній хитрыхъ блескъ и свѣтъ
И пьющихъ долгъ ихъ объяснять стихами
И пить до дна, не отольнувъ устами,—
Все въ память мнѣ съ пирушекъ юныхъ лѣтъ;
Теперь тебя не передамъ сосѣду,
И въ честь твою не разсмѣшу бесѣду;
Вотъ этотъ темный сокъ, который лью
Теперь въ тебя, мгновенно охмеляетъ.
Кто самъ готовилъ — избираетъ,
Чего душа въ послѣдній разъ алкаетъ,
Его въ честь утра праздничнаго пью!

(Подноситъ чашу къ устамъ.)

Звонъ колоколовъ и хоровое пѣніе.

Хоръ ангеловъ.

Христосъ воскресе!
Радость свободнаго
Отъ первороднаго
Грѣха народнаго
Міру дадеся!

Фаустъ.

Что такъ жужжитъ, какой веселый звонъ
Отъ устъ моихъ вдругъ чару отрываетъ?
Иль гулъ колоколовъ со всѣхъ сторонъ
О свѣтломъ праздникѣ вѣщаетъ?

Иль та же пѣснь, что пѣлъ ночной порой
Хоръ ангеловъ надъ сѣнью гробовой,
Союзъ намъ новый обѣщаетъ?

Хоръ женщинъ.

Благоуханія
Мы ему лили,
Полны рыданія,
Здѣсь положили.
Въ платъ изъ холста мы
Его облекли.
Ахъ! но Христа мы
Здѣсь не нашли.

Хоръ ангеловъ.

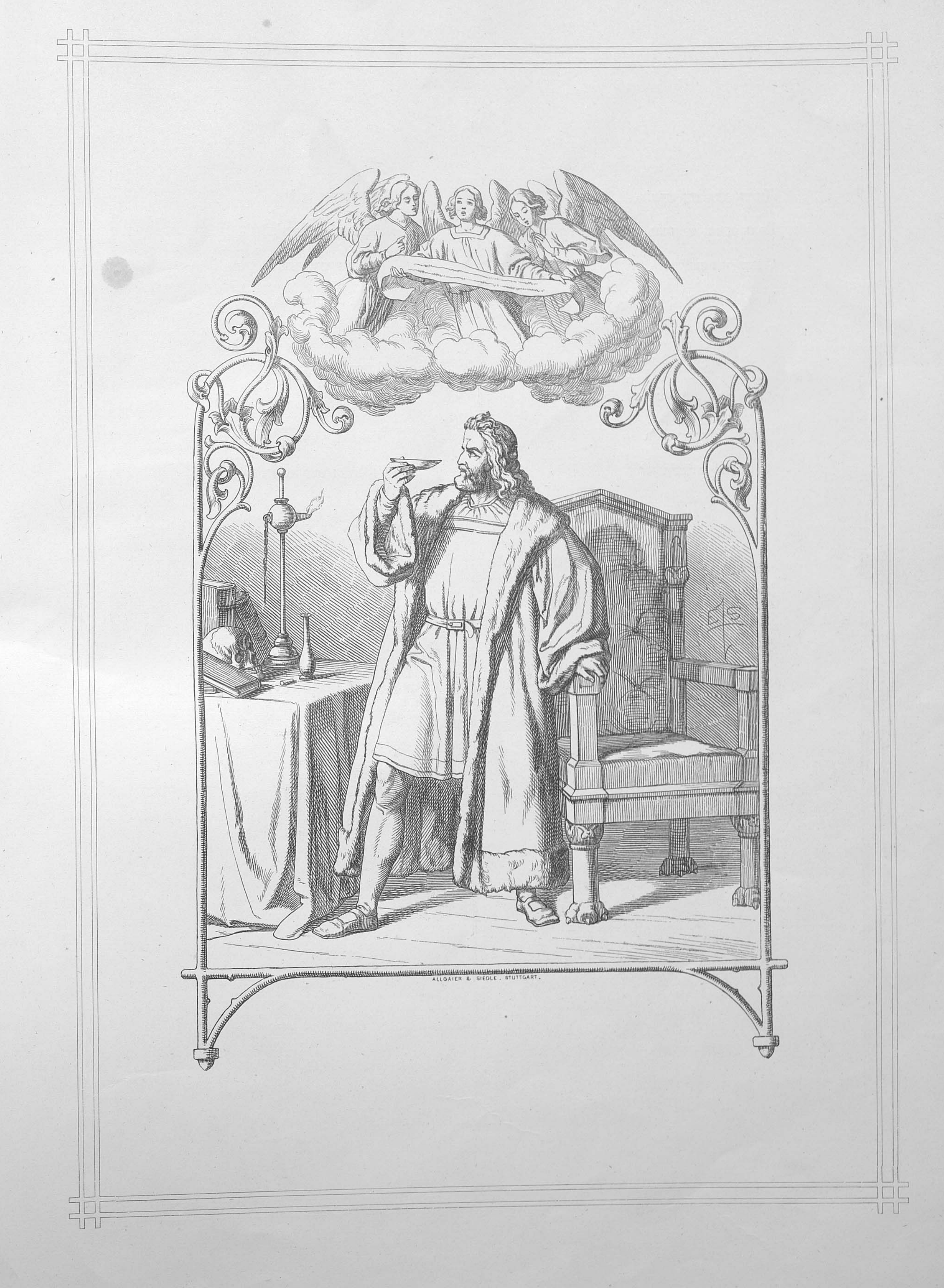
Христосъ воскресе!
Блаженъ тотъ преданный,
Кому извѣданный
И заповѣданный
Искусъ дадеся!

Фаустъ.

Зачѣмъ юдольнаго жильца
Искать вамъ здѣсь, святые звуки?
Звучите тамъ, гдѣ нѣжныя сердца.
Я слышу вѣсть, но съ вѣрой я въ разлукѣ;
Кто вѣритъ, жаждетъ чуда до конца.
Мой духъ летѣть въ тѣ сферы не дерзаетъ,
Откуда слышенъ вашъ привѣтъ;
Но этотъ звонъ, знакомый съ юныхъ лѣтъ,
Меня и нынѣ къ жизни призываетъ.
Въ субботней, помню, тишинѣ
Лобзанія небесъ слетали:
Тогда такъ вѣще мнѣ колокола звучали,
И такъ молиться сладко было мнѣ.
Въ порывахъ радостно могучихъ
Рвался въ лѣса я и поля
И новая, средь слезъ горючихъ,
Мнѣ открывалася земля.
Міръ дѣтскихъ игръ, не знающихъ искусства,
Пѣлъ въ этихъ звукахъ, вѣющихъ весной.
Я вспомнилъ все, — младенческое чувство
Послѣдній шагъ задерживаетъ мой.
О, лейся отзвукъ сладостно святого,
Слеза течетъ, землѣ я отданъ снова!

Хоръ учениковъ.

Коль погребенный
Взнесся надъ нами,
Преображенный
Жизни лучами,
Коли въ блаженствѣ весь
Онъ всесозданія,
Ахъ, на землѣ мы здѣсь

ALLGAIER & SIEGLE, STUTTGART.

Лишь для страданія.

Коль и въ обитель

Слезъ мы пойдемъ,

Жребій, учитель,

Твой воспоемъ!

Хоръ ангеловъ.

Христосъ воскресе!

Изъ лона тлѣнія

Вырвитесь здѣсе

Вы изъ плѣненія!

Вы его чтители,

Вѣры хранители,

Въ братствѣ сожители,

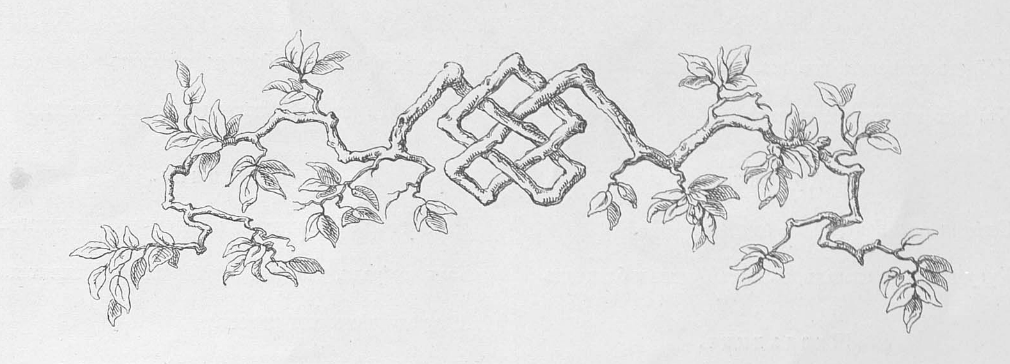
Тайнъ огласители,

Благовѣстители,

Близокъ учитель къ вамъ,

Съ вами онъ самъ.

За городскими воротами.

Проходятъ гуляющіе всякаго рода.

Мастеровые.

Зачѣмъ же тѣмъ путемъ?

Другіе.

Мы въ домъ охотничій идемъ.

Первые.

А мы на мельницу желаемъ прогуляться.

Мастеровой рабочій.

Къ прудамъ пройдитесь не спѣша.

Другой.

Дорога къ нимъ не хороша.

Вторые.

А ты куда?

Третій.

Съ другими поболтаться.

Четвертый.

Взберитесь-ко на Бургдорфъ; — тамъ всегда
И дѣвушки, и пиво хоть куда,
И драки перваго разбора.

Пятый.

Ты весельчакъ! Давно не битъ?
Иль кожа въ третій разъ зудитъ?
Туда я не пойду; боюсь я ихъ задора.

Служанка.

Нѣтъ, нѣтъ! я въ городъ ворочусь.

Другая.

Подъ тополями тамъ съ нимъ можемъ повстрѣчаться.

Первая.

Не много счастья въ томъ дождусь;
Къ тебѣ онъ только будетъ жаться,

Пойдете танцовать вдвоемъ.

Чтò мнѣ въ веселіи твоемъ!

Другая.

Сегодня онъ навѣрно не одинъ.

Кудрявый, онъ сказалъ, съ нимъ будетъ и блондинъ.

Школьникъ.

Вишь, какъ шагаютъ дѣвки дружно!

Пойдемъ-ко, братъ! намъ провожать ихъ нужно.

Покрѣпче пиво, злой табакъ,

Да разодѣтая служанка,—вотъ-такъ тàкъ!

Дѣвушка горожанка.

Вишь, мальчики, не постыдятся!

И молодежь какая тутъ;

Могли бы въ обществѣ отборномъ обращаться,

А за служанками бѣгутъ!

Второй школьникъ (первому).

Не торопись! за нами двѣ!

Онѣ одѣты очень мило;

Моя сосѣдка въ томъ числѣ,

Она меня приворожила.

Идутъ неспѣшною стопой,

Пожалуй подъ конецъ и насъ возьмутъ съ собой.

Первый.

Нѣтъ, братъ! стѣсненья не люблю ни въ чемъ.

Скорѣй! упустимъ дичь! Мое такое мнѣнье,

Рука, которая въ субботу съ помеломъ,

Тебя всѣхъ ласковѣй похолитъ въ воскресенье.

Гражданинъ.

Нѣтъ, новый бургомистръ на вкусъ мой не годится!

Какъ выбрали, что день, то больше онъ кичится.

А городу чѣмъ онъ помогъ?

Не хуже ль съ каждымъ днемъ? признаться,

И больше прежняго велятъ повиноваться,

И больше прежняго налогъ.

Нищій (поетъ).

Такъ и румяны, и нарядны,

Вы, госпожи и господа,

Не будьте къ намъ душою хладны,

Взгляните, какова нужда!

Не дайте пѣть мнѣ тутъ напрасно;

Тотъ веселъ, кто даетъ другимъ.

Пусть день, для всѣхъ людей прекрасный,

Днемъ будетъ жатвеннымъ моимъ.

Другіе горожане.

Мнѣ въ праздникъ ничего такъ слушать не отрадно,

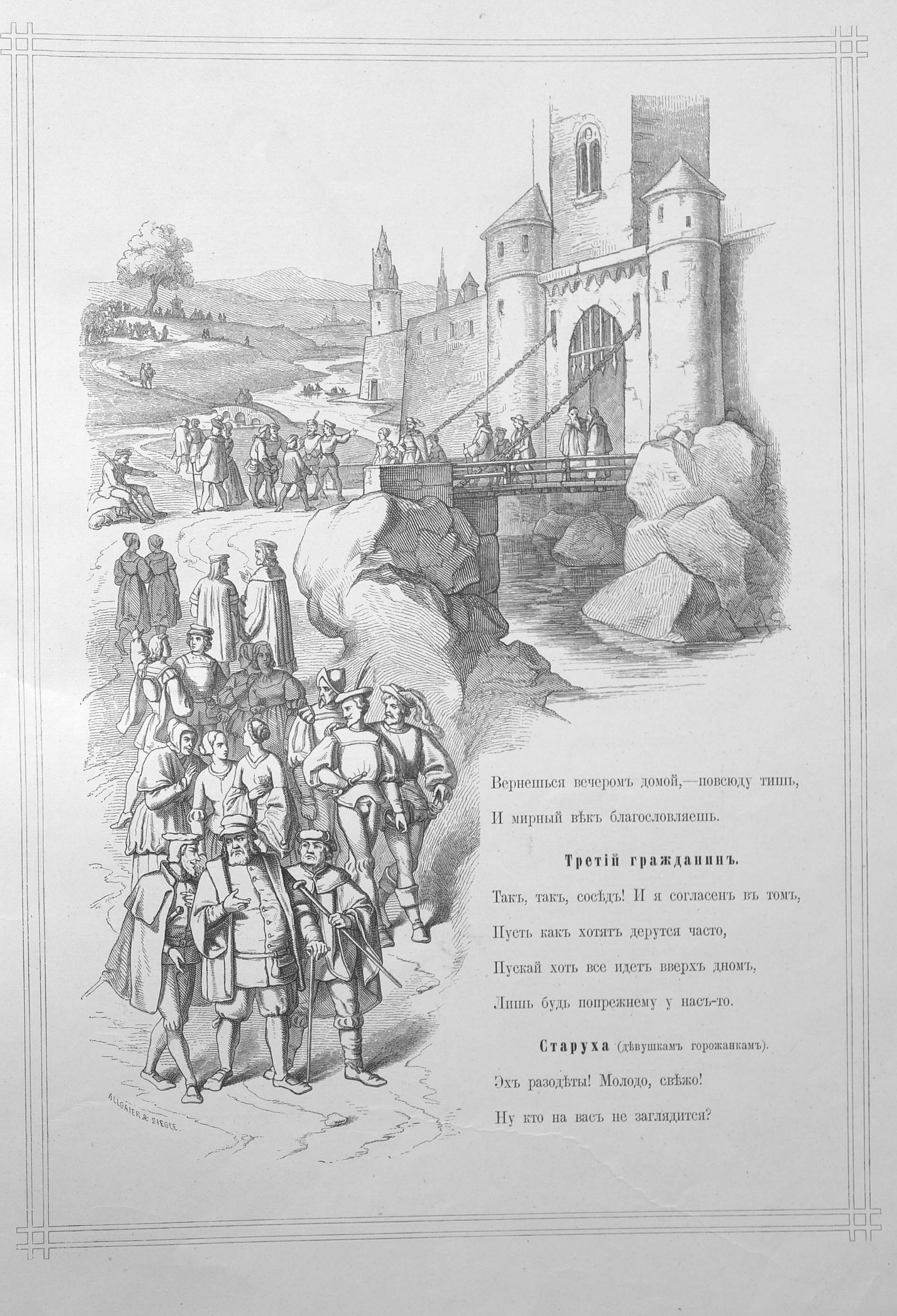
Какъ разговоръ о битвахъ и войнѣ,

Какъ въ Турціи, тамъ гдѣ-то въ сторонѣ,

Народы бьются безпощадно.

Стаканчикъ, подойдя къ окну, опорожнишь,

Внизъ барки по рѣкѣ глазами провожаешь;

Вернешься вечеромъ домой,—повсюду тишь,
И мирный вѣкъ благословляешь.

Третій гражданинъ.

Такъ, такъ, сосѣдъ! И я согласенъ въ томъ,
Пусть какъ хотятъ дерутся часто,
Пускай хоть все идетъ вверхъ дномъ,
Лишь будь попрежнему у насъ-то.

Старуха (дѣвушкамъ горожанкамъ).

Эхъ разодѣты! Молодо, свѣжо!
Ну кто на васъ не заглядится?

Лишь не кичитесь! Дайте срокъ, ужо
По мыслямъ вамъ могу я пригодиться.

Дѣвушка горожанка.

Агата! Ты отъ вѣдьмы этой прочь!
Чтобъ съ нею насъ толпа не увидала;
Хотя она въ Андреевскую ночь
Мнѣ суженаго чудно указала.

Другая.

Мнѣ показала моего
Въ стеклѣ,—такой солдатъ красивый;
Смотрю вокругъ, ищу его,
Не попадается спесивый!

Солдаты.

Крѣпостей твердыхъ,
Башнями въ поле,
Дѣвушекъ гордыхъ,
Взросшихъ на волѣ,
Мнѣ бы поболѣ!
Сколько отваги,
Сколько наградъ!

Будятъ и кличутъ
Трубные звуки,
Какъ на веселье,
Такъ и на муки.
Вотъ такъ живется!
Долго ль сбираться!
Дѣвушкамъ, башнямъ
Надо сдаваться.
Сколько отваги,
Сколько наградъ!
Вотъ и солдаты
Мимо спѣшатъ.

Фаустъ и Вагнеръ.

Фаустъ.

Ледъ вскрылся по рѣчкамъ, весна прилетѣла,
Кидая вокругъ оживляющій взоръ;
Въ долинахъ свѣжѣетъ зеленый коверъ;
Старуха зима бушевать ослабѣла
И скрылась въ ущелья суровыя горъ.
Оттуда она посѣваетъ ужъ намъ
Крупу ледяную, съ усильемъ несмѣлымъ,
Косыми грядами по свѣжимъ полямъ;
Но солнце ни съ чѣмъ не сживается съ бѣлымъ;
И всюду зачатки, все къ жизни стремится,
Все хочетъ въ окраскѣ живой возродиться.
Но въ полѣ цвѣтовъ еще нѣтъ никакихъ;
Нарядные люди теперь вмѣсто нихъ.
Вотъ съ этой только высоты
Взгляни назадъ на городъ ты:

Изъ мрачной глубины воротъ
Какъ движется пестро народъ.
Всякъ хочетъ погулять сегодня,
Въ день Воскресенія Господня.
Они и сами воскресли, глядишь,
Изъ низкихъ домишекъ, угловъ отсырѣлыхъ,
Изъ плѣна работъ въ мастерскихъ закоптѣлыхъ,
Да изъ-подъ гнета давящихъ крышъ.
Изъ улицъ, гдѣ не протѣснишься,
Изъ благодатной мглы церквей
На солнышко бѣгутъ скорѣй.
Смотри, смотри! какъ всѣ спѣшатъ разбиться
Въ поля иль въ садъ на бугорокъ,
Какъ вся рѣка и вдоль и поперекъ
Отъ лодокъ весело пестрится;
Въ послѣдней лодкѣ такъ насѣли,
Что чуть ко дну нейдетъ она,
И даже съ горныхъ тропъ отселѣ
Одежда пестрая видна.
Въ деревнѣ гамъ какой-то сбродный;
Вотъ настоящій рай народный,
Вопитъ и малый и большой,
Здѣсь человѣкъ я.—Здѣсь я свой.

Вагнеръ.

Вотъ съ вами, докторъ, прогуляться,
Тутъ и почетъ и польза есть;
Одинъ же здѣсь не могъ бы я остаться,
Я грубости не въ силахъ снесть.
Тутъ вой смычковъ невыносимъ для слуха,
И крикъ, и шумъ, и кегли тутъ;
Вопятъ, какъ будто бы во власти злого духа,
И это пѣніемъ зовутъ.

Крестьяне (подъ липкой).

Пляска и пѣнье.

Собрался къ танцамъ пастушокъ,
На немъ цвѣтной кафтанъ, вѣнокъ;
И на устахъ улыбка.
Подъ липкой было все полно,
Тамъ въ танцахъ бѣсятся давно.
Люли! люли!
Ахъ люшеньки! живѣй юли!
Такъ заливались скрипки.

Въ толпу проворно онъ влетѣлъ,
И локтемъ дѣвушку задѣлъ,
Не далеко отъ липки;
Та обернулася, глядитъ,
«Какъ это глупо», говоритъ,
Люли! люли!
Ахъ люшеньки! живѣй юли!
Ужъ черезчуръ вы прытки!

Но въ кругъ пускаются—и вотъ,
Направо, влѣво поворотъ,—
Подолъ летаетъ зыбкій.
Они краснѣютъ, духота,—
И отдыхаетъ ихъ чета;
Люли! люли!
Ахъ люшеньки! живѣй юли!
Онъ жмется къ ней съ улыбкой.

Не льните такъ—и безъ проказъ!
Божбой вводили ужъ не разъ
Невѣстъ своихъ въ ошибки!
Но въ даль уйти съ ней удалось,
И изъ-подъ липки къ нимъ неслось:
Люли! люли!
Ахъ люшеньки! живѣй юли!
И крикъ и звуки скрипки.

Старый крестьянинъ.

Вотъ, докторъ, добрый вы какой,
Что не побрезгали вы нами,
Многоученый мужъ такой,
А въ многолюдство вышли сами.
Ужъ кружку лучшую виномъ
Для васъ спѣшили мы налить.
О ней прося, скажу я вслухъ:
Ей мало жажду утолить,
Пусть сколько капель будетъ въ ней,
Вамъ пріумножится и дней.

Фаустъ.

Я подношу ее къ губамъ,
Спасибо! и во здравье вамъ!

Народъ сбирается въ кружокъ.

Старый крестьянинъ.

Ну, право хорошо, что вы
Явились къ намъ въ веселый часъ;
Вѣдь нѣкогда и въ злые дни
Вы тожъ не забывали насъ!
Какъ много здѣсь еще въ живыхъ,
Которыхъ вырвалъ вашъ отецъ
У злой горячки въ дни, когда
Чумѣ онъ положилъ конецъ.
Въ то время юношей вы шли
Охотно въ каждый домъ къ больнымъ;
Снесли не мало мертвецовъ
Но вы осталися живымъ,
Не тронулъ васъ недугъ-губитель;
Хранилъ спасителя Спаситель.

Всѣ.

Мы доблестному шлемъ привѣтъ,
Чтобъ помогалъ онъ много лѣтъ!

Фаустъ.

Вы передъ Тѣмъ склонитесь, Кто съ высотъ
И учитъ помогать и помощь шлетъ.

(Уходитъ далѣе съ Вагнеромъ.)

Вагнеръ.

Великій мужъ! Что̀ долженъ ощущать
Среди ты общаго высокопочитанья!
Блаженъ, кому дано изъ знанья
Такую пользу извлекать!
Отецъ спѣшитъ тебя сынишкѣ указать,
Къ тебѣ стремится каждый взоръ,
Смолкаютъ скрипки, ждетъ танцоръ.
Проходишь ты, какъ словно власть,
На воздухъ шапки полетѣли;
Недостаетъ всѣмъ на колѣни пасть,
Какъ бы священный ходъ узрѣли.

Фаустъ.

Еще немного,—вонъ до камня мы дойдемъ!—
Тамъ на пригоркѣ отдохнемъ и сами.
Какъ часто одинокъ я сиживалъ на немъ
И мучился молитвой да постами.
Съ надеждой, съ вѣрой до конца,
Въ слезахъ, стеня любве-обильно,
Конецъ заразы у Творца
Мечталъ я вымолить насильно,
Привѣтствія толпы какъ на смѣхъ мнѣ одинъ.
Когда бъ тебѣ мои раскрыты чувства были,
Какъ мало и отецъ и сынъ
Такую почесть заслужили!
Отецъ былъ честный, темный человѣкъ;
Надъ всѣмъ, что̀ у природы скрытно,
По совѣсти, хоть очень самобытно
Трудясь, продумалъ онъ весь вѣкъ.
Подобно онъ другимъ адептамъ,
На черной кухнѣ проживалъ,
И по безчисленнымъ рецептамъ
Все, что̀ противно, то мѣшалъ.
Тутъ красный левъ, женихъ отважный (2),
Пускался къ лиліи въ растворъ (3),
Потомъ огнемъ изъ бани влажной
Обоихъ гнали на просторъ.
Когда жъ цвѣтную выливали
Царицу въ склянку—благодать!
Лѣкарство есть, больные умирали.
Кто выздоравливалъ?—Какъ знать!
И съ адскимъ снадобьемъ въ дорогу
Мы шли,—сама чума, ей-Богу,
Не принесла такого зла.
Самъ въ тысячи вливалъ я этой мерзостыни,
Они кончались;—слышу нынѣ,
Убійцамъ наглымъ намъ хвала.

Вагнеръ.

Зачѣмъ же этимъ вамъ смущаться!
Достойный мужъ конечно правъ,

Когда, искусство восприявъ,

Имъ станемъ точно заниматься!

Коль юношей ты чтишь отца,

Къ урокамъ ты его исполненъ и вниманья;

Коль мужемъ трудишься ты до поту лица,

И сынъ твой высшаго достигнуть можетъ знанья.

Фаустъ.

О счастливъ, кто еще въ надеждѣ самъ,

Что выплывемъ изъ моря лжи мы дружно!

Чего не знаемъ—было бъ нужно намъ,

Того что̀ знаемъ—намъ не нужно.

Но въ этотъ дивный часъ не говори

Мнѣ о скорбяхъ, которыя смущаютъ!

Смотри, какъ тамъ въ лучахъ зари

Сквозь зелень хижины мелькаютъ!

День пережитъ, уходитъ солнце дня,

Спѣша дарить и далѣ жизнью снова.

О! отчего нѣтъ крыльевъ у меня,

Когда душа за нимъ летѣть готова!

У ногъ уже я вижу спящій міръ

Въ зарѣ, сіяющей вовѣки,

По высямъ блескъ, въ долинахъ кроткій миръ,

Ручьи какъ серебро бѣгутъ въ златыя рѣки.

Я чувствую, тогда ущелья мрачныхъ горъ

Полета гордаго уже бъ не задержали.

Ужъ моря теплые заливы засверкали,—

И изумляется мой взоръ.—

Вотъ божество какъ бы готово закатиться;

Но снова пробудилась мочь,

И я несусь, его лучами вновь упиться,

Передо мною день, за мною ночь,

Сводъ неба надо мной, а волны подо мной.

Какой чудесный сонъ и сладкія усилья!

Ахъ! крыльямъ духа кто земной

Придастъ вещественныя крылья?

Но каждому дала природа,

Что чувство въ высь и въ даль его стремитъ,

Когда намъ съ голубого свода

Пѣснь жаворонка зазвенитъ;

Когда надъ темными лѣсами

Орлы опять парить пошли,

И надъ полями, озерами

Въ отчизну тянутъ журавли.

Вагнеръ.

Бывали у меня такіе дни смятенья,

Но я подобнаго не ощущалъ стремленья.

Прискучитъ долъ и лѣсъ, какъ съ виду ни казистъ;

А птичьихъ крыльевъ мнѣ не надо.

То ль дѣло, какъ помчитъ духовная отрада

Отъ книги къ книгѣ и съ листа на листъ!

Тутъ ночи зимнія становятся свѣтлы,

Отрадный жаръ по членамъ разбѣжится,

И ахъ! какъ развернешь пергаментъ дорогой,

Тебѣ все небо въ душу тутъ глядится.

Engelbert Seibertz erf. u. gez. ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА, ВЪ СПБ. Adrian Schleich gest.

Фаустъ.

Ты испыталъ стремленье лишь одно;
О, никогда не знай другого!
Ахъ! двѣ души вмѣщать мнѣ суждено,
И грудь ихъ разобщить готова.
Одной хвататься грубо суждено
За этотъ міръ, съ его любовнымъ тѣломъ;
Въ другой же все горѣ вознесено
Высокихъ праотцевъ къ предѣламъ.
О, если есть межъ небомъ и землей
Властительные духи,—низойдите
Съ высотъ златыхъ вы—и меня съ собой
Для жизни новой, яркой уведите!
О если бъ былъ волшебный плащъ моимъ,
Чтобъ вдаль унесть меня по міру,
На всѣ одежды, на порфиру
Я бъ кажется не промѣнялся имъ.

Вагнеръ.

Не призывай извѣстныхъ молодцовъ,
Что стелются средь пара голубого;
Они намъ вѣчно строятъ ковъ,—
Со всѣхъ концовъ бѣда готова.
То съ сѣвера нахлынутъ нападать
И грызть тебя зубами неплотскими;
То вдругъ начнутъ съ востока изсушать,
Питаясь легкими твоими.
Когда ихъ югъ погонитъ со степей,
И воздухъ надъ тобой какъ печь они растопятъ,
Ихъ западъ шлетъ, чтобъ освѣжать скорѣй,
Они тебя и всѣ поля затопятъ.
Они внимательны, но, на бѣду земли,
Покорны, коль надуть насъ можно,
Подумаешь, что съ неба притекли,
Какъ ангелы лепечутъ, только ложно.
Однако въ путь! ужъ все кругомъ сѣрѣй,
Туманъ встаетъ и въ воздухѣ свѣжѣй!
Подъ вечеръ только домъ и милъ.
Чего жъ ты сталъ и взоры вдаль вперилъ?
Во что при сумракѣ такъ могъ ты углубиться?

Фаустъ.

Не видишь, черный песъ по жнивью тамъ кружится?

Вагнеръ.

Давно замѣтилъ я: что жъ толку въ этомъ есть?

Фаустъ.

Получше присмотрись! Чѣмъ звѣря можно счесть?

Вагнеръ.

Да пуделемъ, который тожъ въ печали
Хозяйскихъ нюхаетъ слѣдовъ.

Фаустъ.

Замѣтилъ ты, какъ онъ, въ большой спирали
Носясь кругомъ, къ намъ близиться готовъ?
И все мнѣ кажется, что огненный, проворный
Какой-то вихрь за нимъ летитъ.

Вагнеръ.

Не вижу ничего; ну просто пудель черный;
Въ глазахъ у васъ, должно, рябитъ.

Фаустъ.

Какъ будто насъ ловя, магическія петли
Вокругъ онъ нашихъ ногъ старается плести.

Вагнеръ.

Я вижу: ищетъ онъ, хозяина тутъ нѣтъ ли,
И къ незнакомцамъ двумъ боится подойти.

Фаустъ.

Кругъ все тѣснѣй; сближается онъ къ намъ!

Вагнеръ.

Собака какъ и есть, не призракъ, видишь самъ.
Визжитъ и льнетъ, какъ растянулся—на-тко!
Вертитъ хвостомъ,—собачья вся повадка!

Фаустъ.

Ну, подойди! пойдемъ со мной!

Вагнеръ.

Ну, право, пудель пресмѣшной.
Ты остановишься, онъ служитъ;
Заговоришь, онъ радость обнаружитъ;
Что потеряй, вѣдь онъ найдетъ,
За палкой въ воду самъ прыгнетъ.

Фаустъ.

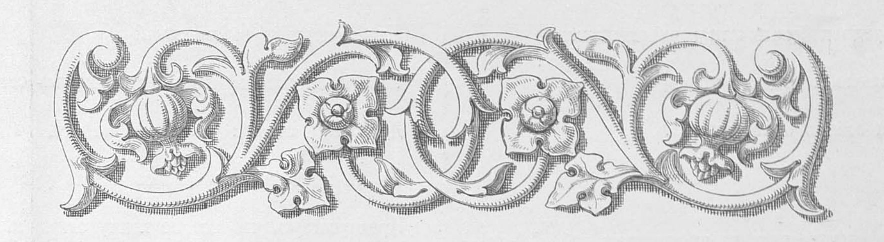
Ты точно правъ; мы духа не найдемъ
Тутъ признака, все дрессировка въ немъ.

Вагнеръ.

Собаку, съ должнымъ воспитаньемъ,
И мудрый мужъ почтитъ вниманьемъ.
Онъ стоитъ, чтобъ и ты къ нему привыкъ,
Студентовъ онъ отличный ученикъ.

(Они уходятъ въ градскія ворота.)

Кабинетъ.

Фаустъ (входитъ съ пуделемъ).

Покинулъ я поля и долы,
Глубокой ночью міръ объятъ,
Ея священные глаголы
Съ душой въ насъ лучшей говорятъ.
Почіютъ въ глубинѣ сердечной
Всѣ злые помыслы и сны,
Полны любви мы человѣчной,
Любовью къ Богу мы полны.

Пудель, уймись! и взадъ и впередъ не мечися!
Что̀ на порогѣ ты нюхаешь тамъ?
Въ уголъ за печкой ложися,
Свою подушку тебѣ отдамъ.
Какъ тѣшилъ прыжками ты насъ вдоль дороги,
Стараясь намъ ласку казать, а не злость,
Прими мою ласку ты послѣ тревоги,
Какъ дорогой и тихій гость.

Ахъ! какъ отрадно въ тѣсной кельѣ
Лампада смотритъ на тебя,
Опять въ душѣ какъ бы веселье,
И въ сердцѣ, знающемъ себя.
Опять нашъ умъ глядитъ далеко,
Надежда снова горяча,
И жизни жаждемъ мы потока,
И жизни ищемъ мы ключа.

Полно рычать тебѣ, пудель! Ко звукамъ священнымъ,
Въ душу вливающимъ мнѣ благодати,
Эти звѣриные звуки некстати.
Люди встрѣчаютъ съ укоромъ надменнымъ
То, чего не поймутъ;

Что передъ добрымъ или вдохновеннымъ
Имъ тяжело порицанье унять, —
Знать и собакѣ охота рычать?

Но, ахъ! я чувствую, въ противность доброй волѣ,
Довольства грудь моя не источаетъ болѣ.
Но отчего жъ потокъ подобный сякнетъ вдругъ,
И жаждою опять томится духъ?
Я испыталъ всѣ эти превращенья!
Такой пробѣлъ есть способъ восполнять:
Мы не-земное станемъ почитать,
Алкать мы станемъ откровенья,
Котораго нигдѣ достойнѣй, чище нѣтъ
Того, что Новый далъ Завѣтъ.
Возьму я подлинникъ раскрою;
Съ правдивымъ чувствомъ, я взалкалъ
Святой оригиналъ
Перевести мнѣ рѣчію родною.

(Онъ открываетъ томъ и готовится.)

Написано: «Вначалѣ было слово».
Вотъ я и сталъ! Какъ продолжать мнѣ снова?
Я слову не могу воздать такую честь,
Иначе нужно перевесть,
Коль вѣрно озаренъ исходъ тяжелыхъ думъ.
Стоитъ написано: «Вначалѣ былъ лишь умъ».
На первой строчкѣ надо тщиться,
Чтобы перу не заблудиться!
Умъ та ли власть, что все подвигнувъ сотворила?
Должно бъ стоять: «была вначалѣ сила».
Но въ мигъ, какъ собралась писать рука моя,
Предчувствую, что все не кончу этимъ я.
Вдругъ вижу свѣтъ! Мнѣ духъ глаза открылъ!
И я пишу: «Вначалѣ подвигъ былъ».

Коль хочешь комнату со мной дѣлить,
То перестань ты, пудель, выть.
Ты лаешь!
И мнѣ мѣшаешь.
Такого сосѣда къ себѣ не приму,
Изъ насъ одному
Нѣтъ мѣста въ дому.
Хоть гостя гнать я и не сроденъ,
Дверь отперта, и ты свободенъ. —
Но что̀ я вижу предъ собой!
Естественъ ли исходъ такой?
Тѣнь это? иль на самомъ дѣлѣ?
Мой пудель прибываетъ въ тѣлѣ,
Растетъ, — его не узнаёшь!
Ужъ на собаку онъ не похожъ!
Какой упырь мной въ комнату введенъ!
Съ гиппопотамомъ сходенъ онъ,
Глаза горятъ, ужаснѣйшая пасть.
Не вздумай ты пропасть!

Я знаю, братцы, какъ могучъ
Надъ вами Соломоновъ ключъ.

Духи (въ коридорѣ).

Тамъ одинъ уже попался!
Не входи, кто цѣлъ остался!
Словно въ капканѣ теперь
Адскій томится тамъ звѣрь.
Но, погодите!
Вейтесь, летайте кругомъ.
Этимъ его вы путемъ
Освободите.
Кто только можетъ,
Пусть и поможетъ!
Всѣмъ намъ бывало
Самъ угождалъ онъ не мало.

Фаустъ.

Чтобъ встрѣтиться со звѣремъ могъ,
Беру заклятье четырехъ:

Саламандра гори,
Ундина кружись,
Сильфида пари,
Кобольтъ трудись.

Что ни стихія —
Силы иныя;
Кто ихъ не знаетъ,
Не совладаетъ
Въ вѣки вѣковъ
Съ міромъ духовъ.

Въ огнѣ исчезни,
Саламандра!
Скройся въ безднѣ,
Ундина!
Будь метеора причина,
Сильфида!
Домъ охраняй отъ обиды,
Инкубусъ! инкубусъ ты!
Будете каждый своимъ заняты.

Изъ четырехъ ихъ ни одно
Во звѣрѣ не обрѣтено.
Лежитъ, какъ на смѣхъ, безобидно;
Не пронялъ я его, какъ видно.
Но стану опять
Сильнѣй заклинать.

Такъ если, чадо,
Бѣглецъ ты ада,
То этимъ знакомъ
Изъ васъ во всякомъ
Возбудимъ смиреніе мы!

Ужъ ощетинился сынъ тьмы.

Проклятый родъ!

Прочтешь ли вотъ?

Знакъ вѣкъ несотвореннаго,

Неизреченнаго,

На небо вознесеннаго,

Преступно пробожденнаго?

Залѣзъ за печку онъ,

Раздулся — точно слонъ;

Все больше, больше онъ растетъ,

Пустилъ туманъ великій.

Не подымайся ты подъ сводъ!

А лягъ къ ногамъ владыки!

Ты видишь самъ, недаромъ я грозилъ.

Тебя святымъ огнемъ я опалилъ!

А станешь ждать,

Трикраты опалю опять!

Тебя унять

Сильнѣй искусство берегу я!

Мефистофель.

(Выходитъ изъ тумана, изъ-за печки, бродячимъ схоластикомъ.)

Зачѣмъ шумѣть? Чѣмъ услужить могу я?

Фаустъ.

Вотъ чѣмъ былъ пудель начиненъ!

Проѣзжій въ немъ схоластъ? Поистинѣ забавно!

Мефистофель.

Ученому глубокій мой поклонъ!

Меня потѣть заставили вы славно.

Фаустъ.

Какъ звать тебя?

Мефистофель.

Вопросъ подобный малъ

Въ устахъ того, кто такъ не цѣнитъ слова,

Кто оболочку отвергалъ,

Вникая въ суть всего живого.

Фаустъ.

У вашей братіи, признаться,

Легко по имени добраться

До существа. Такъ васъ къ лицу зовемъ

Царемъ мы мухъ, губителемъ, лгуномъ.

Прекрасно, кто же ты?

Мефистофель.

Той силы часть и видъ,

Что вѣчно хочетъ зла и вѣкъ добро творитъ.

Фаустъ.

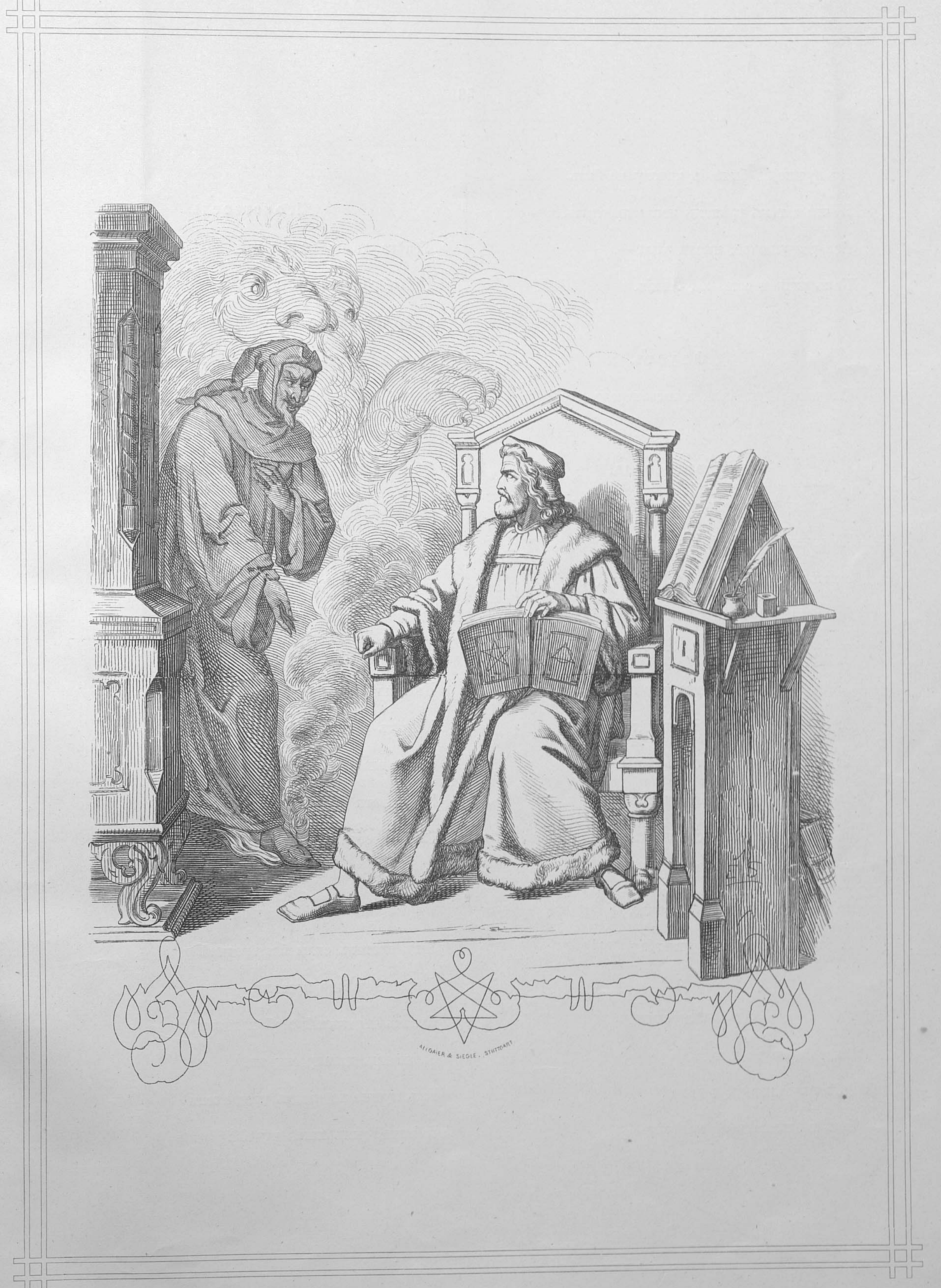
Что эта притча означаетъ?

Мефистофель.

Я духъ, который отрицаетъ!

И въ этомъ правъ; все, что родится,

Достойно, чтобы провалиться;

ALLGAIER & SIEGLE, STUTTGART

Не лучше ль было бъ ничему не быть.
И что затѣмъ грѣхомъ могло прослыть,
Все разрушенье, мысли злыя —
Какъ разъ и есть моя стихія.

Фаустъ.

Ты частью назвался, а весь передо мной?

Мефистофель.

Я правду высказалъ со скромностью большой.
Коль человѣкъ свой шутовской мірокъ
Счесть цѣлымъ, какъ извѣстно, могъ,
То часть той части я, что прежде всѣмъ была;
Часть тьмы, которая и свѣтъ произвела,
Свѣтъ гордый, что свою родительницу ночь,
Всего лишивъ, изъ міра гонитъ прочь,
А все удачи нѣтъ; затѣмъ что самъ
Вполнѣ прикованъ онъ къ тѣламъ.
Тѣла онъ краситъ, исходя изъ тѣлъ,
Тѣла въ пути ему преграда. —
Надѣюсь, долго ждать не надо,
Чтобъ онъ съ тѣлами отлетѣлъ.

Фаустъ.

Теперь ясна твоя задача!
Тебѣ въ великомъ неудача,
Такъ ты пошелъ по мелочамъ.

Мефистофель.

Успѣха, точно, мало тамъ.
Небытія противувѣсъ,
То нѣчто — этотъ міръ балбесъ —
Надъ нимъ лишь самъ себя измаешь,
А все его не доконаешь,
Огнемъ ли, бурей, иль волной;
Земля и море все въ порѣ одной!
А этой погани, звѣро-людской породы,
Ничѣмъ известь не хватитъ силъ.
Ужъ сколькихъ я похоронилъ!
Глядишь, опять цвѣтутъ по милости природы.
Съ ума сойдешь! не выдумаешь гаже,
Въ землѣ, въ водѣ и въ вѣтрѣ даже
Кипитъ зачатковъ милліонъ,
Сушь, влагу, стужу наполняя!
Не захвати себѣ огня я,
Такъ бы остался обдѣленъ.

Фаустъ.

Такъ противъ силы благородной,
Творящей вѣчно красоты,
Кулакъ чертовскій свой холодный
Сжимаешь понапрасну ты!
Ужъ лучше же инымъ предметомъ
Займись, сынъ хаоса чудной!

Мефистофель.

Подумать стоитъ мнѣ объ этомъ;
Впредь потолкуемъ мы съ тобой!
Нельзя ль теперь мнѣ удалиться?

Фаустъ.

Я не пойму, вопросъ о чемъ.
Ты навѣщай, когда случится,
Теперь съ тобою я знакомъ.
Вотъ дверь, а вотъ тебѣ окошко;
Труба открыта предъ тобой.

Мефистофель.

Признаться, мой уходъ немножко
Стѣсненъ бездѣлицей одной. —
Волшебный знакъ тамъ на порогѣ.

Фаустъ.

Отъ пентаграммы ты въ тревогѣ?
Эге! Скажи, коль въ ней такая власть,
Какъ могъ сюда, сынъ ада, ты попасть?
Какъ! духъ—и дожилъ до расплоха?

Мефистофель.

Ты присмотрись! Начерченъ знакъ-то плохо;
Тотъ уголъ, что глядитъ на дверь,
Оставленъ, видишь самъ, открытымъ.

Фаустъ.

Вотъ вышло дивомъ знаменитымъ!
Ты у меня въ плѣну теперь?
И неожиданно, и мило!

Мефистофель.

Собака, ничего не чуявши, вскочила,
Теперь же дѣло-то ахти!
Чортъ очутился взаперти.

Фаустъ.

Но видишь самъ, окошко не запёрто.

Мефистофель.

Законъ для привидѣній и для чорта:
Уйти путемъ, которымъ могъ войти.
И въ первомъ мы рабы, второе кто какъ знаетъ.

Фаустъ.

И адъ законы наблюдаетъ?
Вотъ хорошо. Такъ можно заключить
И договоръ съ такими господами?

Мефистофель.

То, что обѣщано межъ нами,
Безъ оговорокъ можешь получить.
Но нуженъ толкъ въ такой затѣѣ.
Въ другой перетолкуемъ разъ;

Теперь прошу покорнѣйше я васъ
Освободить меня скорѣе.

Фаустъ.

Минуточку еще одну побудь!
Хорошую, быть-можетъ, сказку знаешь.

Мефистофель.

Теперь пусти! Вернусь я какъ-нибудь;
И спрашивай, о чемъ ты пожелаешь.

Фаустъ.

Я не ловилъ тебя, не завлекалъ,
Самъ влѣзъ ты въ сѣть, въ томъ нѣту спора.
Держись за чорта, кто его поймалъ!
Его въ другой не такъ поймаешь скоро.

Мефистофель.

Изволь — останусь, коль велишь,
Воспользуюсь бесѣдою твоею;
Но подъ условіемъ, что лишь
Тебя своимъ искусствомъ поразсѣю.

Фаустъ.

Смотрѣть я радъ и соглашусь;
Но чтобъ въ искусствѣ былъ и вкусъ!

Мефистофель.

Отъ моего, мой другъ, искусства
Въ часъ насладятся больше чувства
Твои, чѣмъ въ цѣлый скучный годъ.
Чтò духи пропоютъ малютки,
То не простыя только шутки,
А рядъ прелестнѣйшихъ картинъ.
Тебѣ понѣжатъ обонянье,
И вкусъ, и даже осязанье,
Не то чтобъ только слухъ одинъ.
О подготовкѣ не мечтай,
Мы въ сборѣ всѣ тутъ, — начинай!

Духи.

Вскройтесь, раздайтесь
Мрачные своды!
Выглянь скорѣе,
Чище, синѣе
Нѣжный эѳиръ!
На небѣ чисто,
Тучи проплыли!
Звѣзды лучисто
Вдругъ озарили
Радостный міръ.
И безтѣлесныхъ,
Духовъ прелестныхъ
Легкія волны
Мимо парятъ,
Нѣжности полны
Душу манятъ;
Ихъ одѣянья,

Engelbert Seibertz erf. u gez — Adrian Schleich gest

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ СПБ.

Всѣ изъ сіянья,
Скрыли и поле,
Скрыли тѣнь сада,
Гдѣ восхищенный,
Съ милою въ нѣгѣ,
Бродитъ влюбленный.
Тѣнь и прохлада!
Рвутся побѣги!
Сокъ винограда
Льется въ бокалы
Сладостный, алый.
Винная пѣна
Мчится изъ плѣна,
Брызжетъ по грудамъ,
По изумрудамъ,
Мимо высокихъ
Горъ пробѣгаетъ,
Въ плесахъ широкихъ
Холмъ обступаетъ.
Въ радости птицы
Пьютъ и ныряютъ,
Къ свѣту денницы
Рвутся, взлетаютъ;
Вьются красиво
Надъ островами,
Что прихотливо
Зыблетъ волнами;
Гдѣ раздаются
Громкіе хоры,
Въ пляскахъ мятутся
Ленты, уборы.
Радостно въ полѣ
Всѣмъ имъ на волѣ.
Тѣ подыматься
Тянутся въ горы,
Эти плескаться
Лѣзутъ въ озера,
Эти жъ взлетѣли,
Жить захотѣли,
Всѣ къ общей цѣли,
Гдѣ заблестѣли
Звѣзды любви.

Мефистофель.

Онъ спитъ! Спасибо, крошки дорогія!
Вы сны ему напѣли золотые!
Я за концертъ въ долгу, друзья мои.
А чорта удержать знать ты затѣялъ много!
Вы полелѣйте полубога
Въ пучинѣ грёзъ, на самомъ днѣ; —
Но снять волшебный знакъ съ порога,
Крысиный зубъ потребенъ мнѣ.
Не долгія тутъ нужны заклинанья,
Вотъ ужъ одна шуршитъ услышать приказанья.

Я, повелитель крысъ, мышей,

Лягушекъ, мухъ, клоповъ и вшей,

Тебѣ приказываю строго,

Грызи у этого порога,

Гдѣ только масломъ я пролью.

Прыгнула,—вижу прыть твою!

Скорѣй! Тотъ уголъ, что мѣшаетъ,

Вонъ въ самый выходъ упираетъ.

Еще кусни и срѣжешь вгладь! —

Ну, Фаустъ, пока вернусь, ты можешь почивать.

Фаустъ (просыпаясь).

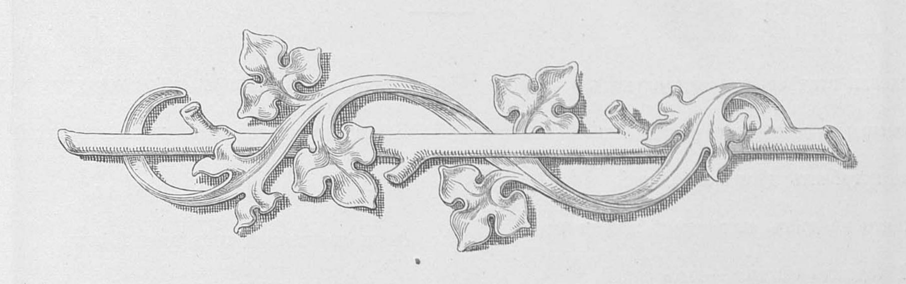
Ужель обманутъ я вторично?

Иль часъ видѣній миновалъ,

Что чортъ приснился мнѣ отлично,

И что мой пудель убѣжалъ?

Кабинетъ.

Фаустъ. Мефистофель.

Фаустъ.

Стучатъ? Войди! Кому мѣшать досужно?

Мефистофель.

Я здѣсь.

Фаустъ.

Войди!

Мефистофель.

Сказать трикраты нужно.

Фаустъ.

Войди же!

Мефистофель.

Вотъ и сбросилъ спесь.
Дѣла у насъ не будутъ худы!
Чтобъ разогнать твои причуды,
Какъ кавалеръ я свѣтскій здѣсь.
Плащъ въ золотѣ кругомъ—весь красный,
А на мантильѣ шелкъ прекрасный,
И пѣтушиное перо
На шляпѣ,—шпага боевая.—
И точно такъ же ты пестро
Одѣнься, часу не теряя,
Чтобъ ты, развязенъ, воленъ, прямъ,
Чтò значитъ жить—извѣдалъ самъ.

Фаустъ.

Знать въ каждомъ платьѣ тѣмъ же мнѣ остаться
И тягость жизни сознавать.
Я слишкомъ старъ—игрушками прельщаться,
И слишкомъ молодъ—не желать.
Чтò дастъ мнѣ міръ? какія благостыни?
Воздерженъ будь! Воздерженъ будь! понынѣ
Все та же пѣсня нищеты
Звучитъ у каждаго надъ ухомъ,
И каждый часъ, до хрипоты,

Всю жизнь владѣетъ нашимъ слухомъ.
Я просыпаюсь даже съ содроганьемъ;
Готовъ встрѣчать я горькою слезой
День, что не дастъ, наперекоръ желаньямъ,
Одной надеждѣ сбыться,—хоть одной.
Онъ даже сладкую мечту
Разборомъ злобнымъ разгоняетъ,
И, что̀ я создалъ самъ и чту,
Кривляньемъ будничнымъ пугаетъ.
Я принужденъ и въ тишинѣ ночной,
Ложася на постель, бояться;
И тутъ мнѣ не сужденъ покой,
И сны ужасные толпятся.
Тотъ богъ, что сердцу говоритъ,—
И все внутри меня тревожитъ;
Какъ онъ надъ силами моими ни царитъ,
На внѣшнее воздѣйствовать не можетъ.
И такъ влачу я ношу бытія,
Мила мнѣ смерть, постыла жизнь моя.

Мефистофель.

А тѣмъ не меньше смерть все грустная статья.

Фаустъ.

О! счастливъ тотъ, кого она вѣнчаетъ
Кровавымъ лавромъ въ битвѣ съ вражьей силой,
Иль кто ее, окончивъ пиръ, встрѣчаетъ
Нежданную въ объятьяхъ дѣвы милой!
О, если бъ, восхищенъ порывомъ духа, могъ
Я бездыханенъ пасть съ мечтой прелестной!

Мефистофель.

А кто-то все-таки тотъ темный сокъ
Въ ночи не выпилъ, намъ извѣстной.

Фаустъ.

Въ шпіонствѣ, кажется, отрада вся твоя.

Мефистофель.

Хоть нѣтъ всевѣдѣнья, но много знаю я.

Фаустъ.

Когда изъ страшнаго смущенья
Меня извлекъ отрадный гулъ,
И дѣтскимъ жаромъ умиленья
Временъ блаженныхъ обманулъ;
Кляну я все, предъ чѣмъ живая
Душа забыть способна боль,
Все, что̀, сверкая и лаская,
Насъ гонитъ въ мрачную юдоль!
Кляну, во-первыхъ, самомнѣнье,
Которымъ духъ у насъ повитъ!
Кляну лукавое явленье,
Что̀ нашимъ чувствамъ говоритъ!
Кляну, что̀ льститъ однимъ мечтаньямъ,
Какъ имя, славы вѣчный громъ!
Кляну, что̀ манитъ обладаньемъ:
Женой, дѣтьми, сохой, рабомъ!

Кляну мамона въ часъ, какъ дѣло
Онъ выставляетъ намъ какъ цѣль.
И въ часъ, когда лелѣять тѣло
Онъ стелетъ мягкую постель!
Кляну я гроздій вдохновенье!
Кляну любви живой успѣхъ!
Надежду! вѣру, а терпѣнье
Кляну я первымъ изо всѣхъ!

Хоръ духовъ (незримый).

Увы! увы!
Его ты разбилъ,
Прекрасный міръ,
Могучей рукой.
Упалъ кумиръ,
Поверженъ во прахъ полубогомъ!
Мы прячемъ
Въ ничто дорогіе обломки,
И плачемъ,
Полны сожалѣнья и страха.
Всевластный
Сынъ праха!
Прекрасный,
Воскресни,
Чтобъ сердцемъ его возсоздать!
И жизнью дышать
Иною,
Съ веселой душою, —
И новыя пѣсни
Польются опять!

Мефистофель.

Слышишь, какъ эти
Умныя дѣти
Къ поискамъ свѣтлыхъ минутъ
Совѣтъ даютъ!
Въ міръ наслажденья,
Изъ заключенья,
Гдѣ наши мысли и кровь застываютъ,
Тебя увлекаютъ.
Брось предаваться горькимъ бреднямъ,
Онѣ какъ коршунъ на груди твоей;
Почувствуешь ты въ обществѣ послѣднемъ,
Что человѣкъ ты межъ другихъ людей.
Я этимъ не хочу сказать,
Что въ сволочь пустимся мы оба!
Хоть я не важная особа;
Тебѣ лишь стоитъ пожелать
Пуститься объ руку со мною, —
И я тебя вполнѣ устрою.
Твоимъ повсюду
Товарищемъ буду,
А если угожу потомъ,
Я буду слугою, я буду рабомъ!

Фаустъ.

А я, чѣмъ буду я въ закладѣ?

Мефистофель.

До этого путь дологъ, — не тернистъ.

Фаустъ.

Нѣтъ, нѣтъ! я знаю, чортъ — великій эгоистъ,
Не станетъ онъ трудиться Бога ради,
Ужъ больно на руку не чистъ.
Ты напрямикъ скажи мнѣ: дѣло въ чемъ?
Такой слуга бѣды накличетъ въ домъ.

Мефистофель.

Здѣсь я готовъ тебѣ служить стараться,
По взгляду твоему трудиться, угождать;
Ты долженъ тѣмъ же поквитаться,
Когда мы *тамъ* увидимся опять.

Фаустъ.

Что̀ *тамъ*, о томъ я не горюю;
Какъ разобьешь ты жизнь земную,
Пускай иная настаетъ.
Я счастье на землѣ вкушаю,
Подъ этимъ солнцемъ я страдаю;
Пусть тамъ, когда ихъ потеряю,
Что̀ хочетъ, то произойдетъ.
На что мнѣ знать, въ какихъ размѣрахъ
Туда любовь и злобу можно внесть,
И подлинно ли въ оныхъ сферахъ
И верхъ и низъ такой же есть.

Мефистофель.

Съ такимъ воззрѣньемъ жди ты проку.
Сойдемся! — и тебя, дай сроку,
Искусствомъ стану ублажать,
Какого никому изъ смертныхъ не видать.

Фаустъ.

Что̀ можешь дать ты, дьяволъ бѣдный?
Когда же духъ, порывъ нашъ всепобѣдный,
Тебѣ подобнымъ понятъ былъ?
Но пищи ты безсочной накопилъ,
Есть у тебя и золото; — схватилъ —
Оно какъ ртуть — пропалъ и слѣдъ;
Есть и игра, гдѣ выигрыша нѣтъ,
И дѣвушка, что̀ на груди моей
Старается мигнуть сосѣду,
Есть почести, — дымъ алтарей —
Какъ метеоръ блестящія безъ слѣду.
Сули мнѣ плодъ, что̀ до срыванья сгнилъ,
И дерева̀, что̀ вѣчно вновь одѣты!

Мефистофель.

Такой задачей ты не затруднилъ;
Въ избыткѣ всѣ подобные предметы.
Но, милый другъ, порой и вкусъ бываетъ разный,
И сладкій кусъ въ тиши насъ лакомо зоветъ.

Фаустъ.

Когда спокойно я разлягусь въ нѣгѣ праздной,
Пускай сейчасъ конецъ мой настаетъ!

Engelbert Seibertz erf. u. gez. ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА. ВЪ СПБ Adrian Schleich gest.

Когда исполнишь самомнѣньемъ
Меня, налгавъ о мнѣ самомъ,
Когда обманешь наслажденьемъ:
Тотъ день будь мнѣ послѣднимъ днемъ!
Бьюсь объ закладъ!

Мефистофель.

Идетъ!

Фаустъ.

Порукой въ томъ!
Когда воскликну я мгновенью:
«Остановись! Прекрасно ты!» —
Тогда я твой безъ возраженья,
И двери гроба отперты!
Пусть звонъ я слышу, умирая,
Свободенъ ты съ того же дня,
Спадетъ и стрѣлка часовая,
И минетъ время для меня!

Мефистофель.

Я не забуду, ты обдумай зрѣло.

Фаустъ.

Ты будешь правъ. Не такъ я слабъ,
Чтобъ самъ не сознавать предѣла, —
И настою на томъ: я рабъ,
Твой или чей? какое дѣло!

Мефистофель.

За пиромъ докторскимъ сегодня въ вечерокъ
Въ лакейскомъ я явлюсь нарядѣ; —
Но жизни или смерти ради,
Молю, ты дай мнѣ пару строкъ.

Фаустъ.

Педантъ! ты требуешь, чтобъ я расписку далъ?
Ты слова честнаго, какъ видно, не знавалъ?
Иль мало, что себя, давъ слово, я обрекъ
Порвать всю связь съ былымъ существованьемъ?
Какъ бѣшено мірской уносится потокъ,
А я, я буду связанъ обѣщаньемъ?
Но этотъ призракъ въ нашемъ сердцѣ скрытъ,
И съ нимъ бороться кто посмѣетъ?
Блаженъ, кто вѣрность свято чтитъ,
О жертвахъ онъ не пожалѣетъ!
А все пергаментъ всѣхъ страшитъ,
Всякъ передъ подписью робѣетъ.
Въ перѣ ужъ слово умираетъ,
А воскъ на кожѣ власть воспринимаетъ.
Тебѣ что̀ нужно, злобный духъ? отвѣть:
Бумага иль пергаментъ, мраморъ, мѣдь?
Писать мнѣ грифелемъ, рѣзцомъ или перомъ?
Ужъ выбирать ты самъ потщишься.

Мефистофель.

Къ чему ты тотчасъ горячишься
При краснорѣчіи своемъ?
Листокъ какой-нибудь. Всѣ равно хороши.
Ты каплей крови подпиши.

Фаустъ.

Коль таково твое желанье,

Исполнимъ это мы кривлянье.

Мефистофель.

Кровь самый самобытный сокъ.

Фаустъ.

Не бойся! Нарушать союза не желаю!

Къ тому всѣхъ силъ моихъ потокъ

Стремится, что̀ я обѣщаю.

Я заносился, все кляня;

Я изъ такихъ, какъ ты теперь.

Отвергъ великій духъ меня,

Природа заперла мнѣ дверь.

Нить мысли порвалася больно;

Отъ знанья тошно мнѣ невольно.

Упьемся чувственности дымомъ,

Страстей задушимъ въ немъ напоръ!

И въ волшебствѣ непостижимомъ

Пусть будетъ чудесамъ просторъ!

Въ потокъ временъ низринемся шумящій,

Въ раскатъ событій настоящій!

И пусть довольство и нужда,

Удача и бѣда

Мѣняются, какъ знають, вѣкъ:

Лишь въ подвигахъ и виденъ человѣкъ.

Мефистофель.

Запрета нѣтъ тебѣ, ты знай.

Вездѣ, коли придетъ охота

Тебѣ что̀ выхватить съ налета,

Такъ и во здравіе вкушай.

Хватай, отбрось застѣнчивость далече!

Фаустъ.

Ты слышишь, тутъ о радости нѣтъ рѣчи.

Я хмелю предаюсь мучительныхъ отрадъ,

Любовной я враждѣ и сладкой грусти радъ.

Чтобъ грудь моя, не алча знаній болѣ,

Могла затѣмъ всѣ горести вмѣстить,

И что̀ всѣмъ смертнымъ выпало на долю,

Я самъ въ себѣ желаю пережить,

Восторгъ и скорбь, все, чѣмъ трепещутъ люди,

Я накоплю въ своей дрожащей груди,

Въ стремленьи ихъ найду свое стремленье,

И потерплю, какъ и они, крушенье.

Мефистофель.

Повѣрь, жую уже, мой милый,

Я этотъ кусъ не первый вѣкъ.

Его отъ колыбели до могилы

Переварить не въ силахъ человѣкъ!

Повѣрь мнѣ, цѣлое все это

Подсильно Богу одному!

Лишь Онъ одинъ въ сіяньи вѣчномъ свѣта,

Мракъ бездны предоставивъ намъ;
А день и ночь пригодны только вамъ.

Фаустъ.

Но я хочу!

Мефистофель.

Тутъ нечего ждать долго!
Но одного боюсь опять,
Жизнь коротка, искусство долго.
Ты бъ могъ благой совѣтъ принять:
Вступи въ сообщество съ поэтомъ.
Пусть онъ заносится мечтой,
И самымъ благороднымъ свѣтомъ
Пусть окружаетъ обликъ твой,
Отвагой львовъ,
Оленей быстротою,
Тебѣ дастъ итальянца кровь,
Мощь сѣверянъ унизитъ предъ тобою.
Пусть онъ сумѣетъ слить два царства,
Великодушье и коварство,
Успѣетъ также, можетъ-быть,
Тебя по плану онъ влюбить.
Хоть мнѣ бъ такого молодца поймать,
Его бы сталъ я микрокосмомъ звать.

Фаустъ.

Что жъ я, когда не въ силахъ снесть
Вѣнца, которымъ всякъ гордится,
Къ которому душа стремится?

Мефистофель.

Ты напослѣдокъ то что̀ есть,
Хоть ты въ парикъ кудрявый наряжайся,
Хоть на каблукъ аршинный подымайся,
Ты все останешься чѣмъ есть.

Фаустъ.

Я чувствую, напрасно былъ я падокъ
На все, что̀ духъ способенъ совмѣщать,
А какъ взгляну на собственный осадокъ,
То бьющихъ силъ тамъ новыхъ не видать;
Ни на волосъ не сталъ я выше,
И къ безконечному не ближе.

Мефистофель.

На вещи ты такого взгляда,
Какъ вещи принято цѣнить;
Но намъ умнѣе взяться надо,
Чтобъ свѣтлыхъ дней не упустить.
Кой прахъ! Рука, нога, сознаюсь,
И мозгъ и ж...—все твое!
Но все, чѣмъ впрямь я наслаждаюсь,
То развѣ не вполнѣ мое?
Коль я коней купить шестерку могъ,
То не мои ль ихъ силы въ этомъ мірѣ?
И молодцомъ несусь я, словно ногъ
Всѣхъ у меня двадцать четыре.
Пріободрись! Весь позабудь ты бредъ,
И прямо пустимся мы въ свѣтъ!

Скажу тебѣ: кто въ критику зарытъ,
Съ животнымъ схожъ въ тоскѣ голодной,
Которое злой духъ по голому кружитъ,
А кормъ кругомъ зеленый, превосходный.

Фаустъ.

Съ чего жъ начнемъ?

Мефистофель.

Сейчасъ уйдемъ.—Пора.
Что̀ тутъ за грустная дыра?
Какой ты жизнью здѣсь живешь?
Тоскуешь самъ, тоскуетъ молодежь.
Сосѣду это предоставь любому!
Какая радость вѣкъ промолотить солому?
Все лучшее, что̀ можешь знать,
Не смѣлъ ты юношамъ сказать.
Ужъ тамъ одинъ въ сѣняхъ шагаетъ!

Фаустъ.

Его никакъ я не приму.

Мефистофель.

Давно бѣдняжка ожидаетъ;
И не помочь нельзя ему.
Ты дай беретъ мнѣ свой и платье;
Къ лицу нарядъ мнѣ самому. (Переодѣвается.)
Мнѣ предоставь теперь занятья!
Я въ четверть часика окончу.—Удались.
Тѣмъ временемъ ты въ путь прекрасный снарядись!

(Фаустъ уходитъ.)

Мефистофель (въ платьѣ Фауста).

Лишь презирай ты разумъ, знанья лучъ,
Чѣмъ человѣкъ однимъ могучъ,
Пусть силой волшебства игривой
Въ тебя духъ воцарится лживый,--
Тогда ты безусловно мой.—
Ему судьбой данъ духъ неукротимый,
Который рвется все впередъ,
И съ жаждою неутолимой
Онъ мимо благъ земли идетъ.
Промчу его туда, гдѣ жизнь мятется
По самымъ плоскимъ пустякамъ;
Пусть липнетъ онъ, дрожитъ и бьется;
Его алкающимъ устамъ
Предстанетъ все, чтобъ ѣсть и упиваться;
Но тщетно онъ отрады будетъ ждать—
И хоть бы чорту онъ не вздумалъ предаваться,
Ему бы все не сдобровать.

(Входитъ ученикъ.)

Ученикъ.

Я здѣсь еще съ недавнихъ поръ.
Дерзну ль вступить я въ разговоръ
Съ тѣмъ мужемъ, что всеобщимъ мнѣньемъ
Великимъ окруженъ почтеньемъ?

Мефистофель.

Я радъ любезности рѣчей!

Не лучше многихъ я людей.

Вы осмотрѣлись хоть отчасти?

Ученикъ.

Прошу принять во мнѣ участье!

Я къ дѣлу приношу любовь,

Деньжонокъ нѣсколько и молодую кровь;

Мать отпускать меня едва могла рѣшиться;

Здѣсь настоящему хотѣлъ бы научиться.

Мефистофель.

Какъ разъ на вѣрномъ вы пути.

Ученикъ.

А мнѣ хоть бы назадъ уйти;

Все стѣны, переходы только,

Мнѣ въ нихъ не нравится нисколько.

Совсѣмъ замкнулся бѣлый свѣтъ,

Нѣтъ зелени, деревьевъ нѣтъ;

А въ залѣ, на скамейкахъ,—разомъ,

Заходитъ даже умъ за разумъ.

Мефистофель.

Нужна привычка, милый другъ.

Дитя къ родной груди не вдругъ

Своей охотой припадетъ,

А послѣ всласть ее сосетъ.

Такъ и премудрости сосцами

Разлакомитесь послѣ сами.

Ученикъ.

Я радъ въ ея объятья устремиться;

Скажите мнѣ, какъ этого добиться?

Мефистофель.

Во-первыхъ, дайте мнѣ отвѣтъ:

Какой избрали факультетъ?

Ученикъ.

Ученымъ быть желаю страхъ;

Что̀ на землѣ и въ небесахъ

Хотѣлъ бы знать я безъ сомнѣнья,

Въ природѣ, въ области наукъ.

Мефистофель.

Вотъ настоящій путь, мой другъ;

И бойтесь только развлеченья.

Ученикъ.

Душой и тѣломъ я готовъ;

Но было бъ хорошо при этомъ,

Хотя на нѣсколько часовъ

Повеселиться въ праздникъ—лѣтомъ.

Мефистофель.

Да, время мчится безъ оглядокъ;

Его беречь научитъ васъ порядокъ

Возьмитесь, другъ мой, вы за умъ,

Сперва Collegium logicum!

Тутъ духъ вашъ чудно дрессируютъ,

Въ сапогъ испанскій зашнуруютъ,

Чтобъ осторожнѣе идти

Онъ могъ на мысленномъ пути,

А не совался бъ на-авось

Огнемъ блудящимъ вкривь и вкось.

Тутъ вамъ укажутъ, что къ тому,

Что̀ было просто такъ уму,

Какъ пить и ѣсть,—безъ всякой при,—

Теперь потребно разъ, два, три.

На фабрикѣ мыслей дѣйствительно то жъ,

Что̀ только на ткацкомъ станкѣ узнаешь,

Летаетъ и взадъ и впередъ челночокъ,

Наступятъ—и тысячи нитей мятутся,

И къ ткани всеобщей невидимо льются,

И тысячи нитей скрѣпляетъ толчокъ.

Философъ станетъ васъ учить,

Что этому такъ и слѣдуетъ быть:

Что первое такъ и второе такъ,

Поэтому третье, четвертое такъ,

А въ-первыхъ, да во-вторыхъ принять,

То въ-третьихъ, въ-четвертыхъ и вѣкъ не бывать.

Ученики повторяютъ сами

Все это; — однако, не стали ткачами.

Кто хочетъ живое познать, описать,

Сначала старается духъ-то изгнать;

Тогда овладѣлъ онъ отдѣльною частью,

Лишь связи духовной не стало, къ несчастью.

Encheirisis naturae то въ химіи-де,

Смѣются сами своей бѣдѣ.

Ученикъ.

Я не вполнѣ васъ могъ понять.

Мефистофель.

Вамъ станетъ легче понимать,

Когда дойдете до редукцій,

Классификацій и конструкцій.

Ученикъ.

Опеломленъ всѣмъ этимъ я,

Какъ будто въ головѣ грохочетъ толчея.

Мефистофель.

Затѣмъ бы, чтобъ не разбросаться,

Вамъ метафизикой заняться!

Тутъ нужно вамъ надъ тѣмъ присѣсть,

Что̀ въ мозгъ людской не можетъ влѣзть;

Въ томъ, что̀ въ него хотя не входитъ,

Прекрасное слово изъ бѣдъ выводитъ.

Но въ полугодьи первомъ здѣсь

Порядокъ заведите весь!

Пять лекцій въ день у васъ пока;

Входите въ самый бой звонка!

Да приготовьтесь на дому,

Вперивъ параграфы уму,

Тогда виднѣе будетъ вамъ,

Что къ книжкѣ онъ не прибавляетъ самъ.

Записывайте же, другъ мой,

Какъ будто самъ диктуетъ Духъ Святой!

Ученикъ.

Я не забуду! Мнѣ на умъ пришло,

Какая польза въ томъ таится;

Что̀ вывелъ чернымъ набѣло,

То дома безъ заботъ хранится.

Мефистофель.

Но изберите жъ факультетъ!

Ученикъ.

Къ законовѣдѣнью охоты не имѣю.

Мефистофель.

На васъ сердиться я не смѣю,

Науки этой мнѣ знакомъ предметъ.

Законы и права передаются,

Какъ бы наслѣдственный недугъ;

Изъ рода въ родъ они плетутся,

Къ чужимъ переходя не вдругъ.
Тутъ умъ въ безумство обернется,
Даръ въ муку. — Правнуку бѣда!
О правѣ, что при насъ всегда,
О немъ никто не заикнется.

Ученикъ.

Усилили во мнѣ вы отвращенье.
Блаженъ, кто внемлетъ ваше поученье!
Хоть богословіе я бъ, кажется, избралъ.

Мефистофель.

Я бъ въ заблужденіе вводить васъ не желалъ.
Въ наукѣ этой, мнится мнѣ,
Путь вѣрный не легко сыскать черезъ мытарства;
Въ ней столько яду есть на днѣ,
Который отличить такъ трудно отъ лѣкарства.
Тутъ тоже лучшее, вамъ слушать одного
И клясться на слова его.
И вообще — держитесь слова!
Тутъ вамъ дорога вся готова
И убѣжденіе дано.

Ученикъ.

Но въ словѣ жъ быть понятіе должно.

Мефистофель.

Прекрасно! Но къ чему такъ мучиться некстати;
Какъ разъ, гдѣ недочетъ понятій,
Тамъ слову стать и суждено.
Словами ловки спорить всѣ мы,
Словами создавать системы,
Въ слова мы вѣримъ, намъ слова такъ милы,
Изъ слова іоты выкинуть нѣтъ силы.

Ученикъ.

Не задержалъ я васъ едва ли,
Но все рѣшаюся трудить.
О медицинѣ, можетъ-быть,
Вы мнѣ словечко бы сказали?
Три года не далекій срокъ —
И Боже! Путь-то какъ широкъ!
Вы указали бы предѣлъ
На этомъ полѣ распростёртомъ.

Мефистофель (про себя).

Такъ тонъ сухой мнѣ надоѣлъ,
И снова хочется быть чортомъ.

(Громко.)

У медицины нѣтъ препятствій на пути;
Учитесь,—міръ большой и малый вамъ открытъ,
Чтобъ послѣ дать всему идти,
Какъ Богъ велитъ.
Что̀ пользы рыться въ грудахъ книгъ,
Всякъ трудъ подъемлетъ подходящій;
Но кто схватить умѣетъ мигъ —
Умъ настоящій.
Вотъ вы прекрасно сложены,
Я чай и смѣлости довольно.
Въ себя повѣрить вы должны,

Повѣрятъ вамъ и всѣ невольно.
Вамъ женщины незамѣнимы;
Ихъ охи, ахи, въ добрый часъ,
Тысячи разъ
Все съ той же точки исцѣлимы.
Коль видъ вашъ вѣру въ нихъ возбудитъ,
То ваше дѣло въ шляпѣ будетъ.
Титулъ васъ долженъ вывесть въ моду,
Затѣмъ, что вы искусный человѣкъ;
Потомъ за все хватайтеся съ приходу,
Чего другому не дождаться вѣкъ,
Пожмите пульсъ межъ разговоромъ,
Потомъ спѣшите съ пылкимъ взоромъ
Свободно стройный станъ обнять,
Не туго ль стянута? — узнать.

Ученикъ.

Вотъ это стало лучше! Видишь, какъ и гдѣ.

Мефистофель.

Теорія, мой другъ, сѣра вездѣ,
А древо жизни ярко зеленѣетъ.

Ученикъ.

Клянусь, все это сномъ какимъ-то вѣетъ.
Дерзну ли къ вамъ явиться я опять,
Чтобъ всей-то мудрости внимать?

Мефистофель.

Чѣмъ я могу, готовъ помочь.

Ученикъ.

Ну, какъ же такъ уйти мнѣ прочь.
Вотъ мой альбомъ, благоволите.
Въ знакъ снисхожденія черкните!

Мефистофель.

Прекрасно! (Пишетъ и передаетъ.)

Ученикъ (читаетъ).

Eritis sicut Deus, scientes bonum et malum.

(Закрываетъ альбомъ и раскланивается.)

Мефистофель.

Послушайся ты словъ змѣи-старушки — нутко;
Въ богоподобіи тебѣ придется жутко!

(Входитъ Фаустъ.)

Фаустъ.

Куда жъ теперь?

Мефистофель.

Какъ вздумаемъ съ тобой.
Посмотримъ малый свѣтъ, посмотримъ и большой.
Веселость, пользу ты почуешь,
Какъ этотъ курсъ переликуешь!

Фаустъ.

Но съ этой длинной бородой
Не справлюсь съ жизнью я иной.
Теперь мнѣ трудно жить учиться;

Никакъ не могъ я къ свѣту примѣниться;
Я при другихъ такъ малъ, стѣсненъ,
И буду я всегда смущенъ.

Мефистофель.

Любезный другъ, чего ты такъ робѣешь?
Коль вѣришь ты въ себя, такъ ты и жить умѣешь.

Фаустъ.

Но какъ намъ выйти изъ тюрьмы?
Гдѣ кони? Гдѣ карета? Слуги?

Мефистофель.

Вотъ этотъ плащъ раскинемъ мы,
И полетимъ быстрѣе вьюги.
Коль ты на смѣлый шагъ готовъ —
Большихъ не забирай узловъ.
Немножко воздуху горячаго добуду,
И понесетъ онъ насъ повсюду.
При легкости успѣшенъ будетъ взлетъ;
Я поздравляю,—жизнь тебя другая ждетъ.

Погребъ Ауэрбаха въ Лейпцигѣ.

Пиръ гулякъ.

Фрошъ.

И не хохочутъ? и не пьютъ?
Пугну, кто будетъ киснуть тутъ!
Вы словно мокрая солома,
А чай веселость вамъ знакома.

Брандеръ.

Твоя вина; и самъ-то ты хорошъ,
Ни глупостью, ни свинствомъ не займешь.

Фрошъ (льетъ ему на голову стаканъ вина).

То и другое на!

Брандеръ.

Сугубая свинья!

Фрошъ.

По просьбѣ сталъ такою я!

Зибель.

За дверь всѣхъ спорщиковъ, — смотри!
Пой круговую! Пей! Ори!
О! го, го, го!

Алтмейеръ.

Хоть ваты мнѣ бы дали!
Эхъ, уши бѣдныя пропали!

Зибель.

Какъ задрожатъ и своды и стѣна,
Тутъ только баса сила вся слышна.

Фрошъ.

Такъ, такъ, за дверь, кто носъ деретъ на сходкѣ!
А! тра ла — ла!

Алтмейеръ.

А! тра ла — ла!

Фрошъ.

Настроены всѣ глотки. (Поетъ.)

Священный, славный Римскій тронъ,

Какъ можетъ онъ держаться?

Брандеръ.

Политика! фи! дрянь такую пѣть!

Хвалю я Господа все съ каждымъ утромъ болѣ,

Что не далъ мнѣ заботъ о римскомъ Онъ престолѣ!

Какое счастіе, скажу я не хвалясь,

Что я не канцлеръ и не князь.

Но вѣдь и намъ нельзя безъ старшины;

И папу мы избрать должны.

Вы знаете, въ чемъ все значенье,

Какимъ тутъ качествамъ дается предпочтенье.

Фрошъ (поетъ).

Вспорхни, голубчикъ соловей,

Поклоновъ тысячи снеси красѣ моей.

Зибель.

Красѣ поклоновъ нѣтъ! Пустячные привѣты!

Фрошъ.

Поклонъ и поцѣлуй! ужъ не закажешь мнѣ ты!

(Поетъ.)

Отворилась я въ ночи,

Отворилась — постучи.

Затворяюсь — всѣ ушли.

Зибель.

Пой! пой! ты славь ее, хвали!

Какъ насмѣюсь-то я, о Боже!

Меня ужъ провела; съ тобою будетъ то же.

Пускай самъ чортъ съ ней затѣваетъ связь!

На перекресткѣ пусть ее ласкаетъ;

Старикъ-козелъ, на шабашъ торопясь,

Пусть доброй ночи ей, въ припрыжку, проблеяетъ!

А малый, честью одаренъ,

Для этой дѣвки не рожденъ.

Какихъ поклоновъ этой кошкѣ,

Какъ только выбить ей окошки.

Брандеръ (бьетъ по столу)

Ну, слушай! что̀ скажу сейчасъ!

Извѣстно вамъ, я жить умѣю;

Сидятъ влюбленные средь насъ,

И вотъ для нихъ-то я припасъ,

На сонъ грядущій-то, что̀ предложить вамъ смѣю.

Ужъ пѣснь! Не сыщете моднѣй!

Подхватывать припѣвъ живѣй! (Поетъ.)

Въ подвалѣ крыса вѣкъ жила,

На лакомство воструха,

Надъ саломъ, масломъ — завела,

Какъ докторъ Лютеръ, брюхо.

Кухарка яду ей подбрось;
Тутъ скоро плохо ей пришлось,
Какъ отъ любовной пытки.

Хоръ (восторженно).

Какъ отъ любовной пытки.

Брандеръ.

Бѣжитъ, не рада ничему,
Припала къ грязной лужѣ,
Грызетъ, скребетъ во всемъ дому,
А легче нѣтъ, все хуже.
Не мало задала прыжковъ;
Но и конецъ ей былъ готовъ,
Какъ отъ любовной пытки.

Хоръ.

Какъ отъ любовной пытки.

Брандеръ.

Она въ страстяхъ средь бѣла дня
По кухнѣ пролетѣла,
Упала корчась у огня,
И страшно засопѣла.
А отравительница ей:
«Тебѣ знать жутко, ей же ей!
Какъ отъ любовной пытки».

Хоръ.

Какъ отъ любовной пытки.

Зибель.

Въ чемъ пошляки нашли отраду!
Не нужно хитростей большихъ
Подсыпать бѣднымъ крысамъ яду!

Брандеръ.

Ты, видно, милостивъ до нихъ?

Алтмейеръ.

Пузанъ-то съ головою лысой!
Сталъ тихъ и милостивъ отъ бѣдъ;
Сравнитъ себя съ раздутой крысой
И видитъ явный свой портретъ.

Фаустъ и Мефистофель.

Мефистофель.

Тебя по первому я слѣду
Введу въ веселую бесѣду,
Какъ жить легко, увидишь самъ.
Тутъ что ни день, то праздникъ молодцамъ.
Съ большимъ огнемъ и малой остротою
На мѣстѣ всякій на одномъ
Вертится, какъ котенокъ за хвостомъ.
Коль не страдаютъ головою,
Пока хозяинъ въ долгъ даетъ,
Имъ весело и горе ихъ нейметъ.

Брандеръ.

Вотъ эти въ мѣстѣ незнакомомъ,

И тотчасъ, видно по пріемамъ,

Они съ дороги, часа нѣтъ, съ большой.

Фрошъ.

Ты правъ дѣйствительно! Хвалю я Лейпцигъ свой!

Онъ маленькій Парижъ. — Людей онъ образуетъ.

Зибель.

Кто эти пришлецы? Ты какъ считаешь ихъ?

Фрошъ.

Дай срокъ по этому вопросу!

У нихъ я за виномъ, въ единый мигъ,

Червей повытащу изъ носу.

Должно, высокаго рожденья;

У нихъ и видъ пренебреженья.

Брандеръ.

Не съ рынка ль крикуны? хоть объ закладъ я съ вами.

Алтмейеръ.

Быть можетъ.

Фрошъ.

Погоди, — я ихъ нажму!

Мефистофель (къ Фаусту).

Вѣдь не почуется же чортъ ни одному,

Хоть тотъ схвати его когтями!

Фаустъ.

Почтенье господамъ!

Зибель.

Мы тѣмъ же воздаемъ.

(Смотря на Мефистофеля — тихо.)

Знать на одну-то ногу онъ хромаетъ?

Мефистофель.

Позволите ль и намъ мѣстечко тутъ занять?

Ужъ станемъ, коль вина хорошаго здѣсь нѣту,

Мы обществомъ себя вознаграждать.

Алтмейеръ.

Избаловались, видно, вы по свѣту.

Фрошъ.

На Риппахъ ѣхали вечерней вы порой.

Скажите, ужинать съ Ивашкой не садились?

Мефистофель.

Нѣтъ, на дорогѣ съ нимъ мы съѣхались одной,

И отъ души разговорились.

О братцахъ онъ своихъ твердилъ безъ угомону,

И каждому велѣлъ снести намъ по поклону.

(Кланяется Фрошу.)

Алтмейеръ (тихо).

А что? каковъ? Досталось!

Зибель.

Продувной!

Фрошъ.

Ну, погоди,—онъ будетъ мой!

Мефистофель.

Здѣсь, какъ послышалося намъ,
Всѣ пѣли хоромъ такъ согласно?
Судя по сводамъ и стѣнамъ,
Тутъ пѣснь должна звучать прекрасно!

Фрошъ.

А вы, пожалуй, виртуозъ?

Мефистофель.

Ахъ, нѣтъ! охоты тьма, да силой не доросъ.

Алтмейеръ.

Хоть пѣсню!

Мефистофель.

Сколько вамъ угодно, господа.

Зибель.

Лишь текстъ бы не былъ слишкомъ прѣсенъ!

Мефистофель.

Мы изъ Испаніи сюда,
Страны вина и чудныхъ пѣсенъ.

(Поетъ.)

Король жилъ благородный,
При немъ блоха жила. —

Фрошъ.

Прислушайтесь! Блоха! Ну, кто когда слыхалъ?
Блоха! Вотъ гостью-то зазвалъ!

Мефистофель (поетъ).

Король жилъ благородный,
При немъ блоха жила.
Какъ сынъ единородный,
Мила ему была.
Позвалъ онъ разъ портного,
Вошелъ портной: взгляни!
Сшей весь нарядъ ей новый
И брюки пригони!

Брандеръ.

Портному вы бы не забыли —
Сказать, чтобъ мѣрка въ точь была,
И, если голова своя ему мила,
Чтобъ брюки капли не морщили!

Мефистофель.

Въ шелкъ, бархатъ разодѣта,
Явилася она,
Сверхъ лентъ, на все на это,
Крестомъ награждена.
И въ министерскомъ, пестромъ
Съ звѣздою кафтанѣ.

Почетъ ея всѣмъ сестрамъ,

И при дворѣ онѣ.

Господъ и дамъ — не шутка —

Грызть стала вся семья,

И королевѣ жутко

И камеръ-фрау ея!

Ихъ счесывать не смѣли,

И щелкать ноготкомъ.

А мы на нашемъ тѣлѣ

И щелкаемъ, и бьемъ.

Хоръ (восторженно).

А мы на нашемъ тѣлѣ

И щелкаемъ, и бьемъ.

Фрошъ.

Романсъ на славу! Разлихой!

Зибель.

Будь такъ со всякою блохой!

Брандеръ.

Ты изловчись—и схватишь неравно!

Алтмейеръ.

Да здравствуетъ свобода и вино!

Мефистофель.

Стаканъ свободѣ въ честь и я бы радъ испить,

Да вина-то у васъ могли бы лучше быть.

Зибель.

Мы просимъ такъ не говорить!

Мефистофель.

Обидится хозяинъ, я боюсь;

А то бы могъ я для начала

Гостямъ поднесть изъ нашего подвала.

Зибель.

Давайте! Быть въ отвѣтѣ я берусь.

Фрошъ.

Вино хорошее лишь честь вамъ принесло бы,

Но слишкомъ малыя не наливайте пробы.

Когда приходится судить,

Я полонъ ротъ хочу налить.

Алтмейеръ (тихо).

Ихъ родина не въ рейнской ли долинѣ?

Мефистофель.

Достаньте мнѣ буравъ!

Брандеръ.

На что̀ такой снарядъ?

Не бочки же у васъ за дверью тамъ стоятъ?

Алтмейеръ.

Тамъ у хозяина есть инструментъ въ корзинѣ.

Мефистофель (беретъ буравъ—Фрошу).

Скажите, вамъ какія вина любы?

Фрошъ.

Какъ? развѣ можете различныхъ предлагать?

Мефистофель.

Я каждаго прошу избрать.

Алтмейеръ (Фрошу).

Эге! А ты уже облизываешь губы.

Фрошъ.

Коль выбирать,—Рейнвейнъ я пить всего согласнѣй.

Отечество дары приноситъ всѣхъ прекраснѣй.

Мефистофель (въ томъ мѣстѣ, гдѣ сидитъ Фрошъ, вертитъ дыру въ столѣ).

Немного воску мнѣ на пробки восковыя!

Алтмейеръ.

Ахъ, это фокусы пустые!

Мефистофель (Брандеру).

А вамъ?

Брандеръ.

Шампанскаго вина,

Да чтобъ игра была видна!

Мефистофель (вертитъ; между тѣмъ одинъ навертѣлъ пробокъ и заткнулъ дырья).

Брандеръ.

Нельзя гнушаться вѣкъ чужбиной неизвѣстной,

Хорошее вдали нерѣдко можетъ быть.

Француза полюбить не можетъ нѣмецъ честный,

Его вино же станетъ пить.

Зибель (когда Мефистофель приближается къ его мѣсту).

Мнѣ кислое ужасно вяжетъ ротъ,

Я предпочту вино послаже!

Мефистофель (буравитъ).

Токайскимъ угощу васъ даже.

Алтмейеръ.

Нѣтъ, господа, смотрю я вотъ

И вижу самъ, смѣетесь вы надъ нами.

Мефистофель.

Эхъ! эхъ! Съ такими господами

Не много ль это затѣвать?

Скорѣй! рѣшайтесь заявлять

Какимъ виномъ служить могу я?

Алтмейеръ.

Да всякимъ! что̀ тутъ толковать!

Мефистофель (послѣ того, какъ всѣ дыры заткнуты, со странными движеніями).

Гроздья на лозѣ,

Роги на козѣ!

Хоть дерево лозы, но сокъ ихъ желанный,

Вина можетъ дать намъ и столъ деревянный.

Вотъ на природу взглядъ прямой!

Тутъ чудеса! ручаюсь головой!

Ну, пробки вонъ! и каждый пей!

Всѣ (вытягиваютъ пробки и вино бѣжитъ въ стаканы).

О, ключъ, сладчайшій изъ ключей!

Мефистофель.

Зато, никто и капли не пролей!

(Они пьютъ въ нѣсколько пріемовъ.)

Всѣ (поютъ).

Намъ, словно пятистамъ свиньямъ,

По-канибальски любо!

Мефистофель.

Народъ свободный! Видишь, какъ живутъ!

Фаустъ.

А я готовъ бы удалиться.

Мефистофель.

Ты погляди, и бестіальность тутъ

Должна отлично проявиться.

Зибель (пьетъ неосторожно, вино проливается на землю и превращается въ пламя).

Сюда! Горю! Огни зажглись!

Мефистофель (заговаривая пламя).

Стихія милая, уймись! (Къ Зибелю.)

То капелька одна огня изъ кухни адской.

Зибель.

Что̀ это значитъ? Стой! что̀ за подвохъ дурацкій?

Не знаешь, видно, насъ? Нѣтъ, братецъ, не наткнись.

Фрошъ.

Мы просимъ этого не дѣлать намъ вторично!

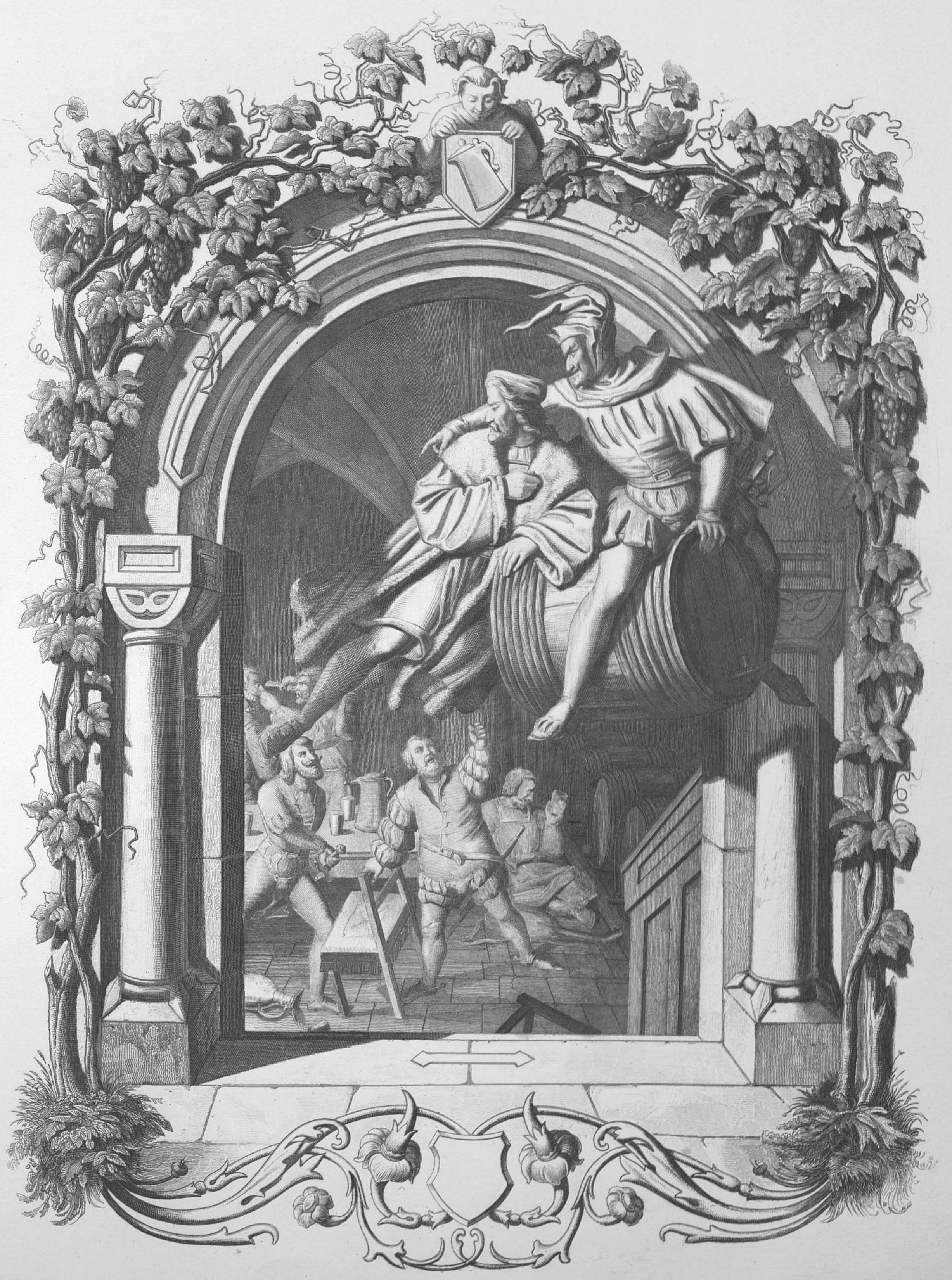
Алтмейеръ.

По-моему, его бъ тихонько отпустить.

Зибель.

Какъ, господа? Онъ смѣетъ такъ шутить?

И фокусы тутъ строить неприлично?

Engelbert Seibertz erf. u. gez. — Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБ — Adrian Schleich gest.

Мефистофель.

Ты, бочка винная, молчать!

Зибель.

Ахъ, кочерга!

Еще грубить ты смѣешь сдуру!

Брандеръ.

Постой! тебѣ мы вздуемъ шкуру!

Алтмейеръ (вытягиваетъ пробку изъ стола, на него пышетъ огнемъ).

Горю, горю!

Зибель.

Тутъ волшебство!

Онъ внѣ закона! рѣжь его!

(Онъ вынимаетъ ножъ и идетъ на Мефистофеля.)

Мефистофель (съ серьезнымъ лицомъ).

По призрачнымъ словамъ,
Обманъ по всѣмъ мѣстамъ!
Вы будьте здѣсь и тамъ!

(Они стоятъ въ изумленіи, глядя другъ на друга.)

Алтмейеръ.

Гдѣ я? Прекрасный видъ какой!

Фрошъ.

Знать виноградники?

Зибель.

И грозды подъ рукой!

Брандеръ.

Бесѣдка, не сыскать тѣнистѣй;
Что̀ за лоза! какія кисти!

(Хватаетъ Зибеля за носъ; другіе дѣлаютъ то же и подымаютъ ножи.)

Мефистофель (какъ прежде).

Обманъ, спади съ нихъ пеленою!
Шутить вамъ съ чортомъ не пришлось.

(Онъ исчезаетъ съ Фаустомъ. Товарищи отскакиваютъ другъ отъ друга.)

Зибель.

Что̀ это?

Алтмейеръ.

Какъ?

Фрошъ.

Ужель твой носъ?

Брандеръ (Зибелю).

А твой я ухватилъ рукою!

Алтмейеръ.

Вотъ былъ ударъ! По всѣмъ суставамъ больно!
Стулъ дайте; падаю невольно!

Фрошъ.

Нѣтъ, что̀ случилось? кто бъ сказалъ.

Зибель.

Гдѣ онъ, злодѣй? Его бы вмигъ не стало,
Когда бъ его я повстрѣчалъ!

Алтмейеръ.

Я видѣлъ самъ, какъ въ двери онъ подвала —
Верхомъ на бочкѣ ускакалъ. —
Въ ногахъ свинецъ, какъ мнѣ сдается.

(Оборачиваясь къ столу.)

Какъ думаешь, вино еще польется?

Зибель.

Одинъ обманъ, затменіе одно.

Фрошъ.

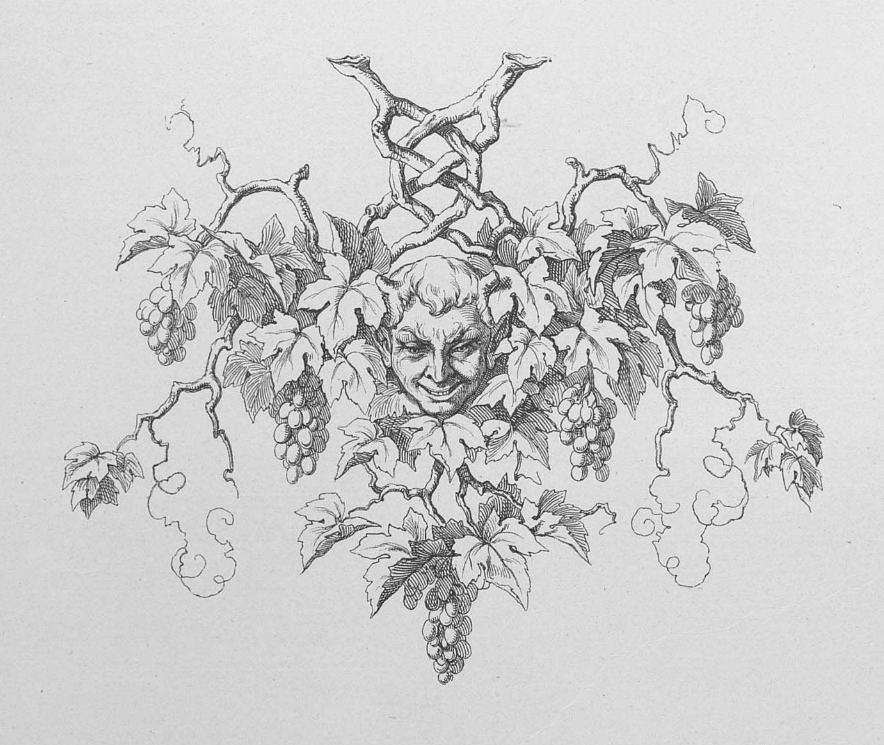
Мнѣ помнится, я будто пилъ вино.

Брандеръ.

А виноградъ-то, что̀ манилъ повсюду?

Алтмейеръ.

Вотъ говори, какъ не повѣрить чуду!

Кухня вѣдьмы.

(На низкомъ очагѣ стоитъ большой котелъ на огнѣ. Въ подымающемся отъ него пару являются различные образы.—Мартышка сидитъ около котла и снимаетъ, заботясь, чтобы онъ не ушелъ. — Мартынъ съ молодыми грѣется подлѣ. — Стѣны и потолокъ убраны странною утварью колдуньи.)

Фаустъ и Мефистофель.

Фаустъ.

Все это волшебство—уродство!
Скажи, такое сумасбродство
Способно ль исцѣлить меня?
Какой совѣтъ старуха дать мнѣ можетъ?
И точно ль эта пачкотня
Съ костей моихъ лѣтъ тридцать сложитъ?
Пропалъ я! если нѣтъ тутъ помощи иной.
Ужъ я отчаиваюсь прямо.
Ужель природа или духъ благой
Такого не нашли бальзама?

Мефистофель.

Опять разумна рѣчь твоя!
Въ природѣ средство есть снять лѣтъ твоихъ вериги;
Но эта странная статья
Написана въ особой книгѣ.

Фаустъ.

А какъ?

Мефистофель.

Безъ вѣдьмъ и докторовъ,
Безъ всякихъ денегъ на расплату!
Ступай ты въ поле; будь готовъ
Тамъ взять топоръ или лопату.
Воздерживай себя и тѣломъ и умомъ
Ото всего, что не твое жилище;
Несложною питайся пищей,
Живи среди скота и самъ какъ звѣрь,
Самъ не стыдись свое навозить поле;

Вотъ средство лучшее, повѣрь,

Прожить лѣтъ восемьдесятъ болѣ!

Фаустъ.

Такъ жить я не привыкъ; не могъ я и отъ скуки

Взять никогда лопаты въ руки,

И узость жизни мнѣ тошна.

Мефистофель.

Такъ вѣдьма все-таки нужна!

Фаустъ.

Зачѣмъ старуху эту брать!

Иль ты сварить питья не можешь?

Мефистофель.

Охота время мнѣ терять!

Вѣдь той порой мостовъ пять тысячъ сложишь.

Тутъ мало знать или умѣть,

Терпѣнье нужно тутъ имѣть.

Въ теченьи многихъ лѣтъ оставить во вниманьи;

Броженью время лишь дать силу въ состояньи.

Предметовъ разныхъ нужно тьму.

Никто такъ скоро ихъ не сложитъ!

Хоть чортъ наставилъ ихъ уму,

А самъ-то сдѣлать чортъ не можетъ.

(Указывая на звѣрей.)

Вотъ пара—любо дорогà!

Вотъ и служанка! вотъ слуга!

(Звѣрямъ.)

Хозяйки, видно, дома нѣту?

Звѣри.

По свѣту,

Гулять захотѣла,

Въ трубу улетѣла!

Мефистофель.

Когда жъ ей снова прилетѣть?

Звѣри.

Успѣемъ лапы отогрѣть.

Мефистофель (Фаусту).

Ну, что же? Нравятся ли звѣри?

Фаустъ.

Ужъ вѣрно гаже не найду!

Мефистофель.

Нѣтъ, разговоръ, какой теперь веду,

Мнѣ больше нравится всего, по крайней мѣрѣ.

(Звѣрямъ.)

Ну, говорите, какъ ни глупы,

Какой взболтали тамъ припасъ?

Звѣри.

Мы варимъ нищенскіе супы.

Мефистофель.

Большая жъ публика у васъ.

Мартынъ. (подходитъ и ласкается къ Мефистофелю).

Костей кидай,
И проиграй
Мнѣ только денегъ груду!
Все только прахъ;
А при деньгахъ
Я тоже умникъ буду.

Мефистофель.

Вѣдь какъ бы эту харю одолжили,
Когда бъ въ лото ей ставку предложили!

(Молодыя мартышки играютъ большимъ шаромъ и выкатили его.)

Мартынъ.

Вотъ вамъ и свѣтъ.
Задержки нѣтъ,
Бѣжитъ понынѣ.
Стеклянный звонъ!
Но хрупокъ онъ.
Пустъ въ серединѣ.
Блеститъ съ боковъ;
Но прочь готовъ
Я, по причинѣ.
Сынокъ, играть
Оставь опять!
Знать, вамъ неймется!
Тутъ глина, — глядь
И разобьется.

Мефистофель.

На что рѣшето?

Мартынъ (снимаетъ его).

Про вора взято;
Сейчасъ его признаю.

(Бѣжитъ къ мартышкѣ и заставляетъ ее смотрѣть въ рѣшето.)

Гляди въ рѣшето!
А воръ-то кто?
Назвать запрещаю!

Мефистофель (приближаясь къ огню).

Горшокъ зачѣмъ?

Мартынъ и Мартышка.

Онъ дурень совсѣмъ!
Горшокъ, вишь, зачѣмъ?
Въ котелъ-то вглядися.

Мефистофель.

Невѣжа, смотри!

Мартынъ.

Ты вѣникъ бери,

На кресло садися!

(Принуждаетъ Мефистофеля сѣсть.)

Фаустъ (стоящій это время передъ зеркаломъ, то приближаясь, то отходя отъ него).

Что̀ вижу я? Какой здѣсь ликъ небесный

Въ волшебномъ зеркалѣ увидѣлъ я!

О, дай, любовь, мнѣ твой полетъ чудесный,

Чтобъ унестись за ней, въ ея края!

Ахъ, если я хоть на мгновенье

Дерзаю подступать къ стеклу,

То исчезаетъ, какъ во мглу,

Прелестной женщины видѣнье!

Какъ ей воздать достойную хвалу?

Не познаю ли всѣхъ небесъ я отраженье

По распростертому здѣсь тѣлу одному?

Возможно ль на землѣ ее сыскать?

Мефистофель.

Что жъ, если Богъ шесть дней трудился,

И крикнуть *браво* самъ рѣшился,

Тутъ можно толку ожидать.

На этотъ разъ ты налюбуйся ей;

Тебѣ такое золотце отрою,

И тотъ блаженъ, кому дано судьбою,

Назвать ее невѣстою своей!

(Фаустъ все еще смотритъ въ зеркало. Мефистофель, потягиваясь въ креслѣ и играя вѣникомъ, продолжаетъ говорить.)

Я какъ властитель здѣсь сижу на тронѣ;

Вотъ скипетръ мой и дѣло лишь въ коронѣ.

Звѣри (исполнявшіе досель различныя странныя тѣлодвиженія, съ великимъ крикомъ подносятъ Мефистофелю корону.)

Ты по̀томъ-то склей,

Да кровью скорѣй

Корону съ зубцами!

(Разламываютъ ее надвое, неуклюже съ нею обходясь, и прыгаютъ съ половинками.)

Теперь не сберемъ!

А мы-то оремъ,

И даже стихами!

Фаустъ (противъ зеркала).

Съ ума сойду! безумство началось.

Мефистофель (указывая на звѣрей).

И у меня башка, того гляди, свернется.

Звѣри.

А если пришлось,

И намъ удалось,

За мысли сочтется.

Engelbert Seibertz erf. u. gez.

Adrian Schleich gest.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ СПБ.

Фаустъ (какъ прежде).

Въ груди огонь! въ глазахъ видѣнье!
Бѣжать отсюда поспѣши!

Мефистофель (какъ прежде).

По крайней мѣрѣ, нѣтъ сомнѣнья,
Они поэты отъ души.

(Котелъ, за которымъ мартышка до тѣхъ поръ не смотрѣла, начинаетъ перекипать; возникаетъ большое пламя, подымающееся въ трубу. Вѣдьма спускается по пламени со страшнымъ крикомъ.)

Вѣдьма.

Ау! ау! А вотъ и я!
Ахъ, ты проклятый звѣрь! свинья!
Забылъ котелъ! Спалилъ меня!
Проклятый звѣрь!

(Завидя Фауста и Мефистофеля.)

Кто въ эту дверь?
Кто здѣсь теперь?
Какъ смѣли къ намъ?
Что̀ нужно вамъ?
Ахъ, сто чертей
Вамъ до костей!

(Она опускаетъ уполовникъ въ котелъ и брызжетъ пламенемъ на Фауста, Мефистофеля и звѣрей. Звѣри визжатъ.)

Мефистофель (перевернувъ метлу, которую держитъ въ рукѣ, бьетъ по склянкамъ и горшкамъ).

Въ кусочки, — глянь!
Всю эту дрянь.
Ты, шельма, не робѣй!
Я пошутилъ,
Я тактъ пробилъ
Къ мелодіи твоей!

(Въ то время какъ Вѣдьма въ злобѣ и ужасѣ отступаетъ.)

Признала, что ль, ты, шкура, кто я самъ?
Владыка твой, я милостивъ ужъ слишкомъ;
Пойду тузить по всѣмъ угламъ, —
Конецъ тебѣ и всѣмъ твоимъ мартышкамъ!
Иль краснаго плаща не признаешь?
Пѣтушьяго пера ты не узнала?
Чтобъ назвался я, видно, пожелала?
Или лицо мое не то жъ?

Вѣдьма.

Затменья, господинъ, простите мигъ единый!
Вѣдь я ноги не вижу лошадиной
И пары вороновъ тутъ нѣтъ.

Мефистофель.

Прощаю дерзостныя рѣчи;
Дѣйствительно, съ послѣдней встрѣчи

Съ тобой прошло не мало лѣтъ.

Да и культура,—свѣтъ сначала,

Затѣмъ и чорта прилизала.

И призракъ Сѣвера не бродитъ между нами;

Куда дѣвался хвостъ, съ рогами и когтями?

Зато съ ногою мнѣ возиться суждено,

И на людяхъ она смущала;

Такъ икры я завелъ фальшивыя давно,

Какъ носитъ юношей не мало.

Колдунья (пляшетъ).

Схожу съ ума—и стариной тряхну,

Какъ вижу я ихъ милость сатану!

Мефистофель.

Не смѣй меня ты звать, какъ въ старину.

Вѣдьма.

Чѣмъ это имя гнѣвъ могло вашъ заслужить?

Мефистофель.

Оно ужъ басня, и всѣ надъ нимъ смѣются;

Но людямъ отъ того не лучше стало жить:

Отъ злого отошли, а злые остаются.

Я господинъ баронъ,—ты уши приготовь,

Я кавалеръ, какихъ и мало.

Высокая во мнѣ (сама ты знаешь) кровь;

А вотъ и гербъ мой,—чай видала?

(Дѣлаетъ неприличное движеніе.)

Вѣдьма (заливаясь смѣхомъ).

Ха-ха! да съ вами тутъ бѣда!

Вы сорванецъ,—и были имъ всегда!

Мефистофель (Фаусту).

Вотъ, другъ, ты можешь поучиться,

Какъ надо съ вѣдьмой обходиться.

Вѣдьма.

Скажите, чѣмъ служить вамъ, господа?

Мефистофель.

Извѣстнаго намъ соку дай сюда!

Но я прошу какого нѣту старѣ;

Удвоиваютъ силы въ немъ года.

Вѣдьма.

Охотно! Я бутылку знаю,

Я и сама къ ней припадаю,

Ужъ нѣтъ и вони въ ней, такъ сокъ-то притомленъ;

Стаканчикъ я налью,—и выпьетъ не услышитъ.

(Тихо.)

Но если будетъ пить безъ подготовки онъ,

Вы сами знаете, онъ часу не продышитъ.

Мефистофель.

Мы съ нимъ пріятели, изъ кухни мнѣ твоей

И угостить его не жалко на здоровье.

Кругъ обводи, проговори присловье,

И чашку полную налей!

Engelbert Seibertz erf. u. gez.

Adrian Schleich gest.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА. ВЪ СПБ.

Вѣдьма

(со странными тѣлодвиженіями обводитъ кругъ и ставитъ въ него разнообразныя вещи; склянки начинаютъ звенѣть, котлы звучать и составляютъ музыку. Наконецъ она приноситъ большую книгу, вводитъ мартышекъ въ кругъ и заставляетъ спинами поддерживать книгу, держа факелъ. Она даетъ Фаусту знакъ подойти).

Фаустъ (Мефистофелю).

Скажи мнѣ, сдѣлай одолженье,
Что̀ за безумныя движенья?
Все надувательство одно,—
Оно противно мнѣ давно.

Мефистофель.

Эхъ, вздоръ!—Все на смѣхъ лишь отъ скуки;
Не будь такъ неумѣстно строгъ!
Какъ врачъ она выкидываетъ штуки,
Чтобъ сокъ тебя оправить могъ.

(Онъ принуждаетъ Фауста вступить въ кругъ.)

Вѣдьма (съ большимъ одушевленіемъ читаетъ по книгѣ).

Зачѣмъ чудесить!
Одинъ будь десять,
Какъ два уйдетъ,
Въ трехъ будетъ четъ.
Считай, не бойсь!
Четыре брось!
А пять и шесть
Велятъ зачесть
За семь, да восемь,
Хоть вѣдьму спросимъ!
А девять, десять
Забрось сперва.
Вотъ это вѣдьмамъ дважды два!

Фаустъ.

Старуха бредитъ знать въ припадкѣ.

Мефистофель.

О, это лишь одни начатки;
Вся книга такъ извѣстна мнѣ.
Я изучалъ ее: успѣхъ черезвычайный!
Противорѣчіе вполнѣ
И умнымъ и глупцамъ навѣкъ пребудетъ тайной.
Любезный другъ, тутъ все искусство въ томъ,
Чтобъ, какъ велось и вдревлѣ безъ сомнѣнья,
Однимъ ли въ трехъ, тремя ль въ одномъ,
За правду выдать заблужденье.
И вотъ пойдетъ болтать пустая голова.—
Съ глупцами споръ плохой; ихъ племя такъ сердито.
А человѣкъ привыкъ, услышавши слова,
Предполагать, что тутъ и мысль должна быть скрыта.

Вѣдьма (продолжаетъ).

Хоть знанья власть
Намъ не подъ масть,
Себя напрасно мучишь!
Но думать брось—

И принеслось,

Все безъ труда получишь.

Фаустъ.

Какой она тамъ мелетъ вздоръ?
Въ мозгу трещать ужъ начинаетъ.
Мнѣ кажется, что цѣлый хоръ
Ста тысячъ дураковъ болтаетъ.

Мефистофель.

Довольно, дивная Сивилла!
Неси, коль соку нацѣдила,
Налей намъ чашу по края!
Пріятелю твой сокъ не причинитъ худого:
Онъ мужъ достоинства большого,
И самъ не прочь былъ отъ питья.

(Вѣдьма съ большими церемоніями наливаетъ соку въ чашу; когда Фаустъ ее подноситъ къ устамъ, появляется небольшой огонь.)

Мефистофель.

Пей! пей! все дѣтскія мечты!
Сейчасъ всѣ радости на сердце устремятся.
Сошелся съ чортомъ ты на-ты,
И станешь пламени бояться?

(Вѣдьма разрѣшаетъ кругъ, Фаустъ выходитъ.)

Мефистофель.

Теперь и вонъ! Тебѣ нельзя стоять.

Вѣдьма.

Мой сокъ во здравіе; господъ я не обижу!

Мефистофель (Вѣдьмѣ).

Ты если вздумаешь за трудъ свой получить,—
Такъ на Вальпургіи увижу.

Вѣдьма.

Вотъ пѣсенка! Споете въ часъ иной,
Она подѣйствуетъ незримо.

Мефистофель (Фаусту).

Ну, поскорѣй иди за мной;
Тебѣ вспотѣть необходимо,
Чтобъ сила-то насквозь могла тебя пробрать.
Потомъ ужъ ты покой познаешь благородный,
Затѣмъ почувствуешь ты въ радости свободной,
Какъ станетъ купидонъ рождаться и скакать.

Фаустъ.

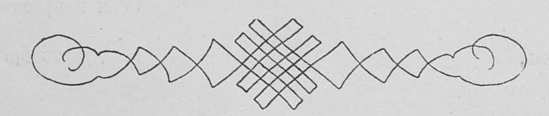
Но въ этомъ зеркалѣ какъ образъ тотъ оставлю!
Позволь взглянуть хоть подъ конецъ!

Мефистофель.

Нѣтъ, нѣтъ! я въ скорости доставлю
Тебѣ живьемъ всѣхъ женщинъ образецъ.

(Тихо.)

Съ напиткомъ этимъ будешь съ жаждой
Елену видѣть въ бабѣ каждой.

Улица.

Фаустъ.—Маргарита (проходитъ).

Фаустъ.

Прекрасной барышнѣ почтенье!
Дерзну ль сопровождать? примите предложенье.

Маргарита.

Не барышня и не прекрасна,
На провожатыхъ не согласна. (Уходитъ.)

Фаустъ.

Клянусь, прелестное дитя!
Не видывалъ подобной я;
Благочестива и кротка,
А также нѣсколько рѣзка.
Подобныхъ устъ, подобнаго лица—
Я въ жизни не забуду до конца!
Какъ опускала рѣсницы она,
Проникло въ сердце мнѣ до дна;
А какъ меня она отбрила,
Такъ восхищеніе какъ мило!

(Мефистофель является).

Фаустъ.

Слышь, ты достань мнѣ эту вотъ!

Мефистофель.

Которую?

Фаустъ.

Что шла тутъ,—безъ сомнѣнья.

Мефистофель.

Нѣтъ, эта отъ попа идетъ,
Онъ отпустилъ ей прегрѣшенья;
Прильнулъ я къ креслу на мгновенье,—
Нельзя невиннѣй быть, скромнѣй,—
И каяться-то не въ чемъ ей.—
Моя тутъ сила не возьметъ!

Фаустъ.

Пятнадцатый ей вѣрно годъ.

Мефистофель.

Ты говоришь то какъ ходокъ,
Которому что ни цвѣтокъ—
То подавай; хоть благодать,
Хоть честь,—онъ все готовъ срывать.
Я радъ бы,—только не готовъ.

Фаустъ.

Ну, ты профессоръ дураковъ,
Оставь законы всѣ пустые!
Пойми—и часу не просрочь:
Коль ты не въ силахъ мнѣ помочь
Ее обнять сегодня въ ночь,—
Съ тобою въ полночь мы чужіе.

Мефистофель.

Подумай, какъ чего желать!
Я двѣ недѣли долженъ ждать,
Чтобъ случай вызвать понемножку.

Фаустъ.

Когда бъ на полдня я остылъ,
Я бъ даже чорта не спросилъ,
Чтобъ соблазнить такую крошку.

Мефистофель.

Послушать, точно ты французъ;
Но я тебя прошу не обижаться;
Что̀ пользы прямо наслаждаться?
Совсѣмъ другой выходитъ вкусъ,
Когда, задавши кругъ большой,
Ты финтифлюшекъ мишурой
Подводишь куколку къ развязкѣ;
Какъ говорится часто въ сказкѣ.

Фаустъ.

Къ чему? Я голоденъ и такъ.

Мефистофель.

Безъ раздраженій и безъ вракъ!
Но знай, прекрасное дитя
Не думай ты увлечь шутя.
Ломить тутъ силой не годится;
А надо въ хитрости пуститься.

Фаустъ.

Достань мнѣ что-нибудь отъ ней!
Своди къ ней въ комнату скорѣй!
Достань съ груди ея платокъ,
Подвязку съ этихъ милыхъ ногъ!

Мефистофель.

Тебя готовъ я убѣдить,
Что радъ тоскѣ твоей служить.
Минутки мы одной не потеряемъ,
Еще сегодня къ ней мы въ комнату слетаемъ.

Фаустъ.

Покажешь мнѣ ее? отдашь?

Мефистофель.

Ну вотъ!
Она къ сосѣдкѣ въ домъ пойдетъ.
Тѣмъ временемъ ты безъ хлопотъ,
Питаясь чудною химерой,
Дыши отрадной атмосферой.

Фаустъ.

Не отправляться ль?

Мефистофель.

Обожди

Фаустъ.

Ты мнѣ подарокъ ей найди.
(Уходитъ.)

Мефистофель.

Сейчасъ дарить? что жъ! такъ успѣхъ возможенъ!
Давно мѣстами я богатъ,
Гдѣ не одинъ запрятанъ кладъ,
Взгляну какой куда положенъ.
(Уходитъ.)

Вечеръ.

Небольшая, чистая комната

Маргарита (плететъ и закладываетъ косы).

Желала бы я знать, кто былъ
Тотъ господинъ, что нынче подходилъ!
Такой хорошій, право, онъ,
И въ знатномъ домѣ онъ рожденъ;
Я это тотчасъ разглядѣла—
Не подошелъ бы онъ такъ смѣло.

(Уходитъ.)

Мефистофель и Фаустъ.

Мефистофель.

Входи! Тихонечко входи!

Фаустъ (послѣ нѣкотораго молчанія).

Прошу, ты самъ-то отойди!

Мефистофель (осматриваясь).

Вотъ чистота гдѣ,—погляди.

Фаустъ (осматриваясь кругомъ).

Привѣтъ тебѣ, отрадный полусвѣтъ,
Въ моемъ святилищѣ разлитый.
Встрѣчай меня живой любви привѣтъ!
Росой надежды сердце обнови ты.
Здѣсь тишина повсюду разлита,
Порядокъ, чувства совершенство!
Здѣсь въ этой бѣдности какая полнота!
Въ такой тюрьмѣ—и сколько тутъ блаженства!

(Бросается на кожаное кресло у постели.)

Прими меня! какъ многихъ ты съ пеленъ
Взлелѣяло въ весельи и въ печали!
Ахъ, вѣрно ужъ не разъ отцовскій этотъ тронъ
Толпы дѣтей веселыхъ окружали!
У дѣда можетъ-быть за дѣтскій даръ Христа
И милая моя здѣсь руку цѣловала,
Съ румянцемъ на щекахъ, покорна и чиста.
Я чувствую, о, дѣвушка! твой духъ
Порядка, тишины здѣсь вѣетъ надо мною,
Онъ каждый день твой поучаетъ слухъ,
Столъ чистой скатертью покрыть, а тамъ вокругъ
Песочкомъ раскидать хрустящимъ подъ ногою.
О, руки милыя! подъ вашимъ обаяньемъ
Небеснымъ хижина наполнена сіяньемъ.

(Открываетъ занавѣсъ ея постели.)

А здѣсь! Блаженства дрожь меня взяла!
Здѣсь радъ сидѣть я цѣлыми часами.
Природа! здѣсь ты золотыми снами
Взлелѣять ангела могла.

Дитя лежало здѣсь; въ груди его дышала
Вся нѣжность жизни молодой
Здѣсь постоянно возникало—
Все, что̀ явилось красотой!

А ты! что̀ привело тебя?
Какъ глубоко я тронутъ, слышу я!
Зачѣмъ ты здѣсь? что̀ давитъ грудь твою?
Несчастный Фаустъ! Тебя не узнаю.

Волшебные ли здѣсь витаютъ сны?
Рвался я прямо насладиться,
И вотъ пришлось въ любовномъ снѣ разлиться!
Иль мы среды игрушкой быть должны?

А если бъ вдругъ ее я повстрѣчалъ,

О, какъ бы самъ я ужаснулся!

Большой болванъ какъ сталъ бы малъ!

У ногъ ея бы растянулся.

Мефистофель.

Скорѣй! она идетъ, я вижу.

Фаустъ.

Вонъ! вонъ! я не вернусь назадъ!

Мефистофель.

Вотъ ящикъ; онъ тяжеловатъ,
Кого другого ужъ обижу.
Ты въ шкапъ поставь его скорѣй;
Клянусь, она не взвидитъ свѣта;
Я тамъ наклалъ такихъ вещей,
Что отъ другой бы ждалъ привѣта.
А дѣти — дѣти, и игра — игра.

Фаустъ.

Рѣшиться ль мнѣ?

Мефистофель.

Вотъ спрашивать пора!
Ты драгоцѣнности припрятать хочешь, что ли?
Такъ сладострастіе твое
Пусть время сбережетъ свое
И мучиться меня не заставляетъ болѣ.
Не скупостью же ты, конечно, зараженъ?
Я въ головѣ чешу и руки зазудило —

(Ставитъ ящикъ въ шкапъ и запираетъ замокъ.)

Скорѣе вонъ!
Чтобъ только твой любовный сонъ
Прекрасное дитя осуществило;
А ты глядишь,
Какъ будто ты на каѳедрѣ стоишь,
Какъ будто предъ тобой воочію тоска
И физика и метафизика!
Скорѣй! (Уходятъ.)

Маргарита (съ лампадой).

Какъ душно здѣсь, я задохнусь. (Открываетъ окна.)
А на дворѣ совсѣмъ не зной.
Чего-то словно я боюсь!—
Хоть мать скорѣй бы шла домой.
Дрожитъ вся внутренность моя!—
Вотъ глупая трусиха я!

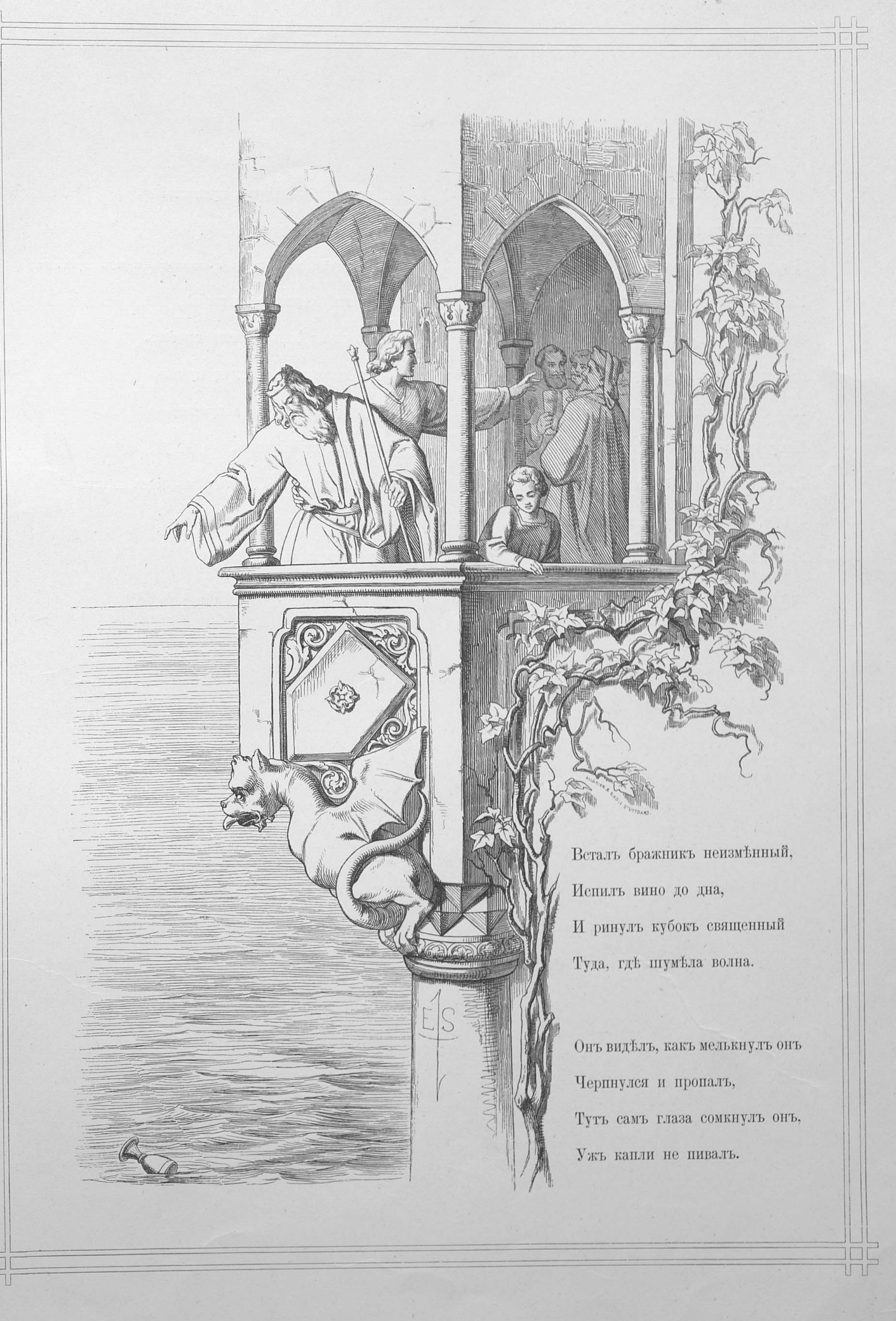
(Поетъ раздѣваясь.)

Жилъ въ Ѳулѣ король,—до могилы
Онъ вѣренъ былъ душой;
Ему, умирая, вручила
Любовница кубокъ златой.

Не зналъ онъ дороже бокала;
Что пиръ, онъ его осушалъ;
Слеза на глаза проступала,
Когда изъ него онъ пивалъ.

Передъ своей кончиной
Онъ земли подѣлилъ,
Всѣ роздалъ до единой,
Но кубка не дарилъ.

Вотъ съ рыцарской семьею
Сидитъ онъ у стола,
Гдѣ зàмокъ надъ волною
Морской взнесла скала.

Всталъ бражникъ неизмѣнный,
Испилъ вино до дна,
И ринулъ кубокъ священный
Туда, гдѣ шумѣла волна.

Онъ видѣлъ, какъ мелькнулъ онъ
Черпнулся и пропалъ,
Тутъ самъ глаза сомкнулъ онъ,
Ужъ капли не пивалъ.

(Раскрываетъ шкапъ убрать платье и видитъ ящикъ.)

Попасть сюда какъ ящикъ могъ?

Я затворила на замо̀къ.

Какъ странно! можетъ-быть въ залогъ

Онъ принесенъ—и мать могла

Деньгами подъ него ссудить.

На лентѣ ключикъ я нашла;

Попробую замокъ открыть.

Гляди! О, Господи! что̀ это?

Уборъ, какого мнѣ не довелось видать:

Дворянка въ праздникъ въ немъ была бы разодѣта,

Вотъ хоть цѣпочку эту взять!

Могла ли бъ мнѣ она пристать?

Чьи это вещи дорогія?

(Надѣваетъ уборъ и становится передъ зеркаломъ.)

Вотъ мнѣ сережки бы такія!

Не такъ на васъ сейчасъ глядятъ.

Хоть молода ты, хоть прекрасна,

Все превосходно, да напрасно;—

Вниманія не обратятъ.

Похвалятъ лишь съ участіемъ безслѣднымъ.

Къ богатству льнутъ,

Богатства ждутъ

Всѣ. Ахъ, и горе же намъ, бѣднымъ!

Гулянье.

Фаустъ въ раздумьи ходитъ взадъ и впередъ.—
Подходитъ Мефистофель.

Мефистофель.

Клянусь отверженной любовью! пыломъ ада!
Знай хуже что̀, клялся бъ и тѣмъ я! Вотъ до̀сада!

Фау́стъ.

Что такъ? и въ чемъ бѣда твоя?
Подобнаго лица и видѣть не случится!

Мефистофель.

Готовъ бы къ чорту провалиться,
Когда бъ самъ чортомъ не былъ я!

Фаустъ.

Иль голова твоя сбиваться съ толку стала?
Тебѣ такъ бушевать ужасно не пристало!

Мефистофель.

Подумай, тотъ уборъ, что Гретхенъ я припасъ,
Попъ подцѣпить сумѣлъ какъ разъ!
Мать эту штуку усмотрѣла,
И вмигъ сомнѣнье возымѣла.
У этой бабы чуткій носъ,
Онъ на молитвенникѣ взросъ,
И чуетъ всюду, въ каждый слѣдъ,
Святая это вещь, иль нѣтъ.
Она уборъ какъ увидала,
Въ немъ благодати не сыскала.
Дитя! сказала, — грѣхъ и страхъ!
Неправое стяжанье прахъ.
Снесемъ Богородицѣ даръ неизвѣстный,
Она насъ порадуетъ манной небесной!
А Гретхенъ ротъ скривила свой,
Я чай, подумала, конь даровой,
И какъ безбожникомъ считать
Того, кто это могъ прислать!
Мать за попомъ послала скоро;

Тотъ понялъ все изъ разговора,

Взглянулъ и говоритъ: разсудокъ

На путь васъ истинный навелъ.

Кто побѣждаетъ, — пріобрѣлъ.

У церкви все варитъ желудокъ,

Она и страны пожираетъ,

А все же сытой не бываетъ;

Не вредно церкви, безъ сомнѣнья,

Неправое пріобрѣтенье.

Фаустъ.

Обычай общій; — онъ таковъ

У королей и у жидовъ.

Мефистофель.

Забралъ тутъ серьги и цѣпочки

Онъ какъ грибки поодиночкѣ,

И даже не благодарилъ,

Орѣховъ словно навалилъ,

Небесныя всѣмъ посулилъ награды,

Онѣ сердечно были рады.

Фаустъ.

А Гретхенъ?

Мефистофель.

Стала тосковать,

Не знаетъ какъ, чего желать,

Уборъ ей голову вскружилъ,

А больше тотъ, кто приносилъ.

Фаустъ.

Мнѣ жаль бѣдняжечки моей.

Уборъ достань ты новый ей!

Да прежній плохъ былъ, знаешь самъ.

Мефистофель.

Все шутки этимъ господамъ.

Фаустъ.

Ты постарайся, не лѣнись,

Къ ея сосѣдкѣ подкатись.

Ты, чортъ, не будь же размазней,

Достань ты мнѣ уборъ другой!

Мефистофель.

Да, сударь, вашъ слуга ослушаться не смѣетъ.

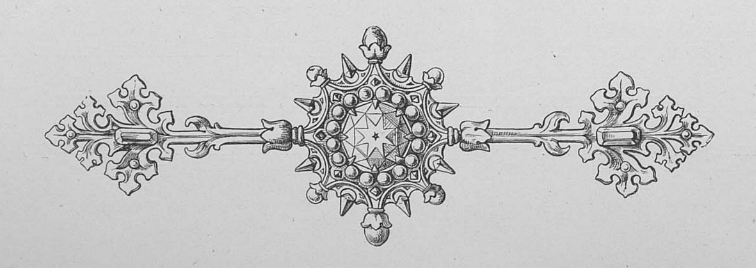
(Фаустъ уходитъ.)

Какъ съ дуракомъ влюбленнымъ быть?

Онъ солнце и луну, и звѣзды всѣ разсѣетъ,

Чтобъ только милой угодить.

(Уходитъ.)

Домъ Сосѣдки.

Марта (одна).

Мой муженекъ, чтобъ Богъ ему простилъ,
Со мною дурно поступилъ!
Ушелъ шататься, — тѣсно въ домѣ.
Вотъ и одна я на соломѣ,
А, кажется, ему я не грубила
И, видитъ Богъ, какъ я его любила.

(Плачетъ.)

Быть-можетъ, ужъ Господь успѣлъ его прибрать!
Гдѣ мнѣ свидѣтельство-то взять?

Маргарита (входитъ).

Я, Марта, къ вамъ.

Марта.

Дружокъ, зачѣмъ?

Маргарита.

Я вся дрожу, чуть не упала!
Въ шкапу я ящикъ увидала
Такой, какъ былъ и передъ тѣмъ.
А вещи, — не было такихъ
И въ томъ — чудесныхъ, дорогихъ.

Марта.

Про нихъ ты матери ни слова!
Она попу отдастъ ихъ снова.

Маргарита.

Гляди! Ахъ! обрати вниманье!

Марта (наряжаетъ ее).

Ахъ, ты счастливое созданье!

Маргарита.

Жаль! что нельзя въ нихъ ни гулять,
Ни даже въ церкви ихъ казать.

Марта.

Ко мнѣ почаще урывайся,
Тихонько здѣсь, въ уборѣ этомъ всемъ,
Предъ зеркаломъ часочекъ прогуляйся,
Мы налюбуемся вдвоемъ.
А въ праздники ты станешь надѣвать
По малости, — и людямъ ихъ казать.
Сперва цѣпочку, серьги тамъ одни.
Мать не замѣтитъ; ей, пожалуй, что сболтни.

Маргарита.

Но кто два ящика принесъ-то?
Тутъ дѣло, кажется, не спроста!

(Стучатъ.)

Маргарита.

О, Боже! Ну, какъ мать идетъ! — я вся дрожу.

Марта (смотря за занавѣсъ двери).

Чужой тамъ господинъ. — Войдите!

Мефистофель (входя).

Я прошу
Прощенья напередъ у дамъ,
Что прямо такъ вхожу я самъ.

(Почтительно отступаетъ передъ Маргаритой.)

О Мартѣ Швертлейнъ я спросить два слова!

Марта.

Я самая. Я отвѣчать готова!

Мефистофель (тихо ей).

Теперь я знаю васъ, — и впредь я очень радъ;
Но гости знатные у васъ сидятъ.
Простите, что вошелъ безъ зова,
Но въ полдень къ вамъ явлюсь я снова.

Марта (громко).

Дитя! Вотъ чудеса пошли!
Тебя за барышню сочли.

Маргарита.

Бѣдняжка я, и господину
Дала къ любезности причину.
А весь чужой на мнѣ уборъ. —

Мефистофель.

Не онъ одинъ, а вашъ и взоръ
Блистаетъ благородной волей;
Я радъ, что остаюсь тутъ долѣ!

Марта.

Съ чѣмъ вы пришли? Хочу скорѣй...

Мефистофель.

Желалъ бы лучшихъ я вѣстей!
И не хотѣлъ бы вызвать стоновъ.
Мужъ умеръ вашъ и шлетъ поклоновъ.

Марта.

Онъ умеръ? милый другъ! Ахти!
Онъ умеръ, ахъ, не въ силахъ я снести!

Маргарита.

Въ отчаянье не приходите!

Мефистофель.

Печальной повѣсти внемлите!

Маргарита.

Я полюбить весь вѣкъ свой не желаю,
Утраты я не вынесу,—я знаю.

Мефистофель.

Грусть въ радости, а радость въ грусти вѣчно.

Марта.

Скажите же, какъ умеръ онъ?

Мефистофель.

Онъ у Антонія, сердечный,
Тамъ въ Падуѣ похороненъ,
На благодатнѣйшемъ погостѣ
Свои онъ успокоилъ кости.

Марта

А мнѣ вы ничего затѣмъ не сообщите?

Мефистофель.

Большую просьбу приношу:
Вы триста панихидъ по мертвомъ закажите!
Во всемъ другомъ не взыскивать прошу.

Марта.

Какъ! бездѣлушки даже никакой!
Какую въ сумочкѣ рабочій припасетъ,
Да въ память принесетъ,
Скорѣй попроситъ подаянья!—

Мефистофель.

Мадамъ, скорблю я самъ душой;
Но все жъ на вѣтеръ онъ не бросилъ достоянья.
Онъ о своихъ проступкахъ сожалѣлъ,
И очень о своемъ несчастіи скорбѣлъ.

Маргарита.

Какъ трудно людямъ жить и гибнуть безъ пути!
За упокой его послѣдній грошъ отдамъ ужъ.

Мефистофель.

Достойны вы сейчасъ же выйти замужъ:
Такое вы прелестное дитя.

Маргарита.

Ахъ, нѣтъ, чередъ не вышелъ мой.

Мефистофель.

Коли не мужъ, такъ кавалеръ любой.
Какое райское блаженство,
Обнять такое совершенство.

Маргарита.

Не принятъ здѣсь подобный обиходъ.

Мефистофель.

Ну, принятъ или нѣтъ! а все одинъ исходъ.

Марта.

Да разскажите мнѣ!

Мефистофель.

Я въ часъ его кончины
Былъ у его одра; то былъ навозъ одинъ,
Но умиралъ онъ, какъ христіанинъ,
А за собой еще онъ находилъ причины.
Какъ долженъ, онъ твердилъ, себя я ненавидѣть,
Что могъ такъ долгъ попрать и такъ жену обидѣть!
Ахъ, тяжело! онъ продолжалъ, стеня,
Хотя бъ простить меня она въ душѣ рѣшила!

Марта (плачетъ).

Мой бѣдный мужъ! ужъ я давно ему простила.

Мефистофель.

Но видитъ Богъ! она виновнѣе меня.

Марта.

Онъ лжетъ! какъ! лгать передъ кончиной этакъ!

Мефистофель.

Онъ вѣрно бредилъ подъ послѣдокъ,
Коль я могу судить о чемъ.
Мнѣ, говорилъ онъ, жить досталось не зѣвая,
Сперва дѣтей, потомъ ей хлѣба добывая,
И хлѣба въ смыслѣ не прямомъ,
А я не могъ куска-то съѣсть покойно.

Марта.

Всю нѣжность, всю любовь забыть такъ недостойно,
Все надрыванье день и ночь!

Мефистофель.

Нѣтъ, было позабыть о нихъ ему не въ мочь.
Онъ говорилъ: когда изъ Мальты я
Отплылъ, я за жену и за дѣтей молился,
И до небесъ дошла молитва, знать, моя,
Въ плѣну у насъ корабль турецкій очутился,
Который везъ казну великому султану.—
Тутъ было роздано возмездье храбрецамъ.
Я получилъ, скрываться въ томъ не стану,
Часть приходящуюся самъ.

Марта.

Ахъ, что? Ахъ, гдѣ? Ее онъ не зарылъ ли?

Мефистофель.

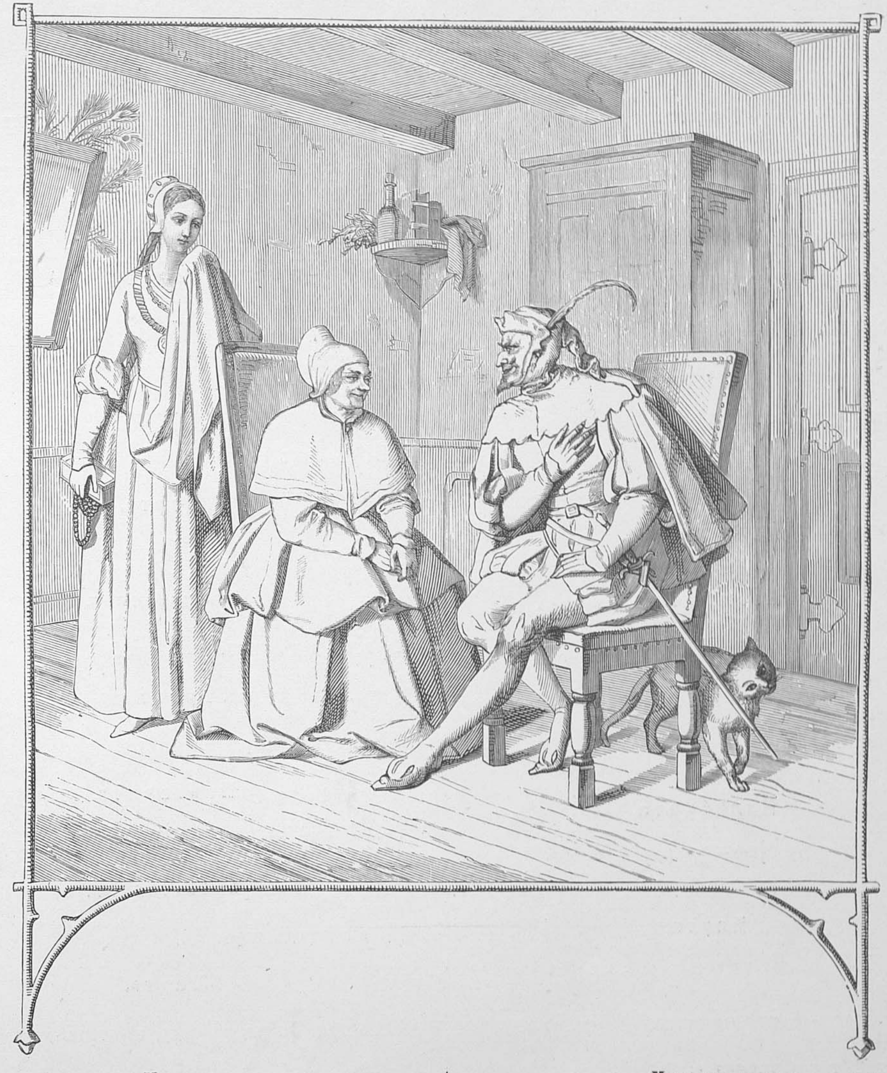
Не знаю подлинно; онъ денегъ не спустилъ ли?
Въ Неаполѣ съ нимъ барышня сошлась,
Когда уже въ трудахъ не изнурялъ онъ силы;
Она его любить такъ вѣрно принялась,
Что это чувствовалъ онъ даже до могилы.

Марта.

Ахъ, онъ подлецъ! Дѣтей грабитель!
Бѣда, нужда со всѣхъ сторонъ,
А онъ такой же расточитель!

Мефистофель.

Вы видите, за то и умеръ онъ.
Когда бъ я сталъ на мѣсто ваше,
Хоть горевалъ бы годъ, другой,
Межъ тѣмъ дружка высматривалъ бы краше.

Марта.

О, Боже! Все жъ каковъ былъ первый мой,
Едва ль другой отыщется на свѣтѣ!
Подобный дурачокъ найдется ль средь живыхъ.
Онъ только странствія любилъ всѣ эти,
Вино чужое, женъ чужихъ
И эти проклятыя кости.

Мефистофель.

Ну, можно было и терпѣть,
Когда и онъ безъ всякой злости
Могъ и на вашу жизнь смотрѣть.
Клянусь, съ такимъ условьемъ самъ
Кольцо въ обмѣнъ я бъ отдалъ вамъ!

Марта.

Вы только шутите изъ лести!

Мефистофель (про себя).

Нѣтъ, отъ нея пора бѣжать!
Готова чорта на словѣ поймать.

(Обращаясь къ Гретхенъ.)

А ваше сердце все на мѣстѣ?

Гретхенъ.

Какъ мнѣ васъ понимать?

Мефистофель (про себя).

Невинное дитя!

(Громко.)

Прощайте, барыни!

Маргарита.

Прощайте!

Марта.

Не шутя!
Свидѣтельство-то мнѣ, премного бъ одолжили,
Какъ, гдѣ, когда дружка вы схоронили.
Порядокъ вѣкъ блюдя во всѣхъ предметахъ,
Про смерть его прочесть желала бы въ газетахъ.

Мефистофель.

Двухъ очевидцевъ можетъ быть
Довольно, дѣло подтвердить.
Товарищъ у меня приличный,—
Онъ явится на ставкѣ личной.
Мы съ нимъ придемъ.

Марта.

Прошу я васъ!

Мефистофель.

А вотъ и дѣвушка какъ разъ?
Онъ ловкій малый! Просвѣщенъ,
Любезенъ съ барышнями онъ.

Маргарита.

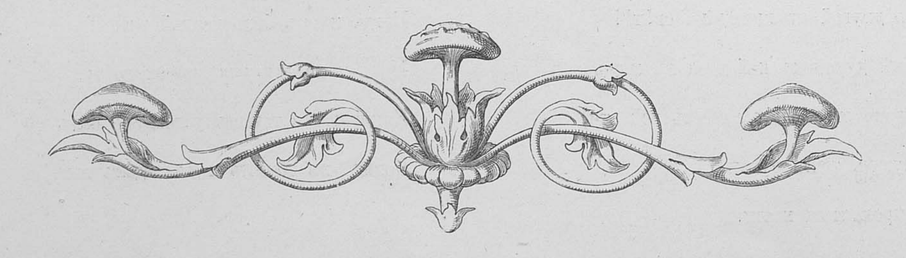
Сгорю я со стыда предъ этимъ господиномъ.

Мефистофель.

Да ни передъ царемъ единымъ.

Марта.

Вотъ тамъ въ моемъ саду, за этимъ домомъ,
Сегодня вечеркомъ мы ждемъ васъ со знакомымъ.

Улица.

Фаустъ и Мефистофель.

Фаустъ.

Ну что? каковъ успѣхъ? Дождусь ли я?

Мефистофель.

А, браво! Весь горишь какъ жаръ ты?
И Гретхенъ въ скорости твоя.
Съ ней вечеромъ увидишься у Марты.
Вотъ женщина; ужъ рождена
Цыганкой, сводней быть она!

Фаустъ.

Чудесно!

Мефистофель.

Но и къ намъ есть просьба, милый мой.

Фаустъ.

Услуга требуетъ другой.

Мефистофель.

Мы показать должны, въ томъ только вся услуга,
Что прахъ ея покойнаго супруга
Былъ въ Падуѣ похороненъ.

Фаустъ.

Умно! И долженъ путь туда свершить сперва я!

Мефистофель.

Sancta simplicitas!—Тутъ выходъ не мудренъ;
Ты засвидѣтельствуй, не зная!

Фаустъ.

Другое выдумай! То выдумка плохая.

Мефистофель.

О, мужъ святой! Давно ли освященъ?
Какъ будто въ жизни ужъ понынѣ

Ты лжесвидѣтельствъ не давалъ?—
О Богѣ, о душѣ не самъ ли ты вѣщалъ,
О мірѣ, доходя до всѣхъ его началъ,
Опредѣленій ты не ставилъ ли въ гордынѣ?
Да съ мѣднымъ лбомъ, съ отвагой огневой?
А загляни въ себя ты честно,
Вѣдь это все тебѣ не болѣе извѣстно
Кончины Швертлейна самой!

Фаустъ.

Ты все софистъ и вѣчный лжецъ.

Мефистофель.

Когда бы я не зналъ людскихъ сердецъ.
А завтра неравно случится,
У Гретхенъ станешь горячиться,
И бѣдненькой въ любви божиться!

Фаустъ.

И отъ души.

Мефистофель.

Отлично! Не спѣши!
Тутъ о любви и страсти вѣчной,
И безграничной и сердечной—
И это тоже отъ души?

Фаустъ.

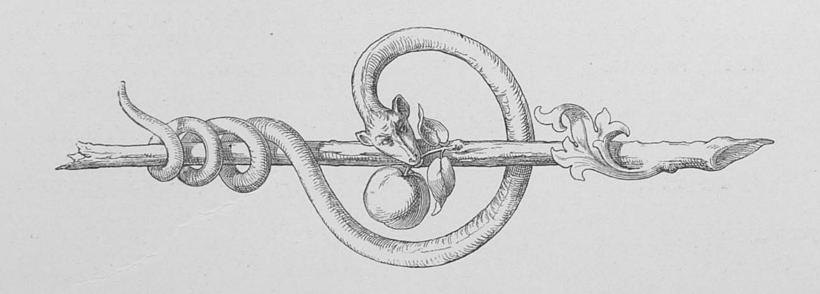
Оставь! Ну да! Когда горю я,
Когда весь пылъ, всю эту дрожь
Назвать и слова не сыщу я,
И въ цѣломъ мірѣ сердцемъ снова
Ищу достойнѣйшаго слова,
И этотъ пылъ съ стремленіемъ сердечнымъ
Я называю вѣчнымъ, вѣчнымъ,—
Иль это дьявольская ложь?

Мефистофель.

А правъ-то я!

Фаустъ.

Послушай-ко! Оставь—
Пожалуйста, мои хоть легкія жалѣя:—
Кто хочетъ правымъ быть, лишь языкомъ владѣя,
Тотъ будетъ правъ.
Пойдемъ.—Наскучила мнѣ эта болтовня.
Ты правъ ужъ тѣмъ,—что нужно для меня.

Садъ.

Маргарита и Фаустъ подъ руку.—Марта и Мефистофель прогуливаются.

Маргарита.

Я чувствую все снисхожденье въ васъ
Ко мнѣ,—и я стыдомъ сгораю небывалымъ.
Кто странствуетъ, привыкъ уже подчасъ
Довольствоваться слишкомъ малымъ;
И я увѣрена, мужъ опытный такой
Не можетъ занять быть моею болтовней.

Фаустъ.

Одинъ твой взглядъ и звукъ рѣчей
Дороже мудрости мнѣ всей.

(Цѣлуетъ ея руку.)

Маргарита.

Не безпокойтесь! что̀ вамъ за охота
И цѣловать? Она жестка, груба!
Не минетъ этихъ рукъ и черная работа;
Мать на взысканье не слаба.

(Проходятъ.)

Марта.

А вы, сударь, вы вѣчно на пути?

Мефистофель.

Ахъ, ремесло и долгъ! Не въ нашей это волѣ!
Какъ тяжело порой изъ мѣстъ иныхъ уйти,
А все нельзя остаться долѣ!

Марта.

Въ порывистыхъ годахъ куда ни шло
Носиться по свѣту, испытывая силы,
Но вотъ лѣта приносятъ зло,
И такъ холостякомъ тащиться до могилы
Кого-либо къ добру едва ли привело.

Мефистофель.

Предвижу это съ содроганьемъ!

Марта.

Размыслите о томъ за время со вниманьемъ.

(Проходятъ.)

Маргарита.

Да, вонъ изъ глазъ, изъ сердца вонъ!
Вы съ вѣжливымъ сдружились обращеньемъ.
Не мнѣ чета; разумнѣйшимъ сужденьемъ
Вашъ кругъ знакомства надѣленъ.

Фаустъ.

О, милая! Повѣрь, разумнымъ-то слыветъ
Нерѣдко спесь одна, да близорукость.

Маргарита.

Да?

Фаустъ.

Ахъ, жаль, что въ простотѣ невинность никогда
Себя и всей цѣны своей не сознаетъ!
Что скромность нѣжную смиренному разсудку
Готовы мы въ вину поставить и считать...

Маргарита.

Попомните меня единую минутку,
Достанетъ времени о васъ мнѣ вспоминать.

Фаустъ.

Вы все одни?

Маргарита.

Да, хлопоты всѣ дни,
Хоть необширныя они.
У насъ служанки нѣтъ; вязать, мести, варить,
Шить надо мнѣ, бѣги туда, бѣги обратно,
А матери моей трудненько угодить,—
Такъ аккуратна!
Не то, чтобъ нужно ей стѣснять себя во всемъ,
Мы даже болѣе иныхъ имѣемъ средства:
Отецъ-таки оставилъ намъ наслѣдство,
Есть домикъ за городомъ, садъ.
Теперь мои поразвязались руки:
Мой братъ солдатъ,
Сестричка умерла.
Съ ребенкомъ этимъ, что я горя приняла,
Но я бы съ радостью опять пошла на муки,
Будь живъ онъ.

Фаустъ.

Ангелъ былъ, коль сходенъ былъ съ тобой!

Маргарита.

Вскормила я его,—тянулся онъ за мной.
Ужъ послѣ онъ отца родился;—
И недугъ матери продлился,
Ужъ мы отчаялись сперва,—
И поднялась она едва-едва.
Тутъ думать нечего ей было,
Чтобъ крошечку сама она кормила.
Вотъ и вскормила я ее
Водой да молокомъ; сказать,—дитя мое.
И съ рукъ моихъ оно не шло,
Смѣялось, прыгало, росло.

Фаустъ.

Чистѣйшую изъ всѣхъ ты радость испытала.

Маргарита.

Но сколько я и горя принимала.
Малютки колыбель стояла близъ меня,
Въ ночное время,—чуть бывало шевельнется—
Проснусь и я;
То надо напоить, то взять къ себѣ; неймется,—
Кричитъ,—тогда вставай, на мѣстѣ не сиди,
А съ нимъ по горницѣ взадъ и впередъ ходи,
А по утру опять къ корыту подходи;
На рынокъ, въ кухню будь готова,
Сегодня такъ и завтра снова.
Веселье не пойдетъ на умъ тутъ, сударь мой;
Зато какъ вкусенъ хлѣбъ и сладостенъ покой.

(Проходятъ.)

Марта.

Задача бѣдныхъ женщинъ тяжела:
Холостяка нельзя исправить.

Мефистофель.

А вѣдь любая бъ, кажется, могла
На лучшій путь меня направить.

Марта.

Еще ни съ кѣмъ вы такъ-то не встрѣчались?
И сердцемъ вы нигдѣ не прилѣплялись?

Мефистофель.

Пословица гласитъ намъ: свой очагъ,
Да добрая жена всѣхъ выше благъ.

Марта.

Я говорю: такихъ вы мыслей не держали?

Мефистофель.

Меня вездѣ любезно принимали.

Марта.

Я спрашиваю: мысль питали ль вы сердечно?

Мефистофель.

Кто съ женщиной шутить осмѣлится безпечно?

Марта.

Ахъ, вы не поняли!

Мефистофель.

Ужасно жалко мнѣ!
Но понялъ только я, что вы добры вполнѣ.

(Проходятъ.)

Фаустъ.

Такъ ты, мой ангелокъ, сейчасъ сообразила,
Узнала ты меня, когда я въ садъ вошелъ.

Маргарита.

Вы не замѣтили? Глаза я опустила.

Фаустъ.

И ты простила мнѣ, что подошелъ
Такъ дерзко я, хотя тогда ты волновалась,
Когда намедни ты изъ церкви возвращалась?

Маргарита.

Я смущена была, мнѣ это было ново;
Худого про меня никто бъ не могъ сказать.
Подумала я: онъ чего-нибудь дурного

Иль наглаго во мнѣ не могъ ли увидать?

Съ чего бы кажется и статься,

Такъ прямо къ дѣвкѣ привязаться.

И признаюсь, никакъ не знала я,

Что въ пользу вашу здѣсь ужъ стало шевелиться;

Но вѣрно то, я злилась на себя,

Что я на васъ сильнѣй не въ силахъ злиться.

Фаустъ.

Душа!

Маргарита.

Позвольте!

(Она срываетъ астру и обрываетъ лепестки одинъ за другимъ.)

Фаустъ.

Это что? Букетъ какой?

Маргарита.

Нѣтъ, такъ, забава.

Фаустъ.

Какъ?

Маргарита.

Не смѣйтесь надо мной.

(Она обрываетъ и шепчетъ.)

Фаустъ.

Что шепчешь ты?

Маргарита (вполголоса).

Меня онъ любитъ,—нѣтъ—

Фаустъ.

О ты, очей отрадный свѣтъ!

Маргарита (продолжаетъ).

Онъ любитъ,—нѣтъ, онъ любитъ,—нѣтъ,

(Обрывая послѣдній лепестокъ, съ нѣжной радостью)

Меня онъ любитъ!

Фаустъ.

Дитя мое! прими ты рѣчь цвѣтка

За приговоръ небесъ. Тебя онъ любитъ!

Поймешь ли ты слова? тебя онъ любитъ!

(Беретъ ее за обѣ руки.)

Маргарита.

Я трепещу!

Фаустъ.

О, не дрожи! Пусть этотъ взоръ

И пусть руки моей пожатье

Проговорятъ, чего сказать нѣтъ словъ:

Вполнѣ предаться, чувствуя блаженство,

Которое должно быть вѣчно!

Да, вѣчно! Вѣдь его конецъ бы былъ

Отчаянье.—Нѣтъ, безъ конца! и вѣчно!

(Маргарита жметъ ему руки, вырывается и убѣгаетъ. Онъ стоитъ нѣкоторое время въ задумчивости, потомъ слѣдуетъ за ней.)

Марта (входя).

Ужъ скоро ночь.

Мефистофель.

И мы уйдемъ сейчасъ.

Марта.

Я бъ васъ просила дольше здѣсь остаться;

Да мѣсто-то прегнусное у насъ.

Здѣсь всѣ, вотъ словно имъ и нечѣмъ заниматься,

И дѣла точно нѣтъ другого,

Какъ у сосѣда все высматривать любого.

А тутъ пойдутъ судить, не избѣжишь рѣчей.

А наша парочка?

Мефистофель.

Порхнула въ липникъ тотъ.

Вотъ птички вешнія!

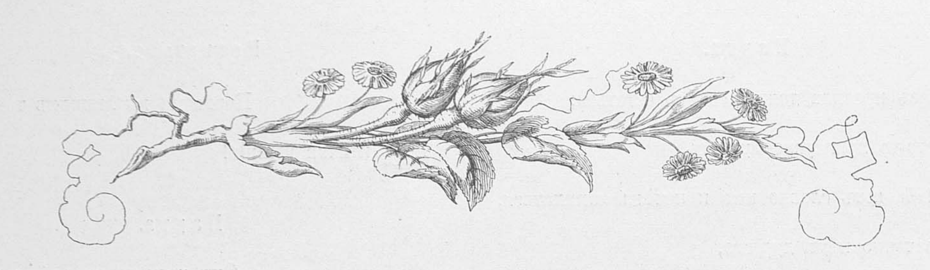
Марта.

Онъ кажется къ ней льнетъ.

Мефистофель.

Она къ нему. Таковъ законъ вещей!

Бесѣдка.

Маргарита (вбѣгаетъ, прячется за дверь, прикладываетъ палецъ къ губамъ и смотритъ въ щель двери).

Идетъ!

Фаустъ (входитъ).

Плутовка, какъ, смѣяться надо мной?

Постой же! (Цѣлуетъ ее.)

Маргарита (обнимая его, возвращаетъ поцѣлуй).

Другъ! тебя люблю я всей душой!

Мефистофель (стучится).

Фаустъ (топнувъ ногой).

Кто тамъ?

Мефистофель.

Пріятель!

Фаустъ.

Звѣрь!

Мефистофель.

Разстаться не пора ль?

Марта (входитъ).

Ужъ поздно, сударь.

Фаустъ.

Мнѣ васъ провожать нельзя ль?

Маргарита.

Мать стала бы меня... прощайте!

Фаустъ.

Такъ не ждать?

Прощайте!

Марта.

Добрый путь!

Маргарита.

Увидимся опять!

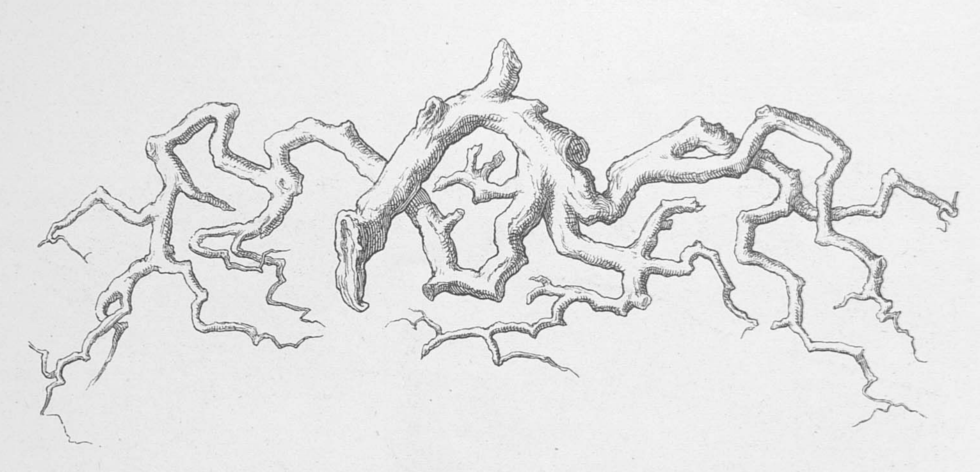
(Фаустъ и Мефистофель уходятъ.)

Маргарита.

О, Господи! чего, чего
Не передумалъ онъ всего!
А я въ смущеніи гляжу
И ко всему лишь *да* твержу.
Заговоритъ—я какъ во снѣ,
И что̀ онъ могъ найти во мнѣ? (Уходитъ.)

E S
ALLGAIER & SIEGLE. STUTTGART.

Лѣсъ и пещера.

Фаустъ (одинъ).

Высокій духъ, ты все послалъ мнѣ, все,
О чемъ просилъ я. Не вотще свой ликъ
Ты обратилъ во пламени ко мнѣ.
Отдавъ мнѣ въ царство чудную природу,
Ты далъ мнѣ силъ цѣнить ее, вкушать.
Къ ней разрѣшилъ не доступъ лишь холодный,
А даровалъ взглянуть ей прямо въ грудь,
Какъ будто въ грудь привѣтливую друга.
Ты рядъ живыхъ проводишь предо мной
И научаешь братьевъ узнавать
На воздухѣ, въ водѣ и въ тихой рощѣ.
Когда же буря по лѣсу гудетъ
И исполинъ сосна треща валится,
Сосѣдніе ломя стволы и сучья,
И грянетъ холмъ отъ тяжкаго паденья,
Тогда ты мнѣ въ пещерѣ безопасной
Указываешь самого себя,
И грудь моя свои мнѣ кажетъ тайны.
Когда же чистая луна засвѣтитъ
Успокоительно, ко мнѣ слетаютъ
Съ отвѣсныхъ скалъ и изъ кустовъ росистыхъ
Минувшаго серебряныя тѣни,
Жаръ созерцанья строгій укротить.

О, я познал теперь, что человѣку
Не вѣдать совершенства. Къ наслажденью,
Ведущему меня къ богамъ все ближе,
Ты пріобщилъ мнѣ спутника, съ которымъ
Ужъ я разстаться не могу, хоть онъ
Въ моихъ глазахъ меня же унижаетъ,
Какъ всѣ твои дары, единымъ словомъ.
Въ моей груди онъ будитъ пламень дикій,
Чтобъ дивную ту омрачить картину.
Такъ восхотя, ищу я наслажденій,
И въ наслажденьи жажду восхотѣть.

Мефистофель (входитъ).

Вести такую жизнь не надоѣло знать?
Какъ на одной стоять затѣѣ?
Прекрасно это все однажды испытать;
А тамъ чего бы поновѣе!

Фаустъ.

Знать дѣлать нечего, коль въ чудный день такой
Тебѣ терзать меня досужно.

Мефистофель.

Ну, ну! Мнѣ дорогъ твой покой;
И повторять о томъ не нужно.
Въ тебѣ, съ причудами твоими, да съ душкомъ
Всегда заносчивымъ—немного потеряешь.
Тутъ полны руки дѣлъ въ любое время днемъ!
Что̀ нравится ему и неугода въ чемъ,
Ужъ по носу у васъ никакъ не угадаешь.

Фаустъ.

Такъ вотъ дѣла куда пошли!
Благодари я даже за докуку.

Мефистофель.

Ну, какъ бы, бѣдный сынъ земли,
Ты жилъ, когда бъ не протянулъ я руку?
Вѣдь дурь твоей растрепанной мечты
Прогнать-то я надолго постарался.
И если бы не я, давно бы ты
Съ земного шара прогулялся.
Ну, что̀ ты здѣсь въ пещерахъ подъ скалой,
Въ разсѣлинахъ сидишь сова совой?
По мхамъ да влажнымъ камнямъ, только знаешь
Какъ жаба пищи набираешь?
Занятье чудное и видъ!
Въ тебѣ все докторъ знать сидитъ.

Фаустъ.

Поймешь ли ты, какимъ приливомъ силъ
Пустынный этотъ видъ мнѣ душу оживилъ?
Но если бъ понялъ ты хоть частью,
Какъ истый чортъ, ты помѣшалъ бы счастью.

Мефистофель.

Сверхчувственно—могу сказать!
Въ росѣ, въ го̀рахъ, да по ночамъ шагать,
И съ небомъ и съ землею обниматься,
До божества пытаясь раздуваться,
И въ глубь земли стремиться путь найти,
Шесть дней творенья всѣ вмѣщать въ груди,
Вкушать въ гордынѣ не вѣсть что̀ такое?
Въ блаженствѣ утопать, все позабывъ земное
И сына праха заглушивъ;
И вдохновенія приливъ

(Дѣлаетъ движеніе)

Закончить чѣмъ?

Оставлю ужъ въ покоѣ.

Фаустъ.

Фи! гадость!

Мефистофель.

Видишь ли, тебѣ не нравлюсь я.
Фи! въ правѣ говорить ты, нравственность блюдя,
И уши чистыя то пропускаютъ мимо,
Чтò чистымъ всѣмъ сердцамъ вполнѣ необходимо.
Ну, словомъ, я твоей предоставляю волѣ,
Налгать при случаѣ себѣ какъ можно болѣ;
Но долго ль будетъ такъ съ тобой.
Въ тебѣ ужъ что-то шевелится,
Дай срокъ, оно и разразится
Безумствомъ, страхомъ иль тоской,
Оставимъ это!—Твой дружочекъ милый
Сидитъ теперь печальна и грустна;
Къ тебѣ она стремится всею силой,
Въ тебя она до страсти влюблена.
Любовнымъ бѣшенствомъ сначала забурлилъ ты,
Какъ въ таянье снѣговъ бушующій ручей;
Волненіе свое ей въ сердце перелилъ ты,
Теперь ручейчикъ твой смирнѣй.
Мнѣ кажется, чѣмъ по лѣсамъ скитаться,
Великій мужъ бы, не шутя,
Могъ это бѣдное дитя
Вознаградить за нѣжность постараться.
Тоска ее ужасная беретъ;
То станетъ у окна да все глядитъ, какъ тучи
То тянутся, то наплываютъ въ кучи.
«Когда бъ была я птичкой!» запоетъ.
Такъ цѣлый день, гляди, и ночь пройдетъ,
То весела, не то грустна,
То вдругъ слезами вся зальется,
Потомъ какъ будто и уймется,
И все влюблена.

Фаустъ.

Змѣя! змѣя!

Мефистофель (про себя).

Ага! тебя поймалъ же я!—

Фаустъ.

Проклятый! къ дѣлу и не къ дѣлу,
Прекрасной женщины не поминай!
И похоти во мнѣ не возбуждай
Къ ея ты сладостному тѣлу!

Мефистофель.

Что жъ это будетъ? Ты, въ ея глазахъ,
Теперь бѣжалъ. Вѣдь это просто страхъ.

Фаустъ.

Я близокъ къ ней,—вездѣ она моя,
И къ ней навѣкъ мечты мои несутся;
Завидую Христову тѣлу я,
Когда ея уста его коснутся.

Мефистофель.

Отлично, другъ! и мнѣ завидно часто было
Двоешекъ наблюдать, что розами прикрыло.

ALLGAIER & SIEGLE. STUTTGART.

Фаустъ.

Прочь, сводникъ!

Мефистофель.

Ты меня бранишь, а мнѣ забавно.
Богъ, что дѣвицъ и парней создавалъ,
Въ томъ силу главную призналъ,
Чтобъ случай подвести исправно.
Пойдемъ! Подумаешь, вотъ горе!
Вѣдь ты у милой будешь вскорѣ,
Не смерть, а счастье впереди.

Фаустъ.

Что̀ мнѣ и рай ея дыханья?
Могу ль забыть ея страданья
Я даже на ея груди?
Я развѣ не бѣглецъ? и не безумный?
Не выродокъ слѣпой, познавшій страсть,
Который какъ потокъ со скалъ несется шумный,
Чтобъ въ безднѣ сумрачной пропасть?
А въ сторонѣ она съ младенческой душою;—
На выступѣ скалы стоитъ ея домокъ,
Заботою домашнею одною
Наполненъ весь ея мірокъ.—
Богоотверженный, я мало
Того что захватилъ
И раздробилъ
Ея родныя скалы!
Я подъ ея покой рѣшился подкопаться!
Подобной жертвой, адъ, ты можешь услаждаться!
Ты, чортъ, разсѣй измученную душу!
Чему ужъ быть, пусть будетъ поскорѣй!
Пусть на себя судьбу ея обрушу,
Погибнуть чтобъ со мной и ей.

Мефистофель.

Опять кипишь ты и пылаешь!
Ступай, утѣшь ее, глупецъ!
Гдѣ въ бѣдной головѣ ты выходъ потеряешь,
Тебѣ мерещится конецъ.
Хвала тому, кто дѣйствуетъ смѣлѣй!
И огнь и воду ты вѣдь человѣкъ прошедшій.
По-моему нѣтъ ничего глупѣй,
Какъ чортъ, въ отчаянье пришедшій.

Комната Гретхенъ.

Гретхенъ (за прялкой одна).

Прости мой покой,
Тоска въ груди;
Никогда мнѣ его—
Никогда не найти.

Гдѣ онъ не со мной,
Все гробъ пустой;
Глядѣть на свѣтъ
Охоты нѣтъ.

Мой бѣдный умъ
Пошелъ кругомъ,
Мой бѣдный смыслъ
Исчезъ во всемъ.

Прости мой покой,
Тоска въ груди;
Никогда мнѣ его—
Никогда не найти.

За нимъ лишь гляжу я
Изъ окна,
За нимъ лишь иду я
Изъ дома одна.

Какая поступь,
Какъ сложенъ,
Кто улыбнется,
Кто глянетъ, какъ онъ?

И эта рѣчь,
Какъ пѣнье струй,
И рукожатье,
И поцѣлуй!

Прости мой покой,
Тоска въ груди;
Никогда мнѣ его—
Никогда не найти.

Душа летитъ
Его встрѣчать.
Ахъ, какъ бы схватить
И его удержать!

И цѣловать
Его и млѣть,
И въ поцѣлуяхъ
Умереть!

Садъ Марты.

Маргарита.—Фаустъ.

Маргарита.

Дай слово, Генрихъ!

Фаустъ.

Въ чемъ могу!

Маргарита.

Насколько ты религіи послушенъ?
Ты добрый человѣкъ, но я едва ль солгу—
Сказавъ, что къ ней ты равнодушенъ.

Фаустъ.

Оставь, дитя! Мою ты сознаешь любовь;
За близкихъ сердцу я готовъ пролить и кровь,
Не стану отнимать я церкви у страны.

Маргарита.

Нѣтъ, мало этого; мы вѣровать должны!

Фаустъ.

Должны ли мы?

Маргарита.

Мнѣ ль убѣждать? Самъ знаешь!
И таинствъ ты не почитаешь.

Фаустъ.

Я чту ихъ.

Маргарита.

Только безъ желанья.
Не приносилъ давно ты въ церкви покаянья.
А въ Бога вѣришь ли?

Фаустъ.

Кто въ правѣ въ цѣломъ свѣтѣ,
«Я въ Бога вѣрую», сказать?

Спроси священника иль мудреца,—въ отвѣтѣ
Скорѣе можно бы насмѣшку услыхать
Надъ вопрошающимъ.

Маргарита.

Итакъ, не вѣришь ты?

Фаустъ.

Какъ объяснить тебѣ, мой ангелъ чистоты!
Кто назоветъ Его? укажетъ
И скажетъ:
«Въ Него я вѣрю.»
Кто ощущаетъ
И самъ дерзаетъ
Сказать: «не вѣрю я»?
И Вседержитель,
Всеохранитель
Не охраняетъ ли тебя,
Меня и самого себя?
Не сводъ ли неба тамъ надъ нами?
И не крѣпка ль земля подъ нашими ногами?
Не вѣчныя ли звѣзды всходятъ
Все выше, весело блестя?
Глаза въ глаза тебѣ я не гляжу ль,
И не стремится ль все
Къ тебѣ и въ голову, и въ сердце,
И вѣетъ тайной безотвѣтной
Незримо, зримо вкругъ тебя?
Наполни этимъ грудь со всѣмъ участьемъ,
И если сердце вдругъ замлѣетъ счастьемъ,
Какъ хочешь это чувство назови:
Любовью! счастьемъ! сердцемъ! Богомъ!
Я имени не знаю
На это!--Чувство—все;
А имя—звукъ и дымъ, вокругъ
Небеснаго огня.

Маргарита.

Прекрасно это, добрый другъ;
Священникъ то же, помню я,
Иными говорилъ словами.

Фаустъ.

Все это говорятъ сердцами
Всѣ люди по свѣту кругомъ,
На языкѣ своемъ родномъ.—
Зачѣмъ мнѣ на своемъ не высказать того же?

Маргарита.

Послушать, такъ и съ правдой схоже,
Но въ этомъ есть изъянъ одинъ;—
Въ душѣ ты не христіанинъ.

Фаустъ.

Дитя!

Маргарита.

И вижу я скорбя,
Въ подобномъ обществѣ тебя.

Фаустъ.

Какъ такъ?

Маргарита.

Тотъ человѣкъ, съ которымъ ты хорошъ,
Мнѣ прямо въ сердце острый ножъ;
И въ жизни, съ самаго начала,
Я ничего страшнѣй не знала
Его лица-то одного.

Фаустъ.

Не бойся, куколка, его!

Маргарита.

Въ его присутствіи стѣсненье я терплю.
А то я всѣхъ людей люблю;
Какъ жажду я тебя увидѣть,
Такъ этого въ душѣ готова ненавидѣть,
И я его считаю шельмецомъ!
Прости мнѣ, Господи, коль ошибаюсь въ томъ!

Фаустъ.

Есть и такимъ на свѣтѣ дѣло.

Маргарита.

Съ подобными ему я жить бы не хотѣла!
Какъ въ двери онъ войдетъ, заговоритъ,
Съ такой насмѣшкою глядитъ,
Какъ бы со зломъ;
Не приметъ видимо участья онъ ни въ чемъ;
На лбу написано признанье,
Что онъ любить не въ состояньи.
Въ объятіяхъ твоихъ мнѣ такъ свѣтло,
Такъ по себѣ, такъ преданно тепло,
А вотъ при немъ я вся больна душой

Фаустъ.

О, чистый, вѣщій ангелъ мой!

Маргарита.

Такое я насиліе терплю,
Что стóитъ лишь ему межъ нами появиться,
Я словно и тебя ужъ больше не люблю.
При немъ я бъ не могла молиться,
Какъ будто пробираетъ дрожь;
Съ тобою, Генрихъ, вѣрно тожъ.

Фаустъ.

Антипатія у тебя.

Маргарита.

А мнѣ пора домой.

Фаустъ.

Ахъ, хоть бы я
Часокъ съ тобой покойно могъ остаться,
Чтобъ грудь на грудь, душа съ душой сливаться!

Маргарита.

Ахъ, если бъ я спала одна!
Сегодня бъ я въ ночи замка не задвигала;
Но мать чутка во время сна,
И если бъ насъ она застала,
Я бъ тутъ на мѣстѣ умерла?

Фаустъ.

Мой ангелъ, въ чемъ бѣду нашла!
Вотъ пузырекъ! Три капли влить
Въ ея напитокъ и довольно,
Чтобъ въ сонъ ее глубокій погрузить.

Маргарита.

Тебя я слушаюсь невольно!
Надѣюсь, ей вреда не будетъ въ этомъ?

Фаустъ.

Не вызвался бъ иначе я съ совѣтомъ.

Маргарита.

Другъ, близъ тебя стихаетъ вся тревога,
Куда велишь, иду я какъ во снѣ;
Я для тебя ужъ сдѣлала такъ много,
Что нечего и дѣлать больше мнѣ.

(Уходитъ.)

Мефистофель (входитъ).

Мартышка-то ушла?

Фаустъ.

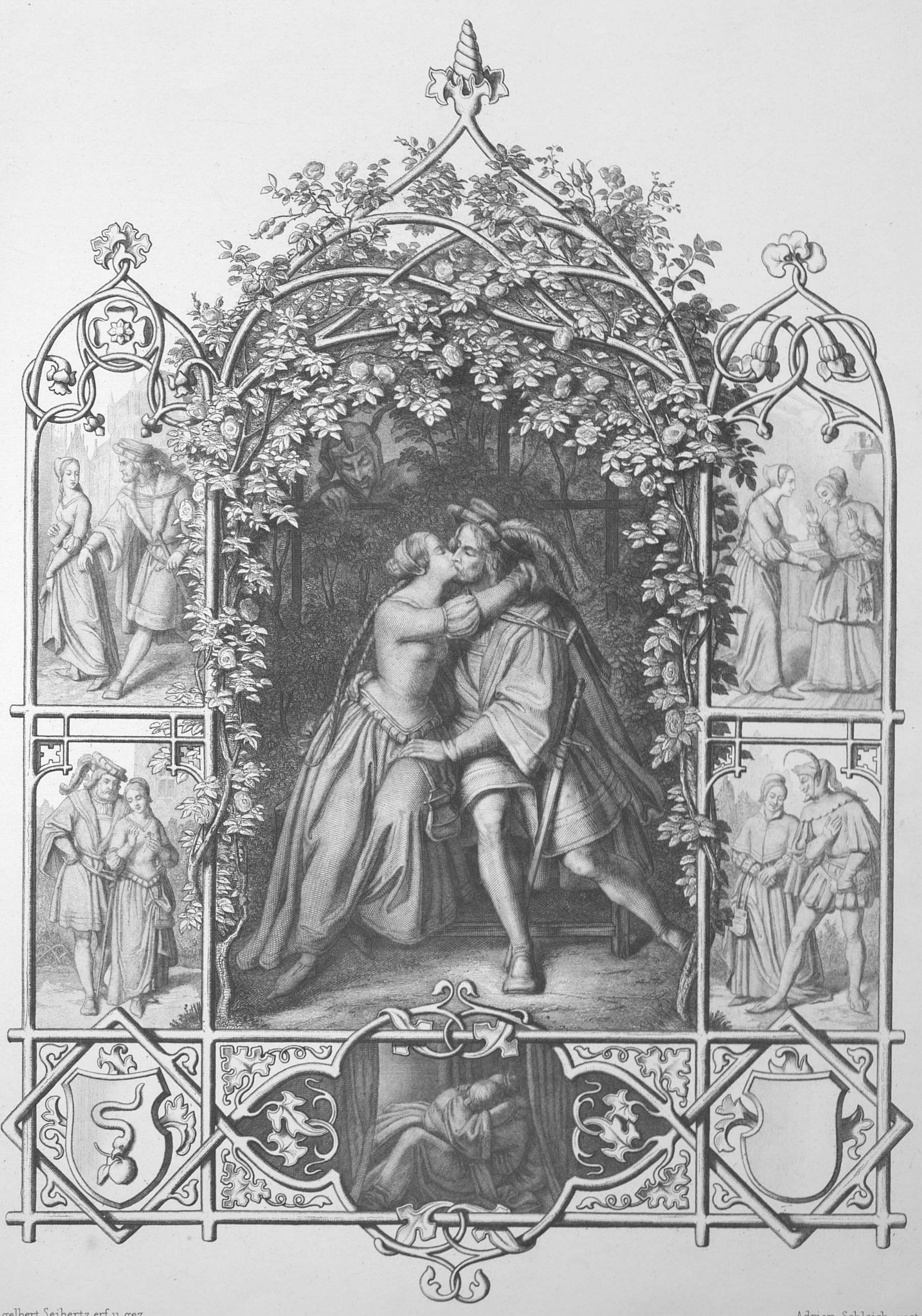
А ты шпіонилъ снова?

Мефистофель.

Я все разслушалъ слово въ слово,
Изъ катехизиса пришлось вамъ отвѣчать,
Надѣюсь, докторъ, это вамъ здорово.
А дѣвушкамъ страхъ хочется узнать,
Блюдетъ ли кто законъ по старинѣ.
Коль тутъ онъ тихъ, такъ сдастся-молъ и мнѣ.

Фаустъ.

А ты, чудовище, ты не поймешь никакъ,
Что чистая душа, святая,—
Глубокой вѣрою полна,
Которая въ ея глазахъ
Одна спасительна,—томится, помышляя,
Что милаго она погибшимъ счесть должна.

Engelbert Seibertz erf. u. gez.

Adrian Schleich gest.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА. ВЪ СПБ.

Мефистофель.

Сверхчувственный и чувственный мой другъ,
Проводитъ за носъ васъ дѣвица.

Фаустъ.

Ты грязь и адской бездны духъ!

Мефистофель.

А по лицу читать она премастерица.
При мнѣ она какъ будто не своя,
Тревожу чувства въ ней я маской небывалой;
Она предчувствуетъ, что вѣрно геній я,
Коли не самъ я чортъ, пожалуй.
Такъ нынѣшнюю ночь...?

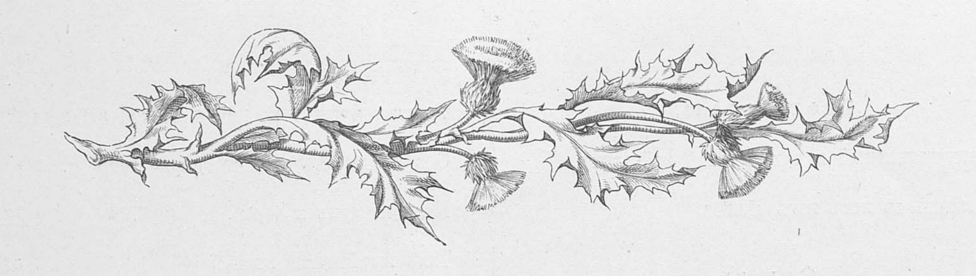
Фаустъ.

Тебѣ-то что же?

Мефистофель.

И я порадуюся тоже!

У колодца.

Гретхенъ и Лиза (съ кувшинами).

Лиза.

Ты о Варюшѣ не слыхала?

Гретхенъ.

Ни слова! Выхожу въ народъ я рѣдко такъ.

Лиза.

Навѣрное. Вечоръ Сивилла мнѣ сказала!
Попала наконецъ впросакъ.
Доважничалась!

Гретхенъ.

Какъ?

Лиза.

Не говори, воняетъ!
Коль ѣстъ она иль пьетъ, такъ этимъ двухъ питаетъ.

Гретхенъ.

Ахъ!

Лиза.

Вотъ наконецъ ей подѣломъ;
Довольно виснула на парнѣ-то своемъ!
Довольно гуляла,
На танцахъ, прогулкахъ мелькала,
Вишь, нужно первой быть во всемъ,
То съ пирожками къ ней онъ, то съ виномъ;—
Ужъ краше, думала, и нѣтъ ея кругомъ,
Стыда-то, совѣсти не знала,
Его подарки принимала.
Шептались, миловались, знай;
А вотъ цвѣтокъ-то и прощай!

Гретхенъ.

Бѣдняжка!

Лиза.

Что̀ о ней жалѣть!
Какъ намъ за прялкою сидѣть,
Да ночью не пускаетъ мать,—

Ей все съ возлюбленнымъ стоять;—
И на скамьѣ, и въ темномъ переходѣ
Часами были на свободѣ.
Теперь пускай не погнѣвится
Въ рубашку грѣшницъ нарядиться!

Гретхенъ.

Онъ вѣрно женится на ней.

Лиза.

Онъ не дуракъ. Такому молодцу
Вездѣ просторъ и все къ лицу.
Ужъ онъ ушелъ.

Гретхенъ.

Поступокъ не хорошъ!

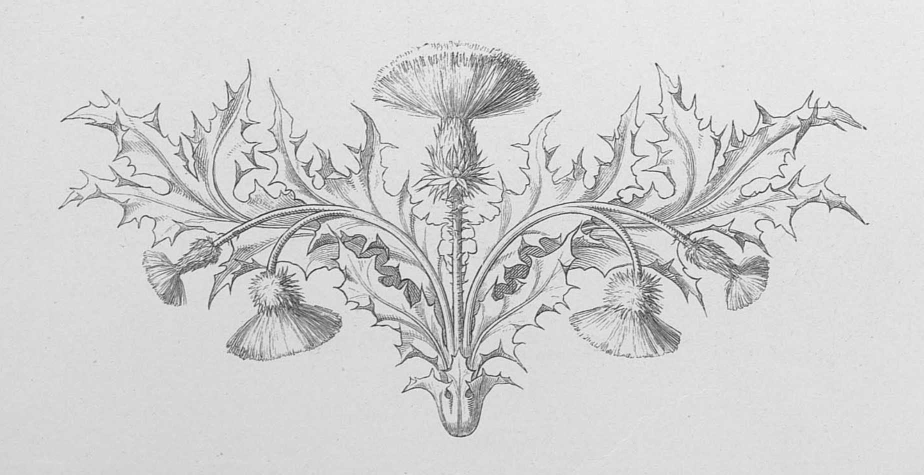
Лиза.

Хоть онъ женись, а все ей будетъ то жъ.
Ей парни разорвутъ вѣнокъ,
А мы насыплемъ рѣзки на порогъ!

(Уходитъ.)

Гретхенъ (уходя домой).

Какъ прежде мнѣ казались тяжки
Проступки дѣвушки-бѣдняжки!
Для прегрѣшенія чужого
Бывало не находишь слова!
Бывало черно, все чернишь,—
А надо больше—говоришь.
Гордилася я въ собственныхъ глазахъ!
А вотъ сама я во грѣхахъ!
Но все,—что̀ къ этому вело,
Ахъ! было нѣжно такъ! и такъ свѣтло!

Ограда.

Въ углубленіи стѣны образъ Скорбящей Божіей Матери.—
Передъ нимъ вазы для цвѣтовъ.

Гретхенъ (ставитъ свѣжіе цвѣты въ вазы).

Къ молящей
Ты ликъ скорбящій
Склони, пойми тоску мою!

Твоя кручина
О смерти Сына
Мечомъ пронзила грудь твою.

Къ Отцу взираешь,
И возсылаешь
Ты воздыханьемъ скорбь свою.

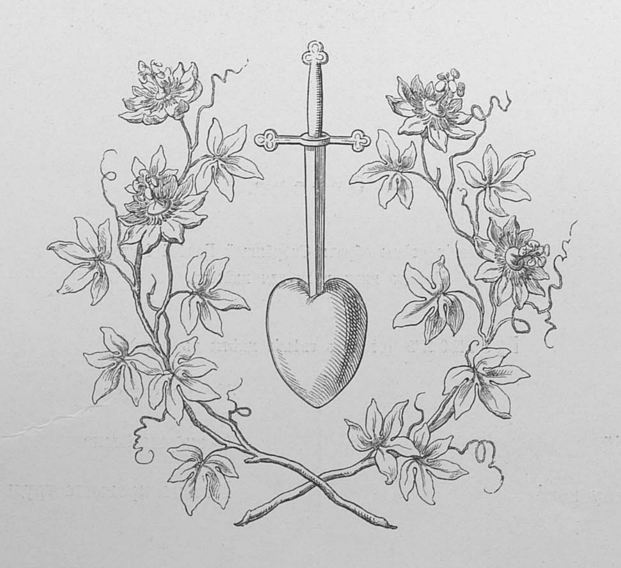
Кто знаетъ,
Какъ таетъ
Во мнѣ вся сила до дна?
Чѣмъ бѣдное сердце страдаетъ,
Чтȯ дрожью его обнимаетъ,
Ты знаешь, ты знаешь одна!

Куда бы ни пошла я,
Больна, больна, больна я,
Тоска въ моей груди!
Уйду ль и горе спрячу,
Я плачу, плачу, плачу,
И сердцу не снести.

Всѣ стекла въ моемъ окошкѣ
Слезами вновь политы,
Когда я сегодня срывала
Тебѣ вотъ эти цвѣты.

Чуть солнце заблестѣло
По утру мнѣ въ окно,
А я опять сидѣла
Въ постели ужъ давно.

Спаси! укрой рабу свою!
Къ молящей
Ты ликъ скорбящій
Склони, пойми тоску мою!

Ночь.

Улица у двери Гретхенъ.

Валентинъ (солдатъ, братъ Гретхенъ).

Бывало на пиру иномъ,
Какъ похвальба пойдетъ кругомъ,
И станетъ кто мнѣ говорить
И лучшихъ дѣвушекъ хвалить,
Съ стаканомъ полнымъ избочась,
На край стола облокотясь;
Сижу спокойно я себѣ,
Внимая этой похвальбѣ.
Молчу, а смѣхъ въ душѣ таю,
И подыму стаканъ съ виномъ,
Да и скажу: всякъ за свою!
Но есть ли гдѣ-нибудь кругомъ,
Чтобъ съ Гретхенъ можно спорить ей,
Съ сестрою дорогой моей?
Топъ! топъ! чокъ! чокъ! пойдетъ вокругъ.
Они кричатъ: «онъ точно правъ;
Какая прелесть, что̀ за нравъ!»
А хвастуны затихнутъ вдругъ.—
И вотъ!—рвать волосы придется,
На стѣнку лѣзть мнѣ остается!
Радъ подпустить тебѣ иголку
Шельмецъ послѣднiй втихомолку!
А я, я, какъ преступникъ тайный,
Потѣй отъ выходки случайной!
Хоть размозжи ихъ кулаками—
А все не назовешь лгунами.

Кто тамъ? кто крадется вотъ тутъ?
Ихъ двое кажется идутъ.
И если онъ, его схвачу я,—
И ужъ живымъ не отпущу я!

Фаустъ и Мефистофель.

Фаустъ.

Какъ въ ризницѣ тамъ у окна
Лампада вѣчная лишь свѣтитъ вверхъ сильнѣе,

Теряясь въ стороны слабѣе и слабѣе,

И ночь кругомъ ея черна:

Такъ и въ груди моей все темно.

Мефистофель.

А мнѣ такъ словно кошкѣ томно,

Что вверхъ по лѣстницѣ крутой

Взошла и скрылась за стѣной;

И добродѣтельно я чувствую сперва

Немножко похоти, немножко воровства.

Всего какъ бы манитъ и нудитъ

Вальпургіева ночь опять!

Она же послѣзавтра будетъ,

Тогда не жаль и не поспать.

Фаустъ.

А между тѣмъ, подымется ль тотъ кладъ,

Гдѣ вижу огоньки тамъ назади блестятъ?

Мефистофель.

Ужъ не далекъ твой часъ отрадный,

Котельчикъ вынешь преизрядный.

Въ него намедни я глядѣлъ;

Онъ полонъ талеровъ горѣлъ.

Фаустъ.

И ни запястья, ни кольца?

Мнѣ милой подарить бы нужно.—

Мефистофель.

Какихъ-то видѣлъ два конца,

Отъ нитки кажется жемчужной.

Фаустъ.

Вотъ хорошо! Мнѣ больно къ ней идти,

И ничего съ собой не принести.

Мефистофель.

Ты могъ бы съ мыслью помириться,

Порой и даромъ насладиться.

Теперь послушай лютню ты мою,

При блескѣ звѣздъ и я смѣлѣе;

Я пѣснь моральную спою,

Чтобъ съ толку сбить ее вѣрнѣе.

(Поетъ подъ лютню.)

Напрасно, вѣрь,

Къ дружку ты въ дверь

Глядишь теперь,

Катюша, предъ денницей!

Тебя тайкомъ,

Введетъ путемъ,

Дѣвицей въ домъ,

Но пуститъ не дѣвицей.

Такъ ты гляди!

Себя блюди;

Того и жди,

Накличешь дней печальныхъ!

Мы всѣмъ твердимъ:

Вы ни съ однимъ

Engelbert Seibertz erf. u. gez.   ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ СПБ.   Adrian Schleich gest.

Не знайтесь съ нимъ

До колецъ обручальныхъ!

Валентинъ (выступаетъ).

Кого, проклятый, манишь тамъ?

Ахъ, крысоловъ—кривая рожа!

Сперва гудокъ ко всѣмъ чертямъ!

И къ чорту пѣсенника тоже!

Мефистофель.

Вотъ лютня сломана! Не велика забота.

Валентинъ.

По черепамъ пойдетъ работа!

Мефистофель (Фаусту).

Вы, докторъ, тожъ, куда ни шло!

За мной, когда я наступаю!

Свою шпажонку наголо!

Колите вы! Я отбиваю.

Валентинъ.

Ну, отбивай!

Мефистофель.

Что жъ! я-таки натертъ.

Валентинъ.

И этотъ?

Мефистофель.

Да!

Валентинъ.

Дерется онъ, какъ чортъ!

Но что со мной? Слабѣю, какъ ребенокъ.

Мефистофель (Фаусту).

Коли!

Валентинъ (падая).

Увы!

Мефистофель (подходя).

Знать присмирѣлъ теленокъ!

Теперь уйдемъ! Скорѣе, прочь отсюда!

Уже орутъ разбой во всѣхъ концахъ.

Съ полиціей я былъ всегда въ ладахъ,

Но голосъ крови—съ нимъ я лажу худо!

Марта (изъ окна).

Сюда! сюда!

Гретхенъ (изъ окна).

Огня скорѣй!

Марта (какъ прежде).

Здѣсь споръ и брань и звонъ мечей.

Народъ.

Одинъ успѣлъ ужъ мертвымъ пасть!

Марта (выходя на улицу).

Убійцы, знать, ушли скорѣй?

Гретхенъ (выходя).

Убитъ-то кто?

Народъ.

Сынъ матери твоей.

Гретхенъ.

О, Милосердый! что̀ за страсть!

Валентинъ.

Я умираю!—говорить
Недолгая статья.
Вы, бабы, полно плакать, выть!
А слушайте меня!

(Всѣ его обступаютъ).

Ты, Гретхенъ! видишь, молода,
Еще глупа, въ твои года
Концовъ не можешь скрыть.
Тайкомъ хотѣлъ тебѣ сказать:
Выходишь подлинно ты б . . . ,
Ужъ такъ тому и быть!

Гретхенъ.

Братъ! Господи! за что̀ же мнѣ?

Валентинъ.

Оставь ты Бога въ сторонѣ!
Что̀ миновало—не вернешь,
А что̀ посѣешь, то пожнешь.
Ты тайно начала съ однимъ,
Чередъ настанетъ и другимъ,
А какъ до дюжины дойдешь,
Къ тебѣ весь городъ будетъ вхожъ.

Когда вначалѣ стыдъ родится,
Его пугаетъ свѣтъ дневной,
Ночною ищетъ пеленой
И съ головою онъ укрыться;
Его убить желанье наше.
А какъ пошелъ онъ только въ ростъ,
Такъ среди дня онъ ходитъ простъ,
А все не дѣлается краше.
И чѣмъ гнуснѣе онъ на видъ,
Тѣмъ больше къ свѣту норовитъ.

Настанетъ день и не одинъ,
Что всякій честный гражданинъ
Тебя—ты, шкура!—побоится,
Какъ отъ чумы онъ самъ посторонится,—
И сердце кровью будетъ обливаться
Твое, какъ ты ихъ встрѣтишь взоръ!
Въ цѣпочкѣ золотой не красоваться
У алтаря тебѣ отъ этихъ поръ!
Въ воротничкѣ ты съ кружевами
На танцы не пойдешь съ друзьями!
А будешь по угламъ стараться
Средь нищихъ и калѣкъ прижаться,
И, хоть и Богъ проститъ тогда,
На сей землѣ будь проклята!

Марта.

Отдать готовься душу Богу!

Зачѣмъ хулой грѣшишь ты на дорогу?

Валентинъ.

Ты, сводня! если бъ до сухихъ

Костей добраться мнѣ твоихъ,

Тогда бы мнѣ—въ души спасенье

Всѣ отпустились прегрѣшенья.

Гретхенъ.

О, братъ! какъ этотъ адъ горячъ!

Валентинъ.

Я говорю тебѣ, не плачь!

Ты злѣе мнѣ ударъ нанесть

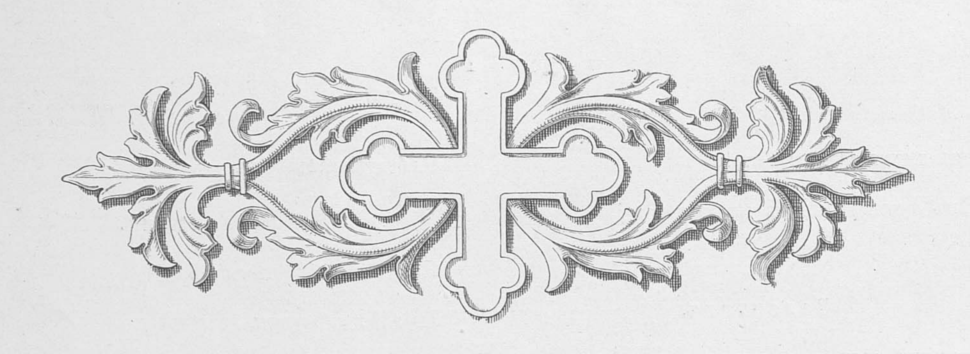
Рѣшилась, потерявши честь.

А я стою у вѣчныхъ вратъ

Предъ Богомъ правъ и какъ солдатъ.

(Умираетъ.)

Соборъ.

Обѣдня.—Органъ и пѣніе.

(Гретхенъ среди толпы народа. Злой духъ позади Гретхенъ.)

Злой духъ.

Съ тобою то ли, Гретхенъ,
Бывало, какъ съ невинной
Душой предъ алтаремъ,
Ты по избитой книжкѣ
Молитвы лепетала,
Не то о дѣтскихъ играхъ,
Не то о Богѣ помня!
Гретхенъ!
Что̀ въ головѣ твоей?
А въ сердцѣ
Какое прегрѣшенье?
Молилась ли о матери, которой
Пришлось изъ-за тебя почить въ страданьи долгомъ?
У двери, у твоей чья кровь?—
А у тебя подъ сердцемъ
Не движется ль уже и не растетъ ли
Себѣ на муку и тебѣ
Своимъ присутствіемъ зловѣщимъ?

Гретхенъ.

Увы! увы!
Хотя бъ уйти отъ мыслей,
Которыя туда, сюда мятутся
Невольно!

Хоръ.

Dies irae, dies illa
Solvet saeclum in favilla.

(Звукъ органа.)

Злой духъ.

Тебя хватаетъ ужасъ!
Труба трубитъ!
Гроба трясутся!
И сердце

Твое, изъ праха
Въ огнѣ мученій
Рождаясь снова,
Дрожитъ!

Гретхенъ.

Хотя бъ уйти!
Мнѣ кажется, органъ
Захватываетъ духъ мнѣ,
А пѣнье въ сердце
Идетъ до дна.

Хоръ.

Judex ergo cum sedebit,
Quidquid latet apparebit,
Nil inultum remanebit.

Гретхенъ.

Такъ тѣсно мнѣ!
Всѣ эти стѣны
Меня стѣснили,
А своды давятъ!
Нѣтъ силъ дышать!

Злой духъ.

Укройся! Грѣхъ и стыдъ не можетъ
Нигдѣ укрыться.
Свѣтъ? Воздухъ? Горе
Тебѣ!

Хоръ.

Quid sum miser tunc dicturus
Quem patronum rogaturus,
Cum vix justus sit securus?

Злой духъ.

Святые отвратили
Прославленные лики отъ тебя.
И руку протянуть
Тебѣ трепещетъ чистый!
Увы!

Хоръ.

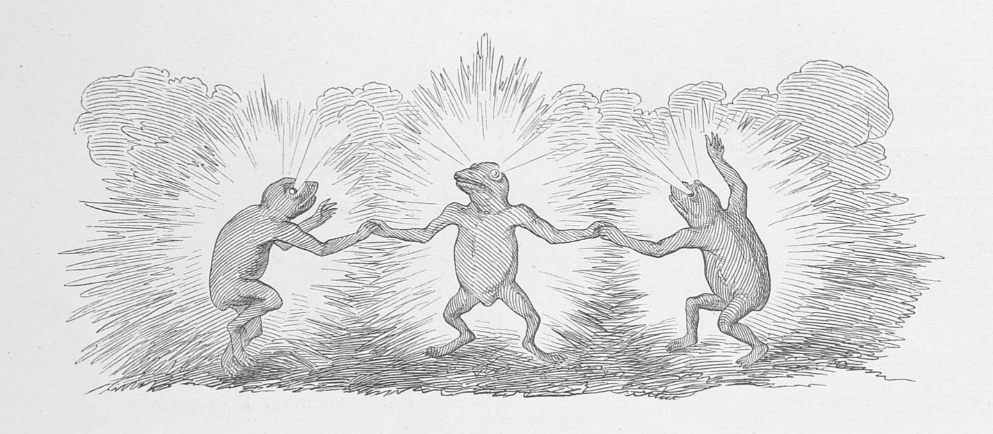
Quid sum miser tunc dicturus?

Гретхенъ.

Сосѣдка! вашъ флаконъ!

(Падаетъ въ обморокъ.)

Вальпургіева ночь.

ГАРЦЪ.

Мѣстность Ширке и Элендъ.

Фаустъ.—Мефистофель.

Мефистофель.

Не нужно ль помела тебѣ хоть для подмоги?
Козла бы взялъ я подюжѣй.
А этакъ колесить не мало намъ дороги.

Фаустъ.

Покуда мнѣ еще такъ бодро служатъ ноги,
Довольно палки мнѣ моей.
Что̀ пользы путь отыскивать прямой!
Въ извилинахъ долинъ тихонько подвигаться,
И на утесъ потомъ взбираться,
Откуда этотъ ключъ свергается струей,
Вотъ чѣмъ отраденъ путь такой!
Весна ужъ просится повѣять отъ березы,
Да и сосна душку пустила своего;
А вешнія на насъ не дѣйствуютъ ли грезы?

Мефистофель.

Не чую, право, ничего!
Я полонъ скуки небывалой;
Морозъ да снѣгъ мой оживили бъ духъ.
Какъ грустно, восходя, краснѣетъ запоздалый
Луны недовершенный кругъ,
И плохо свѣтитъ; какъ незрящій,
На дерево, скалу тутъ всякій набѣжитъ!
Дай подзову огонь блудящій!
Я вижу, тамъ одинъ такъ весело горитъ.
Эй! милый другъ! Послушай-ко любезный!

Чѣмъ тратить пламень безполезный,
Ужъ будь такъ добръ и вверхъ намъ посвѣти!

Блудящій огонь.

Я постараюсь, вамъ въ угоду,
Сдержать свою летучую природу;
По сторонамъ мы мечемся въ пути.

Мефистофель.

Эге! идешь людской стезею!
Держи же прямо, чортъ съ тобою!
Не то задую въ мигъ одинъ.

Блудящій огонекъ.

Я чувствую, что здѣсь вы господинъ.
Охотно вамъ готовъ служить.
Но на горѣ теперь содомъ тутъ настоящій,
И если долженъ васъ водить огонь блудящій,
Нельзя взыскательному быть.

Фаустъ, Мефистофель и Блудящій огонь.

(Поютъ вмѣстѣ.)

Въ область сновъ и волхкованья
Мы, какъ кажется, вступили.
Приложи свѣтить старанье!
Чтобы мы скорѣй забыли,
Какъ пустынно здѣсь и дико!

За деревьями смотри-ко,
Какъ деревья пробѣгаютъ,
Какъ тамъ скалы присѣдаютъ,
И утесы, что надъ нами
Дуютъ и сопятъ носами!

По каменьямъ межъ кустами
Ручеекъ и чистъ, и тѣсенъ.
Шумъ ли это? звуки ль пѣсенъ?
Или стонъ любви печальной,
Молодой, первоначальной?
Что̀ мы любимъ, что̀ намъ мило!
Только эха голосъ дальній
Какъ преданіе чудесенъ.

Угу! гаркнули съ просонка;
Сычъ, сова, сизоворонка,
Или въ сонъ васъ не клонило?
Саламандры знать въ опушкѣ?
Тонконожки! толстобрюшки!
Словно змѣи тамъ коренья
Изъ-подъ камней, надъ песками,
Завязалися узлами,
Намъ на страхъ и на смятенье;
Нити выпустивъ упрямо,
Какъ полипы, лѣзутъ прямо
На прохожихъ.—И стадами,
Между травами и мхами,
Мыши пестрыя шныряютъ!

Свѣтляки жъ, вокругъ летая,
Словно туча огневая,
Хуже съ толку насъ сбиваютъ.

Но скажи, съ тобою вмѣстѣ
Мы идемъ или на мѣстѣ?
Все вертится ходуномъ,
А скалы, деревья тоже
Искривяся, корчатъ рожи
Предъ блудящимъ огонькомъ.

Мефистофель.

Ухватись за плащъ мой длинный!
На скалѣ мы серединной,
Здѣсь увидишь, изумленъ,
Какъ въ горѣ блеститъ мамонъ.

Фаустъ.

Какъ странно въ глубинѣ мерцаетъ
Какой-то отблескъ заревой!
И даже словно проникаетъ
И въ сумракъ бездны онъ самой.
Тамъ точно паръ блеститъ сторонкой,
Здѣсь пыль такъ ярокъ и могучъ,
Тамъ потянулся нитью тонкой,
А тутъ сверкаетъ словно ключъ.
Вотъ здѣсь по жиламъ онъ прелестнымъ
Спѣшитъ въ долину низойти,
А здѣсь, за поворотомъ тѣснымъ,
Разъединился на пути.
Какъ искры, розсыпь золотая
Пескомъ разбросаннымъ блеститъ.
Но посмотри, скала сплошная
Во весь свой ростъ огнемъ горитъ.

Мефистофель.

Не правда ль, какъ мамонъ отлично
Дворецъ свой въ праздникъ освѣтилъ?
Ты счастливъ, что при этомъ былъ;
Хоть гости шумны неприлично.

Фаустъ.

Какъ этотъ вихрь и кружитъ все и рветъ!
Какъ онъ жестоко бьетъ меня по шеѣ!

Мефистофель.

За ребра старыхъ скалъ держись смѣлѣе;
Иначе онъ тебя въ тѣ пропасти столкнетъ.
Туманъ кругомъ разлитъ.
Послушай, какъ въ лѣсахъ трещитъ!
Взлетаютъ испуганно совы.
Въ осколки дробятся основы
Зеленыхъ и вѣчныхъ дворцовъ.
Ты слышишь ломанье суковъ,
Стволовъ непреклонныхъ стенанье,

Кореньевъ и трескъ, и зѣванье!
Всѣ въ общемъ погромѣ тѣснятся,
И дружка на дружку валятся,
И вдоль заваленныхъ ущелій,
Взвывая несутся мятели.—
Слышишь ли ты говоръ дикій?
И вдали и близко крики?
Ужъ по всѣмъ ущельямъ горъ
Заревѣлъ волшебный хоръ!

Вѣдьмы хоромъ.

На Брокенъ вѣдьмамъ всѣмъ походъ;
Хоть жнивье желто, зеленъ всходъ.
Туда толпа поспѣть спѣшитъ,
Гдѣ Уріанъ вверху сидитъ.
По пнямъ, по каменьямъ гони, пошелъ!
Колдунья п—тъ, воняетъ козелъ!

Голосъ.

А старая Баубо осталась одна;
Верхомъ на поросной свиньѣ она.

Хоръ.

Честь честью, кому подобаетъ почетъ!
Ты тетушка Баубо! ступай напередъ!
Свинья поздоровѣй, да тетка верхомъ,
Всѣ вѣдьмы за нею гурьбою пойдемъ.

Голосъ.

Откуда ты?

Голосъ.

На Ильзенштейнъ летѣла!
Совѣ въ гнѣздо тамъ посмотрѣла.
Какъ глянетъ пара глазъ!

Голосъ.

Эхъ, чтобъ те провалиться!
Куда верхомъ такъ торопиться!

Голосъ.

На раны глянь! сдуру,
Ссадила всю шкуру.

Хоръ вѣдьмъ.

Дорога долга и для всѣхъ широка;
Какой васъ тутъ лѣшій толкаетъ въ бока?
Намъ вилы—колоть, а метла чтобъ драть,
Задохся ребенокъ и лопнула мать.

Колдуны (полухоръ).

Нашъ какъ улитка медленъ ходъ;
А бабы всѣ ушли впередъ.
Гдѣ только царство злого ждетъ,
Тамъ бабы за версту впередъ.

Другой полухоръ.

Рѣшаетъ споръ одна черта:
Имъ, женщинамъ, нужна верста,

Но пусть спѣшатъ—что толку въ томъ?
Мужчина, глядь, догналъ прыжкомъ.

Голосъ (сверху).

Сюда! тамъ съ горныхъ вы озеръ!

Голосъ (снизу).

Мы рады бъ къ вамъ на выси горъ!
Мы моемъ, чисты, какъ вода; (1)
Зато безплодны навсегда.

Оба хора.

Звѣзда скатилась, вѣтеръ спитъ;
Ужъ мѣсяцъ спрятаться спѣшитъ;
И искрами волшебный хоръ
Горитъ, летя какъ метеоръ.

Голосъ (снизу).

Стой! стой!

Голосъ (сверху).

Кто тамъ кричитъ изъ-подъ скалы крутой?

Голосъ (снизу).

Возьмите меня! Возьмите меня!
Карабкаюсь триста я лѣтъ,
А все до вершины подняться
Нѣтъ мочи; а горько остаться.

Оба хора.

Везетъ метла, везетъ и колъ,
Везетъ ухватъ, везетъ козелъ;
Кто нынче ужъ не полетѣлъ,
Тому ужъ положенъ предѣлъ.

Полувѣдьма (внизу).

Топчусь, ужъ ноги отекли;
А вишь другія какъ ушли!
И дома ладу не найду,
Да и сюда не попаду.

Хоръ вѣдьмъ.

У вѣдьмъ для бодрости настой,
На парусъ взялъ лоскутъ любой,
Корыто лодка тоже чай;
Кто нынче не летитъ—прощай!

Оба хора.

Какъ мы вершину облетимъ,
Спускайтесь вы къ степямъ самимъ,
Чтобъ весь уступъ, какъ глазъ глядитъ,
Былъ всюду вѣдьмами покрытъ!

(Опускаются.)

Мефистофель.

Толкутся, суются, трещатъ!
Болтаютъ, жмутся и шипятъ!
И блескъ, и дымъ, и вонь, и чадъ!
А вѣдьмамъ любо—сущій адъ!
Ты за меня держись! не то насъ разлучатъ.
Ты гдѣ?

Фаустъ (издали).

Я здѣсь!

Мефистофель.

Ужъ вонъ куда оттерли?
Нѣтъ, съ ними толковать начну съ ножомъ на горлѣ.
Прочь! Видишь, самъ идетъ. Прочь, сволочь! чернь!
пусти!
Дай руку, докторъ, тутъ чтобъ разомъ намъ пройти,
Пока толпа сильнѣе не нагрянетъ;
Тутъ даже мнѣ, такъ тошно станетъ.
Вонъ что-то свѣтится особеннымъ огнемъ,
Вонъ въ тѣ кусты меня все тянетъ.
Скорѣй! скорѣй! Туда юркнемъ.

Фаустъ.

Противорѣчья духъ! какое поведенье!
Иду съ тобой, хоть не пойму путемъ.
Въ Вальпургіеву ночь на Брокенъ мы идемъ,
Чтобъ тамъ искать уединенья.

Мефистофель.

Смотри, что̀ за огни цвѣтные!
Веселый клубъ! Гляди какіе!
И въ маломъ будешь не одинъ.

Фаустъ.

Добраться лучше до вершинъ!
Тамъ у огней въ дыму толпа видна.
Гдѣ возсѣдаетъ зло, тамъ ей и сладко;
Тамъ выйдетъ не одна разгадка

Мефистофель.

Загадка тоже не одна.
Оставь ты свѣтъ большой кружиться;
Мы станемъ въ маломъ веселиться.
Давно ужъ это не секретъ,
Что малые мірки большой вмѣщаютъ свѣтъ.
Вотъ молодая вѣдьма—вся нага,
А вонъ старушка какъ хитро прикрылась.
Любезенъ будь, хоть мнѣ-то сдѣлай милость;
Трудъ не великъ, забава дорога.
Ну, инструменты грянули! Досада!
Проклятый хрипъ! А все привыкнуть надо!
Пойдемъ! Пойдемъ! Я буду впереди;
Необходимо мнѣ тебя ввести,
Чтобъ было и тебѣ вольготнѣй.
Что̀ скажешь, другъ? Не маленькій просторъ.
Во всѣ концы едва хватаетъ взоръ!
Огней пылаетъ больше сотни;
Танцуютъ, врутъ, варятъ, смѣются, пьютъ;
Скажи, гдѣ лучшій есть пріютъ?

Фаустъ.

А ты себя, чтобъ выйти на просторъ-то,
За колдуна имъ выдашь иль за чорта?

Мефистофель.

Меня всегда инкогнито прельщаетъ;
Но въ праздникъ всякъ свой орденъ надѣваетъ.
Подвязки орденской хоть мнѣ недостаетъ;
Но лошадиной тутъ ногѣ большой почетъ.
Улитку видишь ли? Вонъ къ намъ она плетется;
Хоть только ощупью вѣкъ свой,
А что-то ей во мнѣ сдается.
Здѣсь, хоть бы я хотѣлъ, не скроюсь, милый мой!
Пойдемъ къ огнямъ, ко всѣмъ собратамъ,
Ты какъ женихъ, я буду сватомъ.

(Къ нѣкоторымъ сидящимъ вокругъ углей.)

Вы, старички, куда вы тутъ забились?
Я бъ сталъ хвалить, когда бъ вы веселились,
Пустясь въ развалъ, гдѣ молодежь, огни;
И дома все сидѣли вы одни!

Генералъ.

У націй ужъ такая мода!
Заслугой ихъ не проберешь;
У женщинъ, какъ и у народа,
На первомъ мѣстѣ молодежь.

Министръ.

А мнѣ любезна старина;
Куда теперь заколесили?
Какъ мы всѣмъ правили, такъ были
И золотыя времена.

Parvenu.

Случалося и намъ сбиваться кое въ чемъ,
А все назвать нельзя насъ дураками;
Теперь же все пошло вверхъ дномъ,
И именно, когда все было подъ руками.

Авторъ.

Ну, кто теперь прочтетъ что̀ подѣльнѣй,
Признайтесь-ко нелицемѣрно!
А что̀ касается до молодыхъ людей,
Такъ носъ задрали непомѣрно.

Мефистофель (вдругъ становясь старикомъ).

Пора на Страшный Судъ всѣмъ, вижу я,
Послѣдній разъ иду на эту гору,
И если жить мнѣ хуже день отъ дня,
То міру знать конецъ приходитъ скоро

Вѣдьма торговка.

Вы, господа, куда пошли!
Вы случая не упустите!
Мои товары разглядите;
Тутъ что̀ угодно бы нашли.
Недаромъ выхваляю лавку,
Какой не встрѣтить на землѣ,
Нѣтъ вещи, чтобъ она вдобавку
Въ какомъ не побывала злѣ.

Engelbert Seibertz erf. u. gez.

Adrian Schleich gest.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА, ВЪ СПБ.

Что̀ ни кинжалъ, то кровь по немъ струилась,
Здѣсь кубка нѣтъ, которому бъ вливать
Горячій ядъ въ тѣла не приходилось.
Что̀ ни уборъ—то женщинъ соблазнять.
Привыкъ,—что̀ мечъ—измѣнѣ послуживші̆й,
Хоть въ спину, напримѣръ, противника сразившій.

Мефистофель.

Ты, тетка! плохо знать слѣдишь за временами!
Что̀ было,—минуло давно!
Торгуй-ко лучше новостями!
Намъ нужно новое одно.

Фаустъ.

Хоть самому бъ не затеряться!
Вотъ это ярмарка, признаться!

Мефистофель.

Все больше кверху напираютъ.
Ты норовишь толкать, а самого толкаютъ.

Фаустъ.

А это кто?

Мефистофель.

Лилитъ.—Сама она.

Фаустъ.

Кто?

Мефистофель.

Первая Адамова жена.
Ты берегись волосъ ея прекрасныхъ,—
Единственный уборъ ея, замѣть.
Кого изъ юношей поймаетъ въ эту сѣть,
Не скоро вырвется тотъ изъ объятій страстныхъ.

Фаустъ.

Вонъ двѣ сидятъ, старуха съ молодой;
Ужъ вѣрно плясъ задали не плохой!

Мефистофель.

Сегодня все идетъ кругомъ.
Вотъ новый танецъ! что жъ, пойдемъ! и мы возьмемъ.

Фаустъ (танцуя съ молодой).

Прекрасный сонъ приснился мнѣ,
Я видѣлъ яблоню во снѣ,
Два чудныхъ яблока на ней,
За ними я полѣзъ скорѣй.

Красавица.

До яблокъ падки вы всегда
Еще изъ рая, господа.
Я въ восхищеніи большомъ,
Что есть они въ саду моемъ.

Мефистофель (со старухой).

Томился я тяжелымъ сномъ;
Я видѣлъ дерево съ дупломъ,

И хоть .... на немъ была,

Охота все меня брала.

Старуха.

Прошу принять привѣтъ большой,

Мой рыцарь съ конскою ногой!

Держи исправно ...... ты свой

Коль не запуганъ ты ....

Проктофантасмистъ.

Проклятый вы народъ! и непослушный—страхъ!

Иль не доказано давно, что въ самомъ дѣлѣ,

Духъ никогда не крѣпокъ на ногахъ?

А вы еще плясать, какъ люди захотѣли!

Красавица (танцуя).

Зачѣмъ пришелъ онъ къ намъ на балъ?

Фаустъ (танцуя).

Эхъ! онъ нигдѣ не отставалъ.

Другой танцуетъ—онъ обсудитъ.

И если каждый шагъ имъ оцѣненъ не будетъ,

То шагъ какъ будто не пройденъ.

Движенiемъ впередъ онъ злѣй всего взбѣшенъ.

Вотъ если бы при немъ все лишь кружиться,

Какъ въ старой мельницѣ своей онъ то завелъ,

Пожалуй слово бы онъ доброе нашелъ;

Особенно, какъ тутъ ему же поклониться.

Проктофантасмистъ.

А вы еще все здѣсь! Наладили одно!

Исчезните! Вѣдь все давно просвѣщено!

Вотъ чортовъ-то народъ не слушается правилъ;

Мы такъ умны, а тутъ кто эту дрянь оставилъ?

Всѣ предразсудки я повымелъ за порогъ!

А все нечисто тутъ. Ну кто бъ повѣрить могъ!

Красавица.

Ну, что̀ онъ намъ надоѣдаетъ?

Проктофантасмистъ.

Въ лицо вамъ, духи, говорю:

Духовный деспотизмъ—его я не терплю;

Мой духъ его не допускаетъ.

(Продолжаютъ танцовать.)

Сегодня здѣсь моихъ не слушаютъ совѣтовъ;

Но путешествiе отбуду молодцомъ,

Въ надеждѣ, что хотя передъ концомъ

Сумѣю покорить чертей я и поэтовъ.

Мефистофель.

Пожалуй въ лужу онъ усѣсться соберется,

Такъ облегчаетъ онъ обычно тяжкiй трудъ—

И если пьявокъ тамъ побольше присосется,

Уймется духъ его и духи пропадутъ.

(Фаусту, выступившему изъ круга танцующихъ.)

Зачѣмъ прекрасную дѣвицу ты оставилъ?
Она ужъ пѣла все нѣжнѣй.

Фаустъ.

Ахъ! вмѣстѣ съ пѣніемъ у ней
Шмыгнулъ изъ устъ мышенокъ красный.

Мефистофель.

Вотъ выдумалъ! какая жъ тутъ бѣда;
Была вѣдь мышь-то не сѣда.
Есть чѣмъ тревожить говоръ страстный!

Фаустъ.

Потомъ я видѣлъ...

Мефистофель.

Что̀?

Фаустъ.

Ты самъ вонъ погляди!
Прекрасное дитя, вдали отъ всѣхъ одна,
Такая блѣдная, не движется почти,
Плыветъ, какъ будто ногъ не двигаетъ она.
Скажу по совѣсти своей,
Есть съ милой Гретхенъ сходство въ ней.

Мефистофель.

Оставь ее! Она грозитъ бѣдой.
То ликъ волшебный, идолъ не живой.
Съ ней встрѣтиться—напасть себѣ готовь;
Отъ глазъ застывшихъ застываетъ кровь,
Взглянулъ—и тотчасъ камнемъ сталъ.
Ты о Медузѣ-то слыхалъ?

Фаустъ.

Ну, право, мертвецы одни глядятъ такъ вяло,
Когда имъ глазъ никто изъ близкихъ не смыкалъ.
Вотъ грудь, которую мнѣ Гретхенъ отверзала;
Вотъ тѣло нѣжное, какимъ я обладалъ.

Мефистофель.

Въ томъ все и волшебство, иль въ умъ тебѣ нейдетъ!
Что каждый милую свою въ ней узнаетъ.

Фаустъ.

О, что̀ за счастье! За терзанье!
Я глазъ свести не въ состояньи.
Какъ изумительно присталъ
Шнурочекъ красный къ тонкой шеѣ,
Спины ножа не шире, не виднѣе!

Мефистофель.

Такъ точно! Самъ я увидалъ.
Ей голову носить подъ мышкою удобно;
Ей отрубилъ ее Персей богоподобный.—
Страсть у тебя къ мечтанію во всемъ!
Вотъ на пригорокъ дай взойдемъ!
Тутъ словно въ Пратерѣ движенье;
И если нѣтъ обмана въ томъ,

Театръ я вижу, безъ сомнѣнья.

А что̀ даютъ?

Servibilis.

Сейчасъ опять начнемъ.

Вещь новая! Седьмое представленье!

Семь пьесъ всегда играютъ тутъ.

То дилетанта сочиненье,

И дилетанты все даютъ.

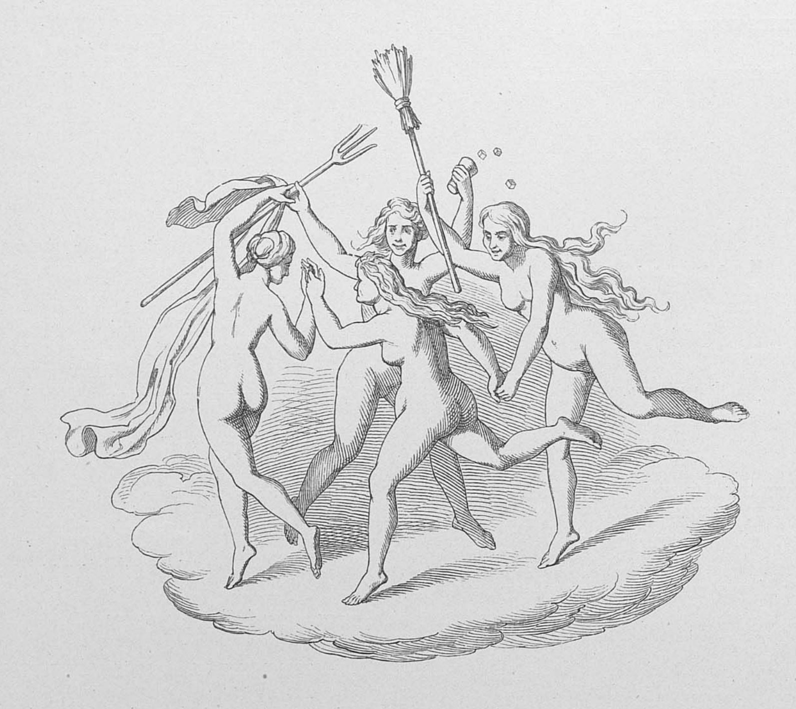
Простите, господа, что васъ я оставляю;

Какъ дилетантъ, поднять я занавѣсъ спѣшу.

Мефистофель.

Я радъ, что я тебя на Блоксбергѣ встрѣчаю.

Да гдѣ жъ и быть тебѣ? покорнѣйше спрошу.

Сонъ въ Вальпургіеву ночь

или

ОБЕРОНА И ТИТАНІИ ЗОЛОТАЯ СВАДЬБА.

INTERMEZZO.

Режиссеръ.

Нынче Мидинга сынамъ (5).
Есть въ трудахъ замѣна;
Холмъ да лугъ росистый намъ,
Вотъ и вся тутъ сцена!

Герольдъ.

Чтобы свадьбѣ золотой
Стать—полвѣка надо,
Будь за трудъ мой мировой
Золото награда.

Оберонъ.

Полно, духи, вамъ порхать,
Вы бы прислужились,
Царь съ царицею опять
Здѣсь соединились.

Пукъ.

Если Пукъ прыжкомъ какимъ
Въ пляскѣ отличится;
Сотни бросятся за нимъ
Въ хороводъ кружиться.

Аріель.

Съ Аріелемъ запоешь—
Выйдетъ такъ пригоже;
Много онъ приманитъ рожъ
И красавицъ тоже.

Оберонъ.

Каждой парѣ можетъ быть
Нашъ примѣръ—наука!
Чтобъ другъ друга полюбить,
Имъ нужна разлука.

Титанія.

Взъѣлся мужъ, а на него
Зло беретъ супругу,
Мчите къ Сѣверу его,
А ее вы къ Югу.

Весь оркестръ

(fortissimo).

Эй, лягушки, ты, комарь!
Мухи! все таланты!
Ты, кузнечикъ, пріударь!
Вотъ и музыканты!

Соло.

Вотъ сама волынка къ намъ!
То пузырь лишь мыльный.
Заревѣтъ, такъ лопнетъ самъ
Отъ натуги сильной!

Духъ начинающій образовываться.

Къ жабѣ крылья, паука
Ножки—вотъ смѣшенье!
Хоть не вышло такъ звѣрка—
Есть стихотворенье.

Парочка.

Мы пустились дружно въ плясъ,
Вся роса слетаетъ;
Но на воздухъ что-то насъ
Все не подымаетъ.

Любопытный путешественникъ.

Маскарадный, знать, чертогъ?
Вотъ ужъ изумился!
Оберонъ, прекрасный богъ,
Ты ли мнѣ явился?

Ортодоксъ.

Нѣтъ когтей, не при хвостѣ!
Но и онъ въ итогѣ
Все такой же чортъ, какъ тѣ
Греческіе боги.

Сѣверный художникъ.

Что набросилъ я—одни
Очерки—признаюсь;
Но въ Италію всѣ дни
Я подготовляюсь.

Пуристъ.

Вѣдь не цѣнитъ этотъ людъ
Строгости премудрой!
Изо всѣхъ волшебницъ тутъ
Только двѣ подъ пудрой.

Молодая вѣдьма.

Пудра съ платьемъ и тряпьемъ—
Бабамъ перезрѣлымъ;
На козлѣ я нагишомъ
Щеголяю тѣломъ.

Матрона.

Мы привыкли тонко жить,
Вздорить не ведется.
Молода, свѣжа, а сгнить
Заживо придется.

Капельмейстеръ.

Эй, вы, мухи, ты, комарь,
Къ голой что̀ пристали!
Ты, кузнечикъ, пріударь!
Тактъ вы потеряли!

Флюгеръ (въ одну сторону).

Гдѣ подобный кругъ найдешь?
Что̀ ни шагъ—невѣста!
На подборъ и молодежь,
Вся добьется мѣста.

Флюгеръ (въ другую сторону).

Коль земля не поглотитъ
Эту шваль сплошную,
Самый адъ не устрашитъ,
И туда спрыгну я.

Ксеніи (6).

Насѣкомыми пришли
Мы—и клещи наши
Мы на службу принесли
Сатанѣ-папашѣ.

Геннингсъ (7).

Смотрите, какъ ихъ тѣсенъ рядъ,
Какъ шутки ихъ безпечны;
Пожалуй скажутъ, что язвятъ
Отъ доброты сердечной.

Музагетъ.

Мнѣ этихъ вѣдьмъ мила семья,
Толкался бъ между ними;
Тутъ легче справился бы я,
Чѣмъ съ Музами своими.

Ci-devant Геній своего времени.

Какіе люди все у васъ!
Дай руку. Вотъ пролѣзъ-то!
И Блоксбергъ, какъ и нашъ Парнассъ,
Обширнѣйшее мѣсто.

Любопытный путешественникъ.

Кто этотъ гордый, что притомъ
Глядитъ такъ сановито?
Онъ всюду нюхаетъ кругомъ.
«Онъ ищетъ іезуита».

Журавль.

И въ мутной я готовъ водѣ
Попользоваться рыбкой.
Хоть набоженъ, спѣшу вездѣ
Чертей встрѣчать съ улыбкой.

Свѣтскій.

Да, средство набожнымъ во всемъ,
Чтобъ зло исправить въ корнѣ;
Они на Блоксбергѣ самомъ
Устроятъ все соборнѣ.

Танцующій.

Знать новый хоръ звенитъ въ ушахъ
Не бубны ль загремѣли?
Нѣтъ, это выпи въ камышахъ
Такъ глухо загудѣли.

Танцмейстеръ.

И всякъ-то пляшетъ. Эка блажь!
Кажись бы, до того ли.
Хромой и увалень туда жъ,
Не спросятъ, хорошо ли.

Гудочникъ.

Вѣдь эта сволочь, ей же ей,
Другъ дружку бъ задушила;
Но какъ Орфей скликалъ звѣрей,
Волынка ихъ смирила.

Догматикъ.

Не сдамся критикѣ отнюдь,
И спорить радъ до смерти.
Чортъ долженъ быть же чѣмъ-нибудь;
Откуда жъ были бъ черти?

Идеалистъ.

Шалитъ фантазія моя,
Чуть мѣры не утратилъ;
Коль это все,—все самъ же я,
Такъ я сегодня спятилъ.

Реалистъ.

Какъ надоѣла мнѣ сейчасъ
Вся эта суматоха;
И на ногахъ я въ первый разъ
Стою довольно плохо.

Супернатуралистъ.

А мнѣ такъ стало веселѣй,
Хожу я торжествуя;
О добрыхъ духахъ отъ чертей
Ужъ заключать могу я.

Скептикъ.

За огонькомъ бѣгутъ вездѣ,
Все кладъ въ воображеньи.
А я, я риѳму помню: гдѣ
Видѣнье, тамъ сомнѣнье.

Капельмейстеръ.

Вы, кузнечики—смотри!
Эхъ вы дилетанты!
Что жъ вы, мухи, комари,
Вы вѣдь музыканты!

Ловкіе.

Sans souci слыветъ нашъ кругъ,
Весело межъ нами.
Отказались ноги вдругъ,
Ходимъ вверхъ ногами.

Неловкіе.

Пришлось и намъ хватать куски;
Теперь чередъ не нашимъ!
Мы протоптали башмаки
И босикомъ ужъ пляшемъ.

Блудящіе огни.

Всѣ мы вышли изъ болотъ,
Родины смердящей,
А посмотришь—мы народъ
Самый здѣсь блестящій.

Падучая звѣзда.

Разлетѣлась я съ высотъ
Какъ звѣзда большая,
А теперь лежу я вотъ,
Съ мѣста не вставая.

Массивные.

Мѣста! мѣста! Тутъ примнешь
Траву, какъ ни хуже.
Мчатся духи, духи тожъ,
Только неуклюжи.

Пукъ.

Чтò вы, точно какъ слоны!
Кажете намъ дюжесть.
Уступить ужъ вы должны
Пуку неуклюжесть!

Аріель.

Если крылья вамъ даны
Духомъ и рожденьемъ,
Вы летѣть за мной должны
Къ выспреннимъ селеньямъ!

Духи

(pianissimo).

Тучекъ нѣтъ, туманъ поникъ,
Сверху просіяло,

Вѣтра вздохъ,—заснулъ тростникъ,
Вотъ и все пропало.

Пасмурный день.

Поле.

Фаустъ и Мефистофель.

Фаустъ.

Въ нуждѣ! Въ отчаяньи! Скиталась съ горемъ долго по землѣ и вотъ задержана! Какъ преступница заключена въ темницу на страшную муку, прелестное, несчастное созданье! Вотъ до чего! до чего! Предательскій недостойный духъ, и это ты отъ меня скрывалъ! Стой, стой тутъ! Ворочай злобно своими дьявольскими глазами! Стой и вызывай меня своимъ невыносимымъ присутствіемъ! Въ заключеньи! Въ неисправимомъ бѣдствіи! Преданная во власть злыхъ духовъ и безчувственнаго суда человѣческаго! А меня ты тѣмъ временемъ морочишь безсмысленными развлеченіями, скрываешь отъ меня ея возрастающее горе и оставляешь ее безпомощно погибать!

Мефистофель.

Она не первая!

Фаустъ.

Собака! Отвратительное чудовище! Преврати его ты, духъ безконечный! преврати этого змѣя снова въ его собачій видъ, въ какомъ часто правилось ему ночною порою являться передо мною, катиться безпечному путнику подъ ноги и виснуть у наткнувшагося на плечахъ. Обрати его снова въ любимый его образъ, чтобы онъ на брюхѣ ползалъ передо мною на пескѣ, чтобы я ногами топталъ его, отверженца! Не первая! Горе! горе, ни въ какой человѣческой душѣ невмѣстимое, что болѣе чѣмъ одно созданіе потонуло въ глубинѣ этого бѣдствія, что первая не искупила вины всѣхъ остальныхъ своими предсмертными муками передъ лицомъ вѣчно Прощающаго! До мозга костей все существо мое проницаетъ бѣдствіе этой одной; а ты спокойно скалишься надъ судьбою тысячей!

Мефистофель.

Вотъ мы и опять на границѣ нашей смекалки, гдѣ у васъ, людей, умъ за разумъ заходитъ. Зачѣмъ же ты братаешься съ нами, коли не въ силахъ довести этого до конца? Хочешь летать и подверженъ головокруженью? Мы навязались къ тебѣ или ты къ намъ?

Фаустъ.

Не скаль такъ на меня свои прожорливые зубы! Мнѣ гадко! Великій, возвышенный духъ, удостоившій меня своего появленія, вѣдающій мое сердце и мою душу, зачѣмъ приковалъ ты меня къ этому позорному товарищу, который услаждается наносимымъ зломъ и радуется гибели?

Мефистофель.

Ты кончилъ?

Фаустъ.

Спаси ее! Или горе тебѣ! Страшнѣйшее тебѣ проклятіе на тысячелѣтія!

Мефистофель.

Мстителя узъ я расторгнуть не могу, не могу отворить его затворовъ.—Спасеніе!—Кто же ввергнулъ ее въ бѣдствіе? Я или ты? (Фаустъ дико озирается.) Или ты ищешь грома? Хорошо, что онъ не данъ вамъ, несчастнымъ смертнымъ! Разгромить невиннаго встрѣчнаго—вотъ способъ тирановъ, при стѣсненіи облегчить грудь.

Фаустъ

Неси меня туда! она должна быть свободна!

Мефистофель.

А опасность, которой ты подвергаешься? Знай, еще въ городѣ тебя ищутъ за пролитую кровь. Надъ могилой убитаго носятся духи мщенія, поджидая возврата убійцы.

Фаустъ.

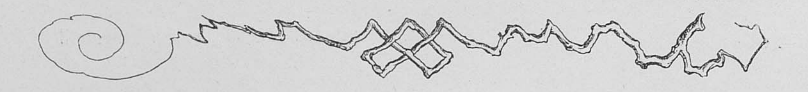
Еще этого отъ тебя недоставало? кровь и смерть цѣлаго міра на твою голову, чудовище! Веди меня туда, говорю я, и освободи ее!

Мефистофель.

Я поведу тебя, но что̀ могу я сдѣлать, слушай! Развѣ мнѣ дана полная власть на небѣ и на землѣ? Я усыплю сторожа; захвати ключи и выведи ее человѣческой рукой! Я стану на стражѣ. Волшебные кони, готовы и я васъ умчу. Вотъ все что̀ могу я.

Фаустъ.

Скорѣй и въ путь!

Engelbert Seibertz erf u gez. ИЗДАНІЕ А Ф МАРКСА, ВЪ СПБ Adrian Schleich gest

Ночь.

Открытое поле.

Фаустъ и Мефистофель (проносятся на вороныхъ коняхъ).

Фаустъ.

Что́ вьются надъ мѣстомъ тамъ казни онѣ?

Мефистофель.

Не знаю, что́ дѣлаютъ, варятъ.

Фаустъ.

Подымутся, спустятся, вьются, плывутъ.

Мефистофель.

Слетѣлись колдуньи.

Фаустъ.

И сѣютъ и мѣсто готовятъ.

Мефистофель.

Впередъ! впередъ!

Темница.

Фаустъ (со связкой ключей и лампой у желѣзной двери).

Давно забытый страхъ владѣетъ мною;
Всемірнымъ я страданьемъ потрясенъ.
Вотъ здѣсь она живетъ, за влажною стѣною,
А весь ея проступокъ—милый сонъ!
Ты медлишь ее обнять!
Боишься ее увидать!
Скорѣй! спасенья часъ пока не промедленъ.

(Онъ берется за замокъ. Внутри поетъ.)

Ты, распутница-мать,
Извела ты меня!
Ты, разбойникъ-отецъ,
Ты зачѣмъ съѣлъ меня!
А сестрички меньшой
И могилки сырой
Не сыщу;
Тутъ я птичкою стала лѣсной,
Полечу, полечу!

Фаустъ (отпирая).

Что милый здѣсь, ей не придетъ на умъ,
Что слышитъ звукъ цѣпей онъ и соломы шумъ.

(Онъ входитъ.)

Маргарита (прячась въ постели).

Увы! увы! идутъ. Часъ горькій мой!

Фаустъ (тихо).

Молчи! Сейчасъ на волѣ будешь.

Маргарита (падая къ его ногамъ).

Коль человѣкъ ты,—сжалься надо мной!

Фаустъ.

Ты крикомъ сторожей разбудишь!

(Онъ беретъ ея цѣпи, чтобы отомкнуть.)

Маргарита (на колѣняхъ).

Кто власть, палачъ, тебѣ могъ дать
Здѣсь надо мной такую!

Меня пришелъ ты въ полночь брать.
Умилосердись,—жить хочу я!
Хоть до утра оставь;—тогда...

(Встаетъ.)

Я молода еще, такъ молода!
И вдругъ могила!
И хороша была, вотъ что̀ сгубило.
Другъ близокъ былъ, теперь вдали;
Разорванъ мой вѣнокъ, цвѣточки отцвѣли.
Зачѣмъ твоя рука такъ больно ухватила!
О, пощади! чѣмъ я не угодила?
Не дай напрасно умолять!
Вѣдь мнѣ впервой пришлось тебя и увидать!

Фаустъ.

Какъ съ этимъ горемъ совладать!

Маргарита.

Теперь да будетъ власть твоя.
Дай накормить дитя грудное.
Надъ нимъ вся ночь прошла моя;
Они отняли дорогое,
И говорятъ, его убила я.
Всю жизнь мнѣ проводить съ тоской.
И пѣсни про меня сложили люди злые!
У старой сказки есть конецъ такой;
Зачѣмъ вставлять слова другія

Фаустъ (бросаясь на колѣни).

У ногъ твоихъ здѣсь любящій, готовый
Расторгнуть рабскія оковы.

Маргарита (бросаясь къ нему).

О! предъ святыми станемъ на колѣни!
Смотри! Куда пошли ступени,
Вотъ у порога,
Тамъ въ адъ дорога!
И злобный духъ,
И злая прислуга,
Какъ грянутъ вдругъ!

Фаустъ (громко).

Гретхенъ! Гретхенъ!

Маргарита (вслушиваясь).

То голосъ милаго друга!

(Она вскакиваетъ, цѣпи спадаютъ.)

Гдѣ онъ? онъ звалъ меня сейчасъ.
Теперь свободна я! Никто мнѣ не указъ.
На шею къ нему полечу,
На грудь къ нему пасть я хочу!
Онъ крикнулъ мнѣ: «Гретхенъ!» Онъ былъ на порогѣ.
Средь адскаго гама, въ смертельной тревогѣ,
Подъ дьявольскій смѣхъ и неистовый стукъ,
Узнала я милый и сладостный звукъ.

Фаустъ.

Вотъ я!

Маргарита.

Ты это! О, скажи еще въ другой!

(Хватаясь за него.)

Онъ! это онъ! Куда дѣвался ужасъ мой?
Весь страхъ тюрьмы, цѣпей, во что онъ обратился?
Ты! чтобъ спасти меня явился!
Я спасена!—
Вотъ я и улицу узнала,
Гдѣ въ первый разъ тебя я повстрѣчала,
А вотъ и садикъ увидала,
Гдѣ съ Мартою тебя мы поджидали.

Фаустъ (порываясь).

Пойдемъ! Пойдемъ скорѣе!

Маргарита.

Не спѣши!
Такъ рада я всегда побыть съ тобой.

(Ласково.)

Фаустъ.

Спѣши!
Минутою одной
Погубишь все. Не медли долѣ.

Маргарита.

Какъ? Ты ужъ не цѣлуешь болѣ?
Мой другъ, давно ль я шла тебя встрѣчать,
Ужъ разучился цѣловать?
Зачѣмъ мнѣ страшно на груди твоей?
Когда въ твоихъ рѣчахъ, въ глазахъ твоихъ, встрѣчая,
Бывало, небеса храню въ душѣ моей,
Ты цѣловалъ меня, какъ будто удушая.
Поцѣлуй меня!
Не то я стану цѣловать тебя!

(Обнимаетъ его.)

Увы! твои остыли губы,
Ты нѣмъ.
Куда вся любовь, что я знала,
Пропала?
Кто отнялъ? Зачѣмъ?

(Отворачивается отъ него.)

Фаустъ.

Скорѣй! Опомнись, милая! Бѣжимъ!
Всѣмъ пыломъ страсти буду вновь твоимъ.
Иди за мной! Прошу я объ одномъ!

Маргарита (обращаясь къ нему).

Да ты ли это? Ты ль? Скажи путемъ.

Фаустъ.

Я! Я! Пойдемъ.

Маргарита.

Ты цѣпи разорвешь,
И на колѣни вновь меня возьмешь.

Другъ, отчего ко мнѣ ты страха не питаешь?—
Ты знаешь ли, кого освобождаешь?

Фаустъ.

Скорѣй! Скорѣй! ужъ началъ день свѣтать.

Маргарита.

Я убила родимую мать,
Я дитя утопила свое.
Вѣдь оно жъ и мое, и твое?
И твое!—Это ты!—Это онъ.
Дай мнѣ руку! Такъ это не сонъ!
Эту милую руку!—Но ахъ! посмотри,
Какъ мокра! Ты ее оботри!
На ней кровь.
Боже! что̀ это сдѣлалъ ты вновь!
Эту шпагу вложи,
Умоляю!—Ты знаешь...

Фаустъ.

Что̀ прошло, ужъ о томъ не тужи!
Ты меня убиваешь.

Маргарита.

Нѣтъ, ты долженъ остаться, мой милый!
Опишу я тебѣ всѣ могилы,
Ты по утру ихъ вновь
Изготовь:
Мѣсто лучшее матери взято,
Положи съ нею рядомъ и брата,
А меня такъ-то съ бока,
Да не слишкомъ далеко!
Мнѣ ребенка на правую грудь.
Лечь со мною они не рѣшатся!—
Но къ тебѣ мнѣ, бывало, прижаться
Было счастье, отрада моя!
Но теперь нѣту прежняго болѣ;
Словно льну я къ тебѣ поневолѣ,
И тебѣ точно я не своя.
А вѣдь все же ты здѣсь, съ этимъ добрымъ лицомъ.

Фаустъ.

Коль меня узнаешь, такъ пойдемъ!

Маргарита.

Чтобы я выходила?

Фаустъ.

На волю.

Маргарита.

Коль ждетъ тамъ могила,
И смерть караулитъ, пойдемъ!
Отсюда на вѣчный покой!
И дальше ни шагу!—Теперь ты уходишь?
О, Генрихъ! когда бъ я могла за тобой!

Фаустъ.

Ты можешь! Рѣшайся! отворена дверь.

Маргарита.

Нельзя мнѣ. Надежды нѣтъ теперь.

Чтò пользы бѣжать? Тамъ меня караулятъ.

Какъ горько просить подаянья,

Къ тому же страшась наказанья!

И тамъ на чужбинѣ узнаютъ,

Они меня снова поймаютъ!

Фаустъ.

Я буду съ тобой.

Маргарита.

Скорѣй! скорѣй!

Къ ребенку своему поспѣй!

Бѣги! по пути,

Гдѣ по кладкамъ ручей

Перейти,

Все дальше въ лѣсъ,

Налѣво, гдѣ доска

Въ прудѣ.

Хватай въ водѣ!

Подняться хочетъ

И бьется оно!

Спаси! Спаси!

Фаустъ.

Мгновенье одно!

Лишь шагъ одинъ—и будь свободной!

Маргарита.

Вонъ къ той горѣ тропой обходной!

На камнѣ мать сидитъ моя,

Меня въ ознобъ кидаетъ!

На камнѣ мать сидитъ моя,

И головой качаетъ;

И не кивнетъ, голова тяжела;

Никакъ не проснется,—такъ долго спала.

Спала, чтобы мы миловались.

Блаженные дни миновались!

Фаустъ.

Коль нѣтъ ни въ моленьяхъ, ни въ просьбахъ пути,

Такъ прямо рѣшаюсь тебя унести.

Маргарита.

Оставь ты меня!—не хочу я насилья!

Зачѣмъ ты меня такъ хватаешь силòмъ!

Тебѣ угождать я старалась во всемъ.

Фаустъ.

День близокъ! Другъ мой! милый другъ!

Маргарита.

День! Близокъ день! Послѣднiй день насталъ;

Днемъ свадьбы для меня онъ сталъ!

Engelbert Seibertz erf. u. gez. | Adrian Schleich gest.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА, ВЪ СПБ

Не сказывай, что ты уже у Гретхенъ былъ.

Вѣнокъ мой бѣдный!

Не помни былого!

Увидимся снова!

Но не на танцахъ.

Толпа валитъ, ея не слыхать.

На площади и повсемѣстно

На улицахъ тѣсно.

Раздался звонъ, идутъ и брать.

Онъ вяжетъ меня и хватаетъ!

Уже я у плахи стою роковой.

Уже надо всѣми мелькаетъ

Топоръ, что блеститъ надо мной.

И міръ замолчалъ, какъ могила!

Фаустъ.

О, лучше бы я не родился!

Мефистофель (появляясь внѣ).

Скорѣе бы ты торопился!

Все медлятъ! болтаютъ! пустое твердятъ!

Мои кони храпятъ,

И утро мерцаетъ.

Маргарита.

Что̀ тамъ изъ земли возникаетъ?

Тотъ! тотъ! Ушли его опять!

Чего на святомъ ему мѣстѣ искать?

Меня ему нужно!

Фаустъ.

Ты жить должна!

Маргарита.

Судъ Божій! Тебѣ я предана!

Мефистофель (Фаусту).

Скорѣй! Скорѣй! Не то васъ брошу я.

Маргарита.

Твоя я, Отче! Ты спаси меня!

Вы, Ангелы, всѣ прилетите,

Святые меня защитите!

Мнѣ страшно, Генрихъ, быть съ тобой!

Мефистофель.

Ей нѣтъ спасенья!

Голосъ (свыше).

Спасена!

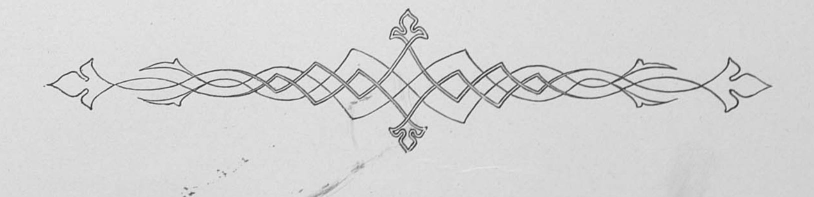
Мефистофель (Фаусту).

За мной!

(Исчезаетъ съ Фаустомъ).

Голосъ (изнутри замираетъ).

Генрихъ! Генрихъ!

ALLGAIER & SIEGLE STUTTGART

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Астрологическій знакъ микрокосма, на подобіе кадрана часовъ, изображенъ въ книгѣ Scheible, *Das Kloster*, стр. 932. Штутгартъ, 1846.

2) По алхимической терминологіи *Красный левъ* означаетъ яркокрасный порошокъ, превращающій металлы въ золото.

3) *Лилія*. Вѣроятно, тотъ серебрящій металлъ, бѣлый порошокъ, который у французскихъ алхимиковъ назывался fille blanche. Древне-французскія серебряныя копеечки были извѣстны подъ именемъ blancs à la fleur de lys. Лилейно-бѣлый металлъ—серебро.

4) Болтливость прачекъ придала нѣмецкому waschen значеніе *болтать*. Намекъ на журналистику.

5) Директоръ театра характеризуетъ себя и машинистовъ, какъ сыновей Mieding'a, памяти котораго посвящено стихотвореніе *Mieding* (Octav-Ausg. 84).

О Мидингѣ еще упоминается въ Goethe's Werke, B. XXXI, 1. 84. I. Мартинъ Мидингъ († 1782) служилъ при Веймарскомъ театрѣ и отличался рвеніемъ къ дѣлу.

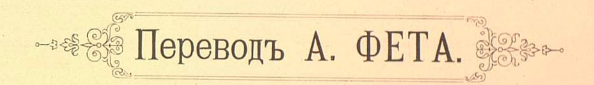
6) Ксеніи отъ ξένιον, подразумѣвая (δῶρον) подарокъ гостю, въ ироническомъ смыслѣ, подарочекъ,—сатирическое стихотвореніе. Употреблено у писателя Эвфоріона.

7) Геннингсъ. Директоръ Веймарскаго театра во время Гёте.

ТРАГЕДІЯ

Переводъ А. Фета.

Съ рисунками Энгельберта Зейбертца.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

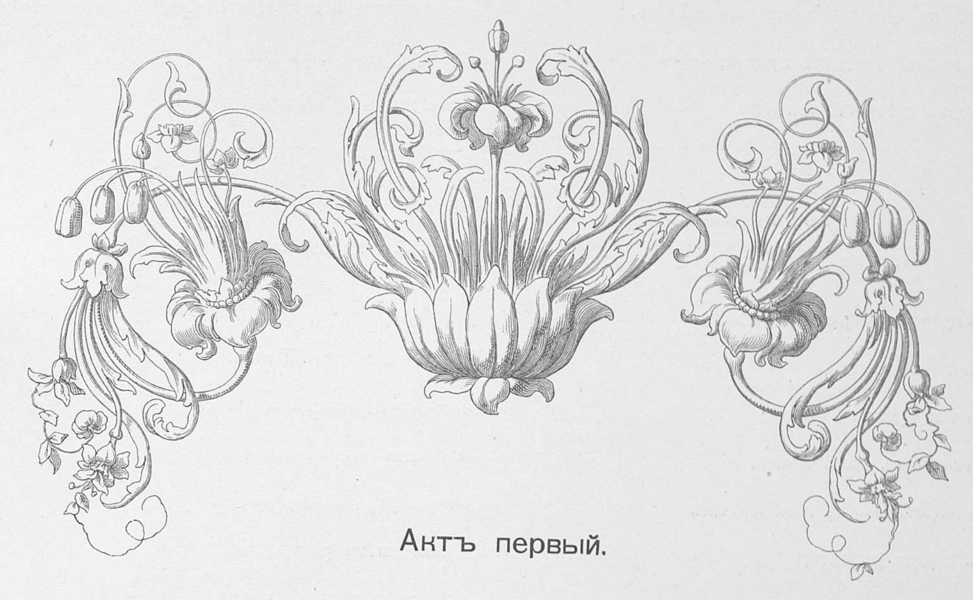
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1899.

MALI ad.

ТРАГЕДІИ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Въ пяти актахъ.

Актъ первый.

Сумерки.

Фаустъ (распростертъ на цвѣтущей муравѣ, безпокойно ищетъ сна).

Хоръ духовъ паритъ подвижно, милые малютки.

Аріель (пѣніе сопровождаемое эоловыми арфами).

Какъ весна свой дождь цвѣточный
Надо всѣми пронесетъ,
Какъ въ поляхъ зеленый, сочный
Всходъ на радость всѣмъ блеснетъ,
Малыхъ эльфовъ духъ высокій
Помогать спѣшитъ всему;
Будь святой онъ, будь жестокій,
Несчастливца жаль ему.

Вокругъ его чела вы, рой свободный,
Исполните долгъ эльфовъ благородный,
Уймите пылъ, которымъ онъ томимъ,
Отъ стрѣлъ его спасите вы упрека,
Развѣйте ужасъ пережитый имъ.
Въ ночной тѣни четыре вамъ урока,
Пройдите ихъ вы ласково надъ нимъ.
Сперва его вамъ уложить удастся,
Затѣмъ пускай онъ росы Леты пьетъ;
Упорство членовъ судорожныхъ сдастся,

И, стихнувъ, онъ навстрѣчу дню пойдетъ.

Свершите эльфовъ долгъ прямой,

Верните въ свѣтъ его святой!

Хоръ (отдѣльно, вдвоемъ и во множествѣ, по очереди и вмѣстѣ).

Въ часъ, когда весь злакъ поляны

Теплотой еще объятъ,

Ароматы и туманы

Ниспускаетъ въ нихъ закатъ.

Тихо шепчетъ; сномъ влюбленнымъ

Ищетъ сердце усыпить,

И предъ окомъ утомленнымъ

Двери дня опять закрыть!

Ночь въ долинахъ глубочайшихъ.

Звѣзды вѣчныя взошли,

Крупныхъ искръ средь искръ мельчайшихъ

Ближній блескъ и свѣтъ вдали,

Прыщетъ въ озерѣ мигая,

Свѣтитъ съ тверди голубой,

И, покой нашъ завершая,

Правитъ мѣсяцъ золотой.

Унялось часовъ теченье,

Боль и счастье устраня.

Ты предчувствуй исцѣленье!

Вѣрь грядущей силѣ дня!

Холмъ пышнѣй, тѣнистой мглою

Расцвѣченный долъ одѣвъ,

И сребристою волною

Къ жатвѣ движется посѣвъ.

Пробудись съ мечтой завѣтной,

Въ дальнемъ блескѣ все твое.

Ты объятъ лишь незамѣтно,

Сонъ скорлупка—сбрось ее.

Не замедли ты рѣшеньемъ,

Гдѣ порывъ толпы смущенъ,—

Благороднымъ исполненьемъ

Быстрый подвигъ награжденъ.

(Необычайный гулъ возвѣщаетъ приближеніе солнца.)

Аріель.

Слушай, какъ бушуютъ оры!

Слуху духовъ заявляясь,

Новый день идетъ рождаясь;

Мрачныхъ скалъ скрипятъ затворы,

Колеса гремятъ Авроры,

Что за гулъ приноситъ свѣтъ!

Трубный трескъ дрожитъ, дробится,

Engelbert Seibertz erf. u. gez.

Adrian Schleich gest.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА, ВЪ СПБ.

Глазъ мигаетъ, уху скрыться
Отъ неслыханнаго слѣдъ.
Въ глубь цвѣтовъ скорѣй спасайтесь!
Глубже, глубже, зарывайтесь
Подъ скалы, подъ листья, въ мохъ!
Кто заслышалъ, тотъ оглохъ.

Фаустъ.

Трепещутъ пульсы жизни вождѣлѣнно,
Встрѣчая часъ, когда заря блеснула:
И въ эту ночь, земля, ты неизмѣнно,
У ногъ моихъ почивъ, опять вздохнула;
Ты принесла мнѣ снова наслажденья,
Ты мощно пробудила и вдохнула
Къ высокой жизни вѣчныя стремленья.
Ночной покровъ ужъ снятъ до половины,
Стогласное въ лѣсу возникло пѣнье,
Туманъ струей вливается въ долины,
Но отблески небесъ и въ глубь запали;
Приподнялись всѣ вѣтви до вершины
Изъ ароматной мглы, въ которой спали.
Ужъ красками одѣлась грудь земная,
Гдѣ цвѣтъ и листъ слезами задрожали;
Вокругъ меня отверсто царство рая.

А въ вышинѣ! Нагихъ вершинъ колоссы
Уже горятъ, о торжествѣ вѣщая,
Къ нимъ прежде всѣхъ съ сіяньемъ льются росы,
Что позже въ долъ нисходятъ усыпленный.
А вотъ и Альпъ зеленые откосы
Пріемлютъ свѣтъ и видъ опредѣленный,
И постепенно сходитъ день горючій.
Оно взошло,—увы! ужъ ослѣпленный
Я взоры отвращаю съ болью жгучей.

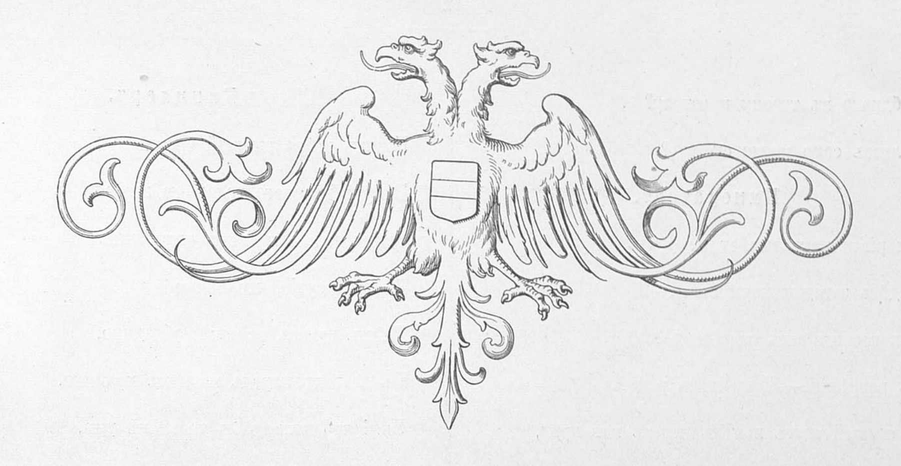
Вотъ точно то жъ и въ насъ, когда стремленья,
Окрылены надеждою могучей,
Врата находятъ настежь исполненья;
Но вотъ изъ нѣдра привлекавшей цѣли
Избытокъ пламени—и мы въ смущеньи.
Мы факелъ жизни лишь зажечь хотѣли—
Вдругъ море пламени, какое пламя!
Любовь? иль ненависть? чѣмъ закипѣли
Мы вдругъ, что̀ страшно овладѣло нами?
Такъ что, опять со мглой мирясь земною,
Завѣсой мы укрыться рады сами.

Такъ оставайся жъ солнце за спиною.
На водопадъ, въ ущельи горъ гремящій,
Взираю я съ восторженной душою:
Съ уступа на уступъ онъ съ силой вящшей,
На тысячи дробясь потоковъ, мчится,
Наполнивъ воздухъ пѣною кипящей.
Но какъ чудесно въ этой мглѣ родится,

Мѣняясь вѣчно, та дуга цвѣтная,
То таетъ вдругъ, то снова загорится,
Росою все душистой обдавая.

Какъ въ зеркалѣ людское въ ней стремленье;
Обдумавъ все, ты скажешь постигая:
Тотъ пестрый отблескъ—жизни уясненье.

Императорскій дворецъ.

Тронная зала. (Государственный совѣтъ въ ожиданіи Императора.)

Трубы.

Входятъ придворные всѣхъ чиновъ, въ великолѣпныхъ одеждахъ.

Императоръ вступаетъ на тронъ; по правую его руку Астрологъ.

Императоръ.

Всѣмъ мой привѣтъ, кто здѣсь явился,
Я вѣрность ихъ цѣню сердечно!—
Вотъ и мудрецъ при мнѣ конечно;
Куда же шутъ запропастился?

Юнкеръ.

Сейчасъ за мантіей твоею
На лѣстницѣ свернулъ онъ шею.
Вотъ туша! Еле унесешь.
Пьянъ или умеръ? не поймешь.

Другой юнкеръ.

Сейчасъ, откуда что̀ берется,
Другой на это мѣсто рвется.
Великолѣпно онъ одѣтъ.
Но рожа! И подобной нѣтъ!
Алебардистамъ не сдается.
Тѣ бердыши скрестивши ждутъ.—
Да вонъ и онъ—отважный шутъ.

Мефистофель (склоняя колѣни у трона).

Что ненавидятъ и ласкаютъ?
Что изгоняютъ и манятъ?
Что постоянно защищаютъ?
Что обвиняютъ и бранятъ?
Что глухо къ твоему глаголу?
Что всѣмъ пріятно такъ назвать?

Что близко къ твоему престолу?

Что лишь само могло отстать?

Императоръ.

Такія рѣчи намъ извѣстны,

Но здѣсь загадки неумѣстны,

Пусть господа ихъ разрѣшатъ.

Вотъ разрѣши!—Я слышать радъ.

Мой старый шутъ навѣкъ исчезъ изъ края,

Иди ко мнѣ, его мнѣ замѣняя.

(Мефистофель всходитъ и становится слѣва.)

Говоръ толпы.

Ужъ новый шутъ,—для новыхъ мукъ!

Откуда онъ явился вдругъ?

Тотъ прежній палъ—навѣкъ ушелъ.—

Тотъ бочка былъ,—а этотъ колъ.—

Императоръ.

Итакъ, привѣтъ вамъ за участье,

Всѣ вѣрные, мнѣ близкіе душою!

Вы подъ счастливой собрались звѣздою:

Начертаны намъ въ небѣ миръ и счастье.

Зачѣмъ же въ дни, скажите сами,

Когда заботы за горами,

И съ подвязными бородами

Мы всѣ желаемъ веселиться,

Намъ совѣщаньями томиться?

Но коль исхода вы другого не нашли,

Исполнимъ то, зачѣмъ пришли.

Канцлеръ.

Горитъ добра высокій ореолъ

Вкругъ царскаго чела; его глаголъ

Одинъ всѣмъ правитъ человѣчно:

Тò правосудіе, что вѣчно

Всѣмъ нужно, всѣмъ необходимо,

Въ глазахъ народа въ немъ хранимо.

Увы! чтò можетъ въ человѣкѣ умъ,

А въ сердцѣ благость? чтò отвага думъ?—

Когда весь край въ какой-то лихорадкѣ,

И злу вослѣдъ другое зло въ зачаткѣ?

Кто поглядитъ съ той высоты, гдѣ тронъ,

На царство—словно видитъ тяжкій сонъ,

Гдѣ надъ уродствомъ тѣшится уродство,

Гдѣ въ беззаконьи есть съ закономъ сходство,

И заблужденій общее господство.

Тотъ крадетъ стадо, тотъ жену,

Алтарный крестъ, подсвѣчникъ, чашу,

Затѣмъ, позоря слабость нашу,

Вкушаетъ миръ и тишину.

Тутъ челобитчики толпятся,

Судья сидитъ въ своей цѣпи;

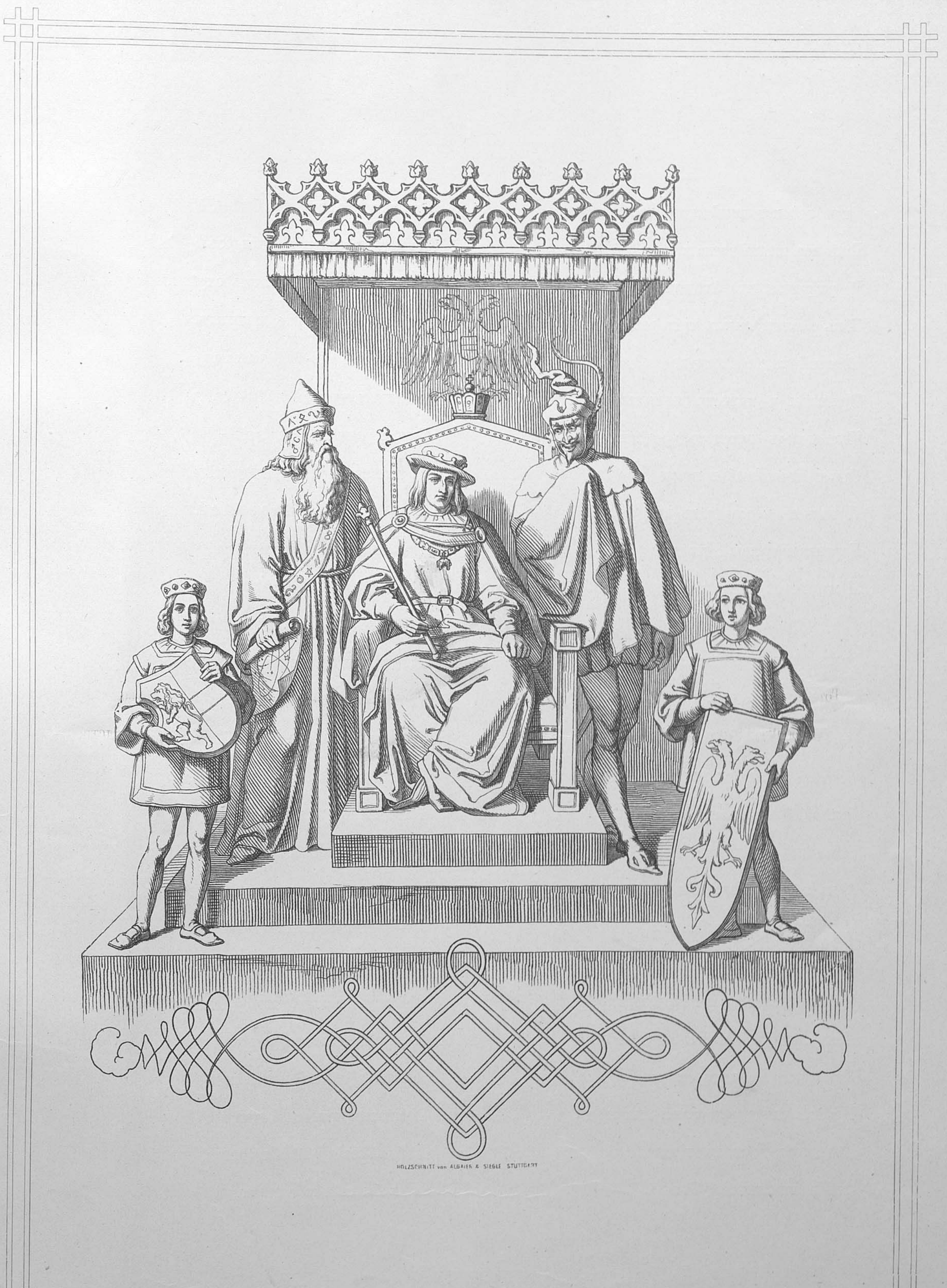
А между тѣмъ, чтобъ разливаться,

Возстанье всѐ растетъ въ степи.

Тотъ только чистъ и безгрѣховенъ,

Кого сообщники спасутъ,

И развѣ слышится: «виновенъ»

HOLZSCHNITT von ALGAIER & SIEGLE STUTTGART

Тамъ, гдѣ невинный сталъ на судъ.

Такъ все готово распадаться,

То разрушая, что̀ блюдетъ.

Какъ можетъ смыслъ тутъ развиваться,

Который къ должному ведетъ?

Пришлось и честному склонять

Чело передъ льстецомъ, злодѣемъ,

Судья безсильный покарать

Примкнетъ невольно къ лиходѣямъ.

Картина мрачная. Готовъ

Я на нее спустить покровъ.

(Пауза.)

Взять мѣры тутъ необходимо;

Коль всякъ вредитъ, всѣмъ нестерпимо,

Въ ущербѣ даже царскій духъ.

Главнокомандующій.

Какое буйство въ эти дни-то:

Всякъ иль убійца иль убитый,

А на команду каждый глухъ!

И горожанинъ за стѣнами,

И рыцарь на своемъ гнѣздѣ,

Прижавшись тѣшатся надъ нами,

Намъ нѣтъ пособниковъ нигдѣ.

Хоть взять наемнаго солдата,

Проситъ онъ дерзко жалованья сталъ,

И если бъ не за нами плата,

Онъ и совсѣмъ бы убѣжалъ.

Кто пикнулъ, что они буяны,

Тотъ на гнѣздо наткнулся осъ.—

Странѣ отъ нихъ бы ждать охраны,

А стать добычей ихъ пришлось.

Мы терпимъ эти буйства злыя,

Промотанъ чуть не цѣлый свѣтъ;

Хоть короли и есть другіе—

Но никому до насъ и горя нѣтъ.

Казначей.

Вотъ на союзниковъ пеняютъ!

Субсидій только обѣщаютъ,

Ихъ какъ воды въ засуху нѣтъ.

Ты государь большихъ владѣній,—

Кто жъ собственникомъ сталъ имѣній?

Куда ни глянь, домъ новый возстаетъ,—

И независимы всѣ стали;

А ты гляди, какъ онъ дѣла ведетъ.

И столько правъ мы пораздали,

Что ни на что̀ намъ правъ недостаетъ.

Отъ партій, какъ ихъ называютъ,

Поддержки ждать нельзя давно;

Онѣ хоть хвалятъ, хоть ругаютъ,

А равнодушны все равно.

Что̀ гвельфы, что̀ и гибелины

Спѣшатъ укрыться, отдыхать.

Помочь сосѣду нѣтъ причины,

Хоть бы себя-то отстоять.

Намъ дверь къ богатству затворяютъ;
Всѣ шарятъ, роютъ и скопляютъ—
А мы при сундукѣ пустомъ.

Кастелянъ.

И я, въ какомъ я затрудненьи!
Толкуемъ мы о сбереженьи,
И больше тратимъ съ каждымъ днемъ;
Бѣда растетъ и мнѣ видна.
У поваровъ пока достатокъ:
Оленей, зайцевъ, куропатокъ,
Гусей и утокъ, куръ оброчныхъ,
То депутатскихъ, то и срочныхъ
Хоть можно понабрать сполна;
Но не хватаетъ намъ вина.
Бывало въ погребахъ едва терпѣли стойки,
У бочекъ бочки какъ постройки,—
Теперь большихъ господъ попойки
До капли выбрали запасъ.
И ратуша свой складъ спустила на пирушки.
Пьютъ чашами, хватаютъ кружки,—
И подъ столомъ весь пиръ какъ разъ.
А я плати за все какъ знаешь;
Жида никакъ не уломаешь,
Антиципацій нахватаешь,
И бейся изъ году ты въ годъ.
Свиней мы не дождемся въ тѣлѣ,
Въ залогѣ даже всѣ постели,
И хлѣбъ кладутъ намъ съѣденный впередъ.

Императоръ (послѣ нѣкотораго размышленія къ Мефистофелю).

Ты, шутъ, не знаешь ли еще какихъ заботъ?

Мефистофель.

Я—никакихъ. Я вижу блескъ чудесный
И, твой и этихъ дамъ. Сомнѣнья неумѣстны
Тамъ, гдѣ величество всю совмѣщаетъ власть.
Гдѣ все враждебное должно передъ силой пасть;
Гдѣ воля добрая, направлена умомъ,
Многообразнѣйшимъ окружена трудомъ;—
Возможно ль, чтобы тамъ судьба бѣдой грозила,
Затменьемъ—гдѣ горятъ подобныя свѣтила?

Говоръ толпы.

Вотъ это плутъ—свое возьметъ—
Пошелъ на лесть—пока беретъ—
Я понялъ,—ловкій человѣкъ-то—
Что жъ будетъ дальше?—Жди проекта.

Мефистофель.

Гдѣ безъ нужды бываетъ бѣлый свѣтъ?
Въ томъ иль другомъ; здѣсь просто денегъ нѣтъ.
На мостовой валяться ихъ не будетъ,
Но мудрость ихъ изъ-подъ земли добудетъ.
По жиламъ горъ, по стѣнкамъ скрытно
Есть просто золото и слитно;

Спросите жъ, кто его для насъ откроетъ вдругъ?
Природный даръ ума и мужа мудрый духъ.

Канцлеръ.

«Природа, духъ». Для христіанъ неистовъ
Такой языкъ! Сжигаютъ атеистовъ
За рѣчь, что къ пагубѣ ведетъ.
Природа—грѣхъ, духъ—дьяволъ черный;
Межъ ними рядъ сомнѣній спорный,
Таковъ чудовищный ихъ плодъ.
У насъ не такъ. Въ твоемъ владѣньи
Возникло два лишь поколѣнья,
Чтобъ защищать достойно тронъ:
Лишь рыцари, да лишь святые
Стоять способны въ бури злыя,
Зато имъ храмъ и судъ врученъ.
А черни смутныя затѣи
Упорства развиваютъ духъ;
Еретики да чародѣи
Разносятъ гибель лишь вокругъ!
Ты шуткой дерзкою безъ мѣры
Мрачишь и выше хочешь сферы;
Въ сердцахъ дурныхъ твои примѣры,
Шуту порочный—близкій другъ.

Мефистофель.

О, какъ легко признать ученаго сейчасъ!
Чего на ощупь нѣтъ, то далеко отъ васъ;
Что̀ не въ рукахъ у васъ, того искать не слѣдъ;
Чего вы не сочли, того и вовсе нѣтъ;
Чего не взвѣсили, въ томъ вѣсу нѣтъ нисколько;
Что̀ не чеканили—безцѣнно да и только.

Императоръ.

Злу не поможетъ этотъ споръ несносный.
Чего ты ждешь отъ проповѣди постной?
Какъ, да когда бъ, пріѣлась эта дрянь.
Нѣтъ денегъ: что жъ—скорѣе ихъ достань!

Мефистофель.

Достану все, что̀ нынче далеко.
Хоть и легко; но трудно, что̀ легко.
Лежитъ оно готово, да достать
Задача вся; кто знаетъ, какъ начать?
Подумай самъ, въ дни страха и печали,
Когда людскія волны затопляли
Страну,—какъ тотъ и этотъ въ страхѣ тоже
Туда-сюда скрывалъ что̀ подороже;
Такъ съ римскихъ дней все это началось,
И такъ затѣмъ по этотъ день велось.
И это все лежитъ въ землѣ зарыто—
Въ землѣ жъ Имперской все твое, что̀ скрыто.

Казначей.

Для дурака не глупыя слова;
То древнія имперскія права.

Канцлеръ.

Здѣсь золотыя дьяволъ ставитъ петли,
Какихъ-нибудь грѣховныхъ каверзъ нѣтъ ли?

Кастелянъ.

Лишь ко двору бы онъ даровъ доставилъ,

Я бъ отступить немножко радъ отъ правилъ.

Главнокомандующій.

Дуракъ уменъ, онъ всѣмъ пообѣщалъ;

Солдатъ не спроситъ, кто откуда взялъ.

Мефистофель.

Не думайте, что я налгалъ вамъ много,

Вотъ мудрый мужъ, спросите астролога!

Въ своихъ кругахъ онъ видитъ часъ и домъ.—

Скажи-ка, что̀ на небѣ тамъ твоемъ?

Говоръ толпы.

Два проходимца—съ двухъ сторонъ—

Шутъ и фантастъ—обстали тронъ—

Все пѣснь одна—не удивитъ—

Дуракъ шепнетъ—мудрецъ гласитъ.—

Астрологъ (говоритъ, Мефистофель нашептываетъ).

Изъ золота все солнце создано;

Слуга Меркурій ждетъ наградъ давно;

Венера всѣхъ плѣнить успѣла васъ,

Съ утра и въ ночь съ васъ не спуская глазъ.

Луна стыдливо прячетъ скорбный лучъ;

Марсъ не грозитъ, но силой онъ могучъ;

Юпитеръ всѣхъ затмилъ, какъ возсіялъ.

Сатурнъ великъ, хотя на глазъ и малъ;

Мы, какъ металлъ, его не очень чтимъ,

Цѣной онъ малъ, но вѣсомъ взялъ своимъ.

Вотъ если бъ къ солнцу да луна скорѣй,

Сребро да къ злату—всѣмъ бы веселѣй.

А тамъ уже всего бъ добыли люди:

Дворцовъ, садовъ, ланитъ и пышной груди,

Многоученый мужъ достанетъ вамъ

Все то, чего нѣтъ силъ достигнуть намъ.

Императоръ.

Я слышу рѣчь его вдвойнѣ,

А все довѣрья нѣтъ во мнѣ.

Говоръ толпы.

Что̀ пользы тутъ?—баклуши бьютъ—

Календари—чортъ ихъ дери!

Пришлось слыхать—да тщетно ждать—

А выйдетъ, глянь!—Такъ это дрянь.—

Мефистофель.

Теперь пошли болтать о вздорѣ,

Какъ кладъ достать, для нихъ вопросъ.

Одинъ бурчитъ о мандрагорѣ,

Другому снится черный песъ.

Что̀ пользы, если тотъ хохочетъ,

Другой волшебниковъ бранитъ,

У самого жъ въ подошвахъ ужъ щекочетъ

Иль ногъ онъ не пошевелитъ!

Полны вліяній вы тончайшихъ,

Природы вѣчной то завѣтъ,

И изъ предѣловъ глубочайшихъ

Живой къ намъ выбѣгаетъ слѣдъ;
Коль въ членахъ защемитъ порой,
Коль мѣсту станешь ты не радъ,
Скорѣй берись! Копай и рой!
Тутъ жди удачи, тутъ-то кладъ!

Говоръ толпы.

Легло мнѣ на ноги свинцомъ.—
Мнѣ руку сводитъ—видно ломъ.—
У пальца слышу зудъ въ слѣду—
Никакъ спины не разведу—
По этимъ признакамъ, кажись,
Сюда всѣ клады собрались.

Императоръ.

Скорѣй! Шутить я не желаю,
Придай-ка лживой пѣнѣ вѣсъ-то,
Кажи сейчасъ обѣщанное мѣсто!
Я скипетръ свой и мечъ слагаю,
И собственными здѣсь руками,
Коль ты не лжешь, все дѣло справлю;
А лжешь, такъ въ адъ тебя отправлю.

Мефистофель.

Туда дорогу самъ бы могъ сыскать я.
Но трудно дать о всемъ понятье,
Что̀ какъ ничье лежитъ вездѣ;
Мужикъ горшокъ на бороздѣ
Находитъ полный золотыми,—
Селитра въ глинѣ, мыслитъ онъ,
И вотъ руками трудовыми
Вскрылъ золото,—испуганъ онъ и радъ;
Въ какія пропасти и своды,
Въ какіе склепы, переходы
Копать искатель долженъ ходы,
Въ подземный этотъ міръ сходя!
Въ подвалахъ древнихъ, кубки, чаши,
Тарелки видятъ взоры ваши,
Кругомъ ряды ихъ находя;
Бокалъ рубиновый сверкаетъ,
Кто изъ него испить желаетъ,
На влагу древнюю напалъ;
Но, вѣрьте знающему смѣло,—
Лотковъ все дерево сотлѣло,
И винный камень бочкой сталъ!
Но не одно вино такое,
Во мракѣ золото литое
И самоцвѣты видитъ взоръ.
Для мудреца въ ночи не жутко.
Днемъ познавать—пустая шутка;
Во мглѣ мистеріямъ просторъ.

Императоръ.

Возьми себѣ ихъ, что̀ намъ мраки эти?
Что̀ цѣнно пусть появится при свѣтѣ.—
Какъ разглядѣть плута во мглѣ ночной?
Быкъ черенъ, кошки сѣры до одной.

Горшки-то тѣ, что полны золотыхъ—
Пусти свой плугъ,—да выпаши намъ ихъ!

Мефистофель.

Бери самъ заступъ, рой какъ надо,
Трудомъ крестьянскимъ ставъ великъ,—
И золотыхъ тельцовъ все стадо
Изъ-подъ земли предстанетъ вмигъ.
Ужъ тутъ восторга не загасишь,
Себя ты самъ и милую украсишь.
Каменьевъ блескъ достоинъ высоты
Величества и красоты.

Императоръ.

Скорѣй! Скорѣй! Что длить тутъ обѣщанья?

Астрологъ (какъ прежде).

Монархъ! Уйми столь пылкія желанья;
Сперва ты пестрый праздникъ свой отбудь!
Смѣшавшись, мы упустимъ что-нибудь.
Сначала мы рѣшимость обнаружимъ,
То, что внизу, здѣсь наверху заслужимъ.
Кто ждетъ добра—добро готовь;
Ждешь радости, смири свою ты кровь;
Вина ты ждешь,—жми гроздій въ той же мѣрѣ;
А чуда ждешь, такъ укрѣпляйся въ вѣрѣ.

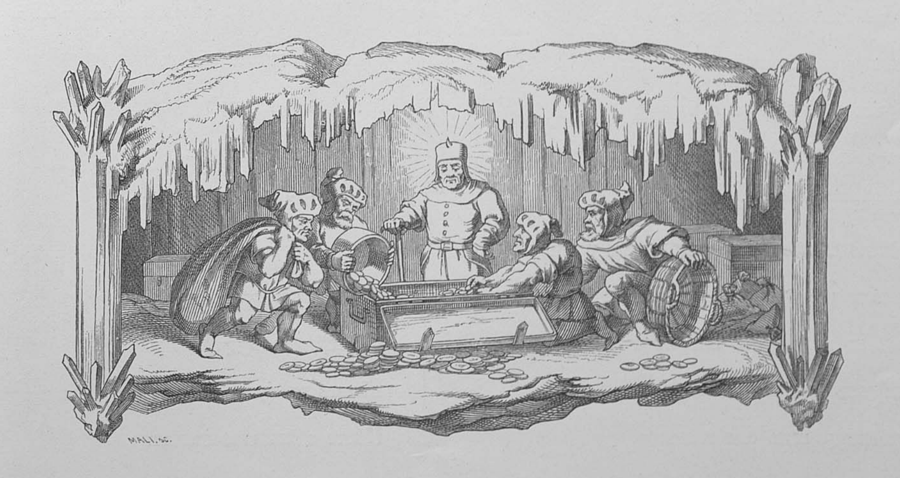
Императоръ.

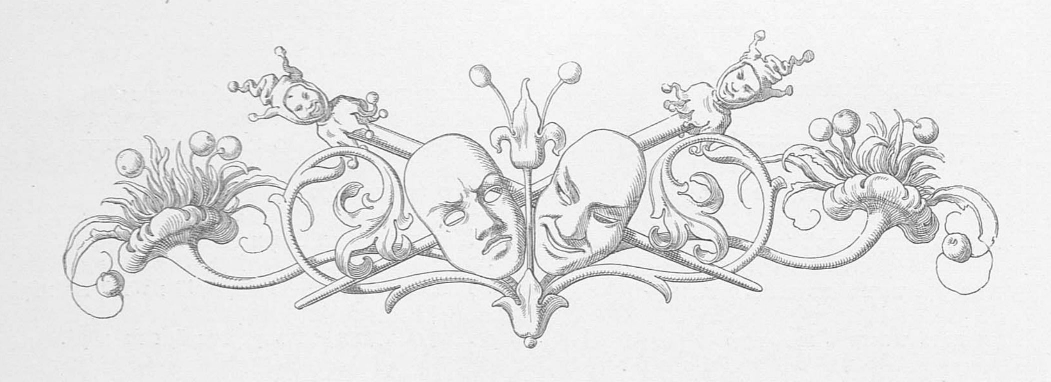
Такъ станемъ дни въ весельи провождать!
Поста ужъ кстати будемъ ждать.
А между тѣмъ хочу, чтобъ всякъ встрѣчалъ
Повеселѣй нашъ шумный карнавалъ!

(Трубы. Exeunt.)

Мефистофель.

Что счастье и заслуга—братья,
Не лѣзетъ въ голову глупца;
Имъ хоть бы могъ и камень мудрыхъ дать я,
Не сыщешь къ камню мудреца.

Просторный залъ, съ примыкающими покоями.

украшенный и убранный для маскарада.

Герольдъ.

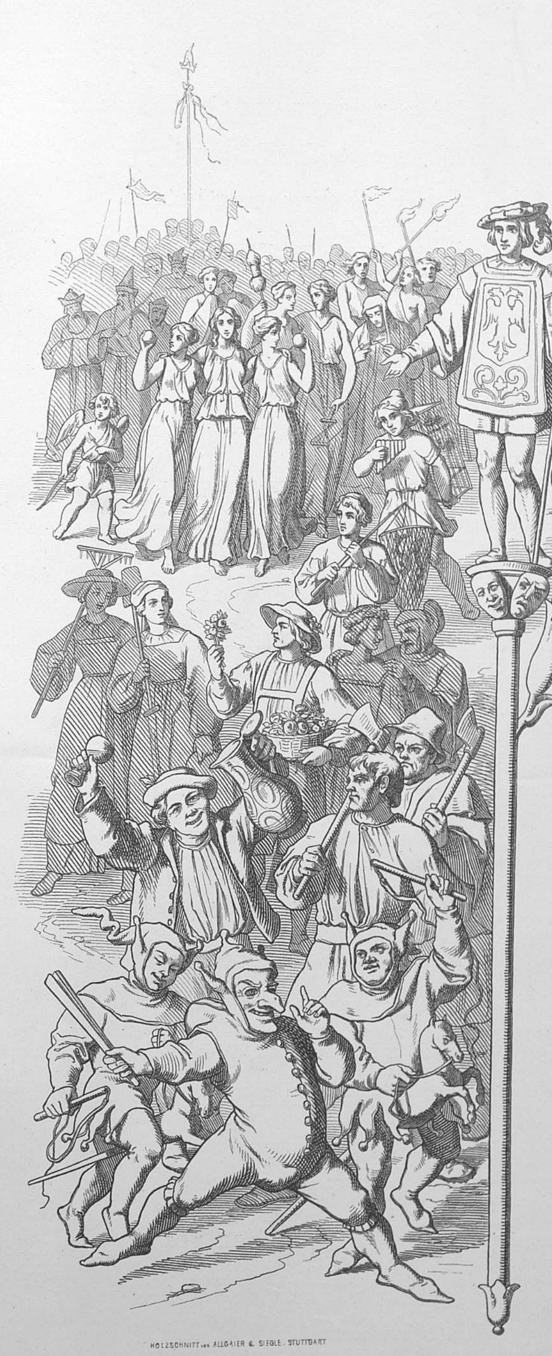
Въ предѣлахъ вы нѣмецкихъ, но не вѣрьте,
Что лишь шуты здѣсь, мертвецы, да черти;
Веселый праздникъ подоспѣлъ.
Нашъ государь, походъ свершивъ на славу,
Себѣ на пользу, вамъ въ забаву,
Отбывъ чрезъ Альпы переправу,
Веселымъ царствомъ овладѣлъ.
Главой склонясь къ святому трону,
Онъ право испросилъ на власть,
Но для себя пріобрѣтя корону,
Для насъ колпакъ онъ не забылъ припасть.
Переродились всѣ мы сами:
Пріятно свѣтскимъ людямъ всѣмъ равно
Въ него засунуть голову съ ушами;
Хоть въ немъ легко считать ихъ дураками,
Они умны, насколько имъ дано
Ужъ вижу, какъ они толпятся,
То разойдутся, то сдружатся;
Къ кружку прибиться ищетъ всякъ;
Войдетъ и выйдетъ преотлично.
Что̀ было и осталось такъ;
Пускаясь въ шутки безгранично,
Весь міръ одинъ большой дуракъ.

Садовницы.

(Пѣніе, сопровождаемое мандолинами.)

Похвалы стяжать живыя
Разодѣлись на зарѣ
Флорентинки молодыя,
При нѣмецкомъ мы дворѣ;

Мы цвѣтовъ, убранства ради,
Въ черныхъ кудряхъ принесли,
Шелкъ въ кусочкахъ, шелкъ какъ пряди
Мѣсто здѣсь свое нашли.

И чего жъ искать вамъ краше!
Похвалите отъ души:
Вѣдь искусственные наши
Цѣлый годъ цвѣты свѣжи.

Симметричными кружками
Дали видъ мы лоскуткамъ.
Издѣвайтесь надъ кусками,
Въ цѣломъ это мило вамъ.

Милы мы какъ новость, мода,
На садовницъ ты взгляни;
Наша женская природа
Вѣдь искусству такъ сродни.

Герольдъ.

Взглянемъ въ тѣ корзины сами,
Что вы на головы взяли
Или держите руками:
Чтобъ по вкусу мы избрали.
Ну скорѣй, чтобъ превратились
Входы, выходы—въ теплицы!
Стоятъ, чтобы къ нимъ тѣснились,
И товаръ, и продавщицы.

Садовницы.

Веселѣе по обновѣ,
Но безъ торгу покупай!
И въ коротномъ тонкомъ словѣ,
Что досталось, понимай.

Оливковая вѣтка съ плодами.

Не завидую цвѣтку я,
Вовсе споровъ не терплю я,
Такъ природой мнѣ дано.
Все же почвенная сила
Вся во мнѣ, и я служила
Мирной вѣстію давно.
Нынче жду съ мечтой безгласной
Украшать чело прекрасной.

Вѣнокъ изъ колосьевъ (золотой).

Даръ Цереры милъ отмѣнно,
Приспособленный къ вѣнцу.
Что въ полезности такъ цѣнно,
Будь прекрасно вамъ къ лицу!

Фантастическій вѣнокъ.

То, что мальвъ напоминаетъ,
Въ мохъ искусно можно вплесть.
Хоть въ природѣ не бываетъ,
Но у моды это есть.

Фантастическій букетъ.

Кто бъ назвать меня рѣшился?
Теофрастъ бы самъ смутился.
А надѣюсь, что найдутся
Тѣ, кому бъ мнѣ приглянуться.
У такой я, можетъ статься,
Могъ бы въ волосы вплетаться,
Иль она бъ мѣстечко мило
Мнѣ у сердца уступила.

Вызовъ.

Цвѣтъ фантазіи блестящей
Служитъ модѣ преходящей;
Пусть же чуденъ онъ бываетъ,
Какъ природа не рождаетъ;
Вѣтки, листья золотые,
Вплейтесь въ кудри молодыя!—
Только...

Почки розъ.

Скромность въ насъ живетъ.
Счастливъ тотъ, кто насъ найдетъ!

Въ лѣтній вечеръ благовонный

Почка розы воспаленной

Для кого же не отрада?

Обѣщанье и награда

Покоряетъ въ тотъ же часъ

Чувство, взоръ и сердце въ насъ.

(Въ галлереяхъ, украшенныхъ зеленью, садовницы красиво размѣщаютъ свой товаръ.)

Садовники.

(Пѣніе сопровождаемое теорбами).

Пусть цвѣты благоухаютъ,

Ваши кудри украшая;

Но плоды не обольщаютъ,

Ихъ мы цѣнимъ лишь вкушая.

Вишни, персики созрѣли:

Покупайте! кто желаетъ.

Гдѣ языкъ да нёбо въ дѣлѣ,

Глазъ плохимъ судьей бываетъ.

Вотъ созрѣвшими плодами

Наслаждайтесь какъ ведется;

Розы можно пѣть стихами,

А плоды кусать придется.

Намъ дозвольте стать подъ пару

Съ вашимъ блескомъ молодымъ,

И созрѣвшему товару

Вашимъ видъ мы придадимъ.

Въ расцвѣченномъ поворотѣ,

Что къ бесѣдкѣ насъ ведетъ,

Вы совмѣстно все найдете:

Почки, листья, цвѣтъ и плодъ.

(Подъ чередующееся пѣніе, сопровождаемое гитарами и теорбами, оба хора продолжаютъ разставлять по ступенькамъ вверхъ и предлагать свой товаръ.)

Мать и дочь.

Мать.

Родилась ты дочь,—тебя

Въ чепчикъ я убрала.

Такъ мила ты изъ себя

Крошечка лежала.

Ужъ тебя я подъ вѣнцомъ

За первѣйшимъ богачомъ

Увидать мечтала.

Ахъ! умчали все года

И съ мечтою сладкой.

Волокитъ ужъ ни слѣда

Послѣ встрѣчи краткой.

Танцовала ты съ однимъ,

Подавала знакъ другимъ

Локоткомъ украдкой.

Сколькимъ праздникамъ у насъ
Приходилось длиться;
Фанты, игры каждый часъ,
Смотришь— не клеится;
Нынче праздникъ дураковъ,
Милка, фартукъ свой готовь,
Можетъ кто ввалится!

(*Подруги*, юныя и прекрасныя, присоединяются къ нимъ; слышна задушевная болтовня. *Рыбаки* и *Птицеловы* съ сѣтями, удочками, силками и прочими снастями появляются, мѣшаясь съ прекрасными дѣвицами. Взаимныя попытки захватить, поймать, избѣжать и удержать даютъ поводъ къ пріятнѣйшимъ діалогамъ.)

Дровосѣки.

(Появляются стремительно и неуклюже.)

Эй! разступитесь!
Просторъ мы любимъ.
Деревья рубимъ,
Свалить желаемъ,
А какъ таскаемъ,
Толчковъ страшитесь.
Пойми сугубый
Смыслъ,—неизбѣжный:
Вѣдь если грубый
Спины не гнулъ бы,
Ну какъ тутъ нѣжный
Себя соблюлъ бы,
На зло затѣямъ?
Что жъ, разсудили?
Чтобъ вы не стыли,
Такъ мы потѣемъ.

Полишинели (ребячески, почти глупо).

Глупцы трудятся,
Горбясь родятся;
Не отъ ума ли
Мы ношъ не знали.
Вѣдь колпаки-то
Ужъ какъ легки-то,
И въ курткахъ вольно.
Самодовольно
Мы дни проводимъ
И въ туфляхъ ходимъ,
Иль безъ запинокъ
Влетимъ на рынокъ,
Да крикнемъ сами
Вдругъ пѣтухами;
Затѣмъ свободно
Тамъ, гдѣ народно,
Скользнемъ какъ змѣи,
И вновь затѣи
И шумъ и пляска;
Хоть брань, хоть ласка

Къ намъ долетѣла:
Намъ что̀ за дѣло!

Паразиты (ласкательно-сластолюбиво).

Вы тамъ съ дровами,
Намъ любо съ вами,
Намъ уголь тоже
Всего дороже!
Ужомъ сгибанье
И потаканье,
Всѣ фразы лести,
Что̀ дуютъ вмѣстѣ
Студя и грѣя,
Вся ихъ затѣя—
Пустое дѣло.
Хотя бы пламя
Къ нимъ языками
Съ небесъ слетѣло,
Все дровъ не мало,
Да углей нужно,
Чтобъ запылало
На кухнѣ дружно.
Тамъ парятъ, варятъ,
Пекутъ и жарятъ,
И запахъ чудо
Для лизоблюда.
Онъ рыбу чуетъ,
Узналъ жаркое,—
Вотъ запируетъ,
Гдѣ ждетъ чужое.

Пьяный (безсознательно).

Нынче мнѣ весь свѣтъ чудесенъ!
Такъ свободно я дышу,
Вѣдь веселости и пѣсенъ
Я съ собою приношу;
Вотъ и пью я, лейте! лейте!
Чокнись! чокнись! пейте! пейте!
Ты чего отсталъ отъ насъ?
Чокнись, вотъ тебѣ весь сказъ.

На меня жена бранилась,
Пестрымъ мой камзолъ нашла,
Я заважничалъ,—озлилась,
Палкой въ маскѣ назвала.
Но я пью! такъ лейте! лейте!
Чокнись! чокнись! Пейте! пейте!
Палки въ маскахъ всѣ за разъ!
Чокъ, да чокъ! Вотъ вамъ и сказъ!

Сумасбродомъ не считай-ка
Ты меня, я самъ ходокъ.
Скупъ хозяинъ, дастъ хозяйка,
Дастъ служанка на мѣлокъ;
Вотъ и пью я! лейте, лейте!
Чокнись! чокнись! пейте! пейте!

Каждый такъ-то! въ добрый часъ!
Чокъ да чокъ! Вотъ вамъ и сказъ.

Въ чемъ пріятность нахожу я,
То не должно измѣнять:
Гдѣ свалился, пусть лежу я,
Не хочу ужъ я стоять.

Хоръ.

Дружно, братцы, лейте, лейте!
На здоровье пейте! пейте!
На скамьѣ держись у насъ!
Кто подъ столъ,—тутъ весь и сказъ.

(Герольдъ возвѣщаетъ о различныхъ поэтахъ, пѣвцахъ природы, придворныхъ и рыцарскихъ пѣвцахъ, то нѣжныхъ, то энтузіастахъ. Въ толпѣ всевозможныхъ соискателей никто другого не допускаетъ до пѣсни. Одинъ проскользаетъ съ немногими словами.)

Сатирикъ.

Вы знаете ль, что мнѣ, поэту,
Всего бъ отраднѣй было?
Когда бъ твердить и пѣть я свѣту
Могъ то, чтò всѣмъ постыло.

(Пѣвцы ночи и гроба просятъ извиненія, такъ какъ они въ настоящую минуту заняты интереснѣйшимъ разговоромъ съ только-что воскресшимъ вампиромъ, изъ чего можетъ быть разовьется новый родъ поэзіи; Герольдъ долженъ на это согласиться, и между тѣмъ вызываетъ греческую миѳологію, которая даже въ модныхъ маскахъ не теряетъ своего характера и пріятности.)

Граціи.

Аглая.

Прелесть въ жизнь мы вносимъ, знайте;
Съ той же прелестью давайте!

Гегемона.

Будь прелестно полученье!—
Мило мыслей исполненье.

Евфросина.

Въ тихой жизни повсемѣстно
Благодарность будь прелестна!

Парки.

Атропосъ.

Старшей мнѣ пришлось явиться
Прясть съ заботой неизбѣжной.
Сколько всяческихъ роится
Думъ надъ нитью жизни нѣжной.

Чтобы мягче ей сгибаться,
Я тончайшій ленъ сыскала,
Чтобы ей не запинаться,
Ловкимъ пальцемъ я равняла.

Если вамъ при вашей прыти
Очень шибко жить придется,
Не забудьте этой нити,
Берегитесь! Ну порвется!

Клото.

Этихъ ножницъ управленье
Мнѣ на-дняхъ передано.
Нашей старшей поведенье
Ропотъ вызвало давно.

Всѣ сплетенія пустыя
Бережетъ, дастъ имъ жить;
А надежды дорогія
Рѣжетъ, чтобы хоронить.

И со мной не разъ случится:
Промахнусь,—таковъ нашъ полъ.
Нынѣ, чтобъ не ошибиться,
Прячу ножницы въ чехолъ.

Эта связа мнѣ не бремя,
Мило мнѣ глядѣть на васъ:
Такъ въ свободное вы время
Веселитесь въ добрый часъ.

Лахезисъ.

Я одна благоразумна,
И порядокъ я люблю,
Цѣлый вѣкъ трудясь безшумно,
Ничего не тороплю.

Нити льются, нити вьются,
Я на путь ихъ навожу;
У меня ужъ не собьются,
Всѣ, какъ должно, укружу.

Ошибись я,—кто повѣритъ,
Міра жизнь я прекращу.
Часъ сочтетъ, а годъ отмѣритъ,
И мотокъ идетъ къ ткачу.

Герольдъ.

Въ тѣхъ, что идутъ, вы ошибетесь сами,
Какъ чтенье бы васъ книгъ ни просвѣтило.
Взглянувъ на нихъ, которымъ зло такъ мило,
Вы бъ ихъ сочли пріятными гостями.

То фуріи, вотъ странныя затѣи!
Прелестны, юны, сложены прекрасно;
Но съ ними вамъ сближеніе опасно,
И изъ такихъ голубокъ жалятъ змѣи.

А въ наши дни къ чему же имъ коварство,
Когда порокомъ и дуракъ кичится,
Не ангеламъ—имъ нечего стыдиться,
Что бичъ они страны и государства.

Алекто.

Спасенья нѣтъ; довѣрье мы возбудимъ,
Мы вкрадчивы, и юны, и прекрасны;
Коль между вами есть любовникъ страстный,
То все ему наушничать мы будемъ.

Ему глазъ на глазъ выскажемъ свободно,
Что и другимъ порой она киваетъ,
Умомъ тупа, горбата и хромаетъ,
И какъ невѣста—ни на что негодна.

Да и къ невѣстѣ мы пристанемъ смѣло:
Вѣдь другъ ея недавнею порою
О ней съ презрѣньемъ говорилъ съ другою.
Мирись потомъ!—а злое прикипѣло.

Мегера.

Все это вздоръ! Хоть бракъ ихъ сочетаетъ,
А я берусь, съ моей обычной властью,
Въ причудахъ ихъ найти отраву счастью.
Не ровенъ всякъ, не ровенъ часъ бываетъ.

Никто не льнетъ къ желанному тому же,
Глупцу другое болѣе желанно,
Онъ, тяготясь, что счастье постоянно,
Бѣжитъ отъ солнца, ждетъ тепла отъ стужи.

Всѣмъ этимъ я руковожу коварно,
И тутъ зову я друга Асмодея,
Чтобъ во-время вредилъ онъ, злобу сѣя.
И такъ-то я людей гублю попарно.

Тизифона.

Ядъ и мечъ, не злое слово,
На коварство берегу я.
Измѣнилъ,—подстерегу я,
Рано ль, поздно ль—месть готова.

Если самый мигъ сладчайшій
Превратится въ пѣну яда,
Нѣтъ уступокъ, прочь пощада,
Надъ виновнымъ судъ кратчайшій.

Вы не пойте мнѣ: помилуй!
Я спрошу у скалъ рѣшенье.
Слышишь! эхо вторитъ: мщенье.
Измѣнилъ,—иди въ могилу!

Герольдъ.

Угодно ли вамъ въ сторону раздаться;
Съ тѣмъ, что теперь идетъ, вамъ не равняться.—
Вы видите, гора идетъ пѣшкомъ,
Коврами вся увѣшана кругомъ;
Змѣится хоботъ, два клыка огромныхъ.
Загадочно; но ключъ есть для нескромныхъ.
Тамъ на хребтѣ красавица видна,
И ею правитъ палочкой она.
Другая выше тамъ стоитъ за ней;
Блескъ отъ нея,—что больно для очей.
А сбоку двѣ жены идутъ въ цѣпяхъ,
Веселье видно въ той, а въ этой страхъ,
Въ той духъ свободенъ, эта ждетъ скорбя.
Пусть сами скажутъ про себя.

Боязнь.

Сколько факеловъ туманныхъ,
Лампъ, свѣчей я узнаю;
А къ средѣ личинъ обманныхъ
Я прикована стою!

Прочь, смѣшные ротозѣи!
Что вы скалитесь!—всѣ прочь!
На меня всѣ лиходѣи
Напираютъ въ эту ночь.

Сталъ врагомъ, кто другомъ звался,
Маской онъ не проведетъ;
Тотъ убить меня сбирался,
Но открытъ—сейчасъ уйдетъ.

Ахъ, какъ рада бы была я
Убѣжать куда-нибудь;
Только сверху угрожая,
Не даютъ мнѣ отдохнуть!

Надежда.

Васъ привѣтствую, сестрицы;
Хоть сегодня эти лица
Васъ въ собраньи не смущали,
Всѣ однако утверждали,
Что вы маски снять готовы.
И хотя въ подобномъ мѣстѣ
Словно чувствуемъ мы бремя,
Но въ счастливѣйшее время,
И расторгнувъ всѣ оковы,
Въ одиночку или вмѣстѣ,
Чтобъ гулять въ широкомъ полѣ,
Выйдемъ мы по доброй волѣ.
Всѣ заботы мы забудемъ,
Безъ лишеній все добудемъ.
Всюду встрѣчи,—съ каждымъ шагомъ
Станетъ радостнѣй нашъ путь.
Нѣтъ сомнѣнья, съ высшимъ благомъ
Мы сойдемся гдѣ-нибудь.

Благоразуміе.

Двухъ враговъ людского рода,
Вотъ, надежду при боязни
Заковавъ,—я отъ народа
Отвожу такія казни.

Здѣсь живымъ колоссомъ смѣло,
Нагрузивъ его, я правлю;
Хоть шагаетъ неумѣло,
А идетъ, куда заставлю.

Наверху же надъ зубцами
Та богиня, что̀ стремится
Съ распростертыми крылами
Пріобрѣтеній добиться.

Какъ пристала ей гордыня,
Этотъ блескъ ея сіянья,
То Викторія богиня,
Матерь всякаго дѣянья.

Зопло-Өирситъ.

У! у! Попалъ я въ добрый часъ!
Я дрянью выбраню всѣхъ васъ.
А главная-то цѣль моя,
Вонъ госпожа Викторія.
Она, что крылья подняла
Себя считаетъ за орла,
И думаетъ, что весь народъ,
Весь свѣтъ къ ногамъ ея падетъ!
А я, гдѣ на успѣхъ наткнусь,
Такъ и сейчасъ вооружусь;
Высокимъ внизъ, низъ вверхъ тяни,
Что̀ криво—правь, что̀ прямо—гни,
Вотъ только этимъ и живешь;
И въ мірѣ я хочу того жъ.

Герольдъ.

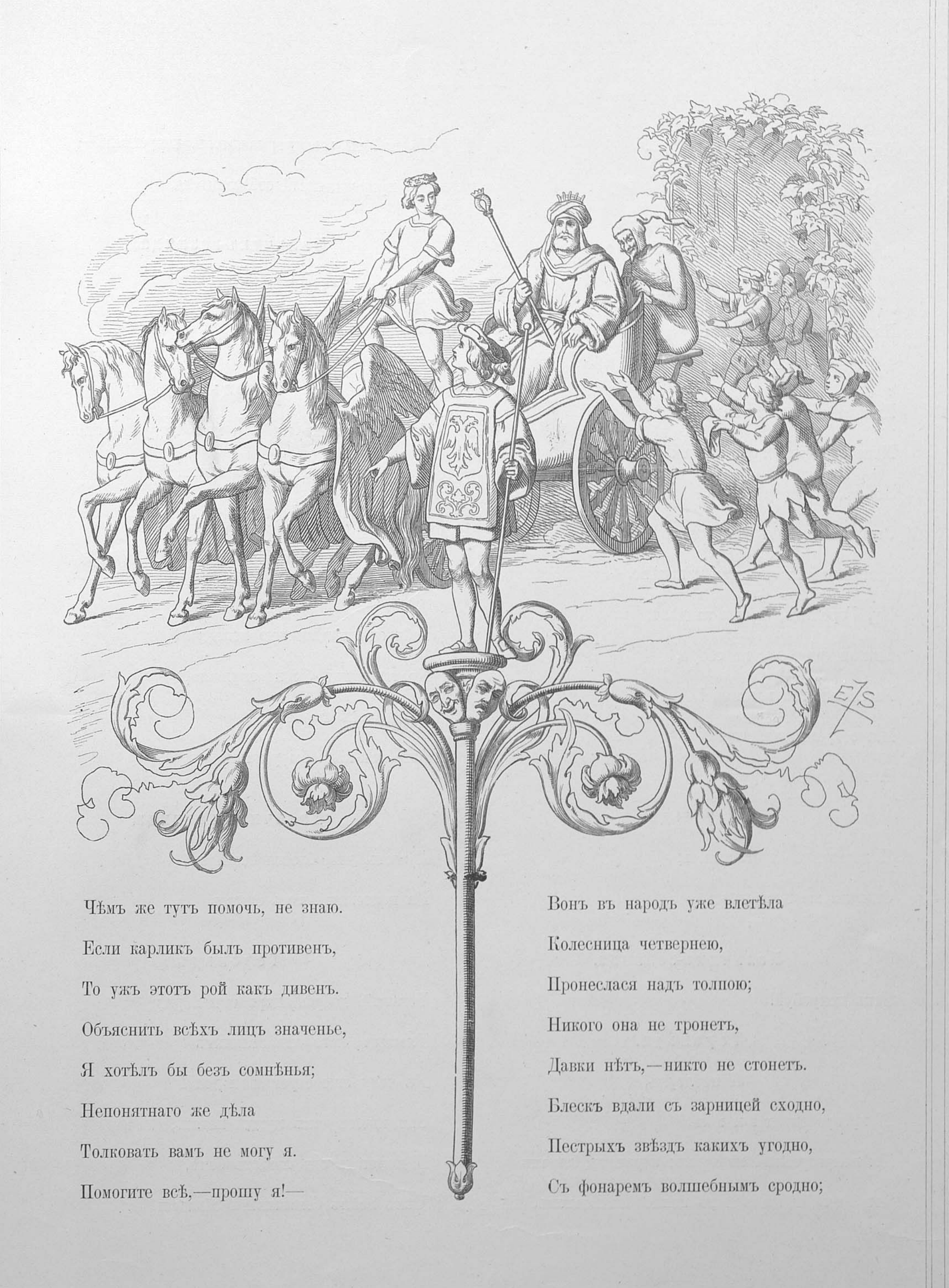
Такъ вотъ, собака, не уйдешь!
Жезла попробуй и смирись!
Теперь покорчись, повертись!—
Какъ быстро этотъ карликъ могъ
Свернуться въ мерзостный комокъ!
Ахъ! не комокъ—яйцо у насъ!
Раздулось, лопнуло сейчасъ,
Вотъ изъ него ползутъ вдвоемъ
Ехидна и съ нетопыремъ:
Одна во прахѣ прочь бѣжитъ,
Другой подъ потолокъ летитъ,
Спѣшатъ на волѣ жребій слить—
Я не хотѣлъ бы третьимъ быть!

Говоръ толпы.

Живо! Тамъ пустились въ плясъ.—
Нѣтъ, бѣжалъ бы я сейчасъ—
Какъ пристала къ намъ, ты глянь!
Эта призрачная дрянь?
У волосъ моихъ вилась—
Мнѣ къ ногѣ подобралась—
Хоть никто не пострадалъ,
Только страхъ на всѣхъ напалъ—
Шутка вся омрачена.—
Это бестій цѣль одна.

Герольдъ.

Съ той поры, какъ я въ нарядѣ
Былъ герольдомъ въ маскарадѣ,
Я блюду у этой двери,
Чтобы васъ по крайней мѣрѣ
Не смущали здѣсь нисколько;
Вотъ стою, смотрю и только.
Но боюсь я,—въ залъ нашъ душный
Въ окна рвется рой воздушный.
Волшебство подозрѣваю,

Чѣмъ же тутъ помочь, не знаю.
Если карликъ былъ противенъ,
То ужъ этотъ рой какъ дивенъ.
Объяснить всѣхъ лицъ значенье,
Я хотѣлъ бы безъ сомнѣнья;
Непонятнаго же дѣла
Толковать вамъ не могу я.
Помогите всѣ,—прошу я!—

Вонъ въ народъ уже влетѣла
Колесница четвернею,
Пронеслася надъ толпою;
Никого она не тронетъ,
Давки нѣтъ,—никто не стонетъ.
Блескъ вдали съ зарницей сходно,
Пестрыхъ звѣздъ какихъ угодно,
Съ фонаремъ волшебнымъ сродно;

Мчится ближе съ быстротой.—

Мѣста! Вы! мнѣ страшно!

Мальчикъ-возница.

Стой!

Кони, крылья задержите,
Вѣрный поводъ ощутите!
Покоряйтесь, коль велю я;
Мчитесь вдаль, коли гоню я!
Это мѣсто чтите строго.
Оглянитесь, какъ ужъ много
Удивленныхъ къ намъ приспѣло.—
Ну, Герольдъ, берись за дѣло,
Опиши, пока мы въ сборѣ,
Разскажи, кто мы такіе!
Мы собранье аллегорій,
И тебѣ мы не чужіе.

Герольдъ.

Я назвать тебя стѣсняюсь;
Описать же постараюсь.

Мальчикъ-возница.

Такъ попробуй!

Герольдъ.

Я не лгунъ,
И прекрасенъ ты и юнъ.
Ты полувзрослый мальчикъ; впрочемъ, дамамъ
Ты былъ бы милъ и въ полнолѣтьи самомъ.
На мой ты взглядъ, искатель, искуситель—
Ну, прирожденный соблазнитель.

Мальчикъ-возница.

Не дурно началъ! Продолжай!
Загадку весело рѣшай.

Герольдъ.

Блескъ черныхъ глазъ и ночь кудрей густая.
Какой вѣнецъ на ней блеститъ!
Какой ты мантіей увитъ,
Съ плеча до пятъ она, спадая,
Каймой пурпурною горитъ!
Тебя счесть дѣвочкою можно;
Но ты и ихъ бы не смущалъ,
У дѣвочекъ ты осторожно
Азъ-буки-вѣди бы узналъ.

Мальчикъ-возница.

А этотъ, что, блестя безмѣрно,
На колесницѣ тамъ сидитъ?

Герольдъ.

Богатый, добрый царь онъ вѣрно;
Блаженъ, кого онъ отличитъ
Къ чему еще стремиться долѣ!
Онъ ищетъ самъ нуждѣ подать,
И помогать онъ любитъ болѣ,
Чѣмъ всѣмъ богатствомъ обладать.

Мальчикъ-возница.

Но этимъ кончить неудобно,
Ты опиши его подробно.

Герольдъ.

Какъ описать все до конца.
Но этотъ лунный видъ лица,
И губы полныя, и щеки
Подъ пышною чалмой, высокой,
И роскошь дорогого платья!
Что про осанку бъ могъ сказать я?
Какъ властелинъ знакомъ онъ намъ.

Мальчикъ-возница.

То Плутусъ, богъ богатства самъ.
Онъ въ торжествѣ сюда грядетъ;
Его самъ Императоръ ждетъ.

Герольдъ.

Но кто ты самъ, узнать хотѣлъ бы я?

Мальчикъ-возница.

Я расточительность, поэзія,
Я тотъ поэтъ, что самъ преуспѣваетъ,
Когда свой даръ онъ расточаетъ.
Неизмѣримо я богатъ
И съ Плутусомъ поспорить радъ,
Его пирамъ я пышность придаю,
Чего въ нихъ нѣтъ, то я даю.

Герольдъ.

Ты похваляться молодецъ.
Блесни своимъ искусствомъ наконецъ!

Мальчикъ-возница.

Смотрите, я щелкну сначала;
Ужъ колесница засверкала.
Здѣсь нить жемчужная ползетъ. (Продолжая щелкать.)
Вотъ ожерелье, серьги вотъ;
Коронки, гребни въ жемчугахъ;
И камни яркіе въ перстняхъ.
И огоньками я дарю,
Не загорится ль гдѣ?—смотрю.

Герольдъ.

Вотъ какъ накинулись, пристали!
И раздавателя-то сжали;
Дарами онъ какъ бы во снѣ щелкаетъ,
И всякій на лету хватаетъ.
Но—тутъ опять я вижу штуки:
Чьи какъ ни жадно ловятъ руки,
Награды нѣтъ такимъ трудамъ:
Подарокъ улетаетъ самъ.
Разсыпались всѣ жемчуги,
Въ рукахъ копошатся жуки,
Онъ ихъ швырнулъ, они ужъ, глядь,
Вкругъ головы пошли жужжать.
Другіе ждутъ даровъ правдивыхъ,

А ловятъ бабочекъ игривыхъ.
Плутишка много насулитъ,
А раздаетъ, что лишь блеститъ!

Мальчикъ-возница.

Ты ловокъ масокъ объяснять значенье;
Но въ сущность проникать явленья
Герольдамъ видимо труднѣй:
Тутъ надо зрѣнье поострѣй.
Но я боюсь противорѣчій.
Къ тебѣ, владыко, обращаю рѣчи;

(Обращаясь къ Плутусу.)

Не мнѣ ль вручилъ ты предъ тобой
Крылатой править четверней?
Что жъ, плохо правилъ я, ты скажешь?
Иль я не тамъ, куда укажешь?
Иль не успѣлъ я возноситься,
Чтобъ пальмы для тебя добиться?
Коль за тебя я рвался къ бою,
Такъ все къ побѣдѣ насъ вело:
И если лавръ вѣнчалъ твое чело,
Не я ли сплелъ его искусною рукою?

Плутусъ.

Чтобъ о тебѣ не отозваться глухо,
Скажу при всѣхъ: духъ моего ты духа.
Ты вѣренъ былъ моимъ мечтамъ,
И ты богаче, чѣмъ я самъ.
Изъ всѣхъ моихъ вѣнцовъ, чтя даръ твой рѣдкій,
Я больше гордъ твоей зеленой вѣткой.
И выскажу я правду безъ сомнѣнья:
Мой сынъ, тебѣ мое благоволенье.

Мальчикъ-возница (къ толпѣ).

Дарами лучшими изъ рукъ
Своихъ я надѣлилъ вокругъ;
На многихъ головахъ, взгляни,
Мной засвѣченные огни.
Съ того на этого летятъ,
Къ тѣмъ пристаютъ, съ другихъ скользятъ,
Лишь изрѣдка надъ кѣмъ на мигъ
Пылаетъ огненный языкъ;
У многихъ огонекъ сейчасъ
Какъ долетѣлъ, такъ и погасъ.

Бабья болтовня.

Вся колесница-то обманъ,
На ней навѣрно шарлатанъ.
Тамъ сзади тощій шутъ присѣлъ,
Должно-быть онъ не пилъ, не ѣлъ;
Такихъ и видѣть не пришлось,
Щипнуть, такъ не проймешь, небось.

Исхудалый.

Прочь бабы, нечего зудить!
На васъ мнѣ вѣкъ не угодить.
Какъ домъ-то былъ одна семья,
Звался я avaritia,
Но всѣмъ жилось отлично въ немъ:

Несли не изъ дому, а въ домъ!
Всего тащилъ я въ складъ да въ прокъ,
Нашли и въ этомъ вишь порокъ!
Но какъ въ новѣйшіе-то годы
У женщинъ завелись расходы,
И у хозяевъ безтолковыхъ
Желаній больше чѣмъ цѣлковыхъ,
Тутъ мужу дни плохіе стали:
Куда ни глянетъ—задолжали;
Она, хоть что̀ успѣлъ собрать я,
То на дружка, а то на платье;
И лучше ѣстъ она и пьетъ,
Когда поклонниковъ сзоветъ:
Тутъ я ужъ алченъ сталъ въ конецъ.
Мужского рода я—скупецъ!

Главная баба.

Съ дракономъ пусть драконъ скупится;
Вѣдь это призракъ, знаетъ всякъ!
Дразнить мужей онъ лишь годится—
Они несносны намъ и такъ.

Бабы толпой.

Вотъ чучело-то! Да трезвону
Ему проклятому задать!
Онъ рожей хочетъ запугать?
Драконы эти изъ картону.
Скорѣй, и станемъ напирать!

Герольдъ.

Сейчасъ жезломъ! Чтобъ отходили!
Да тутъ и жезлъ не нуженъ мой.
Онѣ страшилищъ разозлили,
А тѣ съ обычной быстротой
Двойныя крылья распустили;
И вотъ, полны огня и гнѣва,
Раскрылись два огромныхъ зѣва—
Толпа разсѣялась кругомъ.

(Плутусъ сходитъ съ колесницы.)

Герольдъ.

Вотъ онъ сошелъ. Какъ царственъ онъ!
Кивнулъ—покорствуетъ драконъ;
Вотъ съ колесницы ящикъ сняли,
Въ которомъ злато охраняли,
Ужъ онъ у ногъ его стоитъ:
Какъ скоро дѣло-то кипитъ.

Плутусъ (къ возницѣ).

Ты ношу сбылъ, теперь по крайней мѣрѣ
Ты воленъ сталъ; спѣши къ своей ты сферѣ!
Она не здѣсь; здѣсь только сбродъ одинъ
Уродливо пестрѣющихъ личинъ.
Туда! гдѣ ясность видитъ ясный взоръ,
Гдѣ самъ ты свой, гдѣ для тебя просторъ,
Гдѣ красота и благо;—ты ступай
Въ уединенье—тамъ свой міръ создай!

Мальчикъ-возница.

Твоимъ посломъ я вѣрнымъ пребываю;
Тебя жъ роднымъ ближайшимъ почитаю.
Гдѣ ты—тамъ полнота, гдѣ я,—
Тамъ всѣхъ поитъ чистѣйшая струя;
Иному въ жизни трудно такъ рѣшаться:
Тебѣ ль ему, иль мнѣ вполнѣ отдаться?
Твоихъ конечно отдыхъ ждетъ вездѣ,
Но кто со мной, тотъ навсегда въ трудѣ.
Мои труды подъ спудомъ не бываютъ,
Я чуть вздохну—ужъ всѣ про это знаютъ.
Итакъ, прощай,—ты пѣстунъ благъ моихъ;
Но лишь шепни, я возвращуся вмигъ.

(Улетаетъ, какъ появился.)

Плутусъ.

Теперь пора, чтобъ кладъ былъ обнаруженъ!
Замка коснусь герольдовой лозою;
Раскрылось все! глядите! какъ запруженъ
Котелъ чугунный кровью золотою.
Короны, кольца, цѣпи тутъ сверкаютъ,
Того гляди расплавятся, растаютъ.

Крикъ толпы.

Смотри, о глянь! Какъ разлилось,
Въ край сундука ужъ поднялось!
Златые кубки таютъ вмигъ,
Катятся свертки золотыхъ,
Червонцы скачутъ—погляди,
Чтò за восторгъ въ моей груди!
Все чтò лишь грезилось въ пылу!
Вотъ раскатилось на полу—
Вѣдь вамъ дарятъ,—чего стоятъ?
Нагнись и станешь ты богатъ.—
А мы какъ молнія—сейчасъ
Захватимъ весь сундукъ за разъ.

Герольдъ.

Куда? глупцы, чего хотятъ?
Вѣдь это шутка, маскарадъ,
Желать богатствъ не мѣсто тутъ;
Иль деньги впрямь вамъ раздаютъ?
Въ такой игрѣ, чтобъ васъ занять,
Жетоновъ было бъ жалко дать.
Вотъ дурни! Милый призракъ, вмигъ
Стань грубой правдою для нихъ.
На чтò вамъ правда? Бредъ и вздоръ
Ловить вы рады за вихоръ.—
Ты, Плутусъ, маскарадный богъ,
Гони всю сволочь за порогъ!

Плутусъ.

Твой жезлъ къ тому готовъ вполнѣ,
Дай ты его на время мнѣ.—
Его я въ пылъ-то окуну.—
Ну, маски, васъ теперь пугну!
Какъ затрещало, какъ кипитъ!
И жезлъ-то самъ уже горитъ.

Начну, кто станетъ налѣзать,

Немилосердно припекать.—

Вотъ начинаю я какъ разъ.

Крикъ и давка.

Увы, насталъ послѣдній часъ!

Бѣгите, сколько хватитъ силъ!

Ты что̀ дорогу заслонилъ!—

Въ лицо мнѣ брызнуло огнемъ—

Меня онъ опалилъ жезломъ—

Пропали всѣ мы,—всѣхъ спалятъ.

Назадъ, назадъ, весь маскарадъ!

Назадъ, назадъ! вы,—толкотня!

О, будь-ка крылья у меня!

Плутусъ.

Отброшенъ кругъ со всѣхъ сторонъ.

Никто, я чай, не опаленъ.

Толпа бѣжитъ,

Какъ страхъ велитъ.

Но чтобъ порядокъ былъ иной,

Незримой обведусь чертой.

Герольдъ.

Ты чудо совершилъ, ей-ей.

Спасибо мудрости твоей!

Плутусъ.

Терпѣнье, другъ мой,—погоди,

Довольно шуму впереди.

Скупецъ.

Такъ можно, значитъ, духъ отвесть.

На всѣхъ покойно озираться.

Вѣдь женщины всегда впередъ тѣснятся,

Гдѣ что̀ смотрѣть, чѣмъ лакомиться есть.

Заржавѣлъ я пока наполовину!

Что̀ жъ краше женщинъ кто нашелъ?

И нынче я на даровщину

Пущусь плѣнять прекрасный полъ.

Но гдѣ толпа и суматоха,

До уха рѣчь доходитъ плохо,

Такъ я потщусь получше ухитриться—

И мимикой понятной объясниться.

Руки, ноги, ухватки мало мнѣ;

А надо штуку ясную вполнѣ.

Я золото лѣпить какъ глину буду;

Такой металлъ на все пригоденъ всюду.

Герольдъ.

Вотъ нищій шутъ-то,—я смотрю!

Острить такому сухарю?

Все золото онъ изведетъ,

Въ своихъ рукахъ его онъ мнетъ.

Но какъ его ни жалъ, ни мялъ,

Все видъ какой-то гнусный далъ.

Сталъ что-то женщинамъ казать;

Тѣ съ крикомъ рады убѣжать,

Ихъ корчитъ ужасъ всепобѣдный.

Мошенникъ видимо зловредный,

И радость въ томъ его видна,

Что нравственность оскорблена.

Молчать, терпѣть ужъ не могу я;

Дай жезлъ сюда,—его турну я!

Плутусъ.

Не знаетъ онъ, что близится бѣда.

Пускай дурачится на волѣ,

Для глупостей его не хватитъ мѣста болѣ;

Законъ могучъ, еще сильнѣй нужда.

Гамъ и пѣніе.

Сюда стремится дикій хоръ

Съ лѣсныхъ долинъ, съ высокихъ горъ,

На праздникъ свой, изъ разныхъ странъ,

Ихъ всѣхъ созвалъ великій Панъ.

Вѣдь все же имъ извѣстно то,

Чего не вѣдаетъ никто.

Плутусъ.

Вы здѣсь—знакомъ мнѣ вашъ великій Панъ;

Вамъ вмѣстѣ съ нимъ отважный подвигъ данъ.

Я знаю то, что знать не всѣмъ дано,

И тѣсный кругъ раздвинулъ я давно.

Пускай найдутъ чего желаютъ!

Тутъ могутъ выйти чудеса;

Куда идутъ они не знаютъ,

И не предвидятъ ихъ глаза.

Дикое пѣніе.

Народъ разряженный,—смотри!

Несутся въ шкурахъ дикари,

Большимъ прыжкомъ, бѣгомъ бѣгутъ,

Иль тяжкой поступью идутъ.

Фавны.

Гдѣ фавновъ хоръ,

Тамъ плясъ и свистъ,

Кудрей уборъ

Дубовый листъ;

А уха тоненькій конецъ

Торчитъ въ кудряхъ, тѣснитъ вѣнецъ;

И носъ тупой, и ширь лица

Не портятъ фавна-молодца.

Фавнъ лапу протянетъ красавицу брать,

Едва ль не пойдетъ она съ нимъ танцовать.

Сатиръ.

Сатиръ за ними слѣдомъ—прыгъ,

На козьихъ ножкахъ-то своихъ;

Хоть тонки, много силы въ нихъ,

И онъ какъ серна по скаламъ,

Онъ всю окрестность видитъ тамъ;

Онъ воленъ—и коритъ одинъ

Дѣтей и женщинъ и мужчинъ,

Что̀ дымъ и чадъ долины пьютъ,

Воображая, что живутъ,

А съ высоты своей межъ тѣмъ
Онъ властелинъ надъ міромъ всѣмъ.

Гномы.

Малютки ножками дробятъ,
Ходить попарно не хотятъ;
Съ лампадками, одѣты въ мохъ,
Другъ передъ дружкой кто какъ могъ,
У каждаго дѣла свои,
Они кишатъ какъ муравьи;
Взадъ и впередъ вездѣ бѣгутъ,
И вдоль и поперекъ снуютъ.
Мы добрымъ геніямъ сродни,
Хирурги скалъ по всѣ мы дни,
Изъ горъ высокихъ мы беремъ,
Изъ полныхъ жилъ мы достаемъ,
Кричимъ, надсаживая грудь:
Тяните вверхъ! Счастливый путь!
Привѣтъ глубокій отъ души:
Мы къ добрымъ людямъ хороши.
Но золото мы имъ даримъ,
Чтобъ крали, своднячали съ нимъ.
Пусть и желѣзо наконецъ
Къ убійству всѣхъ найдетъ гордецъ;
Кто этихъ заповѣдей трехъ
Не чтитъ, тотъ всѣми пренебрегъ.
Не нами это завелось,
Такъ вамъ, какъ намъ, терпѣть пришлось.

Великаны.

Вотъ люди дикіе идутъ,
На Гарцѣ такъ-то насъ зовутъ;
Гордясь могучей наготой,
Подходитъ великановъ строй.
Сосновый стволъ у нихъ въ рукѣ,
На чуть замѣтномъ кушакѣ
Лишь фартукъ изъ вѣтвей съ листвой.
У Папы стражи нѣтъ такой.

Нимфы хоромъ.

(Обступая великаго Пана.)

Идетъ! призванъ!
Весь міръ вмѣстилъ,
Изобразилъ
Великій Панъ.
Повеселѣй носись кругомъ,
Ему пропляшемъ, пропоемъ!
Затѣмъ что добръ, хотя суровъ,
Веселье видѣть онъ готовъ.
Онъ и подъ сводомъ голубымъ —
Безсоннымъ сторожемъ ночнымъ;
Но съ вѣтеркомъ ручей порой
Нашепчутъ и ему покой.
И если въ полдень онъ заснетъ,
На вѣткѣ листикъ не дрогнетъ,
Стихаетъ воздухъ, травы спятъ,
Цѣлебный дышитъ ароматъ;

Рѣзвиться нимфа устаетъ,
А гдѣ стояла, тамъ заснетъ.
Но если вдругъ, въ нежданный мигъ,
Его раздастся грозный крикъ,
Какъ громъ небесъ, какъ шумъ морской,
Тутъ всякъ бѣжитъ и самъ не свой.
Войска разсѣются въ конецъ,
И въ битвѣ задрожитъ храбрецъ.
Такъ честь тому, кто честь блюдетъ!
Хвала тому, кто насъ ведетъ!

Депутація гномовъ

(къ великому Пану).

Если нитію блестящей
Льется въ безднахъ благодать,
Можетъ только прутъ всезрящій
Лабиринтъ ея сыскать;

Подъ тяжелыми скалами
Троглодитски мы живемъ,
Ты жъ въ сіяньи дня дарами
Одѣляешь всѣхъ кругомъ.

Вотъ открыли ключъ пожильный
Мы у самыхъ этихъ скалъ,
Обѣщаетъ онъ, обильный,
То, чего никто не ждалъ.

Завершится все тобою.
Ты владыка, такъ бери жъ!
Каждый кладъ своей рукою
Въ общій даръ ты превратишь.

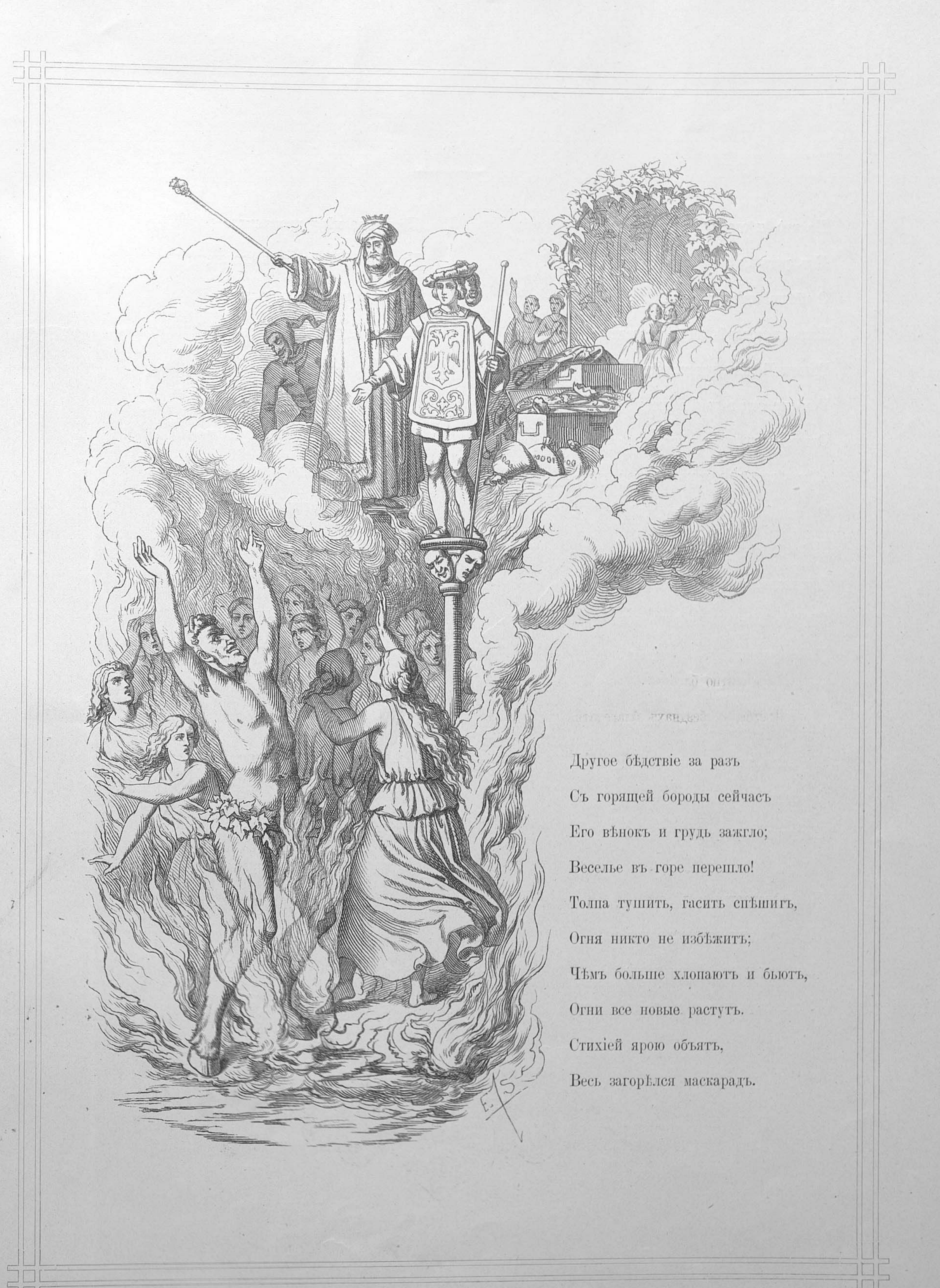
Плутусъ (Герольду).

Теперь должны мы съ мыслями собраться,
Смотря на то, что станетъ тутъ сбываться;
Вѣдь ты всегда на все отважно шелъ.
Сейчасъ должно здѣсь страшное случиться;
Въ чемъ міръ и все потомство усомнится:
Ты запиши все вѣрно въ протоколъ.

Герольдъ

(хватаясь за жезлъ въ рукахъ Плутуса).

Знать Пана карлики-то тутъ
Къ источнику огня ведутъ.
Въ немъ, то въ края начнетъ вскипать,
А то на дно спадетъ опять
И станетъ мрачный зѣвъ зіять;
Вотъ снова ярый пылъ вскипѣлъ
Великій Панъ не оробѣлъ,
Смотрѣть на это чудо радъ.
А пузыри кипятъ, дрожатъ.
Ввѣряться тамъ кому-нибудь?
Согнулся онъ на дно взглянуть.
Его свалилась борода
Кто безбородый? Вотъ бѣда!
Рукой закрылся онъ отъ насъ.

Другое бѣдствіе за разъ
Съ горящей бороды сейчасъ
Его вѣнокъ и грудь зажгло;
Веселье въ горе перешло!
Толпа тушить, гасить спѣшитъ,
Огня никто не избѣжитъ;
Чѣмъ больше хлопаютъ и бьютъ,
Огни все новые растутъ.
Стихіей ярою объятъ,
Весь загорѣлся маскарадъ.

Но что̀, я слышу, мчится вдругъ
Изъ устъ въ уста, изъ слуха въ слухъ?
О вѣчно горестная ночь!
Какъ эту скорбь намъ превозмочь!
Грядущій день разскажетъ то,
Чего не слушалъ бы никто!
Отвсюду крикъ я услыхалъ:
«Самъ государь какъ пострадалъ!»
О если бъ это было вздоръ!
И государь сгорѣлъ и дворъ!
Проклятье той, что увлекла
Его, съ вѣнкомъ вокругъ чела,
Въ ревущемъ хорѣ бушевать
И гибель общую создать!
О юность! юность! о когда жъ
Найдешь ты радости границу?
О власть величія! когда жъ
Направитъ разумъ твой десницу?

Ужъ загорается и лѣсъ,
И острый пламень ужъ долѣзъ
Подъ деревянный потолокъ;
И все сгоритъ въ кратчайшій срокъ.
Несчастье мѣру превзошло.
Не знаю, что бы насъ спасло.
И завтра грудой пепла тутъ
Величье царское найдутъ.

Плутусъ.

Страхъ успѣлъ распространиться;
Нужно помощи добиться!—
Такъ ударь своимъ жезломъ,
Чтобъ дрогнуло все кругомъ!
Ты, о воздухъ, намъ скорѣй
Влажнымъ холодомъ повѣй!
Проноситесь, какъ волненья,
Вы, туманы, испаренья,
Скройте роющій огонь.
Сѣйтесь, лейтесь, въ тучки вейтесь,
Завиваясь удушайте,
Всюду пламя укрощайте;
Вы смягчите, окропите,
Скройте ярую жару,
Злого пламени игру.
Тамъ, гдѣ духи насъ пугаютъ,
Силы магіи спасаютъ.

Императорскій садъ.

Утреннее солнце.

Императоръ, его придворные, мужчины и женщины. Фаустъ и Мефистофель, прилично, не странно, а по обычаю одѣты; оба на колѣняхъ.

Фаустъ.

Простишь ли мнѣ съ огнями всю игру?

Императоръ.

Желаю впредь такихъ забавъ двору.—

Вдругъ весь въ огнѣ, кругомъ распространенномъ,
Себя готовъ я былъ считать Плутономъ;
Въ ночи горячихъ угольевъ костры,
Всѣ въ огонькахъ; дрожащи и остры
Съ нихъ языки безсчетные взвивались
И трепетно въ единый сводъ сливались,
А этотъ сводъ все выше возрасталъ,
И то вставалъ, то снова исчезалъ.
За огненно-извитыми столбами
Я видѣлъ, какъ народъ мелькалъ рядами,
Объемистымъ онъ кругомъ напиралъ,
И какъ всегда почтенье заявлялъ;
Придворныхъ я узналъ въ толпѣ великой:—
Казалось, былъ я Саламандръ владыкой.

Мефистофель.

Таковъ ты есть. Стихіи признаютъ
Величество,—и безусловно чтутъ.
Покорность ты огня ужъ испыталъ;
Но бросься въ море, гдѣ бушуетъ валъ,
Едва лишь дна коснешься ты, какъ вдругъ
Тебя, дрожа, охватитъ чудный кругъ;
Прозрачно зеленѣющія волны
Съ пурпурными краями, блеска полны,
Къ тебѣ прильютъ дворцомъ; ступи ногой,
Куда пошелъ, чертоги за тобой.
И сами стѣны жизнью веселятся,
И блещутъ, и впередъ и вздадъ стремятся.
Морскія чуда, видя новый, кроткій свѣтъ,
Къ нему стрѣлой, но дальше ходу нѣтъ.
Дивись драконовъ чешуѣ какъ хочешь,
Акула пасть разверзла,—ты хохочешь;
Хоть дворъ къ тебѣ и тутъ стремится весь,
Но давки ты такой не видишь здѣсь;
И милые ты тоже встрѣтишь виды,
Пытливыя подплыли Нереиды
Къ чертогамъ, гдѣ нѣмыя стѣны зыбки,
Меньшія быстры и легки какъ рыбки,
А старшія умны; дошла къ Ѳетидѣ вѣсть,
Пелею новому она спѣшитъ принесть
И руку, и уста.—Вотъ олимпійскій тронъ...

Императоръ.

Воздушнымъ царствомъ я пока не увлеченъ,
Успѣемъ мы занять завѣтные края.

Мефистофель.

А папа, государь, земля и такъ твоя.

Императоръ.

Въ какой счастливый часъ явился самъ
Изъ тысячи одной ты ночи къ намъ!
Пусть плодовитъ ты, какъ Шехеразада,
А ждетъ тебя первѣйшая награда.
Ты будь готовъ, когда въ унылый часъ
Мнѣ будничный наскучитъ строй у васъ.

Кастелянъ (входитъ поспѣшно).

Всепресвѣтлѣйшiй! Мнѣ во снѣ не снилось,
Чтобъ доносить о счастьи приходилось
Мнѣ здѣсь подобномъ,—и какимъ
Я полонъ предъ лицомъ твоимъ:
Счетъ въ счетъ уплаченъ—я на волѣ!
Когтей ростовщиковъ нѣтъ болѣ.
Весь этотъ адъ могу забыть!
Въ раю свѣтлѣй не можетъ быть.

Главнокомандующiй (слѣдуетъ быстро).

Солдатъ вполнѣ мы разсчитали,
Все войско вновь завербовали,
Ландскнехтъ доволенъ черезъ край.
И шинкарю, и дѣвкамъ рай.

Императоръ.

Какъ все свободно задышало!
Какъ вы торопитесь, сбѣжало
Раздумье все у васъ съ чела!

Казначей (подходя).

Ты ихъ спроси, все ихъ дѣла.

Фаустъ.

Самъ канцлеръ лучше объяснитъ все это.

Канцлеръ (медленно подходя).

Блаженъ вполнѣ въ преклонныя я лѣта!
Такъ слушайте, я дивный листъ прочту,
Который въ радость превратилъ нужду:

(онъ читаетъ.)

«Да знаетъ каждый, коль желаетъ онъ,
Сей листъ оцѣненъ тысячею кронъ.
И обезпеченъ полной суммы страхъ
Всѣмъ, что̀ зарыто въ имперскихъ земляхъ,
И приняты всѣ мѣры, чтобы тотъ
Огромный кладъ немедля шелъ въ расчетъ».

Императоръ.

Я чую зло, ужаснѣйшiй подлогъ!
Кто царскую поддѣлать подпись могъ?
И казни нѣтъ за это лиходѣю?

Казначей.

Самъ подписалъ ты, коль напомнить смѣю,
Въ ночи. Великимъ Паномъ ты стоялъ,
А канцлеръ, подойдя, тебѣ сказалъ:
«Благоволи въ часъ радости свободной,
Черкнувъ перомъ, упрочить бытъ народный.»
Ты подписалъ,—тамъ ухитрились къ свѣту
На тысячи размножить подпись эту;
Чтобъ каждый могъ участвовать во благѣ,
Оттиснули мы цѣлый рядъ бумаги,
Ихъ десять, тридцать, сотня на подхватъ,
Ты не повѣришь, какъ народъ-то радъ:
Взгляни на городъ, былъ онъ какъ могила,
Теперь онъ ожилъ, все заговорило!

Хоть именемъ твоимъ блаженъ весь свѣтъ,
Ему теперь особенный привѣтъ.
И азбука изъ дѣла ужъ выходитъ,
Лишь въ этихъ знакахъ счастіе приходитъ.

Императоръ.

И люди это все такъ золотомъ и чтутъ?
И жалованье такъ войска и дворъ берутъ?
Хоть изумительно, знать дѣлу не поможемъ.

Кастелянъ.

Мы нашихъ бѣглецовъ и задержать не можемъ.
Какъ молніею кто ихъ всюду раскидалъ:
Всѣ двери настежь у мѣнялъ,
И серебро и золото за листъ,
Со скидкой, суетъ аферистъ.
Оттуда къ мяснику, по хлѣбнямъ, по трактирамъ
Пойдетъ оно; иной сидѣлъ бы вѣкъ за пиромъ,
Другой расчванится,—обновкой щегольнетъ;
Отрѣжетъ лавочникъ, портной кроитъ и шьетъ.
По погребамъ *ура!* кричатъ промежду сдѣлокъ,
Тамъ жарятъ и варятъ и звонъ стоитъ тарелокъ.

Мефистофель.

Кто по террасамъ погулять пойдетъ,
Красавицу нарядную найдетъ.
Глазокъ прикрытъ павлиньимъ опахаломъ,
Улыбочка при встрѣчѣ съ добрымъ малымъ,
И вотъ,—къ чему остротъ и рѣчи жаръ,
Любовь сулитъ завѣтнѣйшій свой даръ;
Зачѣмъ себя мы кошельками свяжемъ—
Листокъ легко запрятать подъ корсажемъ,
Съ любовною запискою рядкомъ.
Попъ въ требникѣ несетъ его своемъ,
Солдатъ, чтобы развязнѣй быть,
Спѣшитъ набрюшникъ облегчить.
Ты, государь, прости, что свелъ такъ смѣло
На мелочи—великое я дѣло.

Фаустъ.

Несчетныя сокровища въ землѣ
Твоей лежатъ, сокрыты въ глубинѣ,
Безъ пользы; мысль, куда бъ ни залетѣла,
Такихъ богатствъ все не найдетъ предѣла;
Воображенья выспренній полетъ
Томительно его не досягнетъ;
И только духу въ глубь глядѣть привычно,
Онъ въ безграничность вѣритъ безгранично.

Мефистофель.

И золото и жемчугъ представлять
Бумаги эти прелесть: есть что̀ брать;
Не нужно ихъ мѣнять да торговаться,
Ступай виномъ, любовью упиваться;
Металла нужно—лавки ждутъ мѣнялъ;
А нѣтъ у нихъ—немножко покопалъ,—
Бокалъ и цѣпь на аукціонъ попали,
Амортизаціей бумаги стали.
Насмѣшникъ смолкъ съ невѣріемъ своимъ.

Мы свыклись, мы другого не хотимъ.

И станетъ съ этихъ поръ достаточно у націй,

При камняхъ, золотѣ—бумажныхъ ассигнацій.

Императоръ.

Страна обязана вамъ счастіемъ своимъ;

Мы по заслугамъ васъ посильно наградимъ.

Я поручаю вамъ всѣ глубины земныя,

Сокровищъ тайныхъ вы хранители прямые.

Вы мѣсто знаете, гдѣ самый кладъ какъ разъ,

И если нужно рыть, пусть будетъ вашъ приказъ.—

Начальники казны, исполните же вмѣстѣ

Свой долгъ съ охотою на этомъ важномъ мѣстѣ,

Гдѣ сочетавшійся съ подземнымъ міръ земной

Ведетъ согласіе и счастье за собой.

Казначей.

Мы ссориться и впредь причины не имѣемъ,

Мнѣ быть товарищемъ пріятно съ чародѣемъ.

(Уходитъ съ Фаустомъ.)

Императоръ.

Коль будетъ при дворѣ мной каждый одѣленъ,

Пускай признается, что станетъ дѣлать онъ?

Пажъ (получая).

Теперь ужъ весело, безпечно заживу я.

Другой (также).

Перстней съ цѣпочкою возлюбленной куплю я.

Камергеръ (принимая).

Виномъ двойной цѣны я стану упиваться.

Другой (также).

Ужъ кости для игры въ карманѣ шевелятся.

Вассалъ (вдумчиво).

Отъ долга зàмокъ я съ землей освобожу.

Другой (также).

Богатство къ прежнему богатству отложу.

Императоръ.

Я ждалъ, что новыя стремленья въ васъ родятся.

Но зная васъ, не трудно догадаться.

Чего вамъ ни давай, чего ни ввѣрь,

Какими были вы, все тѣ же вы теперь!

Шутъ (подходя).

Ты раздаешь, такъ удѣли и мнѣ!

Императоръ.

Ты живъ опять? Пропьешь по старинѣ.

Шутъ.

Волшебныя бумажки! не поймешь.

Императоръ.

Не диво. Ко вреду ты только ихъ возьмешь.

Шутъ.

Вотъ падаютъ еще—а я гляжу, стою.—

Императоръ.

Бери жъ! Упали, знать, на долю на твою.

(Уходитъ.)

Шутъ.

Пять тысячъ кронъ въ рукѣ моей убогой!

Мефистофель.

Ты всталъ опять, бурдюкъ двуногій?

Шутъ.

Не въ первый разъ; но тутъ я ловко подоспѣлъ.

Мефистофель.

Ты радуешься такъ, что даже весь вспотѣлъ.

Шутъ.

Что жъ, золото дадутъ за это вотъ—гляди жъ?

Мефистофель.

На это глотку ты и брюхо усладишь.

Шутъ.

И можно домъ и скотъ и поле покупать?

Мефистофель.

Конечно. Предложи. Отказу не бывать.

Шутъ.

И зáмокъ и лѣса, гдѣ водится дичина?

Мефистофель.

Желалъ бы я въ тебѣ увидѣть господина.

Шутъ.

Сегодня жъ вечеромъ въ помѣстьи лягу спать.

(Уходитъ.)

Мефистофель (solus).

Кто станетъ въ дуракѣ смышленость отрицать?

Темная галлерея.

Фаустъ.—Мефистофель.

Мефистофель.

Зачѣмъ ведешь меня ты въ сумракъ перехода?
Ужель веселья мало тамъ,
Въ толпѣ придворнаго народа,
Съ предлогомъ къ шуткамъ, пустякамъ?

Фаустъ.

Не говори мнѣ такъ. Въ былые годы
Ты истрепалъ подобные подходы.
А взадъ впередъ ты шныришь здѣсь опять,
Чтобъ въ словѣ предо мной не устоять.
Меня жъ терзаютъ выше мѣръ,—
И кастелянъ и камергеръ—
Самъ Императоръ ждетъ, чтобъ принеслись
Сюда сейчасъ Елена и Парисъ;
Мужчинъ и женщинъ свѣтлый идеалъ
Воочію онъ видѣть пожелалъ.
Скорѣй за дѣло! Я ему далъ слово.

Мефистофель.

Ты далъ его безумно, безтолково.

Фаустъ.

Тебѣ, пріятель, невдогадъ,
Къ чему ведетъ твое умѣнье:
Сперва отъ насъ онъ сталъ богатъ,
Теперь онъ хочетъ развлеченья.

Мефистофель.

Ты полагалъ, что все сейчасъ;
Мы у крутыхъ съ тобой ступеней,
Чужая область не по насъ,

На новый долгъ навелъ преступный шагъ,
Легко ли приступить къ Еленѣ,
Какъ къ сбыту призрачныхъ бумагъ!
Скликать колдуній, пляски привидѣній,
Зобастыхъ карликовъ я, точно, геній,
Но чортовыхъ возлюбленныхъ, хоть милыхъ,
За героинь мы выдавать не въ силахъ.

Фаустъ.

Погудка старая на новый ладъ!
Съ тобой всегда доходишь до сомнѣній.
Отецъ ты всякихъ преткновеній,
За новый трудъ ты новыхъ ждешь наградъ.
Ты не ворчи, а исполняй свое,
Оглянешься—ты ихъ примчишь на дѣлѣ.

Мефистофель.

Язычники вѣдь дѣло не мое,
Въ своемъ аду они засѣли;
Но средство есть.

Фаустъ.

Скажи безъ замедленья!

Мефистофель.

Мнѣ трудно тайнъ высокихъ откровенье.
Царятъ богини средь пустынь нѣмыхъ.—
Ни мѣста тамъ, ни времени вкругъ нихъ,
Уста нѣмѣютъ говорить о нихъ.—
То матери.

Фаустъ (испуганно).

Какъ матери?!

Мефистофель.

Дрожишь?

Фаустъ.

То матери! ты странно говоришь!

Мефистофель.

Дѣйствительно: богини, смертнымъ, вамъ
Невѣдомы, назвать ихъ трудно намъ.
Къ жилищу ихъ дойдешь ты глубиною.
Что нужны намъ онѣ, ты самъ тому виною.

Фаустъ.

Гдѣ жъ путь?

Мефистофель.

Къ нимъ нѣтъ путей: въ недостижимость
Недостижимую,—въ неумолимость—
Неумолимую! Готовъ ли ты?
Вскрывать замковъ, засововъ не случится,

Въ пустомъ пространствѣ будешь ты носиться.
Постигъ ли ты значенье пустоты?

Фаустъ.

Ты приберегъ бы рѣчь такую!
Тутъ кухню вѣдьмы снова чую,
Какъ въ дни несбыточной мечты.
Иль въ мірѣ быть опять чужому,
Вздоръ изучать, учить пустому?
А выскажешь разумное вполнѣ—
Противорѣчье слышится вдвойнѣ;
Отъ гнуснаго пришлось мнѣ треволненья
Бѣжать въ пустыню, да въ уединенье,
И, одному чтобъ вовсе не остаться,
Я подъ конецъ радъ чорту былъ отдаться!

Мефистофель.

Да если бъ ты и въ океанъ пустился
И безграничность увидалъ,
Тебѣ бы валъ за валомъ тамъ явился,
Хотя бы ты предъ гибелью дрожалъ;
Ты что-нибудь бы видѣлъ, хоть пучины,
Гдѣ при затишьи движутся дельфины,
Хоть облака, хоть солнце, путь ли млечный;
Но ничего нѣтъ въ пустотѣ той вѣчной,
Своихъ шаговъ тамъ не слыхать,
Не сыщешь твердаго, гдѣ стать!

Фаустъ.

Въ твоихъ словахъ я слышу мистагога,
Который лжетъ предъ неофитомъ много;
Лишь наизнанку. Ты меня въ пустое
Шлешь, чтобы тамъ набралъ я силы вдвое;
И на меня ты смотришь какъ на кошку,
Чтобъ я нагребъ каштановъ понемножку.
Что жъ, продолжай; мы можемъ углубиться;
Въ твоемъ *ничто* мнѣ можетъ *все* открыться!

Мефистофель.

Хвалю, пока тебя не отпускалъ,
И вижу, чорта ты вполнѣ узналъ.
Вотъ ключъ тебѣ!

Фаустъ.

Такую мелочь брать?

Мефистофель.

Возьми его сперва,—чѣмъ осуждать!

Фаустъ.

Растетъ въ рукѣ, сверкаетъ и блеститъ!

Мефистофель.

Ты видишь ли, что̀ онъ въ себѣ таитъ?
Ключъ этотъ самъ на мѣсто то наводитъ.
Ступай съ нимъ въ глубь, онъ къ матерямъ проводитъ.

Фаустъ (содрогаясь).

О! къ матерямъ! мнѣ это слово громъ!
Оно несносно мнѣ, но что же въ немъ?

Мефистофель.

Иль ты втупикъ предъ новымъ словомъ сталъ?
Иль слышать радъ лишь то, что ты слыхалъ?
Тебѣ-то что? звучи какъ хочетъ слово,
Чудесное давно тебѣ не ново!

Фаустъ.

Я не избралъ прибѣжищемъ застой—
И содроганье лучшій даръ людской:
Хоть точно жизнь въ насъ чувства притупляетъ,
Чудовищность насъ сильно потрясаетъ.

Мефистофель.

Такъ погрузись! Я бъ могъ сказать: взвивайся!
Тутъ все равно; бѣги ты отъ явленій,
И призраковъ ты въ область погружайся,
Въ то, отъ чего давно ужъ нѣтъ и тѣни.—
Какъ облака ихъ гонитъ безъ предѣла;
Махай ключомъ, гони ихъ прочь отъ тѣла.

Фаустъ (вдохновенно).

Держа его, я сталъ какъ бы владыкой,
Въ груди огонь! Скорѣй за трудъ великій!

Мефистофель.

Пылающій треножникъ въ глубинѣ,
То знакъ тебѣ, что ты на самомъ днѣ;
Увидишь ты, что матери всѣ тутъ.
Озарены сидятъ, стоятъ, идутъ.
Образованье, преобразованье,
И вѣчной мысли вѣчное дрожанье,
Вкругъ образы всѣхъ тварей словно дымъ;
Имъ зримы только схемы, ты незримъ.
Тутъ не робѣй, опасность настаетъ,
Иди ты прямо на треножникъ тотъ,
И тронь его ключомъ!

(Фаустъ дѣлаетъ вполнѣ повелительный знакъ ключомъ.)

(Мефистофель, смотря на него.)

Вотъ такъ какъ разъ!

Онъ за тобой какъ рабъ пойдетъ сейчасъ;
Всходи спокойно съ нимъ на высоты,
И не замѣтишь, какъ вернешься ты.
Когда жъ его доставишь въ этой край,
То героинь, героевъ вызывай.
Ты первый могъ на шагъ такой рѣшиться:
Твой будетъ подвигъ, если онъ свершится.
А въ будущемъ намъ магія ужъ прямо
Создастъ боговъ изъ дыма ѳиміама.

Фаустъ.

Съ чего жъ начать?

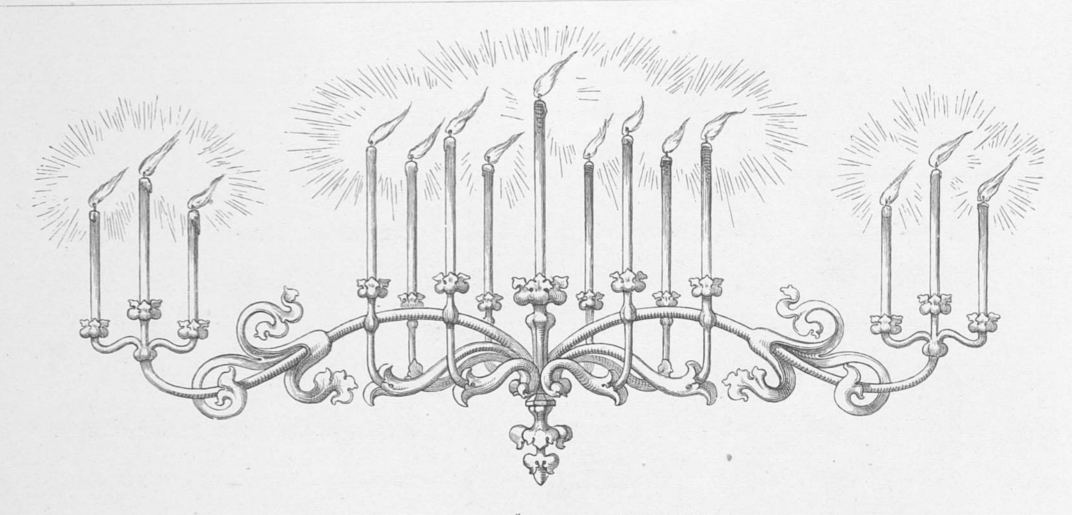

Мефистофель.

Всѣмъ существомъ спускаться;
Спуститься—топни; топни, чтобъ подняться.

(Фаустъ топаетъ и проваливается.)

Лишь только бъ ключъ настроилъ все на ладъ!
Желалъ бы знать, вернется ль онъ назадъ.

Ярко освѣщенныя залы.

Императоръ и князья. Дворъ въ волненіи.

Камергеръ (къ Мефистофелю).

Ты сценой духовъ все въ долгу остался.
Скорѣй за дѣло! Государь заждался!

Кастелянъ.

Сейчасъ его величество спросилъ;
Чего жъ ты ждешь! Его ты истомилъ.

Мефистофель.

За этимъ я товарища отправилъ.
Онъ знаетъ, какъ держаться правилъ,
И заперся теперь опять.
Тамъ всѣ онъ силы напрягаетъ;
Кто хочетъ кладъ, прекрасное—достать,
Тотъ магію обязанъ изучать.

Кастелянъ.

Какія правила у васъ,—намъ все равно;
Но государь сказалъ, что ждетъ давно.

Блондинка (Мефистофелю).

Словечко, господинъ! Вы видите, лицо
Мое свѣжо и чисто какъ яйцо.
Но лѣтомъ вдругъ коричневыя пятна
Всю бѣлизну испортятъ непріятно.
Мнѣ средство!

Мефистофель.

Жаль! что милаго котенка
Май превратитъ гречишкой въ пантеренка.
Икры лягушекъ, жабьихъ языковъ
Ты въ полнолунье въ склянкѣ приготовь,
Настоемъ тѣмъ въ ущербъ натрись опрятно—
Придетъ весна и не вернутся пятна.

Брюнетка.

Кругомъ толпа тѣснится къ вамъ невольно;
Лѣкарства мнѣ! Съ застуженной ногой,
Мнѣ и ходить и танцовать пребольно,
И неуклюжъ поклонъ выходитъ мой.

Мефистофель.

Дай, я своей вамъ наступлю ногой.

Брюнетка.

Что жъ, у влюбленныхъ водится такое.—

Мефистофель.

Въ моемъ пинкѣ значеніе большое.

Подобное—подобнымъ,—будетъ прокъ.

Ногою ногу,—такъ лѣчитъ всѣ члены.

Держитесь же! отъ васъ не жду обмѣны.

Брюнетка.

Ай! Ай! Зажгло! Ужаснѣйшій пинокъ!

Копытомъ, что ль!

Мефистофель.

Во здравье, мой дружокъ.

Теперь танцуй, какъ душенькѣ угодно,

И подъ столомъ толкай дружка свободно.

Дама.

Да пропустите! жребій мой плачевный!

Изныла я до глубины душевной!

Еще вчера онъ плакалъ предо мной,

Теперь онъ съ ней, ко мнѣ же сталъ спиной.

Мефистофель.

Бѣда! Но словъ моихъ не пророни:

Подкравшися неслышною стопою,

Вотъ этимъ углемъ ты его черкни

По рукаву, по платью,—злу помочь.

Раскаянья кольнутъ его огни;

Ты жъ проглотить тотъ уголь не гнушайся;

Вина, воды устами не касайся—

Къ твоимъ дверямъ придетъ онъ нынче жъ въ ночь.

Дама.

Не ядъ же это?

Мефистофель (въ негодованіи).

Знай, что̀ уважать!

Такого угля долго бъ ты искала.

Онъ изъ костра, какихъ пришлось не мало

Намъ въ дни былые поджигать.

Пажъ.

Влюбленъ я; взрослаго во мнѣ не признають.

Мефистофель.

Не разберу, кого и слушать тутъ!

(Пажу.)

Предъ самою меньшой не расточай усилій,

Созрѣвшія тебя давно бы оцѣнили.

(Тѣснятся другіе.)

Еще нахлынули! Не легкая статья!

Искать спасенья радъ ужъ въ правдѣ я,

Опора слабая, негодная вполнѣ.

О матери! верните Фауста мнѣ!

(Озираясь.)

Ужъ тусклыми огнями свѣтитъ залъ.

Весь дворъ къ нему сбираться сталъ.

Я вижу, какъ ряды—нельзя скромнѣй—

Подъ сѣнь идутъ далекихъ галлерей.

Обширный кругъ тѣснѣе сталъ,

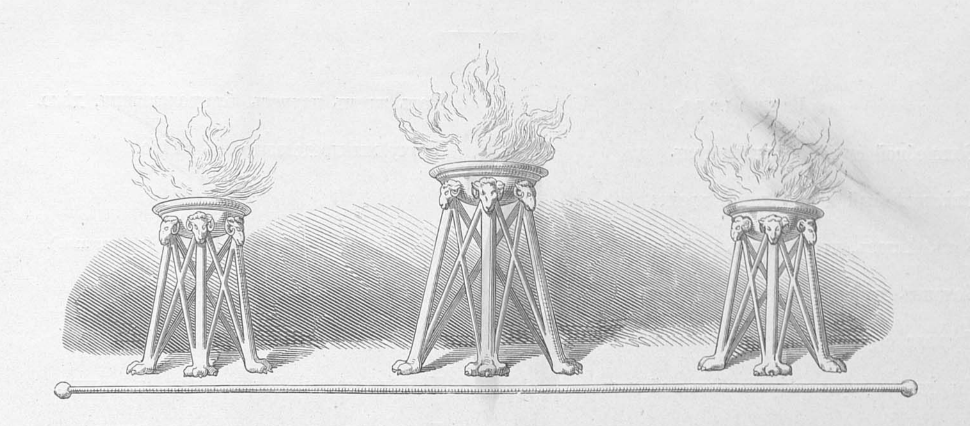
Всѣхъ рыцарскій едва вмѣщаетъ залъ.

Широкіе ковры по всѣмъ стѣнамъ,

Оружіе по нишамъ и угламъ.

Кажись, къ чему тутъ заклинать словами,

Тутъ духи мѣсто облюбили сами.

Рыцарская зала.

(Тусклое освѣщеніе.)

Императоръ и дворъ присутствуютъ.

Герольдъ.

Мой долгъ вѣщать о новомъ представленьи,
Но духовъ мнѣ вліянье въ томъ мѣшаетъ;
Разсудокъ здравый, при такомъ сплетеньи,
Не объяснитъ, чего не постигаетъ.
Готовы кресла, стулья подъ рукой;
И государь посаженъ предъ стѣной;
Тамъ на коврахъ онъ видитъ, безъ сомнѣнья,
Минувшихъ дней великія сраженья.
Здѣсь все теперь, весь дворъ съ своимъ владыкой;
А сзади рядъ скамеекъ превеликій;
И милая, смиряя страхъ сердечка,
Близъ милаго нашла себѣ мѣстечко.
И вотъ теперь, когда мы всѣ засѣли,
Готовы мы: пусть духи бы летѣли!

(Трубы.)

Астрологъ.

Вся драма въ ходъ пойдетъ сейчасъ!
Раздайтесь стѣны, вамъ такой приказъ!
Покорно все тутъ магіи вполнѣ.
Ковры бѣгутъ, свиваясь какъ въ огнѣ;
Нѣтъ больше стѣнъ, куда ни погляжу;
Какъ бы театръ большой все окружаетъ,
Таинственнымъ намъ свѣтомъ озаряетъ;
На авансцену самъ я выхожу.

Мефистофель

(изъ суфлерской будки).

Здѣсь я могу предъ всѣми отличиться:
Нашептывать вѣдь чорту не учиться.

(Астрологу.)

Ты тихихъ звѣздъ теченье узнаешь,
И шопотъ мой отлично ты поймешь.

Астрологъ.

Волшебной силой появился самъ
Тяжеловѣсный и старинный храмъ;
Какъ Атласъ, что держалъ небесный сводъ,
Колоннъ двойной недвижимъ хороводъ,
Громада брусьевъ ихъ не отягчила,
Такихъ бы двухъ нагрузъ большой хватило.

Архитекторъ.

Такъ это-то антично? вотъ чудесно!
Скорѣй же грубо и тяжеловѣсно.
Имъ грубость—строгость, неуклюжесть—мощь:
Расти колоннамъ должно въ видѣ рощъ,
Стрѣльчатый сводъ и насъ возноситъ вдругъ.
Такимъ мы зданьемъ созидаемъ духъ.

Астрологъ.

Великій часъ сулятъ намъ звѣзды разомъ!
Магическимъ мы словомъ свяжемъ разумъ,
Дадимъ напротивъ возлетать вольнѣй
Фантазіи, куда угодно ей.
Чего алкалъ, на то смотри теперь,
Не сбыточно—вотъ потому и вѣрь.

(Фаустъ возникаетъ на другой сторонѣ авансцены.)

Одѣтъ жрецомъ, въ вѣнкѣ кудесникъ намъ
Заявитъ то, зачѣмъ ходилъ онъ самъ.
Изъ-подъ земли треножникъ съ нимъ идетъ.
Ужъ ѳиміамомъ словно отдаетъ;
Вотъ жрецъ начнетъ, благословивши, дѣло.
Удачу мы предсказываемъ смѣло.

Фаустъ (значительно).

Во имя ваше, матери! Чей тронъ
Въ безбрежности молчаньемъ окруженъ,
Хоть вкупѣ вы! Вокругъ числомъ велики
Безъ жизни мчатся жизненные лики.
Чтò было разъ, чего не воротить,
Все тамъ кишитъ, желая вѣчнымъ быть.
И дѣлите вы это въ вѣчной мочи
Подъ пологъ дня, подъ своды темной ночи.
Однихъ уноситъ жизнь въ свои пути.
Другихъ стремится смѣлый магъ найти,
Своей рукой онъ щедро расточаетъ
Чудесное,—какого всякъ желаетъ.

Астрологъ.

Блестящій ключъ коснулся лишь котла,
Туманная распространилась мгла;
Она ползетъ какъ стая облаковъ,
Струей, клубами, врозь и слитно вновь.
Но въ чемъ тутъ сила духовъ вся видна:
Въ движеньи тучъ намъ музыка слышна.
Воздушныхъ звуковъ въ колебаньи томъ
Мелодія разносится кругомъ.
Ряды колоннъ, фронтона главный входъ,

Да весь и храмъ, мнѣ кажется, поетъ.

Туманъ садится; свѣтелъ и могучъ,

Красавецъ юный выступилъ изъ тучъ.

Смолкаю я; здѣсь отзывъ неумѣстенъ;

Кому Парисъ прекрасный не извѣстенъ!

Дама.

О, что̀ за блескъ въ немъ силы молодой!

Вторая.

Какъ сочный персикъ свѣжъ, хорошъ собой!

Третья.

А сладостно приподнятыя губки!

Четвертая.

Ты бъ отыскала сласть въ подобномъ кубкѣ?

Пятая.

Красивъ, а нѣтъ въ немъ тонкости-то всей.

Шестая.

Немножко быть онъ могъ бы половчѣй.

Рыцарь.

И видимо изъ пастуховъ онъ горныхъ,

Въ немъ принца нѣтъ, и нѣтъ манеръ придворныхъ.

Другой.

Полуодѣтъ, дѣйствительно онъ милъ!

А вотъ каковъ бы въ латахъ-то онъ былъ?

Дама.

Онъ милъ. Какъ много мягкости въ немъ есть!

Рыцарь.

Къ нему бы вамъ хоть на колѣни сѣсть?

Другая.

Какъ мило заложилъ онъ на голову руку.

Камергеръ.

Невѣжа! Стоило бъ отдать его въ науку!

Дама.

У васъ придирки ко всему найдутся.

Тотъ же.

Предъ государемъ такъ тянуться!

Дама.

Вѣдь это роль; и онъ наединѣ.

Тотъ же.

Играй;—но здѣсь приличенъ будь вполнѣ!

Дама.

Уснулъ. Во снѣ хорошъ онъ идеально.

Тотъ же.

Сейчасъ всхрапнетъ, вотъ выйдетъ натурально.

Молодая дама (восторженно).

Какой сквозь дымъ я запахъ узнаю,
Что свѣжестью наполнилъ грудь мою?

Среднихъ лѣтъ.

Да, точно; вздохъ всю душу проникаетъ!
Онъ отъ него!

Старшая.

То юность расцвѣтаетъ
Амврозіей живой въ красавцѣ томъ,
И въ атмосферѣ слышится кругомъ.

(Появляется Елена.)

Мефистофель.

Такъ вотъ она! Спокоенъ я вполнѣ!
Она красива, только не по мнѣ.

Астрологъ.

Я ни на что ужъ больше не гожусь;
Какъ честный человѣкъ въ томъ признаюсь.
Краса идетъ. У похвалы нѣтъ цѣли!
О красотѣ такъ много вѣчно пѣли—
Кому она предстала—все забылъ;
Кто ей владѣлъ—высоко счастливъ былъ.

Фаустъ.

Глазами ль вижу? Иль въ душѣ живой
Я красоты разливомъ весь встревоженъ?
Съ какой добычей вышелъ поискъ мой!
До сей поры мнѣ міръ былъ пустъ, ничтоженъ!
Чѣмъ онъ теперь, съ тѣхъ поръ какъ я жрецомъ?
Онъ твердъ, окрѣпъ, я жить желаю въ немъ!
Пусть не вздохну ни разу я потомъ,
Какъ измѣню подобному влеченью!
Та, что меня когда-то восхищала,
Въ волшебномъ зеркалѣ плѣняла,
Такой красы была лишь легкой тѣнью!
Лишь ты одна, смущая мой покой,
Всю силу страсти роковой,
Любовь, восторгъ, безумство мнѣ внушаешь.

Мефистофель (изъ будки).

Опомнись, ты изъ роли выпадаешь!

Дама (среднихъ лѣтъ).

Прекрасный ростъ, но голова мала.

Молодая.

Зато нога—огромна, тяжела!

Дипломатъ.

Я лишь царицъ подобныхъ видѣть могъ;
Она прекрасна съ головы до ногъ.

Придворный.

Идетъ съ усмѣшкой къ спящему она.

Дама.

Съ красавцемъ рядомъ, какъ она дурна!

Поэтъ.

Весь озаренъ ея онъ красотой.

Дама.

Хоть рисовать. Эндиміонъ съ Луной!

Поэтъ.

Вполнѣ. Богиня видимо смутилась,
Его дыханье пить она склонилась.
Завидно! поцѣлуй! нельзя изречь!

Дуэнья.

При всѣхъ—приличьемъ всякимъ пренебречь!

Фаустъ.

Какое счастье мальчику!

Мефистофель.

Молчи!
Дай призраку ты волю,—не учи!

Придворный.

Проснулся онъ; она спѣшитъ бѣжать.

Дама.

Она глядитъ назадъ. Легко понять!

Придворный.

Онъ изумленъ. Ея такъ дивенъ видъ!

Дама.

А ей не диво то, на что̀ глядитъ.

Придворный.

Съ достоинствомъ глядитъ она назадъ.

Дама.

Она его, знать, въ руки забираетъ.
Ужъ тутъ мужчины глупы всѣ подъ рядъ,
И первымъ онъ, гляди, себя считаетъ!

Рыцарь.

Величество во всемъ я вижу въ ней!

Дама.

Развратница! На что̀ еще подлѣй!

Пажъ.

На мѣстѣ бы его хотѣлъ я быть, ей-ей!

Придворный.

Такая сѣть кого бъ не уловила?

Дама.

Сокровище и рукъ не мало проходило,
Чуть позолота не сошла.

Другая.

Она ужъ въ десять лѣтъ негодницей была.

Рыцарь.

При случаѣ схватить хорошее всѣ падки,
А я бы захватилъ прекрасные остатки.

Ученый.

Я признаюсь, хоть мнѣ она видна,
Да какъ рѣшить, то подлинно ль она.
Что видимъ мы, то насъ увлечь готово,
А я держусь лишь письменнаго слова.
И я читаю, что она невольно
Всѣмъ старцамъ Трои приглянулась больно;
И здѣсь, пожалуй, прежнія дѣла,—
Не молодъ я, но мнѣ она мила.

Астрологъ.

Не мальчикъ болѣ,—молодой герой,
Ее онъ обнялъ сильною рукой,
Ее онъ мощно поднялъ наконецъ.
Похититъ, что ль, ее?

Фаустъ.

Постой, глупецъ!
Не смѣй!—Не слышишь!—Стой! Нѣтъ, я уйму!

Мефистофель.

Вѣдь самъ ведешь ты эту кутерьму!

Астрологъ.

Два слова лишь! Все это представленье
Я назову: *Елены похищенье.*

Фаустъ.

Какъ похищенье! Мнѣ ль стоять безстрастно?
А ключъ-то мой! Его онъ сбавитъ спесь!
Меня онъ велъ по ужасамъ всечасно
Уединенья—къ твердой почвѣ здѣсь.
Здѣсь я стою въ дѣйствительности твердо!
Тутъ съ духами мой духъ сразится гордо,
Въ двойной побѣдѣ міръ объемля весь!
Была вдали, теперь близка вполнѣ.—
Спасу! И будь моей она вдвойнѣ!
О матери! вашъ тронъ мнѣ да поможетъ!
Кто съ ней знакомъ, разстаться съ ней не можетъ.

Астрологъ.

Куда ты, Фаустъ! о Фаустъ! всей силой онъ
Ее схватилъ—ужъ ликъ ея смущенъ.
На юношу навелъ онъ ключъ,—и вотъ
Его коснулся.—Горе! горе—ждетъ!

Engelbert Seibertz erf. u. gez.
ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА, ВЪ СПБ.
Adrian Schleich gest.

(Взрывъ. Фаустъ падаетъ, духи исчезаютъ.)

Мефистофель (поднимая Фауста на плечи).

Вотъ и гляди! связаться съ дураками,

Такъ тутъ самъ чортъ не справится съ дѣлами!

(Темнота. Толкотня.)

Актъ второй.

Тѣсная готическая комната съ высокими сводами.

Кабинетъ Фауста въ прежнемъ видѣ.

Мефистофель

(выступая изъ-за занавѣса. Когда онъ его поднимаетъ и спускаетъ, виденъ Фаустъ, лежащій на старинной кровати).

Лежи, бѣднякъ! Тебя томитъ
Та цѣпь любви, что трудно рвется!
Кого Елена поразитъ,
Тотъ ужъ не такъ легко очнется.

(Озираясь.)

Хоть глянуть вверхъ, сюда ль, туда ли,
Все неизмѣнный видъ одинъ:
Кажись тусклѣй цвѣтныя окна стали,
Да развелось побольше паутинъ;
Чернила сухи, пыль на книгахъ спитъ;
Но весь порядокъ тотъ остался,
И даже здѣсь перо лежитъ,
Которымъ Фаустъ у чорта подписался.
А въ глубинѣ пера застылъ
Остатокъ крови той, что я добылъ.
Гордился бъ рѣдкостью такой
И антикварій записной.
Вотъ старый крюкъ со старой шубой;
И вспомнилъ я о шуткѣ грубой,
Какъ здѣсь я мальчика училъ.
И юношей того онъ вѣрно не забылъ.
Ты, шуба! хочется, признаться,
Тебя надѣть и, вновь доцентомъ ставъ,
Опять надменно надуваться!
Вѣдь убѣдится жъ, что одинъ онъ правъ—

Привычное ученымъ дѣло;

Но чорту это надоѣло.

(Трясетъ снятую шубу; изъ нея вылетаютъ цикады, козявки и фарфалетты.)

Хоръ насѣкомыхъ.

Здорово, здорово,
Патронъ дорогой!
Жужжимъ мы, летаемъ,
Знакомы съ тобой.
Немногихъ посѣялъ
Ты тихо въ тѣни;
А тысячи пляшутъ:
Ты, батя, взгляни.
Лукаваго въ сердцѣ
Укроешь отъ глазъ;
А вошекъ на шубѣ
Увидишь какъ разъ.

Мефистофель.

Я изумленъ; радъ видѣть молодежь!
Ты только сѣй, и во-время пожнешь.
Еще хочу я старый мѣхъ тряхнуть;
И вылетитъ опять хоть что-нибудь.—
Вверху! Кругомъ! по закоулкамъ тѣснымъ
Укрыться слѣдъ вамъ, милочкамъ прелестнымъ.
Въ тотъ ящикъ, что изломанъ весь,
Въ пергаментъ пожелтѣвшій здѣсь,
Въ худыхъ горшкахъ, разбитыхъ вазахъ
И въ черепахъ тѣхъ дыроглазыхъ!
Въ подобномъ хламѣ поневолѣ
Приходится гнѣздиться моли.

(Надѣваетъ шубу.)

Надѣну вновь тебя, какъ надѣвалъ!
Опять наставникомъ я сталъ.
Что пользы такъ лишь называться,
Гдѣ жъ тѣ, что предо мной смирятся?

(Онъ звонитъ въ колоколъ, издающій рѣзкій, пронзительный звонъ; причемъ коридоры трясутся и двери растворяются.)

Фамулусъ (ковыляя по длинному коридору).

Чтò за звонъ! душа мятется!
Входъ дрожитъ, стѣна трясется;
Вижу въ пестрыхъ окнахъ зданья
Словно молніи сверканье;
Скачетъ полъ, а сверху, мнится,
Мусоръ съ известью валится;
И дверей засовы—сила
Непонятная раскрыла.—
Ужасъ!—Вижу исполина,
Въ шубѣ Фаустовой мужчина!
Эти взоры съ полдороги
Мнѣ подкашиваютъ ноги.
Оставаться иль бѣжать?
Ахъ! чтò будетъ, какъ узнать!

Мефистофель (маня).

Войдите, другъ. Зовутъ васъ Nicodemus.

Фамулусъ.

Дѣйствительно, почтенный мужъ!—oremus!

Мефистофель.

Оставимъ это.

Фамулусъ.

Радъ, что вамъ знакомъ!

Мефистофель.

Я знаю: вы еще студентъ притомъ.
Хотя въ лѣтахъ, ученый человѣкъ
Отстать не можетъ,—учится весь вѣкъ.
И карточный тутъ домикъ строимъ мы;
И не достроятъ первые умы.
Но вашъ наставникъ дѣло понимаетъ:
Кто жъ доктора-то Вагнера не знаетъ,
Въ ученомъ мірѣ кто жъ сравнится съ нимъ!
И держится наука только имъ.
Онъ мудрость ежедневно множитъ:
Кто алчетъ знанья сколько можетъ
Спѣшитъ въ толпѣ ему внимать.
Одинъ онъ съ каѳедры сіяетъ;
Какъ Петръ ключомъ онъ обладаетъ,
И верхъ и низъ имъ отпирать.
Когда лучи его сіяютъ,
Иная слава прахъ и дымъ;
Ужъ имя Фауста забываютъ!
А все открыто имъ однимъ.

Фамулусъ.

Простите, мужъ почтенный, коль скажу я—
И возразить притомъ дерзну я:
Я вижу сторону другую;
Лишь скромность—вотъ его удѣлъ.
Куда исчезъ и гдѣ скрываться можетъ
Великій мужъ—ума онъ не приложитъ.
Все ждетъ его, все слушать бы хотѣлъ.
Вся комната должна храниться,
Какъ докторъ Фаустъ въ ней прожилъ до конца.
Ждетъ стараго она жильца;
Едва дерзаю въ ней я появиться.
Теперь который звѣздный часъ?
Казалось, стѣны всѣ дрожали,
Тряслася дверь, засовы спали—
А то бъ вы не прошли до насъ.

Мефистофель.

Но гдѣ же самъ-то онъ, скажите?
Меня къ нему, его ль сюда ведите!

Фамулусъ.

Ахъ! очень строгъ его запретъ!
Не знаю, доложить иль нѣтъ.
Не первый мѣсяцъ углубился
Онъ въ трудъ,—и тихо затворился;
Ученый мужъ былъ такъ изнѣженъ,
Теперь какъ угольщикъ небреженъ,
Носъ въ сажѣ, уши тожъ ужасны,

Глаза отъ поддуванья красны;
Сидитъ,—схватить минуту радъ;
И только что щипцы звенятъ.

Мефистофель.

Ужель приходъ мой счесть напастью?
Вѣдь я, глядишь, его помогъ бы счастью!

(Фамулусъ уходитъ. Мефистофель важно садится.)

Едва я занялъ постъ, какъ вотъ
Знакомый гость сюда идетъ.
Но онъ изъ самыхъ новыхъ вѣрно,
Онъ расхрабрится безпримѣрно.

Баккалавръ (несется по коридору).

Двери настежь я встрѣчаю!
Такъ теперь ужъ, полагаю,
Плѣсень старую забыли,
Гдѣ живой и мертвый гнили,
Чтобъ закиснуть и заглохнуть,
Чтобы заживо засохнуть.

Эти стѣны съ этимъ сводомъ
Ждутъ паденья съ каждымъ годомъ;
Не уйди мы осторожно,
То и намъ погибнуть можно.
Я первѣйшій на отвагу,
Но ужъ дальше я ни шагу.

Что̀ за странныя дѣла-то!
Не сюда ли я когда-то
Боязливымъ въ высшей мѣрѣ
Новичкомъ являлся въ двери,
Вѣрилъ имъ, длиннобородымъ,
Поддавался ихъ подходамъ?

Изъ старинныхъ книгъ болтали
Ложь они, какую знали,
Знали, ей не довѣряя,
Лишь себя и насъ терзая.
Какъ? Тамъ сзади, гдѣ темно-то,
Вижу вновь сидитъ вонъ кто-то!

Разглядѣлъ теперь поближе!
Все онъ въ той же шубѣ рыжей;
Какъ оставилъ я его,
Въ грубомъ мѣхѣ одного!
Ловкимъ я его считалъ,
Какъ его не понималъ;
Но теперь иное дѣло,
Подойду къ нему я смѣло!

Коль воды Леты все не затопили
Подъ лысымъ черепомъ у васъ,—безъ шутки,
Я ученикъ, которому такъ жутки
Академическія розги были.

Я вижу васъ, какимъ видалъ,

Но я другимъ уже предсталъ.

Мефистофель.

Радъ, что мой звонъ у васъ раздался.

Я въ васъ заранѣ видѣлъ прокъ,

И въ куколкѣ мнѣ представлялся

Грядущій пестрый мотылекъ.

Вы, въ локонахъ, манишкой съ кружевами

По-дѣтски любовались сами.

Вамъ не пришлось ходить съ косой?

Теперь я вижу васъ по модѣ.

Рѣшительны вы стали на свободѣ;

Лишь абсолютно бы не шли домой!

Баккалавръ.

Мы съ вами, сударь, здѣсь на мѣстѣ старомъ;

Но духъ поймите новыхъ вы годовъ.

Двусмысленно не говорите даромъ;

Теперь ужъ мы значенье ловимъ словъ.

Вы юношу дурачили преловко,

Вамъ безъ труда сходила съ рукъ уловка,

Теперь напрасно такъ шутить.

Мефистофель.

Коль юношамъ сталъ правду говорить,

Какой птенцы не могутъ проглотить,

Да вслѣдъ затѣмъ съ годами по натурѣ,

Все на своей пришлось имъ вынесть шкурѣ,—

Сдается имъ, что выдумалъ то всякъ;

И вотъ кричатъ: учитель былъ дуракъ.

Баккалавръ.

Плутъ, можетъ-быть! Какой учитель самъ

Въ лицо всю правду скажетъ намъ?

Умѣетъ всякъ прибавить иль убавить,

То припугнуть дѣтей, то позабавить.

Мефистофель.

Учиться—есть пора для насъ;

А вамъ учить насталъ, какъ вижу, часъ

Съ годами вы, хоть время скоротечно,

И опытностью запаслись конечно.

Баккалавръ.

Чтò опытность! Одинъ пустякъ!

Ей съ духомъ не ужиться дружно!

Признайтесь! вѣчно вѣдалъ всякъ,

Чего и знать совсѣмъ не нужно.

Мефистофель (помолчавъ).

Себя давно считалъ я дуракомъ,

Теперь вполнѣ я убѣдился въ томъ.

Баккалавръ.

Сердечно радъ! И перваго пока

Разумнаго я встрѣтилъ старика!

Мефистофель.

Вѣкъ рылъ я кладъ блестящій и тяжелый—

И мрачныхъ угольевъ достигъ.

Баккалавръ.

Сознайтесь-ка, вашъ черепъ голый
Ничуть не лучше тѣхъ пустыхъ?

Мефистофель (добродушно).

Ты грубости своей, мой другъ, не сознаешь?

Баккалавръ.

По-нашему, коль вѣжливъ—значитъ, лжешь.

Мефистофель (подвигаясь на авансцену къ публикѣ).

Здѣсь свѣтъ и воздухъ у меня отняли;
Хоть вы бы мнѣ защитниками стали!

Баккалавръ.

Считаю мысль я дерзостной совсѣмъ,
Быть чѣмъ-нибудь, когда ужъ сталъ ничѣмъ.
Людская жизнь живетъ въ крови; а въ комъ
Кровь такъ сильна, какъ въ юношѣ любомъ?
Могучей силой молодая кровь
Изъ жизни прежней жизнь выводитъ вновь.
Тутъ все кипитъ, и подвигъ создаетъ.
Гдѣ слабый палъ, тамъ сильный возстаетъ.
Пока полъ-міра мы завоевали,
Чтò дѣлали вы? Думали, кивали,
И вѣчнымъ планамъ потеряли счетъ.
Конечно, старость — лихорадка,
Ознобъ, тоска стоитъ во всемъ;
Кому минуло три десятка,
Того считай ужъ мертвецомъ.
Васъ перебить бы, чтобы свѣтъ избавить.

Мефистофель.

Тутъ чортъ не можетъ ничего прибавить.

Баккалавръ.

Коль захочу, такъ чортъ не смѣетъ быть.

Мефистофель (въ сторону).

Все жъ чортъ тебя сумѣетъ зацѣпить!

Баккалавръ.

То подвигъ юности прямой.
Міръ былъ ничто, пока не созданъ мной;
Я солнце вывелъ изъ пучинъ морскихъ;
Со мной луна достигла фазъ своихъ;
Тогда и день разлился предо мною,
Чтобъ радовать меня красой земною;
По мановенью моему, въ ночи,
Впервые звѣздъ разсыпались лучи;
Кто жъ, какъ не я, вамъ далъ свободу мысли,
Когда вы всѣ филистерами кисли?
А я, свободно, какъ мой духъ велитъ,
Иду за свѣтомъ, чтò во мнѣ горитъ.
И шествую съ восторженной душою,
Лицомъ на свѣтъ и къ мрачному спиною.
(Уходитъ.)

Мефистофель.

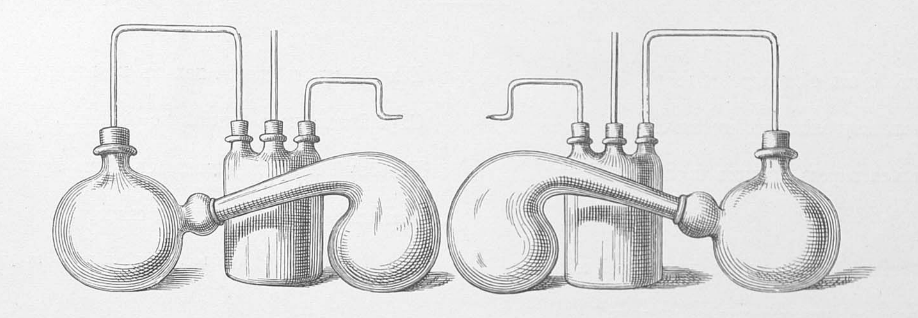
Оригиналъ, какъ прыть твоя пылка!
Тебя ничуть сознанье не тревожитъ,
Что кто жъ умно иль глупо думать можетъ

О томъ, о чемъ не мыслили вѣка?—
Но въ этомъ нѣтъ опасно-рокового,
Современемъ измѣнится оно:
Какъ гроздій сокъ ни бродитъ безтолково,—
Все выйдетъ подъ конецъ вино.

(Къ молодому партеру, который не аплодируетъ.)

Не убѣдилъ васъ мой языкъ.
Я съ вами, дѣти, правъ въ расчетѣ;
Подумайте, вѣдь чортъ—старикъ;
Состарясь, вы его поймете.

Лабораторія.

Въ средневѣковомъ вкусѣ. Сложные, неуклюжіе аппараты, для фантастическихъ цѣлей.

Вагнеръ (у очага).

Ударилъ колоколъ ужасный,
Затрепетали стѣны зданій;
Теперь не можетъ страхъ всечасный
Продлиться строгихъ ожиданій.
Уже во мракѣ проблескъ ясный;
Уже въ ретортѣ что-то пышетъ,
Какъ раскаленный уголь дышетъ;
Какъ бы карбункулъ многоцѣнный
Во тьму кидаетъ лучъ мгновенный.
Вотъ бѣлый свѣтъ возникъ сейчасъ;
О, хоть бы разъ мнѣ безъ потери!
О, Боже! Кто шуршитъ у двери?

Мефистофель (входитъ).

Мое почтенье! Въ добрый часъ.

Вагнеръ (боязливо).

Ну, въ добрый звѣздный часъ—войдите!

(Тихо.)

Но ни полслова, не дышите!
Тому, что̀ выйдетъ, изумится вѣкъ.

Мефистофель (еще тише).

Въ чемъ дѣло-то?

Вагнеръ (тише).

Творится человѣкъ.

Мефистофель.

Какъ человѣкъ? Какую же коптить
Влюбленную вы пару засадили?

Вагнеръ.

Помилуй Богъ! Какъ до сихъ поръ родить
Привыкли всѣ—мы вздоромъ объявили;
Тотъ нѣжный пунктъ, что̀ жизнью мы даримъ,
Та сила, что̀, внутри сливаясь съ нимъ,
Брала и отдавала, появляясь,
Сперва роднымъ, затѣмъ чужимъ питаясь,
Достоинство утратила теперь;

Отнынѣ пусть ей предается звѣрь,
Но человѣку слѣдъ съ его значеньемъ
Гордиться впредь другимъ происхожденьемъ.

(Обращаясь къ очагу.)

Еще свѣтлѣй! Тутъ ждешь по крайней мѣрѣ,
Что если мы изъ многихъ сотъ матерій
Смѣшеніемъ,—въ смѣшеньи весь вопросъ—
Матерію людскую образуемъ,
Ее въ ретортѣ замуруемъ,
И тщательно дистиллируемъ,
Все дѣло намъ тихонько удалось.

(Снова обращаясь къ очагу.)

Выходитъ! Масса все свѣтлѣетъ!
И убѣжденье крѣпче зрѣетъ!
Все, что̀ въ природѣ тайною слыло,
То мы разумно испытуемъ,
Что̀ организмомъ въ ней произошло,
То мы теперь кристаллизуемъ.

Мефистофель.

Кто долго жилъ, тотъ испыталъ не мало;
Онъ новаго не встрѣтитъ въ жизни сей:
При странствіяхъ, видалъ и я, бывало,
Кристаллизованныхъ людей.

Вагнеръ (до сихъ поръ обращаясь къ ретортѣ).

Растетъ, сверкаетъ, все слилось,
Мгновенье — и затѣмъ: — сбылось!
Великій планъ сперва похожъ на вздоръ;
Случайность насъ отнынѣ не обманетъ.
Подобный мозгъ для мысли съ этихъ поръ
Мыслителемъ приготовляться станетъ.

(Съ восторгомъ смотритъ въ реторту.)

Стекло звенитъ, и прояснилась смѣсь,
Теперь пойдетъ ужъ безъ запинки!
Я вижу, шевелится здѣсь
Ликъ миловиднаго мужчинки.
Чего жъ еще и намъ, и всѣмъ желать?
Разгадка тутъ всей тайны необъятной:
Старайтесь этимъ звукамъ внять,
И голосъ вамъ, и рѣчи станутъ внятны.

Гомункулъ (изъ реторты Вагнеру).

Ну, папенька! ты не шутя? Ей-ей!
Такъ къ сердцу ты прижми меня скорѣй!
Да понѣжнѣй, чтобъ склянка утерпѣла!
Сама природа здѣсь велѣла:
Начнетъ творить, такъ не вмѣщаетъ свѣтъ;
Съ искусственнымъ же—дальше ходу нѣтъ.

(Мефистофелю.)

И ты, хитрецъ, мой братецъ, здѣсь?—Смотрю
И во̀-время какъ разъ!—Благодарю;
Судьбой ты кстати занесенъ вполнѣ:
Разъ, что живу—и дѣло нужно мнѣ,

Engelbert Seibertz erf. u. gez
Adrian Schleich gest.
ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ СПБ.

Хотѣлъ бы я сейчасъ же за работу; --
Съ чего начать? — ты ловокъ снять заботу.

Вагнеръ.

Одно словцо! Стыжусь я этой темы:
И старъ, и малъ мнѣ задаютъ проблемы,
Вотъ, напримѣръ: для всякаго загадка,
Какъ тѣло такъ съ душой слилися гладко,
И держатся другъ дружки неразрывно,
И цѣлый вѣкъ враждуютъ непрерывно.
Затѣмъ...

Мефистофель.

Постой! Спросилъ бы я, признаться,
Зачѣмъ мужья все съ женами бранятся?
Вотъ, другъ, вопросъ-то—разрѣши-ка, нутко!
А здѣсь нужны дѣла; ихъ ждетъ малютка.

Гомункулъ.

Что жъ дѣлать мнѣ?

Мефистофель (указывая на боковую дверь).

Тамъ выкажи ты силы!

Вагнеръ (все смотря въ реторту.)

Поистинѣ, ты мальчикъ очень милый!

(Боковая дверь отворяется, виденъ Фаустъ на постели.)

Гомункулъ (изумленно).

Значительно!

(Реторта вырывается изъ рукъ Вагнера, носится надъ Фаустомъ и освѣщаетъ его.)

Прекрасный видъ! У влаги
Прозрачной, въ рощѣ, жены мечутъ платья.
Прелестны всѣ! А вотъ теперь всѣ наги:
Но между нихъ одну бы могъ признать я
Хоть героиней, если не богиней.
Прозрачный блескъ струитъ она ногою;
И членовъ пылъ съ ихъ юною гордыней
Прохладною пріемлется волною. —
Но что за шумъ затрепетавшихъ крылій,
Какіе плески влагу возмутили?
Въ испугѣ дѣвы разбѣжались,—только
Царицы взоръ не омраченъ нисколько,
Она глядитъ такъ женственно надменно,
Что лебедь-царь къ ногамъ ея смиренно
Приникъ.—Ея объемлетъ онъ колѣна.—
Но вдругъ туманъ встаетъ волной,
И ужъ за дымкою густой
Сокрылась сладостная сцена.

Мефистофель.

Разсказывать я вижу ты гораздъ!
Хоть самъ ты малъ, зато большой фантастъ.
Я ничего не вижу!

Гомункулъ.

Гдѣ жъ тебѣ-то!
Провелъ ты молодости лѣта
Во мглѣ, средь рыцарей, поповъ,
Такъ вотъ и глазъ-то твой таковъ!
Въ туманахъ только ты и дома:

(озираясь)

Сырыя стѣны, гадко, склизко,
Стрѣльчàто, вычурно и низко!
Проснись-ка онъ,—бѣда какъ-разъ:
Какъ глянетъ, такъ умретъ сейчасъ.
Ручьи лѣсные съ лебедями,
Красавицъ видѣлъ онъ во снѣ,
Какъ сжиться съ этими стѣнами!
Я терпѣливъ, но невтерпежъ и мнѣ.
Умчимъ его!

Мефистофель.

Такому радъ исходу.

Гомункулъ.

Ты въ битву воина пошли,
А дѣвушку веди ты къ хороводу!
Они бъ мѣста свои нашли.
Классическая, вспомнилъ я сейчасъ,
Вальпургіева ночь теперь какъ-разъ.—
Къ успѣху тутъ пути прямые.
Снесемъ его къ его стихіи!

Мефистофель.

Не слыхивалъ подобнаго я чуда.

Гомункулъ.

И слышать-то тебѣ откуда?
Романтикамъ лишь съ призраками жить!
А истый призракъ—классикъ долженъ быть.

Мефистофель.

Куда же путь свой долженъ направлять я?
Противны мнѣ античные собратья.

Гомункулъ.

Сѣверо-Западъ, чортъ, тебя все влекъ,
Но насъ теперь зоветъ Юго-Востокъ.
Тамъ, гдѣ Пеней равнину пробѣжалъ,
Среди кустовъ, заливами сверкая,
До самыхъ горъ долина все сплошная,
И древній рядомъ съ новымъ тамъ Фарсалъ.

Мефистофель.

О, горе! Прочь! Хоть битвой пощадите
Тиранства съ рабствомъ!—Чтò ни говорите,
Вещь скучная; едва окончатъ,—глядь!
Опять пошли другъ съ другомъ воевать!
И невдомекъ уму такихъ людей,
Что сзади ихъ дурачитъ Асмодей.
Все за права свободы, молъ, дерутся—
А разглядѣть: рабы съ рабами бьются.

Гомункулъ.

Оставь людей, коль вздорить имъ охота;
Имъ защищаться предоставь самимъ
Съ младенчества; такъ будетъ и съ большимъ.
Тутъ весь вопросъ, какъ исцѣлить его-то?
Коль знаешь чѣмъ, такъ на ноги поставь,
А если нѣтъ, то мнѣ все предоставь!

Мефистофель.

Тутъ съ Брокена нашлось бы что-нибудь;
Но заперли язычники мнѣ путь.
А греки были вѣкъ пустой народъ!
Въ глаза-то вамъ все чувственность ихъ бьетъ,
Они въ грѣхахъ весельемъ соблазняютъ;
А наши-то всѣ мрачными считаютъ.
Ну, что жъ теперь?

Гомункулъ.

Тебя вѣдь не смущу я;
Коль ѳессалійскихъ вѣдьмъ упомяну я,
Такъ, кажется, довольно я скажу.

Мефистофель (похотливо).

Ахъ, вѣдьмы ѳессалійскія! — Особы,
Которыхъ я давно искалъ.
Но, что ни ночь, быть съ ними,—не могло бы
Мнѣ нравиться, я полагалъ;
А изрѣдка, для пробы...

Гомункулъ.

Плащъ сюда,
И рыцаря мы завернемъ больного!
А эта тряпка, какъ тогда,
Васъ одного подниметъ и другого;
Я посвѣчу.

Вагнеръ (боязливо).

А я?

Гомункулъ.

Не суетись!
Останься дома, въ дѣло углубись:
Пергаменты старинные достанешь,
По нимъ сбирать ты элементы станешь
И соблюдать всю совокупность эту;
Обдумай *что*, и *какъ* ты разбери.
Я между тѣмъ постранствую по свѣту,
Быть-можетъ, точку отыщу на і.
Тогда къ великой цѣли ты придешь;
За долгій трудъ награду жди по праву:
Богатство, долголѣтье, почесть, славу,
И съ знаньемъ добродѣтель—можетъ тожъ!
Прощай!

Вагнеръ (опечаленный).

Прощай! Мнѣ грустно поневолѣ!
Боюсь, тебя ужъ не увижу болѣ.

Мефистофель.

Летѣть къ Пенею я готовъ!

Не брезгаемъ мы братцемъ сами.

(Къ зрителямъ.)

Зависимъ мы, въ концѣ концовъ,

Отъ креатуръ, созданныхъ нами.

Классическая Вальпургіева ночь.

Ферсальскія поля.

Темнота.

Эрихто.

Опять къ ночному зрѣлищу ужасному
Являюсь я, Эрихто, вѣчно мрачная;
Не такъ гнусна, какъ клеветой своей меня
Поэты очернили... Нѣтъ конца хваламъ
И поношеньямъ ихъ... Уже убѣлена
Волной палатокъ сѣрыхъ вся долина вдоль,
Какъ призраками этой страшной ночи всей.
Какъ часто это повторялось! И еще
Вѣкъ повторяться будетъ.... Уступить никто
Не хочетъ власти; даже и тому, кто самъ
Ее стяжалъ и держитъ. Каждый, кто собой
Не въ силахъ управлять, охотно бъ править сталъ
Сосѣдней волей, какъ бы онъ, гордецъ, хотѣлъ...
Разыгранъ битвою великій здѣсь примѣръ,
Какъ сила предъ сильнѣйшимъ хочетъ грудью стать,
Какъ дорогой свободы пышный рвутъ вѣнокъ,
И жесткій лавръ чело владыки обогнетъ.
Великому здѣсь грезился величья день.
Тамъ къ слову лести Цезарь слухъ склонялъ въ ночи!
Теперь сразятся. Знаетъ свѣтъ, кто побѣдилъ.
Огни сторожевые красный пламень шлютъ;
Какъ пролитая кровь легъ отблескъ по землѣ,
И, привлеченъ такимъ сіяніемъ ночнымъ,
Всей саги эллинской собрался легіонъ.
У всѣхъ огней колеблются въ невѣрной мглѣ
Или разсѣлись лики баснословныхъ дней....
А мѣсяцъ хоть въ ущербѣ, но вполнѣ свѣтло
Встаетъ, кидая нѣжный блескъ на все вокругъ;
Исчезъ палатокъ призракъ,—синь огонь костровъ.

Но надо мной какой нежданный метеоръ?

Горитъ и освѣщаетъ комъ тѣлесный онъ.

Я чую жизнь. Мнѣ не приличествуетъ быть

Вблизи живого, такъ какъ я ему вредна;

Худую славу возбужу безъ пользы я.—

Вотъ онъ спускается. Разумно удалюсь!

(Удаляется.)

(Воздухоплаватели вверху.)

Гомункулъ.

Разъ еще кругомъ лети-ка

Надъ зловѣщими огнями;

Какъ въ долинѣ этой дико

Свѣтитъ призрачными снами.

Мефистофель.

Какъ изъ сѣверныхъ строеній

Въ окна старыя глядя,

Вижу лики привидѣній;

Здѣсь и тамъ моя семья.

Гомункулъ.

Вонъ какая зашаталась,

И уходитъ каланчей.

Мефистофель.

Точно насъ перепугалась,

Какъ летѣли мы съ тобой.

Гомункулъ.

Пусть идетъ и удалится!

Нàземь рыцаря спусти,

Онъ очнется,—онъ стремится

Въ царствѣ сказокъ жизнь найти.

Фаустъ (касаясь земли).

А гдѣ она?

Гомункулъ.

Сказать не можемъ;

Здѣсь всѣмъ такой вопросъ предложимъ.

Ступай до утреннихъ лучей

По всѣмъ огнямъ освѣдомляться:

Кто могъ сходить до матерей,

Тому ужъ нечего бояться.

Мефистофель.

И мнѣ тутъ будетъ часть своя;

Но лучшаго для насъ не знаю я,

Какъ чтобы каждый межъ огнями

Своими поискалъ глазами,

Затѣмъ—чтобъ намъ сбираться понемножку,

Заставь фонарь свѣтить со звономъ, крошка!

Гомункулъ.

И зазвоню, и засверкаю!

(Реторта сильно свѣтитъ и звонитъ.)

Чудесъ я новыхъ вамъ желаю!

Engelbert Seibertz erf. u. gez. ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА, ВЪ СПБ. Martin Stortz gest.

Фаустъ (одинъ).

Такъ гдѣ жъ она? Я снова не спросилъ!
Коль не стояла тутъ сама она,
Коль эта къ ней не ластилась волна,—
Здѣсь воздухъ тотъ, что рѣчь ея носилъ.
Я волшебствомъ вдругъ къ Греціи присталъ!
Сейчасъ почуялъ землю я, гдѣ сталъ.
Какъ спящаго меня прожгло струей горючей,
Такъ я стою—въ душѣ Антей могучій.
И если странное здѣсь сочеталось вмѣстѣ,
Все жъ въ лабиринтъ огней пущусь узнать на мѣстѣ.

(Удаляется.)

Мефистофель (озираясь).

Хоть весь обшарилъ рядъ я освѣщенный,
Все я чужой и словно въ одиночку.
Всѣ нагишомъ, кой-кто надѣлъ сорочку:
Безстыдны сфинксы, безъ стыда грифоны.
Чего не встрѣтитъ съ крыльями и съ гривой,
И передомъ и задомъ, глазъ пытливый!...
Мы сами-то довольно неприличны,
А эти право черезчуръ античны;
Тутъ нужно бы на этомъ всемъ народѣ
Премногое заклейстерить по модѣ....
Противный сбродъ! Но вѣжливымъ, я знаю,
Быть должно гостю.—Здравія желаю
Красавицамъ и старичкамъ игривымъ.

Грифъ (хрипло.)

Нѣтъ не игривымъ—грифамъ. Кто подъ старость радъ
Игривымъ слыть? И въ каждомъ словѣ есть
То, отъ чего его и произвесть:
Грусть, грозный, гордый, грубый, гробы даже,
Этимологія все та же—
И намъ претитъ.

Мефистофель.

Хоть я не возражаю,
Но *Гри* въ титулѣ грифъ я уважаю.

Грифъ (попрежнему и до конца).

Естественно! Сродство должно тутъ быть,
Могли его хвалить или хулить;
Греби короны, золото, дѣвицъ,
А кто нагребъ, предъ тѣмъ все пало ницъ.

Муравьи (огромной породы).

О золотѣ тутъ рѣчь. Его набрали
И по скаламъ, пещерамъ мы наклали.
Да Аримаспы тамъ у насъ нашли,—
Имъ смѣхъ, что все далеко унесли.

Грифы.

Ужъ мы заставимъ ихъ признаться.

Аримаспы.

Не здѣсь на праздникѣ ночномъ!

А завтра все мы проживемъ;
Теперь удастся, можетъ статься.

Мефистофель (садясь между сфинксами).

Легко у васъ мнѣ просидѣть безъ скуки;
Могу я каждаго понять.

Сфинксъ.

Духовные мы испускаемъ звуки,
Ихъ ваше дѣло воплощать.
Какъ звать тебя, мы слышать бы желали.

Мефистофель.

Премножество именъ мнѣ надавали.
Британцевъ нѣтъ ли тутъ? Охотники у нихъ
Смотрѣть мѣста сраженій, водопады,
Остатки стѣнъ, классическіе склады;
Вотъ шли бъ сюда, на что̀ чудесъ иныхъ.
Они жъ творцы; въ старинной драмѣ ихъ
Являюсь я какъ Old iniquity.

Сфинксъ.

За что̀, про что̀?

Мефистофель.

Тамъ толку не найти.

Сфинксъ.

Пожалуй такъ. Въ звѣздахъ ты понимаешь?
Ну, какъ ты часъ теперешній считаешь?

Мефистофель (глядя вверхъ).

Звѣзда къ звѣздѣ, серпъ лунный разгорѣлся,
На этомъ мѣстѣ я бы засидѣлся,
У львиной шкуры я твоей согрѣлся;
Къ чему напрасно вверхъ стремиться взгляду?
Задай загадку, а не то шараду.

Сфинксъ.

Скажи ты самъ загадку про себя.
Загадкою будь самъ ты обнаруженъ:
«Благочестивому и злому нуженъ;
Аскету цѣль уколовъ до эфеса,
Другому на безумства другъ-повѣса,
И то и се, чтобъ забавлять Зевеса».

Первый грифъ (хрипло).

Гони его!

Второй грифъ (хрипитъ сильнѣй).

Чего онъ ждетъ отъ насъ?

Оба.

Гоните гадкаго сейчасъ!

Мефистофель (грубо).

Ты полагаешь, что у гостя ногти
Не такъ дерутъ, какъ вонъ твои-то когти?
Попробуй-ка!

Сфинксъ (кротко).

Ты можешь оставаться.
Но не пришлось бы съ нами стосковаться;

Въ своей странѣ живешь ты безобидно,
А здѣсь тебѣ не понутру, какъ видно.

Мефистофель.

Ты аппетитна, если сверху взглянешь,
А глянувъ внизъ на бестію—отпрянешь.

Сфинксъ.

Тебѣ, лукавый, быть побитымъ:
У всѣхъ здоровы лапы тутъ.
Съ такимъ уродливымъ копытомъ
Тебѣ у насъ плохой пріютъ.

(Сирены наигрываютъ сверху.)

Мефистофель.

Что тамъ качаются за птицы
Въ вѣтвяхъ прибрежныхъ тополей?

Сфинксъ.

Поберегись! ужъ тѣ пѣвицы
Губили доблестныхъ мужей!

Сирены.

Ахъ, ужель тебѣ привычно
Жить съ уродливымъ народомъ?
Слушай, цѣлымъ хороводомъ
Запоемъ мы мелодично:
Такъ сиренамъ намъ прилично.

Сфинксы (передразнивая ихъ на ту же мелодію).

Ты заставь-ка ихъ спуститься;
Любо имъ въ вѣтвяхъ таиться,
Чтобъ совиными когтями
Растерзать васъ, если сами
Слухъ рѣшитесь вы склонить.

Сирены.

Прочь всю зависть гнусной злобы!
Все сберемъ мы, что̀ могло бы
Лишь подъ небомъ усладить!
На землѣ и надъ водою
Самой милою игрою
Станемъ гостя веселить!

Мефистофель.

Мы эти штуки знаемъ сами,
Когда и горломъ и струнами
Хитросплетенья заведутъ!
Мнѣ эти трели лишь баклуши,
Онѣ царапаютъ лишь уши,
А все до сердца не дойдутъ.

Сфинксъ.

Не поминай ты сердца тоже!
Вѣдь кошелекъ изъ дряблой кожи
Тебѣ приличнѣй, старый плутъ!

Фаустъ (появляясь).

Какъ странно, всѣ мнѣ эти лики милы!
Въ чудовищномъ черты замѣтны силы;
Въ душѣ моей надежды лучъ возникъ;
На что̀ наводитъ этотъ строгій ликъ!

(Указывая на сфинксовъ)

Такія вотъ Эдипа вопрошали;

(Указывая на сиренъ)

Улисса вотъ отъ этакихъ вязали;

(Указывая на муравьевъ)

Вотъ эти кладъ большой могли собрать.

(Указывая на грифовъ)

Его умѣли эти охранять.

Дохнули мощью на меня всѣ лики,

Велики здѣсь, и въ памяти велики!

Мефистофель.

Ты бъ прежде проклялъ ихъ во тьму,

Теперь они тебѣ понятны;

Кто ищетъ милую, тому

Чудовища—и тѣ пріятны.

Фаустъ (сфинксамъ).

Скажите, лики женскіе, сейчасъ:

Елены кто не видѣлъ ли изъ васъ?

Сфинксъ.

Ея года вѣдь нами не дожиты;

Послѣднія Алкидомъ перебиты.

Скорѣй Хирона разспроси ты;

Онъ скачетъ тутъ. Его бъ тебѣ поймать,

Тогда бы могъ ты все узнать.

Сирены.

Есть тебѣ еще дорога!

Какъ Улиссъ къ намъ прибылъ въ гости,

Безъ надменности и злости,

Онъ разсказывалъ намъ много;

Все тебѣ откроемъ сами,

Только ты иди за нами

Къ морю на берегъ свободный.

Сфинксъ.

Бойся, рыцарь благородный,

И какъ Улиссъ пенькою связанъ былъ,

Совѣтомъ нашимъ будь ты связанъ!

Ты поищи,—Хиронъ тебѣ указанъ.

Онъ скажетъ все, о чемъ я говорилъ.

(Фаустъ уходитъ.)

Мефистофель (съ неудовольствіемъ).

Что̀ стало крякать, крыльями плескать,

И мчится такъ, что даже не видать,

Да другъ за дружкой? Ихъ догнать

Охотникъ увидалъ бы виды!

Сфинксъ.

Какъ буря быстры и почти незримы,

Стрѣламъ Алкида только достижимы—

Проносятся надъ нами Стимфалиды

И шлютъ намъ кряканьемъ привѣтъ.

Совиный носъ, гусиный слѣдъ;

Онѣ хотѣли бъ здѣсь остаться

И старой намъ родней считаться.

Мефистофель (какъ прежде).

Тутъ что-то съ ними вновь шипитъ.

Сфинксъ.

Не бойся пасти ты злодѣйской:
То головы змѣи Лернейской;
Вѣдь срублены, а чванство въ нихъ сидитъ...
Но что̀ съ тобой? Ты самъ-то ли въ порядкѣ?
Какія странныя ухватки!
Куда спѣшишь ты?—Уходи!
На хоръ, что вижу назади,
Ты озираешься. Такъ что̀ жъ,
Ступай, пріятныхъ много лицъ найдешь:
То дѣвы-Ламіи всѣмъ хоромъ,
Съ улыбками, съ нахальнымъ взоромъ;
Такихъ Сатиры любятъ больно,
У нихъ ногѣ козлиной вольно.

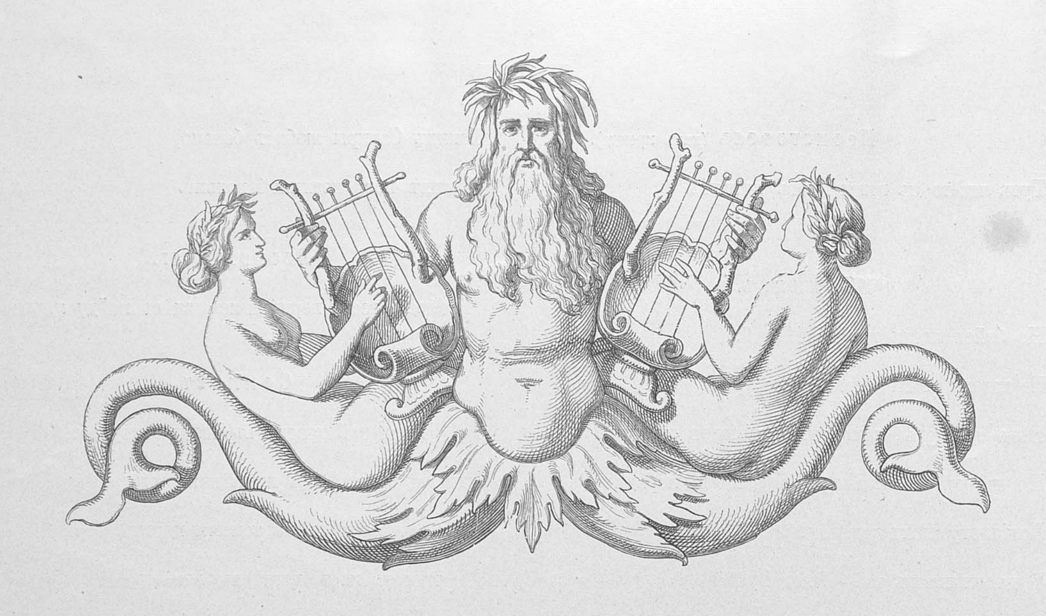
Мефистофель.

Надѣюсь, васъ, вернувшись, здѣсь найду я.

Сфинксъ.

Да. Ты ступай теперь въ толпу живую;
Еще въ Египтѣ мы привыкли жить
Такъ, чтобы лѣтъ на тысячи царить.
Не трогать насъ, когда мы ляжемъ,
Такъ мы луны и солнца ходъ покажемъ;
Мы сидимъ у пирамиды,
Судимъ свѣтъ своимъ судомъ,
Наводненья, войнъ обиды,—
Мы и глазомъ не моргнемъ.

Пеней, окруженный потоками и нимфами.

Пеней.

Ты шепни, камышъ прибрежный,
Ты вздохни, тростникъ мой нѣжный,
Лепечите, листья ивы,
Съ вѣткой тополя спесивой,
Чтобъ дремалъ я упоенъ!
Нѣчто грозное учуя,
Просыпаюсь, трепещу я,
Тихихъ струй тревожа сонъ.

Фаустъ (подступая къ рѣкѣ).

Слышу ль я, иль мнѣ сдается,
Что въ вѣтвяхъ тутъ раздается
И подъ сѣнью тростниковой
Человѣческое слово;
Струйки—словно споръ болтливый,
Воздухъ—словно вздохъ шутливый.

Нимфы (Фаусту).

Ты лучше на отдыхъ
Склонись головою,
Раскинься въ прохладѣ,
Предайся покою.
Усни, отдохни ты,
Вѣдь ты утомленъ;
Плесканьемъ, журчаньемъ
Нашепчемъ мы сонъ!

Фаустъ.

Вѣдь я не сплю! Пусть безъ смятенья
Встаютъ прелестныя видѣнья,
Куда ни кинетъ ихъ мой глазъ!

Какъ чудны всѣ мои мечтанья!
То сны или воспоминанья?
Вѣдь былъ же ты такъ счастливъ разъ!
Тихонько двигаются воды,
Кустовъ слегка качая входы,
И не шумятъ, а чуть журчатъ;
Со всѣхъ сторонъ ручьи живые,
Сливаясь въ зеркала сплошныя,
Купаться въ глубину манятъ;
Я вижу, молодыя жены,
Зеркальной влагой отражены,
Возникли ясно предо мной!
Онѣ купаются красиво,
Плывутъ храбрясь, бредутъ пугливо,
Кричатъ и плещутся водой.
Мнѣ здѣсь бы должно оставаться
И ими только любоваться;
Но снова въ даль меня манитъ.
Мой взоръ съ усильемъ ищетъ новымъ:
За этимъ лиственнымъ покровомъ
Высокій ликъ царицы скрытъ.

Странно! Лебеди красиво
Выплываютъ изъ залива
Въ величавой чистотѣ.
Тихо движется ихъ стая,
Клювъ и голову склоняя
Въ горделивой красотѣ...
Но одинъ изъ всѣхъ смѣлѣе,
Выгибая грудь и шею,
Быстро всѣхъ опередилъ;
Онъ, распучившись крылами,
Бороздя струи струями,
Къ мѣсту тайному подплылъ...

Другіе плаваютъ, гуляютъ,
Ихъ перья чистыя сверкаютъ,
Но въ бой вступивши на волнѣ,
Они и дѣвъ всѣхъ распугали,
Чтобъ не о службѣ помышляли,
А о спасеньи лишь онѣ.

Нимфы.

Сестры, лягте-ка ушкомъ
На зеленый брегъ рѣки-то;
Словно слышу за холмомъ
Топотъ конскаго копыта.
Если бъ знать, кто могъ принесть
Въ эту ночь такъ скоро вѣсть.

Фаустъ.

Такъ земля кругомъ и стонетъ,
Словно всадникъ быстро гонитъ.
Туда мой взоръ!
Иль съ этихъ поръ

Сбывается, что̀ снилось?

О!—Чудо совершилось!

Несется всадникъ рысью,—въ немъ

Отвага сдержана умомъ...

Конь бѣлоснѣжный мчится смѣло...

Я не ошибся: это онъ,

Филиры славный сынъ, Хиронъ! —

Стой, стой! Хиронъ! Къ тебѣ есть дѣло...

Хиронъ.

Ну, что̀ тамъ? Что̀?

Фаустъ.

Остановись, постой!

Хиронъ.

Я не стою.

Фаустъ.

Возьми жъ меня съ собой!

Хиронъ.

Садись ко мнѣ! Все разспросить могу я.

Куда ты въ путь? Тутъ берегъ подъ тобой,

Хоть за рѣку тебя перенесу я.

Фаустъ (садясь на него).

Мнѣ все равно. Спасибо, дорогой!..

Великій мужъ, достойный педагогъ,

Что воспитать героевъ столькихъ могъ,

Кругъ аргонавтовъ, славою одѣтыхъ,

И всѣхъ другихъ поэтами воспѣтыхъ.

Хиронъ.

Оставимъ это въ сторонѣ!

Быть менторомъ въ накладъ самой Палладѣ;

Они потомъ всѣ чередить вполнѣ

Какъ не воспитанные ради.

Фаустъ.

Врача, который, свойства травъ

И всѣхъ кореньевъ ихъ познавъ,

Способенъ боль и язвы исцѣлять,

Душой и тѣломъ радъ я здѣсь обнять!

Хиронъ.

Гдѣ близко раненъ былъ боецъ,

Я помогалъ при знаньи слабомъ;

Но это знанье подъ конецъ

Попамъ я передалъ и бабамъ.

Фаустъ.

Ты, какъ вполнѣ великій мужъ,

Хвалы не терпишь, и къ тому жъ

Хотѣлъ бы ты душѣ не злобной

Внушить, что есть тебѣ подобный.

Хиронъ.

Ты, кажется мнѣ, ловокъ,—не робѣешь.

Народу ты и князю льстить умѣешь.

Фаустъ.

Признайся, въ жизни-то своей

Ты величайшихъ видывалъ мужей.

Сопровождалъ ты многихъ благородныхъ,

Полубоговъ въ ихъ подвигахъ свободныхъ!
Но, близкій самъ ко всѣмъ геройскимъ ликамъ,
Кого считалъ ты изо всѣхъ великимъ?

Хиронъ.

Изъ круга аргонавтовъ каждый
Геройской былъ исполненъ жаждой,
И силой, что̀ его одушевляла,
Онъ нуженъ былъ, гдѣ прочихъ не хватало.
Такъ Діоскуровъ верхъ брала чета,
Гдѣ молодость нужна и красота.
Съ рѣшимостью починъ отважныхъ дѣлъ
Былъ Бореадъ прекраснѣйшій удѣлъ.
Въ совѣтѣ мудръ, глубокъ, могучъ, смышленъ
И женщинамъ пріятенъ былъ Язонъ;
Затѣмъ Орфей, и нѣжный и смиренный,
Превыше всѣхъ былъ лирой вдохновенной;
Линцей былъ зорокъ,—день и ночь искалъ
Путь кораблю онъ средь подводныхъ скалъ.
Союзниковъ напасти не печалятъ:
Одинъ ведетъ, а всѣ другіе хвалятъ.

Фаустъ.

О Геркулесѣ ты ни слова?

Хиронъ.

О! Не смущай меня ты снова!...
Арея, Феба не видалъ
Я, какъ и Гермеса, ни разу:
Вдругъ тотъ глазамъ моимъ предсталъ,
Кто былъ божественъ по разсказу!
И былъ, рожденный въ царской долѣ,
Прекраснымъ юношею онъ,
У брата старшаго въ неволѣ
И у прелестныхъ самыхъ женъ.
Второго не родить ужъ Геѣ,
И Гебѣ не назвать своимъ;
Напрасно лирамъ пѣть звончѣе,
Напрасно камень мы томимъ.

Фаустъ.

Ваятель трудится напрасно,
Такого не проявитъ онъ.
Кто мужъ прекраснѣйшій, мнѣ ясно,
Кто жъ всѣхъ прекраснѣе изъ женъ?

Хиронъ.

Что! Въ женской красотѣ нѣтъ силы,
Холодный часто ликъ она;
Тѣ существа мнѣ только милы,
Въ которыхъ жизнь веселія полна.
Краса сама себѣ отрада;
Служить прелестному—награда,
Хоть мнѣ, какъ я Елену несъ.

Фаустъ.

Ты несъ ее?

Хиронъ.

Да, на спинѣ же.

Фаустъ.

И такъ сходить съ ума пришлось!

И вдругъ сижу теперь.—И гдѣ же!?.

Хиронъ.

За волоса мои она,

Какъ ты, держалась.

Фаустъ.

Какъ полна

Восторгомъ грудь! Скажи мнѣ все!

Лечу желаньемъ ей навстрѣчу!

Куда, откуда, несъ ее?

Хиронъ.

На твой вопросъ легко отвѣчу.

Отбили Діоскуры вдругъ

Сестричку у разбойниковъ изъ рукъ;

Въ обидѣ неудачи, тѣ сошлись,

И яростно вослѣдъ имъ погнались.

Бѣгутъ борцы съ сестрой,—и вотъ

У Элевзинскихъ имъ болотъ

Пришлось вдвоемъ брести, я вплавь пустился.

Она спрыгнула, потрепала

По мокрой гривѣ, обласкала,

Благодаря еще притомъ;

Такъ молода, мила со старикомъ!

Фаустъ.

Семи лишь лѣтъ!...

Хиронъ.

Ты вѣришь филологамъ.

Тебѣ да и себѣ дано имъ лгать во многомъ.

У женскихъ миѳовъ даръ особый есть,

Быть, какъ поэтъ ихъ вздумаетъ привесть;

Ни зрѣлости, ни старости имъ нѣтъ,

Все привлекательный расцвѣтъ:

Ребенкомъ похищаютъ, къ старой льнутъ;

Поэты, словомъ, лѣтъ не признаютъ.

Фаустъ.

Витать и ей въ безвременныхъ лишь сферахъ!

Ахиллъ же могъ найти ее на Ферахъ,

Самъ внѣ временъ. Вотъ счастіе-то впрямь!

Любви добиться вопреки судьбамъ.

Я бъ что ль не смогъ, умѣя такъ любить,

Высокій ликъ заставить снова жить

То существо, что средь боговъ родилось,

Величьемъ, нѣгой, прелестью гордилось?

Ее видалъ ты; нынче видѣлъ я

Прекрасную въ расцвѣтѣ бытія!

Теперь мой умъ, мой духъ окованъ ею;

И мнѣ не жить, коль ей не овладѣю!

Хиронъ.

Какъ человѣкъ, ты, странникъ, лишь влюбленъ,

Но средь тѣней ты просто поврежденъ.

Тебѣ на счастье, безъ сомнѣнья,

Я каждый годъ, лишь на мгновенье

Спѣшу туда, гдѣ Манто обитаетъ.

Дочь Эскулапа умоляетъ

Отца, чтобъ тотъ во славу знанья

Далъ наконецъ умамъ врачей сознанье,

И отъ убійствъ ихъ свелъ на покаянье;—

Среди Сивиллъ она мнѣ всѣхъ милѣе,

Въ пріемахъ мягче всѣхъ, и всѣхъ добрѣе;

Побудь у ней, она тебѣ, быть-можетъ,

Кореньями какими и поможетъ.

Фаустъ.

Что̀ мнѣ лѣчить? То чувства не больныя!

Вѣдь я бы подлымъ сталъ какъ остальные!

Хиронъ.

Цѣлебнаго ключа не пропусти же!

Мы прибыли на мѣсто; такъ сойди же!

Фаустъ.

Куда же ночью—даже страхъ беретъ—

Меня примчалъ ты по хрящамъ, да въ бродъ?

Хиронъ.

Здѣсь Римъ съ Элладой бились полны гнѣва,

Пеней направо и Олимпъ налѣво—

Громадной пасть державѣ рокъ судилъ.

Царь убѣжалъ, а гражданинъ сразилъ.

Взгляни сюда, увидишь, близко къ намъ

Стоитъ при лунномъ свѣтѣ вѣчный храмъ.

Манто (внутри, грезя).

Стучатъ копыты,

Дрожатъ священныя плиты;

Спѣшатъ полубоги въ тѣни.

Хиронъ.

Такъ, такъ!

Лишь глаза разомкни!

Манто (просыпаясь).

Здорово! Я вижу ты во̀-время самъ.

Хиронъ.

И у тебя все прежній храмъ!

Манто.

Ты скачешь какъ обыкновенно?

Хиронъ.

Вѣдь ты же все живешь смиренно,

Пока я по свѣту кружу?

Манто.

Кружится только время—я сижу;

А этотъ?

Хиронъ.

Страшной ночью онъ

Къ тебѣ какъ вихремъ занесенъ.

Елену—умъ его блуждаетъ—

Елену онъ добыть желаетъ,

Да какъ и гдѣ искать—не знаетъ;

Хоть Эскулапъ его бы исцѣлилъ.

Манто.

Кто хочетъ невозможнаго,—мнѣ милъ.

(Хиронъ уже умчался.)

Манто.

Войди ко мнѣ, отвагой окрыленный!

Вонъ темный входъ въ обитель Персефоны.

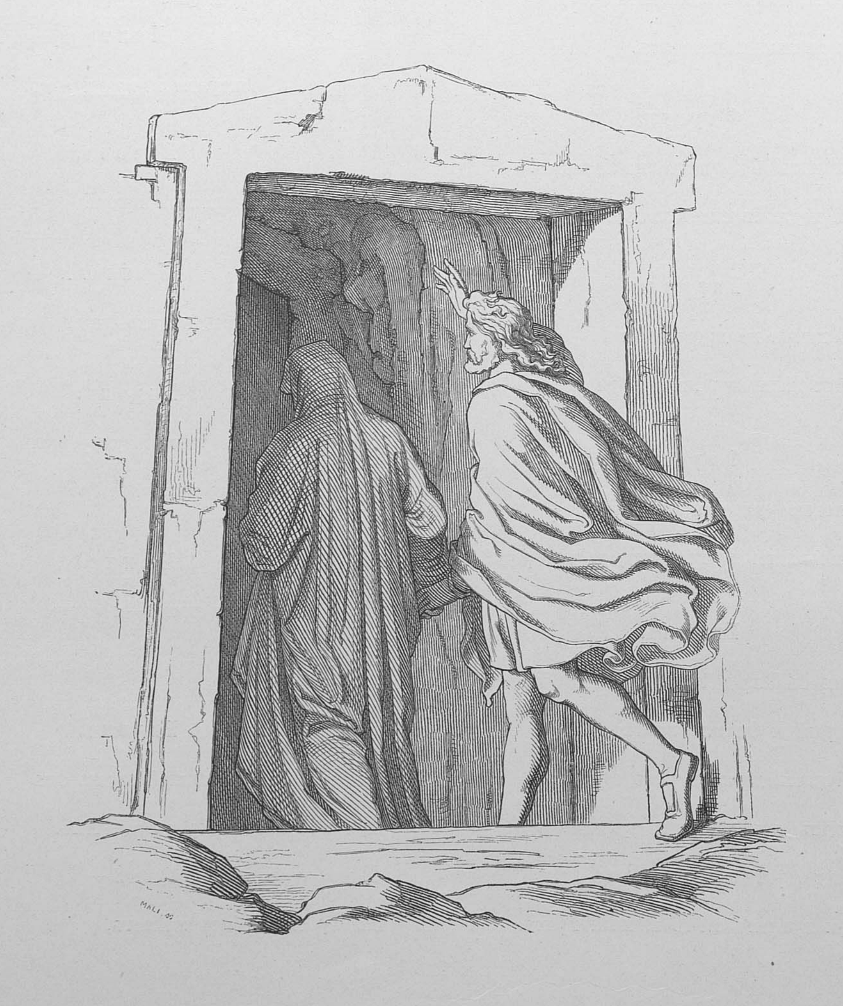
Гдѣ подъ Олимпомъ тайный гротъ,

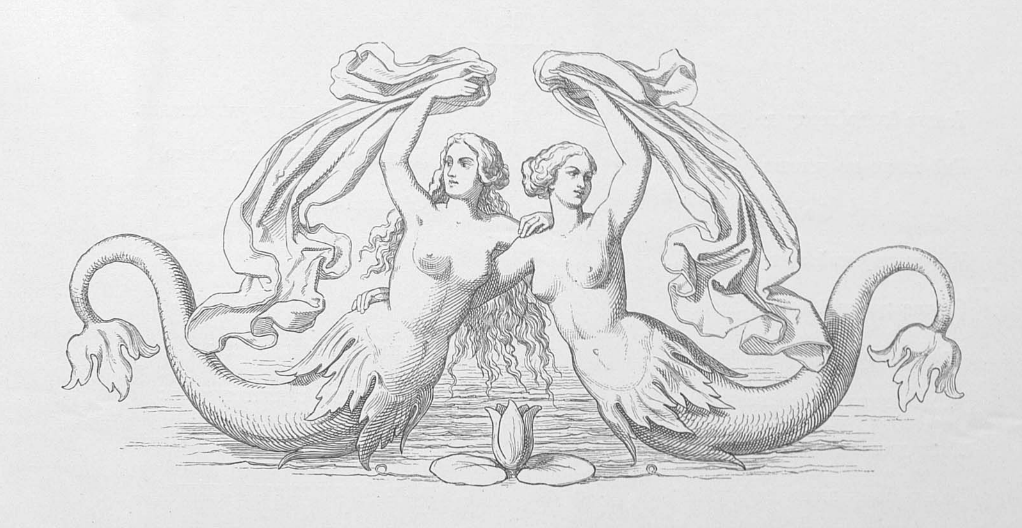
Она свиданій ей запретныхъ ждетъ.

Здѣсь у меня учился самъ Орфей;

Воспользуйся ты лучше! Ну! смѣлѣй!

(Они спускаются.)

На верхнемъ Пенеѣ (какъ прежде).

Сирены.

Бросьтесь въ глубь Пенейскихъ водъ!
Станемъ плавать и плескаться,
Пѣсни пѣть, чтобъ утѣшаться
Могъ несчастный здѣсь народъ.
Безъ воды спасенья нѣтъ!
Стоитъ намъ добраться вскорѣ
До Эгейскаго лишь моря—
Чтобъ избавиться отъ бѣдъ.

(Землетрясеніе.)

Сирены.

Пѣнясь волны вспять несутся,
По руслу ужъ внизъ не льются,
Грунтъ дрожитъ, вода за нимъ,
Берегъ треснулъ, валитъ дымъ.
Убѣжимте всѣ туда!
Это чудо всѣмъ бѣда.
Прочь, веселыя подруги,
Къ морю пышному на югѣ,
Гдѣ волна дрожа мелькаетъ,
Плещетъ въ берегъ, прибываетъ,
Гдѣ луна встаетъ двойною,
Насъ кропитъ святой росою!
Тамъ живое наслажденье—
Здѣсь бѣда—землетрясенье!
Уходи, кто поумнѣй!
Мѣсто тутъ, нельзя страшнѣй.

Сейсмосъ (ворча и стуча въ глубинѣ).

Съ силой разъ еще собраться,
Да плечами приподняться!

Только бъ до верху добраться,

Гдѣ ничто не устоитъ.

Сфинксы.

Чтò за гнусный этотъ трепетъ,

Словно грозный чей-то лепетъ!

Чтò за дрожь и сотрясенье,

Чтò за качка, за волненье!

Какъ досадно, какъ претитъ!

Только насъ никто не стронетъ,

Хоть и цѣлый адъ застонетъ.

Вотъ и сводъ поднялся съ ямой.

Странно. Это тотъ же самый

Старецъ съ головой сѣдою,

Что, растроганный мольбою,

Островъ нѣкогда Делосъ

Изъ пучинъ морскихъ вознесъ.

Все подсильно исполину,

Руки вверхъ, согнувши спину,

Онъ какъ Атласъ подлегаетъ,

Землю, дернъ приподнимаетъ,

Мечетъ хрящъ, песокъ и глину

На прибрежную равнину;

Разорвалъ ужъ на двѣ части

Тутъ долину онъ отчасти.

Напряженный весь и съ вида

Исполинъ-каріатида,

Съ грудой камней онъ поднялся,

Но въ землѣ по грудь остался.

Дальше видно не полѣзъ-то,

Сфинксы заняли тамъ мѣсто.

Сейсмосъ.

Одинъ исполнилъ я все дѣло,

Въ томъ каждая сознается душа:

Когда бы я не сотрясалъ такъ смѣло,

Была ли бы земля такъ хороша?

Ну какъ могли бы ваши горы

Небесъ касаться голубыхъ

И восхищать нѣмые взоры,—

Когда бъ не выдвинулъ я ихъ?

Изъ ночи хаоса воспрянувъ,

Тогда я силы напрягалъ,

И тутъ въ сообществѣ Титановъ

Олимпъ и Оссу я какъ мячъ швырялъ.

И юностью пылая своевольной,

Мы увлеклись движеньемъ кутерьмы,

Пока Парнассъ, какъ шапкой двуугольной,

Двумя горами не прикрыли мы...

Тамъ съ хоромъ музъ, владѣющихъ сердцами,

Пріютъ находитъ Аполлонъ,

И самому Юпитеру съ громами

Я высоко приподнялъ тронъ.

Вотъ снова силы напрягая,

Изъ бездны поднимаюсь вновь,

И къ новой жизни призываю
Веселыхъ, будущихъ жильцовъ.

Сфинксы.

Вѣковѣчнымъ можно бъ счесть
Все, что̀ здѣсь изъ нѣдръ явилось,
Если бъ изъ земли, какъ есть,
Не при насъ оно ломилось.
Расходится все вдаль лѣсная мгла,
Еще скалу идетъ тѣснить скала,
Но сфинксу нѣтъ до этого и дѣла:
Сидимъ на мѣстѣ мы священномъ смѣло.

Грифы.

Золотыя нити блещутъ
И въ расселинахъ трепещутъ;
Клада вы не прозѣвайте—
Муравьи, живѣй, копайте!

Хоръ муравьевъ.

Какъ тѣ тревожные
Все выдвигали,
Вы бъ, мелконожные,
Слѣдомъ бѣжали!
Скрытой дорожкою
Въ щель углубляться!
Тутъ каждой крошкою
Сто̀итъ заняться;
Не ошибайтеся
Въ мелкомъ кусочкѣ
Въ каждомъ являйтеся
Вы уголочкѣ.
Чтобъ, гдѣ расколото,
Все было взято;
Мчите къ намъ золото;
Что намъ гора-то!

Грифы.

Стаскайте золото бугромъ!
Его подъ когти мы возьмемъ;
Засововъ этихъ нѣтъ прочнѣй,
Подъ ними каждый кладъ цѣлѣй.

Пигмеи.

Тутъ на мѣстѣ мы покуда,
Какъ случилось, не поймемъ;
Ты не спрашивай откуда,
Благо всѣ мы здѣсь лицомъ.
Жизнь повсюду пріютилась,
Что ни мѣсто, то пріютъ;
Чуть расщелина явилась,
Глядь и карликъ тутъ какъ тутъ.
Карликъ съ карлицей—такъ мило,
Пары знаютъ роль свою;
Я не знаю, такъ ли было
Это все уже въ раю.
Здѣсь на трудъ роптать не буду,
Станемъ жить судьбу хваля;

Что востокъ, что западъ—всюду
Вѣкъ рождаетъ мать земля.

Дактили.

Ежели въ ночь она
Малыхъ родить могла,
Такъ и мельчайшихъ знать
Сыщетъ—другимъ подъ стать.

Старшій пигмей.

Шибче бѣгите!
Мѣсто займите!
Дѣло намъ мило!
Въ скорости—сила!
Миръ хоть наружный,
Кузницы нужны;
Куйте, ребята,
Войску вы латы.

Эй, муравьи, вы!
Вы суетливы,
Мчите руды вы!
Вонъ и дактили.
Вы бъ натащили
Нашему люду
Дровъ отовсюду!
Сами нажгли бы
Вы, какъ смогли бы,
Угольевъ груду!

Генералиссимусъ.

Съ лукомъ, стрѣлами
Выйдите сами;
Къ пруду ступайте,
Цапель стрѣляйте,
Всѣхъ, что тамъ кружатся,
Въ гнѣздахъ такъ пружатся,
Всѣхъ ихъ за разъ!
Всѣхъ перебьемъ мы,
И уберемъ мы
Шлемы сейчасъ!

Муравьи и дактили.

Мы вотъ готовы
Въ желѣзѣ рыться,
А тѣ оковы
Куютъ.—Не время
Свергать намъ бремя:
Къ чему жъ кичиться!

Ивиковы журавли.

Крикъ, предсмертныя усилья!
Бьются судорожно крылья!
Чтò за стоны, чтò за гамъ
Въ высоту доходитъ къ намъ!
Всѣ онѣ ужъ перебиты,
Волны кровью ихъ залиты;
Эти гнусныя творенья
Сняли съ цапель украшенья:

Ихъ на шлемы, какъ хотѣли,

Брюханы наткнуть успѣли!

Вы, соратники, что въ сборѣ

Мчитесь цѣпью черезъ море,

Васъ зовемъ,—вступитесь смѣло

Вы за родственное дѣло:

Нашу кровь не пощадимъ!

И навѣкъ враги мы имъ!

(Съ крехтомъ разлетаются въ небѣ.)

Мефистофель (на равнинѣ).

На сѣверѣ пугну я вѣдьмъ бывало,

А здѣсь у духовъ прыть моя пропала.

Вѣдь Блоксбергъ нашъ отличнѣйшій пріютъ;

Куда ни стань—знакомый тутъ какъ тутъ.

Все *Ильза* та жъ на *камнѣ* на своемъ;

И *Гейнриха* на высотѣ найдемъ;

Хоть *храпунамъ* сопѣть на *Эдендъ* слѣдъ,

Да тысячи все такъ ведется лѣтъ.

А какъ узнать, гдѣ тутъ ступить ногой,

Не дуется ль земля-то подъ тобой?

Долиной весело иду,

А обернусь назадъ—уже въ виду

Встаетъ гора,—не стóитъ звать горою,

А сфинксовъ-то моихъ она со мною

Ужъ разлучила. Тутъ еще мелькаютъ

Огни кругомъ, внушая страхъ невольно...

Еще несется, пляской тѣша взоръ,

Плутовокъ ласково манящій хоръ.

Потише къ нимъ: не диво соблазниться.

Гдѣ бъ ни было, все хочется разжиться.

Ламіи (увлекая Мефистофеля)

Улыбки, чары—

И прочь обратно!

Затѣмъ постойте,

Болтайте, пойте!

Ахъ, какъ пріятно,

Что грѣшникъ старый

Спѣшитъ за нами!

За грѣхъ свой тяжкій,

Съ большой натяжкой,

Ногой костлявой

Стучитъ лукавый.

Онъ хромъ, смѣшенъ,

Куда мы съ вами,

Туда и онъ.

Мефистофель (останавливаясь.)

Проклятье! Мало ль насъ трепали,

Съ Адама мало ль надували?

Сталъ старъ, а сталъ ли ты уменъ?

Иль мало былъ ты проведенъ?

Такой народъ, и всѣ одной цѣны;

Затянуты, въ лицѣ набѣлены,

Здороваго въ нихъ не найдешь нисколько,

Гдѣ ни схвати, все дрябло да и только:

Вѣдь знаешь, видишь, что плохія шутки,

А пляшешь все по ихъ шельмовской дудкѣ!

Ламіи (останавливаясь).

Стой! Онъ задумался, онъ сталъ.

Бѣги къ нему, чтобъ онъ не убѣжалъ.

Мефистофель (наступая).

Куда ни шло; къ чему сначала

Себя раздуміемъ томить,

И если бъ вѣдьмъ совсѣмъ не стало,

Кой чортъ хотѣлъ бы чортомъ быть!

Ламіи (граціозно).

Подойдемъ-те же къ герою!

Въ сердцѣ страстномъ безъ сомнѣнья

Онъ плѣнится хоть одною.

Мефистофель.

Эти сумерки обидны,

Но при нихъ вы миловидны,

Привлекательны собою.

Эмпуза (проталкиваясь).

И меня вы пропустите,

Въ свой кружокъ меня примите!

Ламіи.

Вотъ эта намъ не по нутру;

Всегда испортитъ намъ игру.

Эмпуза (Мефистофелю).

Съ ногой ослиною Эмпуза

Желаетъ твоего союза!

Съ одной ты конскою ногой,

Прими же мой привѣтъ, родной.

Мефистофель.

Я думалъ—здѣсь мнѣ всѣ чужіе,

А къ сожалѣнью все родные;

Тутъ старые читаешь святцы—

Отъ Гарца до Эллады братцы!

Эмпуза.

Способна быстро я рѣшиться,

Во что̀ угодно превратиться,

Но въ честь тебѣ я предпочла

Головку тутъ надѣть осла.

Мефистофель.

Здѣсь люди, надобно признаться,

Родствомъ умѣютъ сосчитаться;

Но не могу, хоть что̀ случится,

Съ ослиной головой мириться.

Ламіи.

Оставь ты гадкую!—Она

Гнать всюду прелесть создана;

Что̀ нѣжно, что̀ милѣй всего,—

Она пришла—и нѣтъ его.

Мефистофель.

И этихъ кумушекъ прелестныхъ
Я не могу считать за честныхъ;
Хотя у нихъ на щечкахъ розы, —
А тамъ, боюсь, метаморфозы.

Ламіи.

Рѣшись! прими въ игрѣ участье;
Насъ много, выбери на счастье,
И лучшій жребій будетъ твой!
Пѣснь про любовь давно избита!
Ты самый жалкій волокита,
Гордишься попусту собой! —
Онъ къ намъ идетъ искать развязки;
Снимайте понемногу маски
И видъ откройте вашъ прямой!

Мефистофель.

Вотъ выбралъ, чудо вѣдь какая...

(Обнимая ее.)

Увы! Что за метла сухая!

(Хватая другую).

А эта? Поглядѣть, такъ срамъ!

Ламіи.

Не стòишь лучшей, знаешь самъ!

Мефистофель.

Поменьше, видно, взять придется...
Она какъ ящерица вьется,
Коса какъ змѣй—вотъ какова!
Вотъ къ этой длинной подступаю...
Но палку тирса я хватаю,
Сосновой шишкой голова.
Ну что за притча? — Можетъ статься
За эту толстую мнѣ браться —
Остался выборъ не великъ! —
Видъ самый вздутый, самый сочный,
Подобныхъ цѣнитъ людъ восточный...
Увы!—Ужъ лопнулъ дождевикъ!

Ламіи.

Разсѣйтесь, вѣйтесь и летайте
Въ полетѣ черномъ вкругъ мелькайте
Надъ сыномъ вѣдьмы здѣсь чужимъ!
Въ кругахъ невѣрныхъ и зыбучихъ,
Мы на крылахъ мышей летучихъ,
Ему хоть страхомъ отомстимъ.

Мефистофель (отряхаясь).

Умнѣй ли сталъ я? Что-то не похоже,—
Нелѣпо здѣсь, нелѣпъ и Сѣверъ тоже,
Упырь и здѣсь и тамъ уродъ,
Поэты пошлы и народъ!
И здѣсь, какъ всюду, въ маскарадъ
Запрятать чувственность хотятъ.
Искалъ пристать я къ маскамъ плотно,
И ужасы встрѣчать мнѣ приходилось;
Я бъ надувалъ себя охотно,
Когда бъ оно побольше длилось.

(Блуждая между камнями.)

Гдѣ я? Какимъ идти путемъ?
Была тропинка, — сталъ разгромъ.
Сюда я шелъ, все гладко было,
Теперь каменьевъ навалило;
Пошелъ я вверхъ да внизъ шагать.
Гдѣ бъ сфинксовъ мнѣ своихъ сыскать?
Представить было бы не въ мочь,
Чтобъ столько горъ явилось въ ночь!
У вѣдьмъ знать праздникъ не плохой,
И Блоксбергъ принесли съ собой.

Ореада (съ натуральной скалы).

Сюда! Гора моя хранитъ
Еще первоначальный видъ—
Крутыя уважай дороги—
То Пинда древніе отроги,
Утесъ мой такъ же все стоялъ,
Какъ черезъ насъ Помпей бѣжалъ.
А призраки исчезнутъ вновь
При первомъ пѣньи пѣтуховъ.
Подобныхъ сказокъ много было тутъ,
Появятся — и пропадутъ.

Мефистофель.

Хвала! Почтенное чело!
Какъ мѣсяцъ ни гори свѣтло,
Твоихъ дубовъ густую ночь
Его лучамъ не превозмочь.
Но вижу, около кустовъ
Какой-то свѣтъ затлился вновь.
Вѣдь нужно жъ случаю навесть:
Никакъ Гомункулъ то и есть! —
Откуда ты теперь, малютка?

Гомункулъ.

Я все ношусь, и все мнѣ жутко,
Все хочется возникнуть мнѣ вполнѣ,
Свое стекло разбить я порываюсь,
Но въ то, что̀ видѣлося мнѣ,
Вступить никакъ я не рѣшаюсь.
И только, ужъ тебѣ признаюсь,
Двухъ мудрецовъ былъ встрѣтить радъ.
«Природа, да природа», все твердятъ.
Разстаться съ ними не могу я,
Они ужъ вѣрно знаютъ жизнь земную
Отъ нихъ узнаю безъ сомнѣнья,
Какого мнѣ держаться направленья.

Мефистофель.

Самъ избирай ты что-нибудь.
Гдѣ привидѣнья заведутся,
Сейчасъ философы найдутся;
И чтобъ искусство не пропало ихъ,
Плодятъ они намъ дюжину другихъ.
Не поблуждавъ, о правдѣ не мечтай;
Возникнуть хочешь, самъ ужъ возникай!

Гомункулъ.

Нельзя чужимъ пренебрегать совѣтомъ.

Мефистофель.

Ступай! Увидимъ, много ль толку въ этомъ.

(Расходятся.)

Анаксагоръ (Θалесу).

Твой умъ упорный уступить не можетъ,

Какой же новый доводъ тутъ поможетъ?

Θалесъ.

Всѣмъ вѣтрамъ рада уступить волна;

Но отъ скалы назадъ бѣжитъ она.

Анаксагоръ.

Вотъ та скала — огня произведенье.

Θалесъ.

Во влагѣ лишь — живого зарожденье.

Гомункулъ (между ними).

Позвольте съ вами мнѣ пойти!

Я жажду самъ произойти.

Анаксагоръ.

Сумѣлъ ли бъ въ ночь одну, Θалесъ, ты самъ

Создать изъ илу эту гору намъ?

Θалесъ.

Нигдѣ природы вѣчное теченье

Не знало дней, ночей, часовъ стѣсненья;

Она творитъ обычнымъ чередомъ,

Насилія чуждаясь и въ большомъ.

Анаксагоръ.

Оно здѣсь было. Силою могучей

Огонь Плутона и Эолъ кипучій,

Прорвавъ земли остывшія равнины,

Извергли эту гору изъ пучины.

Θалесъ.

Изъ этого что̀ жъ заключить?

Она вотъ тутъ — ей значитъ нужно быть.

Мы только тратимъ время въ этомъ спорѣ

И водимъ лишь довѣрчивыхъ на сворѣ.

Анаксагоръ.

Чтобъ жить въ разсѣлинахъ — на склоны

Сейчасъ полѣзли мирмидоны.

Пигмеи, муравьи, дактили

Ужъ гору всю заполонили.

(Гомункулу.)

Вѣдь ты не гнался за большимъ,

А жилъ отшельникомъ прямымъ;

Коль радъ принять ты власть земную,

Тебя царемъ тутъ коронуѩ.

Гомункулъ.

Θалесъ что̀ скажетъ?

Θалесъ.

Нѣтъ, нельзя рѣшиться.

Отъ малыхъ только малыхъ дѣлъ добиться.

Великъ и малый при большомъ.

Ты видишь журавлей тамъ тучу,

Весь мелкій людъ ужъ сбился въ кучу —
Вотъ то же было бъ и царю;
Они носами и когтями
Накинутся на карловъ сами;
Бѣда подходитъ, я смотрю;
Злодѣйство цапель перебило,
Когда пріютъ ихъ обступило;
Но стрѣлъ убійственныхъ метанье
За кровь приноситъ воздаянье.
И вотъ родня несется вновь,
Пролить пигмеевъ злую кровь.
Къ чему копье, и шлемъ, и щитъ,
И перьевъ цапель украшенье?
Дактили ищутъ ужъ спасенья!
Ихъ войско дрогнуло — бѣжитъ.

Анаксагоръ (помолчавъ, торжественно).

Я цѣлый вѣкъ подземныхъ восхваляю,
Теперь мольбу я кверху обращаю...
Ты, въ вышинѣ вѣкъ неизмѣнная,
Трехлично — трехъименная,
Молю тебя, такъ тяжела утрата, —
Луна, Діана и Геката!
Ты, грудь цѣлящая, умомъ горящая,
Все тихо зрящая и власть таящая,
Раскрой своихъ тѣней ужасный зѣвъ,
И прояви безъ чаръ могучій гнѣвъ!

(Пауза.)

Иль внятъ мой стонъ?
Ужель мой вздохъ
На небѣ могъ
Природы измѣнить законъ?
Растетъ, и, блескомъ окруженъ,
Богини къ намъ нисходитъ тронъ.
Мой взоръ отъ страха цѣпенѣетъ,
Огонь, чѣмъ ближе, все краснѣетъ...
Не приближайся намъ на горе,
Погубишь насъ и землю ты и море!
Знать удалось же ѳессалійскимъ дѣвамъ
Совлечь магическимъ напѣвомъ
Тебя съ путей твоихъ эѳирныхъ,
И бѣдствій испросить всемірныхъ?
Вотъ ясный щитъ ужъ омрачился!
Вотъ молніей онъ, треснувъ, разразился!
Вотъ зашипѣло! закипѣло!
И громъ, и буря зашумѣла! —
Здѣсь я у ногъ твоихъ смирился —
Прости! вѣдь самъ я напросился.

(Повергается ницъ.)

Ѳалесъ.

Чего ему тутъ видѣть ни пришлось!
Ужъ не пойму, какъ это такъ сбылось;
Я ничего не чувствовалъ такого.

Вѣдь это просто бредъ больного,

И тихо движется луна;

На мѣстѣ все своемъ она.

Гомункулъ.

Вонъ у пигмеевъ-то гора

Была кругла, теперь остра.

Тутъ сотрясенье ощутилось;

Скала къ намъ съ мѣсяца свалилась,

Она ихъ всѣхъ и не спросила,

Другъ или недругъ, — раздавила!

Хвалю искусство я безъ лести,

Что творчески, въ ночи одной,

И снизу, да и сверху вмѣстѣ

Постройку вывело горой.

Өалесъ.

Небойсь! То призракъ лишь пустой.

На эту дрянь рукой махнемъ!

Будь радъ, что не былъ ты царемъ.

Къ морскому празднику скорѣе!

Тамъ чтутъ гостей, что почуднѣе.

(Удаляются.)

Мефистофель (лазя на противо-положной сторонѣ).

Вотъ тутъ — по плитамъ каменнымъ таскайся,

Да по корнямъ дубовымъ спотыкайся!

На Гарцѣ отдаетъ смолой,

А это ужъ любимый запахъ мой;

Равно какъ сѣрный...—Здѣсь же эти греки

Подобнаго не нюхали вовѣки.

Желалъ бы я развѣдать несомнѣнно,

Чѣмъ топятъ адъ они обыкновенно.

Дріада.

Какъ ты ни будь въ странѣ своей уменъ,

Не будешь ты къ чужой приспособленъ.

Ты бъ не искалъ предметовъ отдаленныхъ,

А здѣсь хвалилъ красу дубовъ священныхъ!

Мефистофель.

Покинутый всегда на мысляхъ край;

Къ чему привыкли, кажется намъ рай.

Но разскажи: въ пещерѣ мрачной тамъ

Какое жмется тройственное тѣло?

Дріада.

То Форкіады. Подойди-ка самъ

И ихъ спроси, коль сердце не сробѣло.

Мефистофель.

Чтò жъ? Я смотрю, но понимаю плохо;

Какъ я ни гордъ, но сознаюсь вполнѣ,

Подобнаго не попадалось мнѣ.

Онѣ вѣдь злѣй чертополоха...

Грѣхи какъ ни были бъ ужасны,

Покажутся вполнѣ прекрасны

Предъ этимъ пугаломъ тройнымъ!

Такимъ мы воспретили бъ строго

Стоять у адскаго порога,

А этихъ здѣсь, въ странѣ красотъ
Антикомъ всякій назоветъ...
Зашевелились, — видно услыхали;
Нетопыри-вампиры засвистали.

Форкіады.

Глазъ дайте сестры мнѣ—узнать,
Кто смѣетъ къ храму подступать.

Мефистофель.

Почтенныя! Дозвольте мнѣ въ смиреньи
Троякое принять благословенье.
Я прихожу не пришлецомъ печальнымъ,
А, кажется мнѣ, родственникомъ дальнимъ.
Ужъ у боговъ я стародавнихъ былъ,
И Опсъ и Рею я уже почтилъ;
Увидѣть Парокъ, сестръ вамъ отъ Хаоса,
Вчера мнѣ иль позавчера пришлося;
Но вамъ подобныхъ я нигдѣ не знаю;
Затѣмъ молчу, въ восторгѣ утопаю.

Форкіады.

Онъ кажется разуменъ, этотъ духъ.

Мефистофель.

Какъ васъ поэты не воспѣли вслухъ!
Какъ то сбылось средь дѣлъ обыкновенныхъ?
Я въ статуяхъ васъ не встрѣчалъ почтенныхъ.
Рѣзцу бъ надъ вами потрудиться надо.—
Чтò Гера намъ, Венера и Паллада!

Форкіады.

Сокрытыя въ безмолвіи ночномъ
Объ этомъ мы не думали втроемъ!

Мефистофель.

Гдѣ жъ было вамъ: покинули вы свѣтъ,
Ни вамъ къ нему, ни къ вамъ и ходу нѣтъ.
Вы бъ лучше въ тѣ мѣста переселились,
Гдѣ съ роскошью искусства воцарились;
Гдѣ каждый день, ускоря шагъ двойной,
Изъ мрамора спѣшитъ предстать герой.
Гдѣ...

Форкіады.

Замолчи, не накликай печали!
Чтò пользы, если бъ мы чтò лучше знали?
Родясь въ ночи, почти себя самихъ
Не знаемъ мы,—безвѣстны для другихъ.

Мефистофель.

Тутъ бѣдствіе еще не такъ сурово;
Перенести себя лишь на другого.
Вамъ тремъ данъ зубъ одинъ, одинъ и глазъ.
Миѳологическимъ путемъ сейчасъ,
Въ двѣ сущности всѣ три вы вставьте,
А третій образъ мнѣ вы предоставьте—
На время.

Одна.

Какъ вы судите о томъ?

Другія.

Чтò жъ! — только глазъ и зубъ себѣ возьмемъ

Мефистофель.

Вы самое-то лучшее отняли,

И вѣренъ выйдетъ образъ тутъ едва ли!

Одна.

Одинъ ты глазъ зажмурь, послушай насъ.

А зубъ глазной ты выставь на-показъ.

Такъ профилемъ ты можешь постараться

Одноутробнымъ нашимъ показаться.

Мефистофель.

Премного чести.—Пусть!

Форкіады.

Пусть!

Мефистофель (какъ Форкіада въ профиль).

Не сплошалъ!

Любимымъ сыномъ Хаоса я сталъ!

Форкіады.

Гордимся Хаосомъ, отцомъ мы знаменитымъ.

Мефистофель.

Охъ! забранятъ теперь меня гермафродитомъ.

Форкіады.

Вотъ новыхъ три сестры украсились сугубо!

У насъ теперь два глаза и два зуба.

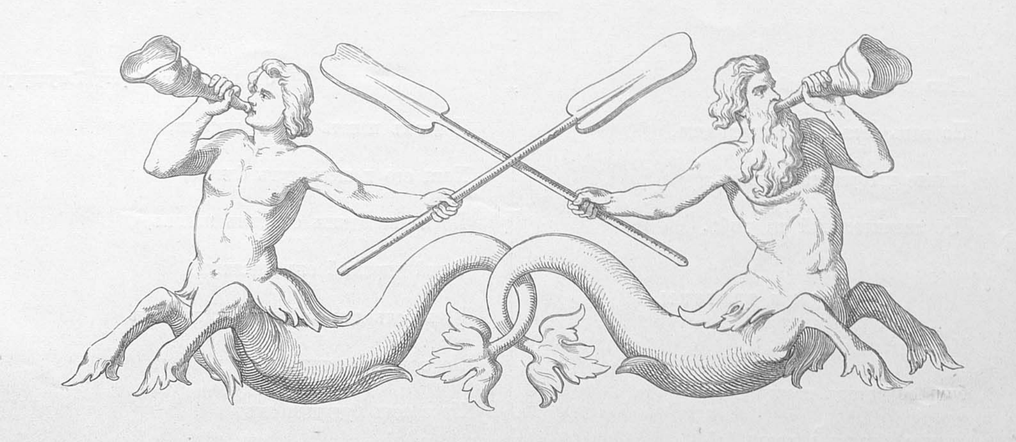
Мефистофель.

Отъ глазъ я всѣхъ укроюсь въ бѣгѣ спѣшномъ.

Пугать чертей въ аду кромѣшномъ.

(Уходитъ.)

Скалистый заливъ Эгейскаго моря.

Луна въ зенитѣ.

Сирены (кругомъ на скалахъ, играя на флейтахъ и распѣвая).

Если слушаясь злодѣекъ,
Ѳессалійскихъ чародѣекъ,
Древле ты съ высотъ сходила,
Нынѣ бъ ты, небесъ свѣтило,
На дрожаньи волнъ почило,
Озаряя нѣгой тайной
Этотъ сборъ необычайный,
Что кругомъ изъ волнъ встаетъ!
Умоляемъ униженно:
Будь, луна, къ намъ благосклонна!

Нереиды и тритоны

(какъ морскія чудовища).

Пойте громче на просторѣ,
Чтобъ во все звучало море,
Весь морской скликайте людъ!—
Злобной бури мы боялись,
Въ глубь затишья погружались;
Нынѣ пѣсни насъ зовутъ.

Какъ мы рады въ самомъ дѣлѣ,
Золотыхъ цѣпей надѣли,
И коронъ въ цвѣтныхъ каменьяхъ,
И запястій въ украшеньяхъ!
Всѣ они отъ васъ пришли!
Взяты бездной эти дива,
Ихъ вы, демоны залива,
Вашимъ пѣньемъ привлекли.

Сирены.

Знаемъ, рыбамъ жить привольно,
Ихъ уноситъ своевольно

Тѣла гладкаго изгибъ;

Но вотъ васъ-то мы скликаемъ,

Нынче мы узнать желаемъ,

Что значительнѣй вы рыбъ.

Нереиды и тритоны.

Мы еще не выплывали,

Ужъ объ этомъ помышляли.

Сестры, братья помогли бъ!

Не въ далекій путь сберемся,

Но докажемъ, какъ вернемся,

Что значительнѣй мы рыбъ.

(Удаляются.)

Сирены.

Мгновенно убрались!

Въ Самоѳракію понеслись;

Имъ вѣтры въ пути помогаютъ.

Какія въ нихъ будятъ стремленья

Высокихъ Кабировъ владѣнья?

То боги, живущіе странно;

Себя хоть они создаютъ непрестанно,

Но кто они—сами не знаютъ.

Стой недвижна и ясна,

Милосердая луна,

Пусть въ ночи все море тонетъ,

День придетъ и насъ прогонитъ!

Ѳалесъ (на берегу, Гомункулу).

Пойдемъ искать Нерея старика;

Хотя его пещера тутъ близка,

Но не поладишь съ нимъ никакъ,

Такой упрямый онъ кислякъ!

Весь родъ людской никакъ по немъ

Не можетъ поступить ни въ чемъ.

Но знаетъ будущее онъ;

За это всѣми онъ почтенъ,

И всѣ предъ нимъ благоговѣютъ.

Ему не разъ и помогать пришлось.

Гомункулъ.

Такъ постучимся мы! Авось

Стекло и пламя уцѣлѣютъ.

Нерей.

Не рѣчь ли то людская пронеслась?

На сердцѣ злоба разомъ поднялась!

Достичь боговъ все хочется тщеславнымъ,

А суждено себѣ остаться равнымъ.

Чѣмъ въ божескомъ покоѣ пребывать,

Хотѣлъ всегда я лучшимъ помогать;

А поглядишь потомъ на дѣло это,

Такъ все равно, что не давалъ совѣта.

Ѳалесъ.

Всѣмъ, старецъ моря, въ силахъ ты помочь.

Ты мудръ, и насъ не прогоняй ты прочь!

Вотъ это пламя въ образѣ людскомъ
Твоимъ рѣчамъ послѣдуетъ во всемъ.

Нерей.

Что̀ рѣчь! Отъ ней кто людямъ видѣлъ толку?
Рѣчь мудреца въ упрямомъ ухѣ мретъ.
Хоть плачутся на дѣло безъ умолку,
А всякъ, глядишь, попрежнему живетъ.
Я, какъ отецъ, Париса увѣщалъ,
Пока чужой жены онъ не смущалъ!
Ему, какъ шелъ онъ къ грекамъ съ корабля,
Я предсказалъ, что̀ въ духѣ видѣлъ я:
На воздухѣ горой багровый дымъ,
И балокъ пылъ, и бой, и смерть подъ нимъ.
День судный Трои уловленъ въ стихахъ,
Столѣтіямъ на память и на страхъ.
Но рѣчи старца счелъ игрушкой онъ;
Онъ страсти внялъ—и рухнулъ Иліонъ.
Гигантскій трупъ, покинутъ, нагъ и сиръ;
Орламъ, слетѣвшимъ съ Пинда, сладкій пиръ.
Я ль и Улиссу то жъ не предсказалъ
Сѣтей Цирцеи и Циклопа скалъ?
И мѣшканье его, и произволъ
Товарищей,—ну что̀ жъ онъ пріобрѣлъ?
Пока волной качаемъ, поздно онъ
На мирный берегъ не былъ занесенъ.

Ѳалесъ.

Поступки эти мудрому претятъ;
Но добрый снова попытаться радъ:
Признательности фунтъ ему, какъ чудо,
Неблагодарности важнѣе пуда.
Не съ пустякомъ рѣшились мы придти:
Желаетъ мальчикъ вотъ произойти.

Нерей.

Не отравляй отрадныхъ мнѣ часовъ!
Сегодня ждать я не того готовъ:
Всѣхъ дочерей я ожидаю вскорѣ,
Я звалъ Доридъ, прелестныхъ грацій моря.
Ни на Олимпѣ, ни у васъ, людей,
Нѣтъ образовъ въ движеніяхъ милѣй;
Гордясь, несутъ ихъ средь морского лона
То чудища, то кони Посидона;
Съ стихіей нѣжно такъ слились онѣ,
Что держитъ ихъ и пѣна на волнѣ.
На раковинѣ яркой всѣхъ милѣе
Венерой здѣсь предстанетъ Галатея.
Она, когда Киприда удалилась,
Сама богиней Паѳоса явилась,
И у нея, чтобъ власть ея возвесть,
Престольный городъ съ колесницей есть.
Прочь! не прилично въ часъ отцу любезный
Смущаться въ сердцѣ бранью безполезной.
Ступайте вы къ Протею, чтобъ спросить,
Какъ превращаться и происходить.

(Удаляется къ морю.)

Өалесъ.

Тутъ не нашли мы толку никакого.
Сыщи Протея, онъ исчезнетъ снова;
А хоть предстанетъ, будетъ говорить,
Что̀ всякаго способно съ толку сбить.
Но вѣдь тебѣ совѣтъ необходимъ;
Попробуемъ, пойдемъ путемъ своимъ!

(Удаляются.)

Сирены (наверху скалъ).

Что̀ это передъ нами
Несется надъ волнами?
Какъ, весело играя,
Вѣтрилъ бѣлѣетъ стая,
Такъ ясно на просторѣ
Сіяютъ жены моря.
Сойти со скалъ придется,
Ихъ пѣнье раздается.

Нереиды и тритоны.

Что̀ мы несемъ руками,
Похвалите вы сами.
Въ щитъ ясный, черепашный,
Глядится сонмъ ихъ страшный.
Боговъ мы вамъ приносимъ;
Высокихъ пѣсенъ просимъ!

Сирены.

Малые лики,
Силой велики,
Кормчихъ спасители главные!
Боги древнѣйшіе, славные.

Нереиды и тритоны.

Мы плавали къ Кабирамъ,
Чтобъ праздновать намъ съ миромъ;
Гдѣ имъ почетъ устроенъ,
Тамъ и Нептунъ спокоенъ.

Сирены.

Всѣхъ вы насъ превзошли;
Шли ко дну корабли,
Только мощью своей
Вы спасали людей.

Нереиды и тритоны.

Трехъ удалось намъ принести,
Четвертый не хотѣлъ идти;
Себя онъ главнымъ называетъ,
Одинъ за всѣхъ онъ разсуждаетъ.

Сирены.

Богъ про другого бога
И на смѣхъ скажетъ много.
Всѣхъ милосердыхъ чтите,
Коль цѣлы быть хотите.

Нереиды и тритоны.

Вѣдь семь ихъ оказалось.

Сирены.

А что̀ жъ съ тремя-то сталось?

Нереиды и тритоны.

Отвѣтить мы не въ силѣ,
Олимпъ бы вы спросили;
Осьмого бъ тамъ сыскали,
Какого и не ждали!
Всѣ милостивы съ нами,
Да не готовы сами.

Эти несравненные
Все впередъ стремятся,
Имъ голоднымъ снятся
Тайны сокровенныя.

Сирены.

Всѣмъ богамъ по старинѣ
Служимъ мы однѣ,
Хоть солнцу, хоть лунѣ;
И выгодно вполнѣ.

Нереиды и тритоны.

За этотъ праздникъ превознесть
Должны насъ лиры!

Сирены.

Герои даже старины
Всю славу уступить должны,
А хоть кого и превознесть,
У нихъ руно златое есть,
У васъ Кабиры!

(Раздается общимъ хоромъ.)

У нихъ руно златое есть,
У насъ } Кабиры!
У васъ }

(Нереиды и тритоны плывутъ мимо.)

Гомункулъ.

По мнѣ, уроды-пришлецы
Горшки напоминаютъ;
На нихъ наткнулись мудрецы
И головы ломаютъ.

Ѳалесъ.

Да въ этомъ-то ихъ цѣль одна!
Монета ржавчиной цѣнна.

Протей (незамѣтно).

Чудакъ старикъ, я полонъ восхищенья:
Что чѣмъ страннѣй, тѣмъ болѣе почтенья.

Ѳалесъ.

Гдѣ ты, Протей?

Протей (чревовѣщательно, то вблизи, то издали).

Вотъ здѣсь!—и здѣсь!

Ѳалесъ.

Ты въ шуткахъ вѣкъ проводишь весь,
Но другу-то скажи по правдѣ слово,
Ты съ мѣста говоришь другого.

Протей (будто издали).

Прощай!

Ѳалесъ (тихонько Гомункулу).

Онъ здѣсь вблизи. Свѣти сильнѣй!
Вѣдь любопытнѣй рыбъ Протей;
Въ какомъ бы видѣ ни былъ онъ,
Огнемъ онъ всюду привлеченъ.

Гомункулъ.

Начну свѣтить жестоко, но умѣло,
Лишь исподволь, чтобъ склянка уцѣлѣла.

Протей (въ образѣ исполинской черепахи).

Что̀ такъ прелестно свѣтитъ тамъ?

Ѳалесъ (прикрывая Гомункула).

Желаешь видѣть, такъ приблизься самъ.
Не тяготись уже трудомъ немногимъ,
И человѣкомъ ты предстань двуногимъ.
Мы слышать просьбу отъ того желаемъ,
Кто хочетъ видѣть то, что̀ мы скрываемъ.

Протей (въ благородномъ образѣ).

Лукавствомъ мудрымъ ты еще богатъ.

Ѳалесъ.

Ты образы мѣнять все такъ же радъ.

(Открываетъ Гомункула.)

Протей (удивленно).

Свѣтящій карликъ! Въ мірѣ не найти!

Ѳалесъ.

Спросить онъ хочетъ, какъ произойти.
Вопросовъ мнѣ онъ объяснилъ причину,
На свѣтъ родился онъ лишь вполовину.
Духовныхъ силъ дано ему несмѣтно,
Но дѣльности наглядной незамѣтно.
До сей поры стекломъ лишь вѣсокъ онъ,
И ждетъ теперь, что будетъ воплощенъ.

Протей.

Тебя дѣвичьимъ сыномъ счесть:
Ты до поры ужъ тутъ какъ есть.

Ѳалесъ.

Еще вопросъ является не малый:
Вѣдь онъ гермафродитъ пожалуй.

Протей.

Тутъ ждать удачи можно смѣло;
Чѣмъ онъ ни стань—все выйдетъ въ дѣло.
Здѣсь думой нечего смущаться:
Въ широкомъ морѣ долженъ ты зачаться.
Тамъ съ малаго придется начинать,
Глотать мельчайшихъ, чувствуя блаженство;
И понемногу станешь подрастать,
Чтобъ высшаго достигнуть совершенства.

Гомункулъ.

Какъ нѣжно дышитъ воздухъ тутъ,
Какъ будто травы испаренья шлютъ!

Протей.

Ты не ошибся, мальчикъ милый!

А дальше будешь счастья полнъ,

На этомъ мысѣ съ новой силой

Къ тебѣ польется запахъ волнъ.

Онѣ несутся средь зыбей,

Тамъ впереди ихъ сонмъ виднѣй;

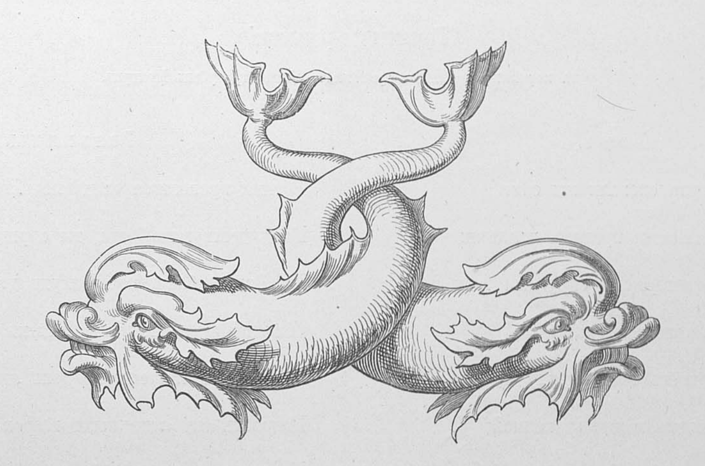
Пойдемъ туда!

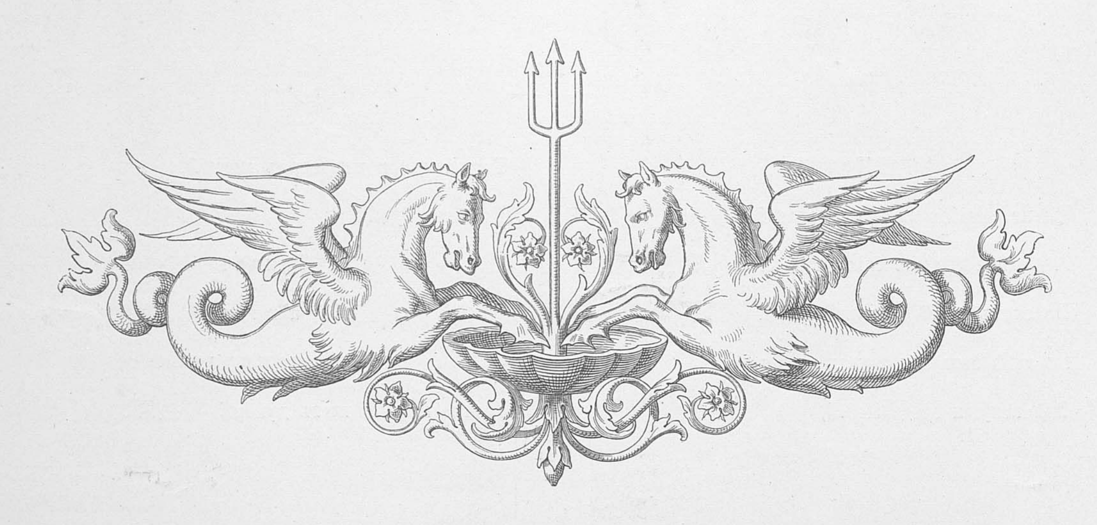
Өалесъ.

И я готовъ.

Гомункулъ.

Трояко важный шагъ духовъ!

Тельхины родосскіе,

на морскихъ коняхъ и драконахъ, держа трезубецъ Нептуна.

Хоръ.

Трезубецъ Нептуна сковали мы сами,
И имъ-то онъ бойкими правитъ волнами:
Какъ шлетъ громовержецъ округлыя тучи,
Ему и Нептунъ отвѣчаетъ кипучій;
И какъ ни сверкаетъ тамъ сверху порой,
И снизу забрызжетъ волна за волной;
А что между ними борьбою томится,
Побьется съ пучиной и ей поглотится;
Сегодня свой скипетръ онъ передалъ намъ,
Вотъ намъ и легко по спокойнымъ волнамъ.

Сирены.

Геліосу посвященнымъ,
Днемъ веселымъ освященнымъ,
Вамъ привѣтствія полны,
Мы въ священный часъ луны!

Тельхины.

Богиня прелестная свода ночного,
Какъ чествуютъ брата, ты слушать готова,
Къ Родосу блаженному слухъ твой склоненъ;
Тамъ вѣчнымъ пеаномъ почтенъ Аполлонъ.
Онъ день зачинаетъ; но день лишь погасъ,
Взираетъ онъ огненнымъ взоромъ на насъ.
И городъ, и горы, и берегъ, и волны
Отраднымъ для бога сіяніемъ полны.
Туманъ хоть и встанетъ, но богъ такъ лучистъ,
Дохнетъ и проглянетъ, и островъ весь чистъ!
Тамъ сотнями лики сходны съ властелиномъ,
То юношей тамъ онъ, то вдругъ исполиномъ.
Мы первые стали боговъ благодать
Въ красѣ человѣческихъ тѣлъ выставлять.

Протей.

Пусть величаются хвастливо!

Взираетъ солнце горделиво
На все, что мертвымъ создалось.
Расплавясь мѣдь по формамъ льется,
А отольютъ,—ужъ имъ сдается,
Что все ихъ дѣло удалось.
Гдѣ жъ этой гордости основа?
Кумировъ высилось чело,
Землетрясенье ихъ снесло,
Ужъ переплавили ихъ снова!
Земной порядокъ, какъ ни глянь,
Одно мученіе и дрянь.
Въ волнѣ ходъ жизни безупречной!
Тебя помчитъ по влагѣ вѣчной
Протей-Дельфинъ.

(Превращается.)

Сейчасъ сомчу!
Удачу тамъ найдешь прямую,
Тебя лишь на спину возьму я
И съ океаномъ обручу.

Θалесъ.

Проникнись рвеніемъ похвальнымъ,
Твореньемъ стать первоначальнымъ!
И самъ будь дѣятеленъ тожъ!
Тутъ, подвигаясь въ вѣчныхъ нормахъ
И въ тысячахъ побывши формахъ,
До человѣка ты дойдешь.

(Гомункулъ вступаетъ на Протея-дельфина.)

Протей.

Вступи какъ духъ во влагу моря!
Тамъ въ ширь и въ даль ты можешь вскорѣ
Просторъ движенію найти.
Не рвись на степени ты выше;
Иди ты къ человѣку тише;
Дошелъ—остался безъ пути!

Θалесъ

Ну, какъ сказать,—кажись, въ свой вѣкъ
Весьма хорошъ достойный человѣкъ.

Протей (Θалесу).

Да, коль тебѣ подобныхъ взять!
На время можетъ ихъ хватать;
Гдѣ блѣдные витаютъ духи эти,
Тебя я вижу много ужъ столѣтій.

Сирены (на скалахъ).

Что за тучки окружаютъ
Въ чистомъ небѣ лунный ликъ?
Это голуби мелькаютъ,
Бѣлоснѣжны крылья ихъ.
Прилетѣла къ намъ съ Паѳоса
Этихъ милыхъ птицъ семья,
Все на праздникъ принеслося
Къ намъ на радость бытія.

Нерей (подступая къ Θалесу).

Путникъ скажетъ въ часъ полночный,
Это лунное явленье;

Но мы, духи, знаемъ точно,
И совсѣмъ другого мнѣнья:
Дочь мою сопровождаютъ
Эти преданныя птицы,
Ихъ летать у колесницы
Ужъ издревле обучаютъ.

Ѳалесъ.

Я и самъ согласенъ въ этомъ;
Мудрый благомъ признаетъ,
Если въ гнѣздышкѣ нагрѣтомъ
Жизнь святыню соблюдетъ.

Псиллы и Марзы

(на морскихъ быкахъ, телятахъ и баранахъ).

Въ пещерахъ Кипра скрытныхъ,
Куда Нептунъ не рвется,
Гдѣ Сейсмосъ не трясется,
Во мракахъ первобытныхъ,
Издревле и понынѣ
Мы въ мірѣ и въ святынѣ
Блюдемъ колесницу богини.
Теперь при ночномъ дуновеньи,
По чуднымъ узорамъ волненья,
Отъ новаго скрывъ поколѣнья,
Вывозимъ прелестную дочь.
И вотъ мы теперь суетимся,
Ни Льва, ни Орла не боимся,
Не страшны луна намъ и Крестъ,
Что гордо сіяютъ окрестъ.
Пускай ихъ дерутся какъ знаютъ,
Другъ друга пускай убиваютъ,
И всѣ города разрушаютъ,
А мы все завѣтнымъ путемъ
Съ прелестной царицей идемъ.

Сирены.

Такъ легко, неторопливо,
Колесницу окруживъ,
Соплетается красиво
Змѣевидный вашъ извивъ;
Приближайтесь, Нереиды,
Жены мощныя красой,
Мчите нѣжныя Дориды
Къ Галатеѣ ликъ родной:
Какъ гордынею сіяя,
Въ ней божественность видна,
Но какъ женщина земная
Привлекательна она!

Дориды

(хоромъ плывя передъ Нереемъ, всѣ на дельфинахъ).

Дай, луна, лучей небесныхъ
Эту юность озарять!
Мы отцу хотимъ прелестныхъ
Всѣхъ супруговъ показать.

(Къ Нерею.)

Этихъ мальчиковъ спасали
Отъ прибоевъ мы морскихъ,
Въ тростникахъ, на мхахъ качали,
И взлелѣяли мы ихъ.
И они ужъ въ воздаянье
Расточаютъ намъ лобзанья.
Взоръ привѣта кинь на нихъ!

Нерей.

Должно двойной удачею считаться:
Благотворить и тутъ же наслаждаться.

Дориды.

Если нашъ порывъ сердечный
Могъ, отецъ, ты похвалить,
Дай безсмертье имъ, чтобъ вѣчно
Съ ними въ молодости жить!

Нерей.

Вы возлелѣйте вашихъ милыхъ,
Чтобъ отрокъ могъ и мужемъ стать!
Но награждать я тѣмъ не въ силахъ,
Что̀ можетъ лишь Зевесъ послать.
Волна, что качкой васъ лелѣетъ,
Вѣдь и любви уноситъ мигъ,
И если склонность оскудѣетъ,
Ссадите на берегъ вы ихъ.

Дориды.

Васъ, милые мальчики, какъ не любить;
Но грустно, что насъ разлучаютъ:
Мы вѣчную вѣрность хотѣли хранить,
Да боги того не желаютъ!

Юноши.

Вы только лелѣйте насъ жизнью такой,
Какой мы у васъ проживали;
Мы лучшей и жизни не знаемъ другой,
И лучшаго бъ мы не желали.

(Галатея приближается на колесницѣ-раковинѣ.)

Нерей.

Вотъ ты, дорогая!

Галатея.

Отецъ, это ты!
Постойте, дельфины! Сбылися мечты!

Нерей.

Увы! ужъ ее и умчали
Сокрыться въ дали необъятной!
Волненья сердечныя имъ непонятны!
О, если бъ съ собой меня взяли!
Но взглядъ одинъ, одинъ лишь видъ
За цѣлый годъ вознаградитъ.

Өалесъ.

Радъ! радъ я сердечно!
Душой я расцвѣлъ безконечно,

Прекрасное въ сердце проникло!

Вѣдь все изъ воды же возникло,

Вода вседержитель великій:

О будь, Океанъ, намъ владыкой!

Когда бъ ты тучъ не слалъ бы,

Ручьевъ не источалъ бы,

И рѣкъ не извивалъ бы,

Потоковъ не сливалъ бы,

Что бъ было съ горами, съ просторомъ долинъ?

Ты свѣжую жизнь сохраняешь одинъ.

Эхо (хоръ всего круга).

Ты свѣжую жизнь изливаешь одинъ!

Нерей.

Качаясь, вдаль уходитъ хоръ,

Ужъ взоровъ ихъ не встрѣтитъ взоръ;

Но цѣпью вьющейся кругомъ,

Вполнѣ согласно съ торжествомъ,

Весь сонмъ несется на кругахъ.

А Галатеи свѣтлый тронъ

Опять мелькнулъ, мнѣ виденъ онъ;

Горитъ звѣздой

Въ толпѣ несмѣтной.

Что̀ мило—въ толкотнѣ замѣтно;

Оно въ дали любой

Свѣтло, какъ бы въ лучахъ,

Все близко, и въ глазахъ!

Гомункулъ.

Гдѣ по волнѣ прекрасной

Я свѣтъ раскинулъ ясный,

Освѣтить прелесть онъ!

Протей.

Во влагѣ здѣсь прекрасной

Пышнѣй твой свѣточъ ясный,

И слышенъ чудный звонъ.

Нерей.

Какая тамъ новая тайна средь хора

Желаетъ открыться для нашего взора?

Что̀ блещетъ у трона, у ногъ Галатеи?

То вспыхнетъ, то теплится слаще, нѣжнѣе,

Какъ будто и самый огонь-то влюбленъ!

Ѳалесъ.

Вѣдь это Гомункулъ, Протеемъ прельщенъ...

Все признаки это всевластныхъ желаній,

Мнѣ слышится звонъ затаенныхъ стенаній;

Вѣдь онъ разобьется объ тронъ-то небойсь!

Вотъ пышетъ, сверкаетъ.—И вотъ разлилось!

Сирены.

Какое тамъ чудо въ волнахъ озаренныхъ,

Какъ будто другъ къ другу огнемъ нанесенныхъ?

Свѣтясь и качаясь, чтобъ кверху идти,

Пылаютъ тѣла на полночномъ пути,—

И всюду мерцанье огнемъ разливаетъ.

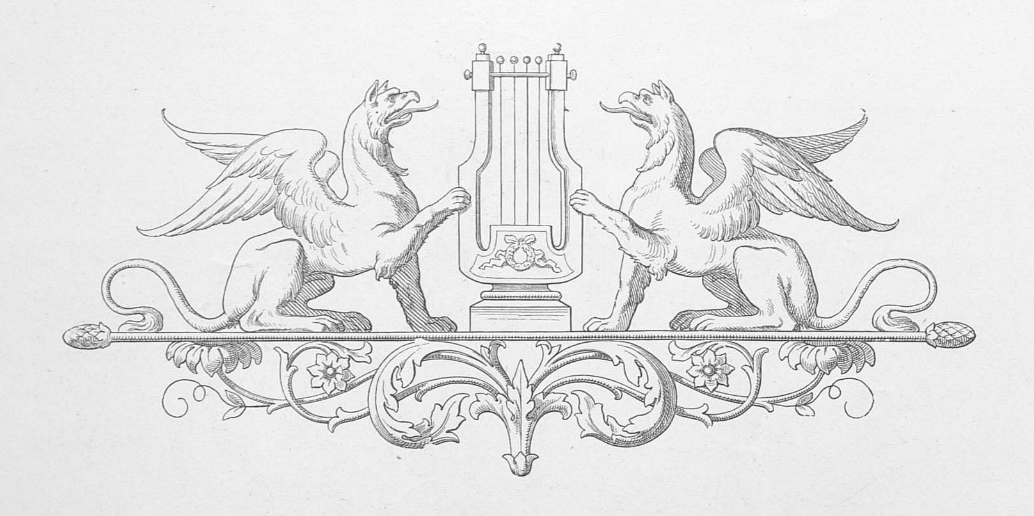
Хвала же Эроту, онъ все зарождаетъ!

Славься море, славьтесь волны,
Вы огнемъ священнымъ полны!
Славься пламя, влагѣ слава!
Какъ сбылось все величаво!

Всѣ.

Слава вѣтрамъ, съ ихъ весельемъ,
Слава тайнымъ подземельямъ!
Воздадимъ почетъ затѣмъ
Четыремъ стихіямъ всѣмъ!

Актъ третiй.

Передъ дворцомъ Менелая въ Спартѣ.

Появляется Елена и хоръ плѣнныхъ троянокъ. Панталисъ, предводительница хора.

Елена.

Стяжавъ хваленья и хулу, Елена, я
Отъ берега иду, куда пристали мы,
Все качкою опьянена тѣхъ волнъ, что насъ
Съ фригiйскихъ отдаленныхъ пажитей сюда,
Хребты при силѣ Эвра пуча, какъ судилъ
Посидаонъ, въ заливъ перенесли родной.
Пока остался тамъ внизу царь Менелай;
Съ храбрѣйшими онъ празднуетъ теперь возвратъ.
Но ты привѣтомъ встрѣть меня, высокiй домъ,
Что выстроилъ на склонѣ этомъ Тиндарей,
Отецъ мой, возвратясь съ холма Паллады самъ;
Его тогда жъ, какъ съ Клитемнестрой мы, сестрой,
Съ Касторомъ и Поллуксомъ въ играхъ тутъ росли,
Изъ всѣхъ домовъ спартанскихъ онъ пышнѣй убралъ!
Примите, двери мѣдныя, вы мой привѣтъ!
Гостепрiимно растворясь, дозволили
Когда-то Менелаю вы, изъ всѣхъ другихъ
Избраннику, мнѣ свѣтлымъ женихомъ предстать.
Раскройтесь снова предо мной, чтобъ я могла
Приказъ царя исполнить, какъ супруги долгъ.
Меня впустите вы, и остается пусть
Вся буря роковая за моей спиной!
Съ тѣхъ поръ какъ беззаботно я отсель ушла
Во храмъ Цитеры, какъ священный долгъ велитъ,
А тутъ меня разбойникъ, тотъ фригiйскiй, взялъ,

Случилось многое, о чемъ народъ кругомъ
Охотно разглашалъ, но что претитъ тому,
О комъ молва успѣла сказокъ наплести.

Хоръ.

Не отвергай, о дивная, ты
Высокаго блага славнѣйшую честь;
Величайшее счастье тебѣ лишь въ удѣлъ:
Слава той красоты, что превыше всего!
Герою предшествуетъ слава его,
И ею онъ гордъ;
Но самый упорный склоняется мужъ
Передъ красотой всепобѣдной умомъ.

Елена.

Довольно! Я съ супругомъ приплыла сюда,
И вотъ въ свой городъ онъ меня впередъ послалъ;
Но что въ умѣ таитъ онъ, не могу понять.
Вернулась ли супругой я? Царицею?
Или вернулась жертвой горестямъ князей,
Чтобъ долгія невзгоды грековъ искупить?
Взята я съ бою, но, какъ знать, взята ли въ плѣнъ:
Знать боги славой и судьбой двусмысленной,
Сомнительными спутниками красоты,
Меня снабдили, такъ что даже здѣсь они
Съ порога смотрятъ грознымъ взоромъ на меня!
Уже на емкомъ кораблѣ кидалъ порой
Лишь взгляды мнѣ супругъ, но слова не сказалъ,
Какъ замышляя зло, сидѣлъ онъ предо мной.
Когда жъ, въ заливъ по глубинѣ Эврота вверхъ
Взойдя, земли коснулись кораблей носы,
Заговорилъ онъ, словно богъ ему вдохнулъ:
«Здѣсь по порядку воины сойдутъ мои;
Я осмотрю ряды на берегу морскомъ;
А ты ступай все дальше, вдоль священнаго
Прибрежія Эврота плодоноснаго,
И по лугу цвѣтущему направь коней,
Пока равнины пышной не достигнешь ты,
Гдѣ на поляхъ, въ былые дни, распаханныхъ,
Лакедемонъ, горами окруженъ, возникъ.
Вступи затѣмъ въ высокій царскій теремъ ты
И осмотри рабынь, что тамъ оставилъ я,
Все поруча разумной, старой ключницѣ.
Она тебѣ покажетъ всѣ сокровища,
Какія твой отецъ оставилъ, да и я,
Въ войнѣ и въ мирѣ множа, накопить успѣлъ.
Ты это все найдешь въ порядкѣ, потому
Что въ правѣ царь потребовать, вернувшись въ домъ,
Чтобъ было вѣрно все соблюдено вполнѣ,
И все на мѣстѣ, какъ его оставилъ онъ:
Затѣмъ, что рабъ не въ правѣ ничего мѣнять».

Хоръ.

Порадуй же ты, на богатство взглянувъ
Пріумноженное, и взоры, и грудь;
Драгоцѣнная цѣпь и короны краса

Спокойно лежатъ и себѣ на умѣ;
Только взойдешь и потребуешь ихъ,
И готовы онѣ.
Мнѣ отрадно видѣть борьбу красоты
Противъ золота, жемчуга, камней цвѣтныхъ.

Елена.

Затѣмъ властитель такъ еще ко мнѣ вѣщалъ:
«Когда вокругъ ты все въ порядкѣ оглядишь,
Тогда возьми треножниковъ ты, сколько ихъ
Съ другой посудой жертвоприносителю
Потребно, совершить святое торжество,
Котловъ и чашъ и плоскодонныхъ всякихъ блюдъ;
Водой чистѣйшей изъ священнаго ключа
Наполни кубки; дальше дровъ еще сухихъ
Вели сготовить, чтобы воспріять огонь;
И наточеный ножъ быть долженъ подъ рукой.
О всемъ же прочемъ позаботься ты сама».
Такъ говорилъ онъ, торопя меня; но мнѣ
Живущаго дыханья онъ не указалъ,
Что Олимпійцамъ въ жертву хочетъ онъ заклать.
Сомнительно все это! но заботы я
Гоню, высокимъ предоставивъ все богамъ
Вершить, какъ въ мысляхъ держатъ то они;
Добромъ ли это человѣку или зломъ
Покажется, намъ смертнымъ это все стерпѣть.
Ужъ часто жрецъ, топоръ тяжелый занеся
Въ затылокъ въ земь смотрящаго животнаго,
Не завершалъ удара; былъ задержанъ онъ
Приходомъ вражьимъ, иль вмѣшательствомъ боговъ.

Хоръ.

Что̀ должно совершиться, тебѣ не узнать.
Ты, царица, гряди,
Не страшась!
Зло идетъ и добро
Къ человѣку нежданно;
Имъ и предсказаннымъ вѣры нѣтъ.
Троя жъ горѣла, видѣли жъ мы
Смерть предъ глазами, страшную смерть;
А развѣ не мы
Здѣсь тебѣ радостно служимъ,
Видимъ на небѣ жгучее солнце
И всю прелесть земную,
Намъ на блаженство, тебя!

Елена.

Будь то, что̀ будетъ! Что̀ ни предстоитъ теперь,
А я должна немедля въ царскій домъ вступить;
Желанный, милый, чуть мной не утраченный,
Онъ вновь въ глазахъ моихъ, сама не знаю какъ.
Ужъ ноги быстро такъ не мчатъ меня на верхъ
Ступеней тѣхъ, что были въ дѣтствѣ мнѣ прыжкомъ.

Хоръ.

Бросьте, о сестры, вы,
Грустныя плѣнницы,
Всю тоску свою тотчасъ.

Славьте царицу вы,
Славьте Елену вы,
Что въ отеческій домъ,
Хоть и поздно вернувшейся,
Но тѣмъ болѣ надежной
Нынѣ стопой идетъ!

Славьте священныхъ вы,
Счастье дарующихъ
Ей, боговъ милосердыхъ!
Освобожденному,
Словно крылатому,
Всюду дорога; но узнику
Только въ мукахъ доводится
Надъ зубцами тюремными
Руки свои простирать.

Но ее восхитилъ богъ
Отдаленную,
И съ Иліонскихъ развалинъ
Онъ перенесъ ее вновь
Въ старый, убранный снова,
Отчій домъ,
Послѣ великихъ
Мукъ и отрады
Первую молодость
Помянуть безмятежно.

Панталисъ

(какъ предводительница хора).

Теперь оставьте пѣсенъ радостныхъ вы путь,
И къ створчатымъ дверямъ свой обратите взоръ!
Что̀ вижу, сестры? Ужъ не идетъ ли вновь сюда
Взволнованной походкою царица къ намъ? —
Великая царица, что̀ могло тебѣ
Взамѣнъ привѣтствій слугъ твоихъ представиться
Тревожное? Ты даже не скрываешься;
Я отвращенье вижу на челѣ твоемъ
И благородный гнѣвъ при изумленіи.

Елена

(оставившая двери растворенными, въ волненіи).

Несвойственъ дочери Зевеса подлый страхъ,
Ее испугъ мгновенный тронуть не дерзнетъ;
Но ужасъ, что изъ лона старой ночи все
Встаетъ отъ вѣка въ разныхъ видахъ, словно дымъ
Густой изъ пасти огнедышащей горы,—
Онъ и героя даже потрясаетъ грудь.
Такъ ужасомъ сегодня мнѣ Стигійскіе
Вступленье въ домъ отмѣтили, что рада бъ я
Съ знакомаго порога, столь желаннаго,
Какъ гостья запоздавшая, простясь, уйти.
Но нѣтъ! На свѣтъ я вышла, и меня
Ужъ дальше не прогнать вамъ, силы мрачныя!
Святить примусь я, чтобъ очищенный очагъ
Отдать привѣтъ женѣ, да и владыкѣ могъ.

Предводительница хора.

Открой своимъ прислужницамъ усерднымъ ты,
Царица, что̀ могло тамъ встрѣтиться тебѣ.

Елена.

Что̀ видѣла, увидятъ ваши то глаза,
Коль древняя не поглотила снова ночь
Исчадья своего во мракъ своихъ чудесъ.
Но чтобъ вы знали, разскажу словами вамъ:
Какъ, думая о первомъ долгѣ, я вошла
Торжественно въ покои царскаго дворца,
Странна мнѣ стала пустота безмолвная.
Ни шороха не слышно было скорыхъ ногъ,
Ни быстрой хлопотливости не видѣлъ взоръ,
Служанокъ не встрѣчала я иль ключницы,
Которыхъ долгъ привѣтствовать входящаго.
Но только-что я къ очагу приблизилась,
Вдругъ увидала у остывшей тамъ золы,
Огромную, закутанную женщину,
Не въ сонъ, скорѣй въ раздумье погруженную.
Властительно зову ее къ занятью я,
Ее считая ключницей, оставленной
Моимъ супругомъ изъ предосторожности:
Закутана сидитъ она не двигаясь;
Лишь на мои угрозы повела она
Рукой, какъ бы гоня меня отъ очага.
Я, гнѣвно отвернувшись отъ нея, пошла
Къ ступенямъ, наверху которыхъ ждетъ меня
Краса опочивальни рядомъ съ кладовой;
Но чудо быстро съ полу поднялось, и, мнѣ
Дорогу властно заступя, казало такъ
Свой станъ худой и свой кроваво-мутный взглядъ,
Что видъ его одинъ мнѣ взоръ и духъ смущалъ.
Но рѣчь моя на вѣтеръ; слово никогда
Не въ силахъ образовъ возсоздавать, творя.
Смотрите! выступить дерзнуло въ свѣтъ оно.
Здѣсь наша власть, пока придетъ державный царь;
Въ пещеры прогоняетъ другъ прекраснаго
Фебъ всѣ исчадья ночи, иль смиряетъ ихъ.

Форкіада (выступаетъ на порогѣ между притолками).

Хоръ.

Много извѣдала я, хоть и локонъ
Мой на челѣ еще молодо вьется,
Страшнаго много видѣть пришлось,
Плачъ побѣжденныхъ, ночь ту, когда
Палъ Иліонъ.

Сквозь окруженный облакомъ пыли
Гамъ ратоборцевъ слышала страшный
Голосъ боговъ я, слышала мѣдный
Крикъ я раздора, съ поля летѣлъ
Онъ къ стѣнамъ.

Ахъ! стояли еще
Стѣны Трои, но пылъ огня

Ужъ отъ сосѣда къ сосѣду шелъ,
Разливаясь и тамъ и̇ сямъ,
Собственной бурей гонимый,
По полночному городу.

Видѣла я сквозь огонь и пылъ,
Видѣла, межъ языковъ огней
Страшно гнѣвные боги шли,
Непонятныя чуда,
Исполины шагали,
Яркимъ дымомъ объяты.

Видѣла я, иль казалось
Страхомъ томимой душѣ
Все это смутное? вѣкъ мнѣ
Не узнать; но что вижу здѣсь
Этотъ ужасъ глазами я,
Это навѣрное знаю;
Тронуть руками могла бъ его,
Если бы отъ опаснаго
Не воздерживалъ страхъ.

Ты же которая
Форкиса дочь тутъ?
Вижу въ тебѣ я
Эту породу.
Или одна изъ сѣдыхъ ты,
Глазомъ и зубомъ однимъ
Поперемѣнно владѣющихъ,
Грай здѣсь явилась?

Смѣешь ли, чудо,
Рядомъ съ красою
Ты знатоку ея
Фебу казаться?
Но выходи тѣмъ не менѣе смѣло;
Безобразья не видитъ онъ,
Какъ его священное око
Тѣни видѣть не можетъ.

Насъ же, смертныхъ, томитъ, увы!
Доля наша злосчастная
Болью глазъ нестерпимою,
Коль на отверженно-гнусное
Чтущій одну красоту глядитъ!

Такъ услышь же, коль дерзко ты
Вышла къ намъ,—порицанія,
Брань и угрозы ты выслушай
Изъ проклинающихъ устъ, осчастливленныхъ
Тѣмъ, что богами мы созданы!

Форкіада.

Высокъ и непреложенъ смыслъ старинныхъ словъ,
Что красота и стыдъ нейдутъ рука съ рукой

Зеленою тропою по лицу земли.
Глубоко скрыта въ нихъ взаимная вражда,
Такъ что при встрѣчѣ каждый изъ противниковъ
Спиной къ другому тотчасъ обращается.

Затѣмъ поспѣшно каждый продолжаетъ путь,
Стыдъ въ горѣ, красота же съ дерзостнымъ челомъ,
Пока ее пустынный мракъ не окружитъ,
Коль старость раньше не смирила силъ ея.

Я вижу васъ, нахалокъ, изъ далекихъ странъ,
Вы дерзко принеслись сюда, какъ журавлей
Хрипливо-громкихъ стая, что надъ головой
Какъ туча тянется, ниспосылая къ намъ
Свой крехтъ, который вызываетъ путника
Взглянуть наверхъ; но въ свой они уходятъ путь,
А онъ идетъ своимъ; такъ съ нами станется.
Кто вы такія, что у царскаго дворца
Шумѣть дерзнули буйно такъ вакхически?
Кто вы, что на домо̀вую тутъ ключницу
Завыли, словно бы на мѣсяцъ стая псовъ?
Не знаю развѣ я, какого рода вы?
Въ войнѣ зачаты вы и ей воспитаны,
Развращены въ кругу мужчинъ, чтобъ развращать,
И воиновъ и гражданъ разслаблять равно!
Какъ посмотрю на васъ, вы точно рой цикадъ,
Что на посѣвъ зеленый вдругъ накинулся;
Вамъ пожирать лишь трудъ чужой! И лакомы
Лишь на за̀чатки благосостоянья вы!
Добыча, рыночный товаръ, промѣнный ты!

Елена.

Кто предъ хозяйкою бранитъ служанокъ, тотъ
Ея домашнихъ правъ уже касается;
Одной лишь подобаетъ ей достойное
Хвалить, а все не должное наказывать.
А я довольна службой ихъ во дни, когда
Великій, славный Иліонъ въ осадѣ былъ
И палъ, и легъ; не меньше и во дни, когда
Пришлось терпѣть намъ бѣдственное странствіе,
Причемъ обычно каждый ближе самъ себѣ.
И здѣсь того жъ отъ ихъ веселой жду толпы;
Вопросъ не въ томъ кто рабъ, а въ томъ, какъ служитъ онъ.
Такъ ты молчи и скалиться на нихъ оставь!
Коль царскій домъ до сей поры ты сберегла,
Хозяйку замѣнивъ, такъ честь тебѣ за то;
Но вотъ она сама, а ты ужъ отстранись,
Чтобъ кары вмѣсто награжденья не навлечь!

Форкіада.

Грозить домашнимъ—это право важное
Принадлежитъ супругѣ властелина лишь
За долгій трудъ хозяйства по заслугѣ ей.
Какъ признанная, нынѣ мѣсто ты
Царицы и супруги заступила вновь,
Прими жъ ослабшія бразды и правь сама,
Прими добро и насъ самихъ ты вмѣстѣ съ нимъ!
А пуще защити меня, старѣйшую,
Отъ этихъ, что предъ лебедемъ красы твоей
Лишь сбродъ гусей ощипанныхъ, гогочущихъ!

Предводительница хора.

Какъ безобразье гнусно рядомъ съ красотой!

Форкіада.

Какъ глупость тутъ же рядомъ съ мудростью—глупа!

(Отсюда отвѣчаютъ хористки, поодиночкѣ выступая изъ хора.)

1 хористка.

Скажи про Ночь, свою ты мать, да про Эребъ!

Форкіада.

Скажи про Сциллу, про сестрицу намъ свою!

2 хористка.

Чудовищъ много въ родословной есть твоей.

Форкіада.

Ты въ Оркъ ступай! отыскивай ты тамъ своихъ!

3 хористка.

Тѣ, что живутъ тамъ, слишкомъ юны для тебя.

Форкіада.

Ступай Тирезія ты старца соблазнять!

4 хористка.

Вѣдь нянька Оріона правнучка тебѣ.

Форкіада.

Вскормили Гарпіи тебя нечистотой.

5 хористка.

Чѣмъ кормишь ты свою такую худобу?

Форкіада.

Не кровью, до которой больно ты жадна.

6 хористка.

Ты алчешь труповъ и сама ты гнусный трупъ!

Форкіада.

Вампира зубы блещутъ у тебя во рту.

Предводительница хора.

Я твой заткну, когда я разскажу, кто ты.

Форкіада.

Такъ назовись сперва, загадка пропадетъ.

Елена.

Не съ гнѣвомъ, съ грустью становлюсь межъ вами я,
Чтобъ воспретить такой разладъ неистовый;
Вреднѣй ничто не можетъ быть властителю
Раздоровъ тайныхъ межъ слугами вѣрными.
Его приказовъ эхо не летитъ уже
Къ нему какъ дѣло вмигъ свершенное назадъ;
Нѣтъ; самовольства шумомъ окруженный самъ,
Потерянный, напрасно лишь бранится онъ.
Еще не все; въ безнравственный вступая гнѣвъ,
Страшилищъ мрачныхъ вы накликали сюда;
Они меня объемлютъ такъ, что чувствую
Я близость Орка даже средь родныхъ полей!
Воспоминанья иль безумство правятъ мной?
Была ль такой? такая ль я? и буду ли
Мечтой и страхомъ всѣхъ градогубителей?
Трепещутъ дѣвушки, но ты, старѣйшая,
Стоишь спокойна; дай разумный мнѣ совѣтъ!

Форкіада.

Кто долгихъ лѣтъ счастливые припомнитъ дни,
Тому и высшій даръ боговъ какъ будто сонъ.
Но ты, превыше мѣры одаренная,
Встрѣчала лишь любовью пламенѣющихъ,
Всегда готовыхъ на отважный самый шагъ.

Ужъ, воспылавъ, сперва тебя схватилъ Тезей,

Сложенъ прекрасно, силою онъ былъ Ираклъ.

Елена.

Увезъ меня десятилѣтнюю онъ лань,

И мнѣ въ Афиднѣ жить пришлось Аттической.

Форкіада.

Но скоро Касторъ и Поллуксъ тебя спасли,

И окружилъ тебя героевъ первыхъ сонмъ.

Елена.

Милѣй же всѣхъ, охотно я сознаюсь въ томъ,

Предсталъ Патроклъ, съ Пелидомъ сходный какъ двойникъ.

Форкіада.

За Менелая тутъ тебя отдалъ отецъ,

За мореходца и хозяина въ дому.

Елена.

Онъ отдалъ дочь ему и царство поручилъ,

И Герміона плодъ была супружнихъ узъ.

Форкіада.

Когда жъ искалъ наслѣдства смѣло въ Критѣ онъ,

Тебѣ уединенной дивный гость предсталъ.

Елена.

Не вспоминай; вѣдь я была полувдовой!

Иль мало горя изъ того возникло мнѣ?

Форкіада.

И въ томъ походѣ вольной тожъ критянкѣ, мнѣ,

И плѣнъ пришлось, а тамъ и рабство испытать.

Елена.

Тебя сейчасъ поставилъ ключницею онъ,

Ввѣряя много: всю казну и свой дворецъ.

Форкіада.

Который ты покинувъ, въ Иліонъ ушла

За радостью неисчерпаемой любви.

Елена.

Не говори о радостяхъ! Жестокое

Страданье пролилось мнѣ въ грудь и въ голову.

Форкіада.

Но говорятъ, что ликомъ ты была двойнымъ:

Жила въ Египтѣ, какъ и въ Иліонѣ ты.

Елена.

Не путай выдумокъ такихъ безумныхъ ты!

Все не пойму, которая жъ я подлинно.

Форкіада.

Да говорятъ, что изъ страны пустой тѣней

Еще Ахиллъ съ тобою сочетался тожъ,

Тебя любившій нѣкогда на зло судьбѣ.

Елена.

Какъ призракъ сочеталась съ нимъ я призракомъ.

То былъ лишь сонъ, какъ видно то изъ самыхъ словъ.

Сама я стала призракомъ въ своихъ глазахъ.

(Падаетъ на руки полухора.)

Хоръ.

Смолкни! Смолкни!
Зловѣщая, злословная ты.
Изъ однозубыхъ, ужасныхъ
Устъ, что̀ же можетъ
Изрыгать эта страшная пасть!

Ибо зловредный, явясь благотворнымъ,
Волкъ подъ овечьею шерстью,
Мнѣ онъ гораздо страшнѣе трех-
Главой пасти собачьей
Полныя страха все ждемъ мы:
Какъ и откуда накинется
Столькихъ козней
Сторожкое чудовище?

Вотъ ты вмѣсто благихъ, утѣшеньемъ богатыхъ,
Летой дарящихъ, нѣжно привѣтныхъ рѣчей,
Трогаешь въ цѣломъ прошедшемъ
Злого болѣ чѣмъ добраго,
И омрачаешь тутъ вмѣстѣ
Съ блескомъ данной минуты
И въ грядущемъ
Нѣжно сквозящій надежды свѣтъ.

Смолкни! Смолкни!
Чтобы царицы душа,
Ужъ бѣжать наготовѣ,
Задержалась, держала сильнѣй
Ликъ изъ ликовъ, какіе
Солнце отъ вѣка могло озарять.

(Елена оправилась и снова стоитъ посрединѣ.)

Форкіада.

Выходи изъ тучъ бѣгущихъ, солнце нынѣшняго дня,
Ты и въ дымкѣ восхищало, а теперь блестя царишь.
Если міръ ты видишь ясно, веселъ собственный твой ликъ.
Пусть слыву я безобразной, все я знаю красоту.

Елена.

Хоть изъ обморока вышла я качаясь на ногахъ,
Все жъ уснуть хотѣла бъ снова, я устала до костей.
Но царицамъ подобаетъ, подобаетъ людямъ всѣмъ
Ободриться, укрѣпиться, хоть грозила бы бѣда.

Форкіада.

Если ты въ своемъ величьи, въ красотѣ предъ нами здѣсь,
Если ты повелѣваешь,—что̀ велишь ты? объясни.

Елена.

Вашей ссоры дерзновенной наверстайте вы прогулъ:
Справить къ жертвѣ все спѣшите, какъ приказывалъ мнѣ царь!

Форкіада.

Все готово въ домѣ: чаша и треножникъ, и топоръ,

И кропленье, и куренье, только жертву укажи.

Елена.

Царь не сказывалъ про жертву.

Форкіада.

Не сказалъ? О горе намъ!

Елена.

Въ чемъ твое такое горе?

Форкіада.

О, царица, жертва ты!

Елена.

Я?

Форкіада.

И эти.

Хоръ.

Горе, горе!

Форкіада.

Ты падешь подъ топоромъ.

Елена.

Ужасъ! такъ я ожидала

Форкіада.

Неизбѣжно то, по мнѣ.

Хоръ.

Ахъ! а насъ что̀ ждетъ?

Форкіада.

Съ почетомъ ей придется умереть;

Но на брусѣ томъ, что держитъ у домовой крыши верхъ,

Какъ дроздамъ въ силкахъ придется колыхаться вамъ рядкомъ.

(Елена и хоръ стоятъ въ изумленіи и ужасѣ въ значительно и хорошо обдуманной группѣ.)

Форкіада.

Что жъ, призраки!—оцѣпенѣвшихъ ликовъ рядъ,

Страшитесь день покинуть вы, хоть онъ не вашъ.

Всѣмъ людямъ, призракамъ такимъ же, какъ и вы,

Не хочется покинуть милый солнца свѣтъ;

Но ихъ никто спасти не въ силахъ отъ конца.

Всѣ это знаютъ; но пріятно то не всѣмъ.

Довольно, вы погибли. Такъ скорѣй къ дѣламъ!

(Хлопаетъ въ ладоши, по знаку появляются въ дверяхъ закутанные карлики, которые быстро исполняютъ услышанныя приказанія.)

Сюда, нѣмое, шаровидное ты чудище!

Сюда накиньтесь! Вволю можно здѣсь вредить.

Золоторогій приготовьте вы алтарь,

Чтобъ легъ топоръ на край его серебряный.

Наполните кувшины! Нужно омывать,

Что̀ запятналось черной кровью, страшною;

Коверъ роскошный разверните здѣсь въ пыли,

Чтобъ жертвѣ преклонить колѣна царственно;

И, хоть съ отнятой головой, ее сейчасъ,

Съ почетомъ, завернувши похоронимъ мы.

Предводительница хора.

Задумчиво стоитъ царица рядомъ здѣсь.
А дѣвы вянутъ какъ скошенная трава;
Но мнѣ, какъ старшей, долгъ святой велитъ
Рѣчь повести теперь съ тобой, старѣйшая.
Ты опытна, разумна, да и къ намъ добра,
Хоть этотъ рой безумный оскорбилъ тебя;
Повѣдай, гдѣ бы намъ спасенье обрѣсти?

Форкіада.

Легко сказать. Зависитъ отъ царицы все,
Спасти себя, а тутъ уже вдобавокъ васъ.
Одна рѣшимость только быстрая нужна.

Хоръ.

Почтеннѣйшая Парка, мудрая Сивилла ты,
Золотыхъ не трогай ножницъ, возвѣсти спасенья день!
Намъ сдается, ужъ повисли, закачавшись непріятно,
Наши члены, что любили, насладившись рѣзвой пляской,
Къ груди милаго прильнуть.

Елена.

Пускай имъ страшно; боль я чувствую, не страхъ;
Но за спасенье благодарны будемъ мы!
Находитъ мудрый, дальновидный иногда
Возможнымъ невозможное. Такъ ты скажи!

Хоръ.

Ты скажи, скажи скорѣе, какъ избѣгнуть намъ ужасныхъ,
Гадкихъ петель, ужъ готовыхъ самымъ гнуснымъ ожерельемъ
Охватить намъ шеи? Это мы предчувствуемъ, бѣдняжки;
Мы замремъ и задохнемся, если ты намъ не поможешь,
Рея, матерь всѣхъ боговъ!

Форкіада.

Съ терпѣньемъ можете ль вы выслушать разсказъ
Растянутый? Довольно въ немъ событій есть.

Хоръ.

Терпѣнья много! Мы внимая будемъ жить.

Форкіада.

Кто сидя дома бережетъ свое добро,
Притомъ жилища стѣны смазывать гораздъ
И крышу охранять умѣетъ отъ дождей,—
Тотъ проживетъ въ довольствѣ много долгихъ лѣтъ;
Но кто порога своего черту дерзнетъ
Святую легкою ногой перешагнуть,
Тотъ, воротясь, хоть мѣсто старое найдетъ,
Но все инымъ, коль не разрушеннымъ вполнѣ.

Елена.

Къ чему такія всѣмъ извѣстныя слова?
Мы ждемъ разсказа: такъ не тронь обиднаго!

Форкіада.

Тутъ только быль, и вовсе тутъ упрековъ нѣтъ.
Разбоемъ плавалъ Менелай по бухтамъ всѣмъ;
По берегамъ и островамъ онъ шелъ врагомъ,
Добычи ради, что теперь тамъ въ кладовой.
Предъ Иліономъ простоялъ онъ десять лѣтъ;
Не знаю, долго ль довелось проплыть домой.
Но чѣмъ теперь сталъ Тиндарея домъ честной?
И чѣмъ вокругъ все царство стало славное?

Елена.

Ужели съ порицаньемъ такъ сроднилась ты,
Что безъ хулы не можешь ты и устъ открыть?

Форкіада.

Такъ много лѣтъ покинутъ былъ нагорный кряжъ,
Что къ сѣверу отъ Спарты возвышается,
Спиной къ Тайгету, съ высоты котораго
Эвротъ, катясь ручьемъ въ долину свѣтлую,
По тростникамъ питаетъ вашихъ лебедей.
Тамъ въ глубинѣ долины горной сѣлъ народъ
Отважный, онъ изъ Киммерійской ночи шелъ;
Онъ неприступный замокъ взгромоздилъ себѣ,
Страну легко тѣсня оттуда и народъ.

Елена.

Все это удалось имъ? Вѣрится съ трудомъ.

Форкіада.

Имъ времени довольно было въ двадцать лѣтъ.

Елена.

Одинъ тамъ правитъ, иль ихъ станъ разбойничій?

Форкіада.

Одинъ глава, но это не разбойники.
Я не браню его, хоть насъ онъ посѣщалъ;
Все могъ онъ взять, но удовольствовался онъ
Лишь *приношеньемъ,* данью не назвавъ его.

Елена.

Каковъ собой онъ?

Форкіада.

Да не дуренъ онъ, по мнѣ.
Веселый и отважный, образованный,
Какихъ у грековъ мало, мужъ разумный онъ.
Бранятъ ихъ варварами, но не думаю,
Чтобъ извергъ былъ у нихъ такой же, какъ иной
Герой предъ Иліономъ, людоѣдомъ ставъ.
Величію его довѣрилась бы я.
А замокъ-то его! взглянули бъ сами вы!
Не тѣ ужъ это стѣны неуклюжія,
Что какъ циклопы взгромоздили безъ толку
У васъ отцы, на грубый камень наваля
Такой же камень; нѣтъ, у нихъ совсѣмъ не то,
Тамъ все отвѣсно, правильно подобрано.
Снаружи глянешь: къ небу поднялося все,
Такъ твердо, слитно, какъ стальное зеркало.
Тутъ взлѣзть—и мысль-то даже соскользнетъ.
А изнутри дворовъ просторныхъ—все кругомъ

Уставлено постройками различными.

Колонны тамъ, колонки, своды, сводики,

Ходы и выступы, глядѣть во внутрь и вдаль,

Гербы.

Хоръ.

Что̀ за гербы?

Форкіада.

Вы сами видѣли:

Украшенъ былъ Аякса щитъ узломъ изъ змѣй.

У семерыхъ героевъ ѳивскихъ на щитахъ

У каждаго значительно являлися

Изображенья мѣсяца и звѣздъ ночныхъ,

Богинь, героевъ, лѣстницъ, факеловъ, мечей,

Того, что̀ разрушеньемъ городамъ грозитъ.

Такъ и до нашихъ воиновъ отъ предковъ ихъ

Дошли изображенья разноцвѣтныя.

Тамъ много львовъ, орловъ, и клювовъ, и когтей,

Роговъ и крылъ, хвостовъ павлиньихъ, розъ; затѣмъ

Полосокъ красныхъ, синихъ, бѣлыхъ, золотыхъ.

Развѣшано рядами это въ залахъ все,

А сами залы безграничны, точно міръ;

Тамъ можно танцовать вамъ!

Хоръ.

А танцоры есть?

Форкіада.

Отличные! Золотовласая толпа

Душистыхъ юношей! Такимъ былъ лишь Парисъ,

Когда къ царицѣ онъ вошелъ.

Елена.

Ты роль свою

Забыла; слово мнѣ послѣднее скажи!

Форкіада.

Послѣднее ты скажешь, если скажешь: да!

Сейчасъ въ томъ замкѣ будешь ты.

Хоръ.

О, изреки

Словечко это, и спаси себя и насъ!

Елена.

Какъ? неужель бояться мнѣ, что Менелай

Рѣшится надо мной такое сдѣлать зло?

Форкіада.

Забыла, какъ онъ Деифоба твоего,

Погибшаго Париса брата, истязалъ

Неслыханно, за то что онъ тебя, вдову,

Взялъ силою; и носъ, и уши онъ ему

И все отрѣзалъ, такъ что было страхъ взглянуть.

Елена.

Такъ поступилъ онъ съ нимъ; но то изъ-за меня.

Форкіада.

Изъ-за него жъ поступитъ такъ же онъ съ тобой!

Нераздѣлима красота; кто ей владѣлъ,

Скорѣй готовъ сгубить ее, раздѣлъ кляня.

(Звукъ трубъ въ отдаленіи; хоръ содрогается.)

Какъ ревъ трубы терзаетъ слухъ и внутренность,
И ревность также запускаетъ когти въ грудь
Мужчины;—онъ забыть не можетъ, чѣмъ владѣлъ,
Что̀ потерялъ, чѣмъ болѣ не владѣетъ онъ.

Хоръ.

Слышишь ли роговъ раскаты, видишь ли оружья блескъ?

Форкіада.

Мой привѣтъ царю владыкѣ; я охотно дамъ отчетъ.

Хоръ.

Мы же?

Форкіада.

Это вамъ извѣстно, смерть увидите ея,
А въ дому тамъ ждетъ и ваша; не поможешь вамъ ничѣмъ.

(Пауза.)

Елена.

Обдумала я первый шагъ рѣшительный.
Ты злобный демонъ мой, я это чувствую,
И я боюсь, что превратишь добро ты въ зло.
Но за тобой сперва пойду я въ замокъ тотъ;
Другое же я знаю; что̀ въ груди своей
Таинственно хотѣла бы царица скрыть,
Пусть недоступно всѣмъ. Веди, старуха, насъ!

Хоръ.

О, какъ рады идти мы,
Быстрой стопой;
Смерти бѣжать,
Вновь чтобы видѣть
Крѣпости гордой
Недоступныя стѣны.
Пусть охраняетъ она,
Какъ Иліонъ хранилъ!
Низкою хитростью
Только и взятъ былъ онъ!

(Туманы стелются, закрываютъ отдаленіе и авансцену по востребованію.)

Какъ? Это какъ?
Сестры, взгляните-ка!
Былъ же вѣдь свѣтлый день?
Въ шаткихъ прядяхъ туманъ встаетъ
Изъ Эврота священныхъ волнъ!
Ужъ сокрылся плѣнительный
Брегъ, камышами увѣнчанный;
Даже свободные, гордые,
Тихо плывущіе лебеди
Скрылись стройной семьей,—
Ахъ, я не вижу ихъ!

Все же я, все
Слышу ихъ крикъ,
Дальній, хрипливый зовъ—
Смерть пророча гласятъ они;
Ахъ, чтобъ и намъ также онъ,

Вмѣсто спасенья завѣтнаго,

Не накликалъ бѣды въ конецъ,

Намъ прекраснымъ, съ лебяжьими,

Бѣлыми шеями, ахъ, и ей,

Нашей лебедеродной!

Горе намъ, горе всѣмъ!

Все покрылось вокругъ

Дымкой туманною.

Дружка дружку не видно намъ!

Чтò жъ такое? Идемъ мы?

Или, топчась,

Мы надъ землею уносимся?

Видишь ли чтò? Не несется ль впередъ

Гермесъ у насъ? Не блеститъ ли, грозя,

Жезлъ золотой, чтобъ назадъ насъ гнать

Къ мрачному, неосязаемыхъ ликовъ

Полному въ сумракѣ дня,

И съ толпой все пустому Аиду?

Вдругъ однако мрачно стало, весь туманъ исчезъ без блеска,

Что-то темное какъ стѣны. Стѣны стали передъ нами,

Предъ глазами неподвижны. Дворъ ли это? Или яма?

Какъ бы ни было, все страшнò! Сестры, ахъ, мы въ плѣнъ попались,

Да и въ плѣнъ еще какой!

(Внутренній дворъ замка, окруженный богатыми фантастическими средневѣковыми строеніями.)

Предводительница хора.

Безумно-спѣшны, настоящій женскій полъ!

Зависитъ только отъ минуты счастья онъ

Или несчастья! Ни того спокойно снесть,

Не можетъ, ни другого. Споритъ только вѣкъ

Одна съ другой, а та напротивъ ей въ отвѣтъ;

Въ весельи и въ бѣдѣ вашъ плачъ похожъ на смѣхъ.

Молчите, слушайте, на чтò владычица

Рѣшится мудро для себя и васъ.

Елена.

Гдѣ ты, Сивилла? Какъ бы ни звалася ты,

Изъ-подъ угрюмыхъ сводовъ замка выходи!

Коль ты пошла владыку здѣшнихъ храбрецовъ

Предупредить, готовя честный мнѣ пріемъ,

Благодарю,—введи жъ меня къ нему скорѣй!

Блуждать устала, лишь покоя жажду я.

Предводительница хора.

Напрасно смотришь здѣсь, царица, ты вокругъ;

Исчезъ ея противный ликъ. Остался ль онъ

Въ туманѣ томъ, изъ нѣдръ котораго сюда

Мы, не шагая, ни вѣсть какъ, примчались вмигъ;

Иль подлинно попала въ лабиринтъ она,

Какимъ изъ многихъ зданій вышелъ замокъ самъ,
И проситъ тамъ владыку съ честью насъ принять.
Но вонъ взгляни! Тамъ наверху задвигалась
Толпа по галлереямъ, окнамъ, портикамъ,
Прислуги много взадъ-впередъ забѣгало;
Почетной встрѣчи можно ожидать гостямъ.

Хоръ.

Сердцемъ воскресла я! О, поглядите вы,
Какъ благонравно они сдержаннымъ шагомъ идутъ,
Юноши свѣтлые всѣ, чинно блюдутъ они
Свой установленный строй. Какъ? По велѣнью чьему,
Обучены съ раннихъ поръ стройно рядами ходить
Эти мальчики всѣ, этотъ чудесный народъ?
Что̀ изумительнѣй тутъ? Этотъ ли мягкій шагъ,
Или ихъ локоновъ блескъ надъ бѣлоснѣжнымъ челомъ,
Иль пара щечекъ ихъ, алыхъ какъ персики,
И пушкомъ же такимъ легкимъ овѣянныхъ?
Я укусила бы, только что страхъ беретъ;
Въ этомъ случаѣ вѣдь, ротъ-то наполнится,
Страшно подумать, золою!

Но прелестнѣйшіе
Къ намъ идутъ; несутъ
Что̀ же они?
Трона ступени,
Кресло, коверъ,
Пологъ и верхъ
Будто шатра;
И возносится
Надъ головой уже
Нашей царицы онъ;
Такъ какъ взошла ужъ она,
Приглашенная сѣсть на тронъ.
Станьте сюда,
Рядомъ ступени
Чинно занять!
Славенъ, преславенъ, трижды прославленъ
Будь благодарно подобный пріемъ!

(Все высказываемое хоромъ постепенно исполняется. Послѣ того какъ отроки и пажи сошли въ длинномъ шествіи внизъ, Фаустъ является наверху лѣстницы въ средневѣковомъ рыцарскомъ придворномъ костюмѣ и съ достоинствомъ тихо спускается.)

Предводительница хора (внимательно его оглядывая).

Коль боги не на время, какъ случалось то,
Его снабдили видомъ изумительнымъ,
И этою высокою осанкою,
Съ такимъ привѣтомъ,—такъ ему навѣрное
Удастся все, что̀ онъ начнетъ: въ бою ль мужей,
Иль въ малыхъ войнахъ съ женами прекрасными.
Его безспорно многимъ должно предпочесть,
Которыхъ все жъ какъ избранныхъ видала я.
Походкой тихой, сдержанной почтительно,
Подходитъ князь. Царица, обратись къ нему!

Engelbert Seibertz erf. u. gez.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА, ВЪ СПБ.

Adrian Schleich gest.

Фаустъ (подступая, ведя окованнаго).

Взамѣнъ привѣтствій должныхъ, предъ тобой
Почтительно склоняюсь я,—ведя
Въ цѣпяхъ раба, который долгъ забылъ,
И у меня равно исхитилъ долгъ.
Склони колѣни и повѣдай тутъ
Женѣ высокой самъ свою вину!
Владычица, вотъ этотъ человѣкъ
Поставленъ взоромъ быстрымъ озирать
Съ вершины башни весь небесный сводъ
И землю всю кругомъ, не встрѣтитъ ли
Тамъ или сямъ чего замѣтнаго
Съ крутыхъ холмовъ долиной къ замку онъ,
Будь то волна мелькающая стадъ,
Иль войско; мы дадимъ защиту той,
И встрѣтимъ это. Нынче, что̀ за срамъ!
Ты къ намъ идешь, а онъ не возвѣстилъ;
Не удался почтительный пріемъ
Высокой гостьи. Въ преступленье впавъ,
Уже давно лежалъ бы онъ въ крови,
Смерть заслуживъ; но лишь тебѣ одной
Карать и миловать, какъ знаешь ты.

Елена.

Высокій санъ, какимъ облекъ меня
Ты, какъ царицу и судью, хотя бъ
Для испытанья,—какъ сдается мнѣ,—
Велитъ исполнить первый долгъ судьи,
Услышать обвиненныхъ.—Говори!

Линцей, стражъ на башнѣ.

На колѣняхъ и съ мольбою,
Пусть умру я, пусть живу я,
Сердцемъ преданный стою я
Предъ божественной женою.

Ждалъ я утра, какъ извѣстно,
Чтобъ съ востока разсвѣло,
Но нежданно и чудесно
Солнце съ юга вдругъ взошло.

Увлеченъ порывомъ весь я,
Вмѣсто пропастей и горъ,
Вмѣсто шири поднебесья
На него глядѣлъ съ тѣхъ поръ.

Могъ я зрѣньемъ поравняться
Съ зоркой рысью на соснѣ,
Вдругъ пришлось мнѣ выбиваться,
Какъ томясь въ глубокомъ снѣ.

Тутъ не взвидѣлъ ни кургана
Я, ни башни, ни воротъ;
Все въ туманѣ, изъ тумана
Вдругъ богиня эта вотъ!

Взоръ и сердца пламень жгучій
Обратилъ я къ ней смущенъ;
Красотой ея могучей
Я, бѣднякъ, былъ ослѣпленъ.

Я забылъ, что я на стражѣ,
Рогъ забылъ, оторопѣвъ.
Осуди меня ты даже!
Красота смягчаетъ гнѣвъ.

Елена.

Зло, что сама я нанесла, карать
Я не должна. Увы! жестокій рокъ
Велитъ повсюду мнѣ умы мужей
Такъ затмевать, что ни себя они,
Ни прочаго не могутъ пощадить.
Разбой, соблазнъ и битвы разнося,
Герои, боги, демоны меня
И тамъ и сямъ заставили блуждать.
Одна смущала всѣхъ, затѣмъ вдвойнѣ,
Теперь я втрое, вчетверо—напасть!—
Ты возврати свободу бѣдняку;
Затменнаго богами—не казнять.

Фаустъ.

Я изумленъ, царица, видя тутъ
Разящую и пораженнаго.
Я вижу лукъ, спустившій ту стрѣлу,
И раненаго. За стрѣлой стрѣла
Летитъ въ меня. Я чувствую, онѣ
Свистятъ по замку здѣсь во всѣ концы.
Что̀ я теперь? Ты взбунтовала всѣхъ,
Мнѣ преданныхъ. Защиты нѣтъ въ стѣнахъ!
Боюсь, готово войско предъ тобой,
Непобѣдимой, всепобѣдной, пасть.
Осталось мнѣ себя и все мое,—
Мое ль оно?—повергнуть предъ тобой!
Такъ отъ души позволь у ногъ твоихъ
Тебя признать владычицей; ты власть
И тронъ, едва вступивъ, пріобрѣла.

Линцей (съ ящикомъ и людьми, несущими за нимъ другіе ящики).

Царица, видишь я богатъ!
Но кинь какъ нищему мнѣ взглядъ;
Стою передъ твоимъ лицомъ
И нищимъ я, и богачомъ.

Чѣмъ былъ—и чѣмъ пришлось мнѣ стать?
Чего желать, что̀ исполнять?
Къ чему огонь мнѣ быстрыхъ глазъ?
Онъ въ красотѣ твоей угасъ!

Съ востока мы пришли сюда,
Настигла западъ тутъ бѣда;
Народъ валилъ и старъ и малъ,
Передній задняго не зналъ.

Гдѣ первый палъ, тамъ всталъ второй,
И третій съ пикой боевой—
За каждымъ сотня возстаетъ,
Убитыхъ тысячи не въ счетъ.

Мы напираемъ, мы идемъ,
Мы забираемъ все кругомъ,
И гдѣ сегодня я царилъ,
Другой на завтра грабилъ, билъ.

Взглянулъ, что̀ долго думать: ну!
Хватай красавицу-жену,
Хватать быковъ вездѣ пошли,
И лошадей всѣхъ увели.

Но я высматривать любилъ
Все, что̀ я рѣдкимъ находилъ;
А все, чѣмъ завладѣлъ другой,
Считалъ засохшей я травой.

Я драгоцѣнностей искалъ,
На нихъ-то взоръ я обращалъ,
Въ карманъ иль шкапъ что̀ забралось—
Все это видѣлъ я насквозь.

Набралъ я золота, къ нему
И драгоцѣнныхъ камней тьму;
Но изумруду лишь удѣлъ:
Чтобъ на груди твоей онъ млѣлъ.

Межъ ртомъ и ухомъ пусть видна
Лишь капелька съ морского дна!
Рубину плохо тамъ, затмитъ
Его огонь твоихъ ланитъ.

Итакъ, я свой огромный кладъ
Здѣсь у тебя пристроить радъ,
И я у ногъ твоихъ сложилъ,
Что̀ кровью въ битвахъ заслужилъ.

Я къ этимъ ящикамъ готовъ
Прибавить много сундуковъ;
Дозволь лишь быть передъ тобой,
Подвалы я набью казной.

Едва восходишь ты на тронъ,
Уже бѣгутъ со всѣхъ сторонъ
Къ тебѣ богатство, сила, умъ,
Упасть передъ царицей думъ.

Все это блюлъ я какъ свое,
Теперь, о прелесть! все твое;
Что̀ высоко цѣнилъ я—то
Теперь считаю за ничто.

Исчезло все, чѣмъ я владѣлъ,

Какъ будто пукъ травы сотлѣлъ;

О, возврати дарамъ моимъ

Всю цѣну взглядомъ лишь однимъ!

Фаустъ.

Уйди скорѣй ты съ ношей дорогой,

Не стòишь ни хулы ты, ни наградъ.

И такъ ужъ все ея чтò въ замкѣ есть;

Ей предлагать отдѣльно что-нибудь

Напрасно. Ты ступай добро къ добру

Копить съ умомъ! Сокровищъ выставь рядъ

Невиданныхъ! Заблещутъ своды пусть,

Какъ сводъ небесный! Изготовь ты рай

Изъ жизни не имѣющихъ вещей!

Пусть предъ ея шагами ляжетъ рядъ

Цвѣтныхъ ковровъ, чтобъ мягко было ей

Ступать ногой, а взоръ встрѣчался съ тѣмъ,

Чтò можетъ лишь боговъ не ослѣплять.

Линцей.

Не мудренъ слугѣ приказъ;

Все исполню я сейчасъ:

Кровь и собственность должны

Пасть къ ногамъ такой жены.

Войско кротко стало вмигъ;

Всѣ мечи ступились ихъ.

Передъ дивной красотой

Солнце пылъ смиряетъ свой;

Предъ лицомъ ея живымъ

Все ничто,—все прахъ и дымъ! (Уходитъ).

Елена (Фаусту).

Я говорить хочу съ тобой, но сядь

Со мною рядомъ! Господина ждетъ

Пустое мѣсто, чтобъ упрочить и мое.

Фаустъ.

Сперва позволь склонить колѣни мнѣ,

Высокая жена; позволь сперва

Ту руку, что взведетъ меня, поцѣловать.

Ты соправителемъ признай меня

Владѣній безграничныхъ, и прими

Поклонника, слугу и стража все того жъ!

Елена.

Чудесъ я вижу много, слышу ихъ;

О многомъ я желала бы спросить.

Хотѣла бъ знать, зачѣмъ мнѣ этого слуги

Рѣчь такъ звучала странно—и привѣтливо:

Какъ будто звукъ съ другимъ сближенья ищетъ,

И только слово въ ухо принеслось,

Спѣшитъ другое съ первымъ лобызаться.

Фаустъ.

Коль рѣчь тебѣ понравилася наша,

О, такъ и пѣснь восторгъ тебѣ внушитъ,

И слухъ и умъ отраду въ ней найдутъ.

Но лучше сами мы начнемъ сейчасъ;

Въ отвѣтной рѣчи все придетъ само.

HOLZSCHNITT VON ALLGAIER & SIEGLE STUTTGART

Елена.

Скажи, какъ мнѣ такъ мило говорить?

Фаустъ.

Весьма легко: изъ сердца исходить.

И если грудь блаженство слышитъ вдругъ,

Оглянешься и спросишь

Елена.

Кто нашъ другъ.

Фаустъ.

Духъ ни впередъ не смотритъ, ни назадъ,

Онъ въ настоящемъ только

Елена.

Счастью радъ.

Фаустъ.

Въ немъ кладъ, залогъ, въ немъ только жизнь легка;

Кто жъ этимъ всѣмъ даритъ?

Елена.

Моя рука.

Хоръ.

Кто осудитъ тутъ царицу,
Что къ владыкѣ замка такъ
Взоръ ея привѣтливъ?
Согласитесь, мы вѣдь всѣ
Только плѣнницы, какъ бывало
Съ разрушенья позорнаго
Трои, и бѣдствій
Безысходнаго странствія.

Жены, милыя мужчинамъ,
Избирать не могутъ сами,
Знатоки однако;
Какъ пастухамъ златокудрымъ,
Такъ и щетинистымъ фавнамъ,
Если случай укажетъ,
Равное право даютъ онѣ
Тѣломъ роскошнымъ владѣть.

Ближе и ближе сидятъ они
Другъ ко другу склонясь,
Рядомъ колѣни, плечо съ плечомъ;
Безмятежно, рука съ рукой,
Смотрятъ они
Съ трона царственно пышнаго.
Такъ не прочь и величество
Радости тайну
Предъ глазами народа
Прихотливо выказывать.

Елена.

И такъ чужда, и такъ близка тутъ я,

И хочется сказать: вотъ! я твоя!

Фаустъ.

Едва дышу, нѣмѣетъ мой привѣтъ:

Все это сонъ, ни дня, ни мѣста нѣтъ.

Елена.

Отжившая, я жизни такъ полна,
Я вся въ тебѣ, и чуждому вѣрна.

Фаустъ.

Не мудрствуй въ часъ восторговъ дорогихъ!
Существовать нашъ долгъ, хотя бъ на мигъ.

Форкіада (входя стремительно).

По складамъ любовь читайте,
Смыслъ любовный изучайте,
И любя, учитесь, знайте.
Но теперь не время вамъ.
То не громъ ли отдаленный?
Слышенъ ревъ трубы военной!
Знать бѣда подходитъ къ намъ.
Менелай съ своей толпою
Ужъ идетъ на васъ войною;
Выходите же къ врагамъ!
Не отвѣтили бъ вы оба:
По примѣру Деифоба
Ты заплатишь за позоръ;
Этихъ всѣхъ онъ вздернетъ вмѣстѣ,
А ее, какъ жертву мести,
Наточенный ждетъ топоръ.

Фаустъ.

Какая дерзкая помѣха ворвалась!
И въ бѣдствіяхъ противенъ мнѣ безумный гамъ;
Красавецъ вѣстникъ безобразенъ съ вѣстью злой;
Ты жъ гнусная—охотница до злыхъ вѣстей.
Но въ этотъ разъ тебѣ не удалось,
Бей воздухъ ты. Опасности тутъ нѣтъ,
Самой бы ей пришлось напрасно насъ пугать.

(Сигналы, выстрѣлы съ башенъ, трубы и рожки, воинственная музыка. Шествіе значительнаго войска.)

Нѣтъ, все смущенье успокоитъ
Кругъ славныхъ витязей моихъ:
Тотъ только ласки женщинъ стòитъ,
Кто защитить умѣетъ ихъ.

(Къ военачальникамъ, которые отдѣляясь отъ колоннъ подходятъ.)

Кипя отвагой безупречной,
Побѣду всюду разнесли
Вы, юный цвѣтъ страны полночной,
Восточной сила вы земли.

Вашъ панцырь твердъ, шеломъ вашъ блещетъ
И царства рушатся кругомъ,
Идете вы—земля трепещетъ,
Проходите—стихаетъ громъ.

Въ Пилосѣ на берегъ мы стали—
И старца Нестора ужъ нѣтъ!
Всѣ царства мелкія забрали
Мы разомъ;—ихъ пропалъ и слѣдъ.

Отбросьте же сомкнутымъ строемъ
Вы Менелая къ морю вспять,
Пусть ходитъ онъ по немъ разбоемъ,
Чего жъ ему еще желать.

Царица Спарты мнѣ велѣла
Поздравить герцогами васъ,
У ногъ ея судьба удѣла,
А правьте сами, въ добрый часъ.

Коринѳъ между двумя морями,
Германецъ, огради стѣной;
Ахаю съ горными путями
Ты смѣлой грудью, готѳъ, отстой.

Въ Элидѣ франки будутъ въ сборѣ,
Мессена саксовъ станетъ часть;
Норманнъ очисти только море,
И Арголидѣ дашь ты власть.

Тогда въ домашнемъ всякъ блаженствѣ
Врагомъ не будетъ утѣсненъ,
Но Спартѣ быть у всѣхъ въ главенствѣ,
Она Царицы древній тронъ.

Вы отъ нея пріобрѣтете
Страну, гдѣ недостачи нѣтъ,
У ногъ ея всегда найдете
Вы правосудіе и свѣтъ.

(Фаустъ сходитъ съ трона; князья обступаютъ его, чтобы ближе услышать его приказанія и распоряженія.)

Хоръ.

Кто красавицей хочетъ владѣть,
Прежде всякаго дѣла
Пусть припасетъ оружіе онъ!
Лестью точно стяжалъ
Онъ высочайшее благо;
Мирно же имъ не владѣть ему:
Хитрый льстецъ обольститъ ее,
Дерзкій разбойникъ умчитъ ее;
Предотвратить это долженъ онъ!

Князю нашему хвала,
Выше всѣхъ цѣню его;
Храбрый, онъ мудро составилъ союзъ,
Такъ что сильные молча ждутъ
Мановенья его.
Исполняютъ велѣнья его
Каждый для собственной пользы своей
И въ благодарность властителю тожъ,
Чтобъ обоюдная слава росла.

Кто же исторгнетъ ее
У властелина теперь?
Онъ ей владѣетъ, ему нашъ поклонъ,

Дважды поклонъ за то, что насъ
Съ ней онъ крѣпчайшей стѣной изнутри,
Войскомъ сильнѣйшимъ извнѣ окружилъ.

Фаустъ.

Дары, что здѣсь они находятъ,—
(Мы всѣхъ успѣли надѣлить)—
Велики, чудны.—Пусть уходятъ!
Мы въ серединѣ станемъ жить.

Тамъ защитятъ они и сами,
Гдѣ волны прядаютъ кругомъ,
Твой полуостровъ, что слегка холмами
Къ горамъ Европы прицѣпленъ.

Страна изъ всѣхъ подъ солнцемъ краше,
Будь всѣмъ отрадная страна,
Теперь ты въ ней, царица наша,
Съ тобой сроднилася она,

Когда средь камышей залива
Ты выступала изъ яйца,
Высокой матери на диво
Красою свѣтлаго лица.

Страна, готова на услугу
Къ тебѣ расцвѣтшая придти;—
Хоть весь онъ твой—земному кругу
Ты край родимый предпочти!

Пусть на хребтахъ зубчатый верхъ коснѣетъ,
Чтобъ солнца лучъ холодный лобызать,
Но лишь скала слегка позеленѣетъ
Коза найдетъ, что̀ лакомо щипать.

Сверкаетъ ключъ, ручьи сливаясь мчатся,
И зелены ущелій склонъ и дно,
А по холмамъ раскинутымъ толпятся
Вездѣ стада, неся свое руно.

Рогатый волъ тихонько, осторожно
Надъ пропастью отвѣсною бредетъ;
Всѣхъ отдыхъ ждетъ, и всѣмъ укрыться можно,
Вездѣ въ скалахъ пещеръ прохладный сводъ.

Панъ ихъ блюдетъ; въ кустахъ, въ тѣни прохладной
Селится нимфъ веселыхъ хоръ живой,
И просятся все вверхъ макушкой жадной
Стволы деревъ, тѣснясь между собой.

То древній лѣсъ! Въ безмолвіи глубокомъ
Тамъ мощный дубъ суки свои простеръ,
И мягко кленъ, наполненъ сладкимъ сокомъ,
Какъ бы смѣясь, возноситъ свой шатеръ.

Природа-мать и дѣтямъ, и ягнятамъ
Ужъ молоко подъ тѣнью припасла,
Плоды манятъ въ долину ароматомъ
И каплетъ медъ изъ стараго дупла.

Преемственно легко дышать всѣмъ вмѣстѣ,
Ланитъ и устъ весельемъ пышетъ кровь,
Безсмертенъ каждый на своемъ тутъ мѣстѣ
Всякъ и доволенъ, и здоровъ.

Тутъ сынъ растетъ, отвагою питаемъ,
И, какъ отецъ, онъ будущій герой.
Дивимся мы. И все еще не знаемъ:
То боги, или родъ людской?

Такъ Аполлонъ у смертныхъ занялъ сходство,
Прекраснѣйшимъ явясь средь пастуховъ;
Тамъ, гдѣ природы полное господство,
Тамъ сочетанье всѣхъ міровъ.

(Садясь съ ней рядомъ.)

Съ тобой теперь успѣли мы во многомъ,
Минувшее оставимъ за собой!
Почувствуй же, что рождена ты богомъ,
Что первобытный міръ тебѣ родной.

Тебѣ не мѣсто въ замкѣ тѣсномъ!
Недаромъ же во всѣ вѣка,
Укрыть въ пріютѣ насъ прелестномъ,
Аркадія отъ Спарты такъ близка.

Бѣжала ты, искавши обороны,
И дождалась отраднѣйшаго дня!
Въ бесѣдки превратились троны,
Аркадскимъ счастьемъ насъ маня!

(Сцена совершенно измѣняется. Къ ряду скалистыхъ пещеръ прилегаютъ скрытыя бесѣдки. Густой лѣсъ вверхъ по возносящимся скаламъ. Фауста и Елены не видать. Хоръ лежитъ спящій вразсыпную.)

Форкіада.

Какъ долго спали дѣвушки, не знаю я;
И снится ли имъ то, что̀ ясно я сама
Глазами видѣла, тожъ неизвѣстно мнѣ.
Такъ разбужу ихъ. Пусть дивится молодежь
И вы, бородачи, что собрались внизу
Чудесъ правдоподобныхъ увидать исходъ.
Скорѣй! скорѣй! Стряхните сонъ съ кудрей своихъ!
Глаза протрите! что̀ моргать! да слушайте!

Хоръ.

Говори, да разскажи-ка, что̀ тамъ чуднаго случилось!
Намъ послушать бы хотѣлось, что̀ вполнѣ невѣроятно;
Мы соскучились ужасно, на однѣ скалы глядѣть.

Форкіада.

Чуть глаза еще протерли, дѣтки, что жъ такъ скучно вамъ?

Ну, такъ слушать: въ этихъ гротахъ, да пещерахъ
и бесѣдкахъ,
Пріютились, какъ какая идиллическая пара,
Князь и съ нашей госпожею.

Хоръ.

Какъ? Внутри тамъ?

Форкіада.

Удалившись
Здѣсь отъ міра, для прислуги лишь меня они позвали.
Удостоясь ихъ вниманья, какъ повѣренной прилично,
Я на что-нибудь другое, все туда-сюда, глядѣла,
Мховъ, кореньевъ все искала, силу дѣйствія ихъ
зная;
А они тамъ все одни.

Хоръ.

По твоимъ разсказамъ, словно, цѣлый міръ внизу
таится,
Лѣсъ, луга, ручьи, озера; что̀ за сказки ты плетешь!

Форкіада.

Такъ, неопытныя дѣти! Все въ тѣхъ глубинахъ со-
крыто:
Сколько залъ, дворовъ обширныхъ; я вездѣ тамъ
побывала,
Вдругъ однажды слышу, хохотъ раздается по пеще-
рамъ;
Заглянула, скачетъ мальчикъ отъ колѣнъ жены да
къ мужу,
Отъ отца опять къ родимой; милованье и проказы,
Перекоры изъ-за шутокъ, крикъ и хохотъ впе-
ремежку
Оглушили тутъ меня.
Вотъ нагой, безкрылый геній, фавнъ, хоть звѣря въ
немъ не видно,
По землѣ тамъ скачетъ твердой; но земля его обратно
Вверхъ подбрасываетъ сильно; при второмъ прыжкѣ
и третьемъ,
Достигаетъ свода онъ.
Въ страхѣ мать кричитъ: «ты прыгай невозбранно
сколько хочешь,
Но летать ты не пускайся, не дано тебѣ летать».
И отецъ увѣщаваетъ: «вѣдь земли упругость мечетъ
Вверхъ тебя, такъ ты ногами, хоть слегка касаясь
долу,
Какъ Антей, землей рожденный, будешь тотчасъ
подкрѣпленъ».
Такъ онъ прыгалъ на вершину той скалы и прямо
съ краю
На другую и обратно, какъ подбитый скачетъ мячъ.
Вдругъ однакоже исчезнулъ онъ въ разсѣлинѣ утеса.
Мы сочли его погибшимъ. Мать въ слезахъ, отецъ
унылъ;
Я стою, содвинувъ плечи. Но опять, что̀ за явленье!
Иль богатства тамъ сокрыты? Разноцвѣтныя одежды
Онъ съ достоинствомъ надѣлъ.

Рукава на немъ съ кистями, на груди трепещутъ ленты,
Съ золотой въ рукѣ онъ лирой, совершенно Фебъ-малютка,
Подошелъ къ обрыву смѣло, въ самый край; мы въ изумленьи,
И родители въ восторгѣ обнимать спѣшатъ другъ друга.
Голова-то вѣдь сіяетъ! Чтò тамъ свѣтитъ? неизвѣстно.
Золотой уборъ иль пламя молодыхъ духовныхъ силъ?
Такъ выказывалъ онъ ясно, что ужъ въ мальчикѣ таится
Жрецъ прекраснаго, въ которомъ нѣжный строй мелодій вѣчно
Разливается по членамъ; но услышите вы сами,
Но увидите вы сами все съ особеннымъ восторгомъ.

Хоръ.

Чтò же тутъ чуднаго
Видишь, дочь Крита?
Иль поучительныхъ ты
Пѣсенъ вовѣкъ не слыхала?
Не слыхала ты Іоніи,
Не слыхала Эллады ты,
Прародительскихъ былей
Про боговъ и героевъ?

Все, чтò и нынѣ
Въ мірѣ бываетъ,
Грустный лишь отзвукъ
Дней нашихъ дѣдовъ;
Далеко твоимъ разсказамъ
Отъ того, чтò ложью милой,
Вѣроятнѣй всякой правды,
Окружило сына Маи!

Нѣжный и мощный и только что
Новорожденный младенецъ,
Былъ онъ увитъ пеленами;
Такъ свивальнями пышными
Сонмище нянекъ болтливыхъ
Запеленало его.
Мощно и ловко однако онъ,
Хитрый, выправилъ гибкіе,
Но упругіе члены
Вонъ,—и оставя пурпурную
Оболочку, томящую,
Вмѣсто себя опочить,
Онъ мотыльку уподобился,
Что изъ стѣснительной куколки
Выползаетъ ужъ съ крыльями,
Чтобы въ сіяніи солнечномъ
На просторѣ подняться.

Такъ и онъ-то проворнѣйшій,
Чтобы ворамъ и обманщикамъ,

Всѣмъ искателямъ прибыли,

Стать благодѣтельнымъ демономъ,

Все подтверждаетъ немедленно,

Ловкимъ искусствомъ своимъ.

Крадетъ у бога морского онъ

Вмигъ трезубецъ, и ловко мечъ

Изъ ноженъ у Арея,

Лукъ и стрѣлы у Феба тожъ,

Даже клещи у Гефеста;

И у отца-то унесъ бы онъ

Молнію, если бъ огонь не жегъ;

Но побѣждаетъ Эрота онъ,

Ногу подставя въ борьбѣ ему.

И у Киприды, съ нимъ ласковой,

Поясъ онъ крадетъ съ груди.

(Прелестные, чисто мелодическіе звуки струнъ раздаются изъ пещеры. Всѣ вслушиваются и вскорѣ являются видимо тронутыми. Отсюда до отмѣченной паузы непремѣнно сопровождаетъ полнозвучная музыка.)

Форкіада.

Звукамъ сладостнымъ внемлите;

Сказки надо позабыть!

Старыхъ вы боговъ не ждите,

Ихъ покиньте! имъ не жить.

Васъ никто не понимаетъ;

Къ цѣли высшей насъ манитъ:

Только сердце порождаетъ

То, что̀ сердцу говоритъ.

(Она уходитъ къ скалѣ.)

Хоръ.

Если, страшное творенье,

Пѣсней ты увлечена,

То для насъ въ ней возрожденье,

Насъ до слезъ томитъ она.

Пусть и солнца блескъ затмится,

На душѣ лишь былъ бы свѣтъ!

Въ сердцѣ собственномъ родится,

То, чего и въ мірѣ нѣтъ.

Елена, Фаустъ, Эвфоріонъ (въ выше описанномъ костюмѣ).

Эвфоріонъ.

Пѣсни ль дѣтскія польются,

Рады слушать вы пѣвца;

Запляшу ли въ ладъ, забьются

И въ родителяхъ сердца.

Елена.

Счастье людямъ дать прямое,

Сводитъ ихъ любовь вдвоемъ,

Но блаженство неземное

Мы вкушаемъ лишь втроемъ.

Фаустъ.

Смыслъ тогда отысканъ точный:

Ты моя, а самъ я твой;

Мы стоимъ четою прочной—

Можно ль жизнью жить иной!

Хоръ.

Многихъ лѣтъ блаженныхъ сила,
На ребенкѣ отразясь,
И чету преобразила.
Умилительна ихъ связь!

Эвфоріонъ.

Пустите прыгать,
Пустите мчаться!
Хочу на воздухъ
Я весь подняться;
Во мнѣ лишь этотъ
Призывъ одинъ.

Фаустъ.

Но тише! тише!
Безъ увлеченья,
Чтобъ не случилось
Съ тобой паденья,
Не погубилъ бы
Насъ милый сынъ!

Эвфоріонъ.

Не стану болѣ
Внизу тутъ ждать я,
Пустите руки,
Пустите платье,
Пустите кудри,
Я въ нихъ воленъ.

Елена.

О! вспомни только,
Чье ты дитя-то!
Страшна насколько
Для насъ утрата!
Вся наша радость
Я, ты, да онъ!

Хоръ.

Боюсь, исчезнетъ
Прекрасный сонъ!

Елена и Фаустъ.

Сдерживай, сдерживай,
Намъ ты въ угоду,
Слишкомъ кипучую
Страстью природу!
Здѣсь веселиться
Можешь у насъ!

Эвфоріонъ.

Буду крѣпиться
Только для васъ.

(Извиваясь между хоромъ и увлекая его къ танцамъ.)

Легче мнѣ съ дѣвами;
Веселъ ихъ полъ.
Съ тѣми ль напѣвами
Къ вамъ я пришелъ?

Елена.

Точно все справишь ты,

Engelbert Seibertz erf. u. gez. ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА, ВЪ СПБ. Adrian Schleich gest

Милыхъ заставишь ты

Стать въ хороводъ.

Фаустъ.

Скоро ль умаются!

Вовсе не нравится

Мнѣ этотъ сбродъ.

Эвфоріонъ и хоръ.

(Танцуя и распѣвая сплетаются въ хороводѣ.)

Какъ помаваешь ты
Мягко руками,
Какъ потрясаешь ты
Въ пляскѣ кудрями,
Если и ноги въ ладъ
Чуть по землѣ скользятъ,—
Полны томленія
Тѣлодвиженія—
Уже достигъ вѣнца
Тѣмъ ты, дитя,
Ты и увлекъ шутя
Наши сердца.

(Пауза.)

Эвфоріонъ.

Васъ тутъ безъ счету,
Легкія лани;
Мы здѣсь охоту
Затѣемъ съ вами!
Вы всѣ дичина,
Охотникъ—я.

Хоръ.

Ты насъ лови-то
Не такъ проворно;
У насъ въ крови-то —
Тебя покорно
Принять въ объятья,
Краса моя!

Эвфоріонъ.

Въ лѣса бѣгите!
По пнямъ скачите!
Одной игрою
Не заманятъ;
Чтò взято съ бою,
Тому я радъ.

Елена и Фаустъ.

Чтò за буйство въ этой силѣ!
Тутъ и удержу не будетъ;
Ужъ не трубы ль протрубили
По долинамъ, за горами.
Чтò за гамъ! и чтò за крикъ!

Хоръ (быстро вбѣгая поодиночкѣ).

Убѣжалъ отъ насъ онъ вскорѣ,
Словно онъ побрезгалъ нами,
Съ самой дикой въ цѣломъ хорѣ
Онъ сцѣпился, баловникъ!

Эвфоріонъ (внося молодую дѣвушку).

Волоку я эту крошку,

Чтобъ насильно насладиться;

Мнѣ отрадно прижимать

Грудь, что ищетъ враждовать.

Цѣловать такихъ люблю:

Силу воли проявлю.

Дѣвушка.

Отпусти! не мучь ты болѣ,

Сила есть во мнѣ къ борьбѣ,

И во мнѣ такая жъ воля,

Не поддамся я тебѣ.

Ты на силу уповаешь!

Гдѣ жъ тебѣ меня сломить?

Ты держи меня, какъ знаешь,

Мнѣ легко тебя спалить.

(Она вспыхиваетъ и уносится вверхъ пламенемъ.)

Ты за мною въ высь нѣмую,

Ты за мною въ глубь земную,

Цѣль летучую ловить.

Эвфоріонъ (отрясая послѣднее пламя).

Лѣсомъ завѣсило,

Скалы тѣснятъ меня,

Быть тутъ не весело!

Молодъ и боекъ я.

Вѣтры свистать пошли,

Волны шумятъ вдали,

Внятно ихъ слышу самъ;

Быть бы мнѣ тамъ.

(Онъ скачетъ все выше.)

Елена, Фаустъ и хоръ.

Хочешь съ серной, что ль, равняться?

Упадешь,—а намъ терпѣть.

Эвфоріонъ.

Надо выше подыматься,

Надо дальше мнѣ глядѣть.

Знаю теперь, гдѣ я,

Вижу земли края;

Пелопса край родной

Близокъ вполнѣ морской.

Хоръ.

Ты бы въ лѣсахъ у насъ

Жилъ безъ печали,

Мы бъ виноградъ сейчасъ

Тутъ разыскали.

Яблокъ, плодовъ златыхъ

Ты не забудь.

Въ милой странѣ родныхъ,

Милый, побудь!

Эвфоріонъ.

Миръ и во снѣ у васъ!

Снись онъ вамъ въ добрый часъ.

Я на войну иду!
Тамъ я побѣды жду:

Хоръ.

Кто средь покоя
Кличетъ войну назадъ,
Тотъ изъ счастливыхъ
Міра изъятъ.

Эвфоріонъ.

Всѣхъ кто рожденъ тутъ былъ,
Съ горя на горе жилъ,
Воленъ, безмѣрно смѣлъ,
Лить свою кровь умѣлъ,
Подъ самовластіемъ
Думы святой,—
Пусть же ихъ счастіемъ
Кончится бой!

Хоръ.

Какъ высоко онъ поднялся!
Все же онъ не малъ на взглядъ.
Словно въ латы онъ убрался,
Мѣдь и сталь на немъ горятъ.

Эвфоріонъ.

Ни оградъ, ни укрѣпленья,
Лишь отваженъ каждый будь!
Крѣпче замка, безъ сомнѣнья,
Въ мѣдь закованная грудь!
Жить не хочешь покоренный,—
Взялъ доспѣхъ и прямо въ бой!
Амазонки ваши жены,
Что̀ ни мальчикъ, то герой!

Хоръ.

Пѣсня священная;
Ты, вдохновенная,
Яркой звѣздой одна
Будь съ высоты видна!
Все жъ ты доходишь къ намъ,
Все жъ ты земнымъ сынамъ
Вѣчно слышна.

Эвфоріонъ.

Нѣтъ, не ребенкомъ неумѣлымъ,
Борцомъ я юношей предсталъ!
Въ союзѣ съ сильнымъ, вольнымъ, смѣлымъ,
Отъ нихъ я въ духѣ не отсталъ.
Впередъ!
Тамъ ждетъ
Ко славѣ путь; его я ждалъ!

Елена и Фаустъ.

Къ жизни призванный недавно,
Міра—новый гражданинъ,

Рвешься къ безднѣ своенравно

Ты съ обманчивыхъ вершинъ!

Иль родной

Сталъ чужой?

Иль союзъ нашъ сонъ одинъ?

Эвфоріонъ.

Тотъ громъ вы слышите ль надъ моремъ,

И по долинамъ громъ опять!

Въ пыли и на волнахъ мы споримъ,

Хотя бъ и му́ки испытать.

Смертный стонъ—

Намъ законъ;

Это слѣдуетъ понять.

Елена, Фаустъ и хоръ.

Что̀ за ужасъ! за несчастье!

Смерть ужель тебѣ законъ?

Эвфоріонъ.

Иль смотрѣть мнѣ безъ участья?

Нѣтъ! туда—гдѣ смертный стонъ.

Прежніе.

Тучи надвинулись!

Смерть позвала.

Эвфоріонъ.

Все жъ!—И раскинулись

Вдругъ два крыла!

Тамъ нанесемъ ударъ!

Медлить нѣтъ силъ!

(Онъ бросается на воздухъ, одѣяніе поддерживаетъ его на мгновеніе, голова его сіяетъ, свѣтлый слѣдъ бѣжитъ за нимъ.)

Хоръ.

Все ты, Икаръ, Икаръ,

Все погубилъ!

(Прекрасный юноша падаетъ къ ногамъ родителей. Въ мертвомъ признаютъ знакомыя черты; но тѣлесное тотчасъ исчезаетъ, ореолъ кометой возносится къ небу, на землѣ остаются мантія и лира.)

Елена и Фаустъ.

Горе нахлынуло,

Радость смѣня.

Эвфоріонъ (изъ глубины).

Хоть все и минуло,

Мать, не покинь меня!

(Пауза.)

Хоръ (печальное пѣніе).

Не покинь!—О, безъ сомнѣнья

Наше горе безъ конца.

Ахъ! и въ часъ исчезновенья

Ты увлекъ съ собой сердца.

По тебѣ нашъ плачъ напрасный,

Намъ завиденъ жребій твой:

Въ ясный день ты и въ ненастный

Пѣсню гордъ былъ и душой.

Ахъ! для счастья ты родился,
Знатныхъ предковъ мощный сынъ,
Но увы! мгновенно скрылся
Юный цвѣтъ родныхъ долинъ;
Взглядъ на міръ живой и ясный,
Благородный сердца жаръ,
Лучшихъ женщинъ выборъ страстный,
И мятежный пѣсенъ даръ.

Но, стремясь неудержимо,
Въ сѣть свободы уловленъ,
Ты попралъ неукротимо
Все—и нравы, и законъ.
Но къ концу твой духъ повѣялъ,
Въ сердцѣ мужество зажглось,
Ты великое лелѣялъ,
Но оно не удалось.

А кому удастся? тщетно
Вопрошать судьбу о томъ,
Въ день, когда такъ безотвѣтно
Смолкъ народъ въ крови кругомъ.
Но была бъ въ душѣ готова
Снова пѣснь,—такъ не бѣда!
Породитъ земля ихъ снова,
Какъ рождала ихъ всегда.

(Полная пауза. Музыка умолкаетъ.)

Елена (къ Фаусту).

Сбылись на мнѣ, увы! старинныя слова,
Что счастье долго съ красотой не можетъ жить.
Разорвана вся жизнь, какъ и союзъ любви;
Оплакавъ ихъ, прощаюсь горько съ ними я!
И вновь бросаюсь я въ объятія твои.
Прими, Персефонея, сына и меня.

(Она обнимаетъ Фауста; тѣлесное исчезаетъ, платье и покрывало остаются въ его рукахъ.)

Форкіада (Фаусту).

Держи ты то, что̀ уцѣлѣть могло,
Не выпускай ты платья. За концы
Ужъ демоны схватились, чтобъ его
Увлечь въ Аидъ. Такъ крѣпче ты держи!
Богиню ты утратилъ, нѣтъ ея,
Но это вотъ божественно. Храни
Высокій даръ и возвышайся самъ!
Тебя надъ низкимъ станетъ возносить
Онъ къ небесамъ, пока ты будешь живъ!
Вдали съ тобой увидимся опять.

(Одежды Елены разрѣшаются облаками, окружаютъ Фауста, подымаютъ и уносятъ его.)

Форкіада (подымаетъ съ земли платье Эвфоріона, мантію и лиру, выходитъ на авансцену, приподымаетъ вверхъ останки и говоритъ).

Довольно счастливо сыскала!
Конечно пламя-то пропало,

Но міру нечего тужить:

Тутъ будетъ чѣмъ подбить поэтовъ милыхъ,

По цехамъ зависть заводить;

И если я талантовъ дать не въ силахъ,

Могу хоть платье сохранить.

(Садится на авансценѣ у колонны.)

Панталисъ.

Скорѣе, дѣвушки! Избавилися мы

Отъ чаръ тяжелыхъ ѳессалійскихъ старыхъ вѣдьмъ,

И отъ бренчанья сложныхъ этихъ звуковъ всѣхъ,

Что̀ слухъ смущаютъ, да и пуще самый умъ.

Скорѣй въ Аидъ! Царица же туда сошла,

Вполнѣ спокойна. По ея стопамъ должны

Немедленно служанки вѣрныя идти.

Она у трона неисповѣдимой ждетъ.

Хоръ.

Да, царицамъ повсюду пріемъ;

Даже въ Аидѣ онѣ во главѣ

Между равными гордо стоятъ,

Съ Персефоною въ дружбѣ прямой;

Намъ же поодали,

Въ асфоделоса равнинахъ,

Подъ тополями,

Рядомъ съ безплодными ивами,

Намъ-то чѣмъ развлекаться?

Словно летучимъ мышамъ лишь

Глухо пищать, тоскливо и странно.

Предводительница хора.

Кто имени, высокъ душой, не заслужилъ,

Принадлежитъ стихіямъ. Такъ ступайте къ нимъ;

Я пламенно стремлюсь съ царицей быть своей:

Не службу лишь, и вѣрность я блюсти должна.

(Уходитъ.)

Всѣ.

Возвращены мы къ свѣту денному;

Хоть и не лица мы,

Это мы чувствуемъ,

Но не вернемся больше къ Аиду!

Вѣчно живая природа

Духъ нашъ усвоитъ,

Какъ вполнѣ мы усвоимъ ее.

Одна часть хора.

Здѣсь мы въ тысячахъ болтливыхъ сучьевъ, шепчущихъ тихонько,

Мило шутимъ, манимъ тихо по корнямъ источникъ жизни

До вѣтвей; и незамѣтно то листвой, то пышнымъ цвѣтомъ,

Украшаемъ шаткій волосъ на веселый, вольный ростъ.

Упадетъ ли плодъ, сейчасъ же люди и стада сберутся,

Подхватить и насладиться всякъ спѣшитъ, и всѣ толпятся;
Какъ бывало предъ богами, всякъ предъ нами преклоненъ.

Другая часть.

Мы къ стѣнамъ высокимъ этимъ скалъ, какъ зеркало блестящимъ,
Приникаемъ, колыхаясь нѣжной, ласковой волной;
Чутко внемлемъ птицъ мы пѣнью, тростника протяжнымъ звукамъ:
Грянетъ страшный голосъ Папа, нашъ отвѣтъ сейчасъ готовъ.
Свиснетъ гдѣ, и мы засвищемъ; загремитъ, мы пустимъ громы,
Повторимъ ихъ вдвое, втрое, даже въ десять разъ затѣмъ.

Третья часть.

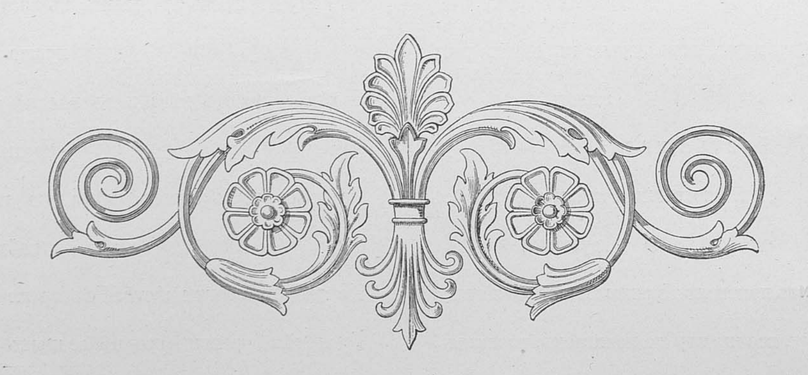
Сестры! мы душой подвижной мчимся далѣе съ ручьями;
Насъ плѣняютъ поневолѣ тѣ ряды холмовъ далекихъ.
Все по склону, все мы глубже поливаемъ, извиваясь,
То долину, то лужайку, то предъ самымъ домомъ садъ.
Путь нашъ виденъ по вершинамъ кипарисовъ, что̀ возносятъ
Надъ прибрежьемъ и волнами въ воздухъ стройный рядъ вершинъ.

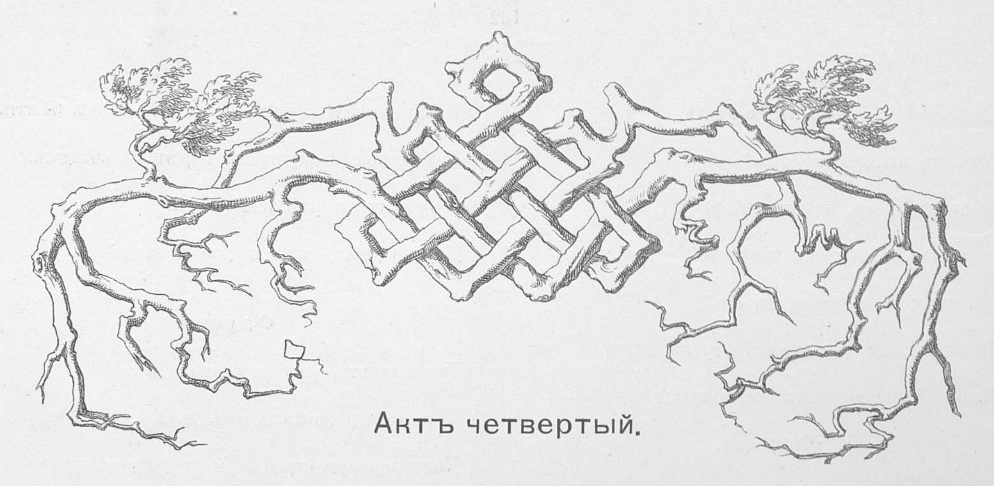
Четвертая часть.

Тамъ вы будьте гдѣ угодно,—мы шумимъ и окружаемъ
Холмъ, засаженный повсюду зеленѣющей лозой.
Тамъ по всякій часъ мы видимъ винноградаря заботу,
И трудовъ его усердныхъ столь сомнительный успѣхъ.
То съ лопатой, то съ киркою,—куча, рѣжа, подчищая,
Всѣхъ боговъ онъ умоляетъ,—бога солнца паче всѣхъ.
Вакхъ нѣженка—очень мало о слугѣ своемъ печется,—
Радъ въ бесѣдкахъ да пещерахъ съ младшимъ фавномъ онъ болтать.
Что̀ ему для грезъ пріятныхъ, въ полухмелѣ, только нужно,
Это все еще отъ вѣка и въ мѣхахъ и въ старыхъ кружкахъ,
Да въ сосудахъ справа, слѣва, по пещерамъ онъ найдетъ.—
Но когда всѣ боги вмѣстѣ, Геліосъ же передъ всѣми,
Грѣя, вѣя, орошая, гроздій сочныхъ припасутъ —
Тамъ, гдѣ рылся виноградарь, все мгновенно оживаетъ,
Зашумятъ въ бесѣдкѣ каждой отъ лозы спѣша къ лозѣ;
Трескъ корзинъ и говоръ ведеръ за тяжелыми лотками,

Все спѣшитъ къ огромной кади, гдѣ танцуетъ ви-
нодѣлъ;
Такъ пойдутъ святыню чистыхъ, сочныхъ ягодъ
дерзновенно
Попирать; клубясь и пѣнясь все раздавлено въ
чану.
И пойдутъ гремѣть кимвалы вмѣстѣ съ мѣдными
тазами;—
Потому что Діонисій изъ мистеріи возникъ;
Онъ приводитъ козлоногихъ, съ хороводомъ козло-
ножекъ,
И реветъ притомъ Силена длинноухій сѣрый звѣрь—
Нѣтъ пощады! Топчутъ нравы всѣ копытомъ раз-
двоеннымъ—
Чувства всѣ въ затменьи—больно, оглушительно
ушамъ.
Къ кружкамъ тянутся хмельные—головѣ и брюху
тяжко;
Кто пока еще хлопочетъ—множитъ только безпо-
рядокъ;
Всякъ подъ новый сокъ желаетъ старый мѣхъ опо-
рожнить!

(Занавѣсъ падаетъ. Форкіада исполински подымается на авансценѣ,—сходитъ съ котурновъ, снимаетъ маску и покрывало, и является Мефистофелемъ, чтобы въ случаѣ нужды объяснить пьесу въ эпилогѣ.)

Актъ четвертый.

Горный хребетъ. Могучія зубчатыя скалы.

Облако приближается, прилегаетъ, спускается на выдающуюся площадку.

Оно разверзается.

Фаустъ (выступаетъ изъ облака).

Пустынное молчанье здѣсь у ногъ моихъ;
Вотъ бережно на край вершинъ я становлюсь,
И отпускаю облако, которымъ я
Черезъ моря и сушу днемъ перенесенъ.
Оно тихонько отъ меня отходитъ прочь;
Къ востоку глыба движется большимъ комкомъ.
За нею изумленный глазъ вослѣдъ глядитъ:
Оно идя волнуется измѣнчиво.
Но образуясь. Да, глаза мои не лгутъ!—
На озаренномъ ложѣ чудно распростертъ,
Хоть исполинскій, ликъ божественной жены,
Съ Юноной сходный, съ Ледою, съ Еленою;
Какъ царственно онъ на моихъ глазахъ плыветъ!
Ахъ! сдвинулось! безформенно нагромоздясь,
Все поплыло къ востоку снѣжной цѣпью горъ,
Какъ яркій отблескъ смысла мимолетныхъ дней.
Но въ свѣтлой, нѣжной пряди обдаетъ туманъ
Живой прохладой мнѣ еще чело и грудь.
Вотъ медленно возносится все выше онъ;
Вотъ слился.—Или это ликъ обманчивый,
Первоначальныхъ и давно минувшихъ благъ?
Сердечныхъ всѣхъ богатствъ забили вновь ключи:
Любви Авроры легкокрылой признаю,
Мгновенный, первый и едва понятный взглядъ,
Который ярче всѣхъ сокровищъ пламенѣлъ.
Какъ красота душевная, прелестный ликъ
Не разрѣшаясь, все подъемлется въ эѳиръ,
И лучшее души моей уноситъ вдаль.

(Шлепаетъ семимильный сапогъ; затѣмъ слѣдуетъ другой. Мефистофель сходитъ. Сапоги быстро уходятъ.)

Мефистофель.

Вотъ это шагомъ назову я!

Но ты скажи-ка, что̀ съ тобой?

Спустился въ мерзость ты такую,

Гдѣ камни зѣвъ разверзли свой?

Мнѣ все знакомо съ перваго тутъ взгляда;

Вѣдь собственно дномъ это было ада.

Фаустъ.

Легендъ дурацкихъ ты не занимаешь;

И вотъ опять такую предлагаешь.

Мефистофель (серьезно).

Когда Господь—я знаю и зачѣмъ—

Насъ съ воздуха загналъ во глубь земную,

Гдѣ сдавленный и запертый совсѣмъ

Огонь разросся, силу взявъ большую,

То при такомъ безмѣрномъ освѣщеньи

Пришлось намъ быть въ неловкомъ положеньи.

Тутъ черти разомъ страшно заперхали;

И внизъ и вверхъ всѣ отдуваться стали;

Сперся въ аду ужасный запахъ сѣрный:

Вотъ газъ-то былъ! Отъ силы безпримѣрной

Кора земли, вся плоская сначала,

Какъ ни толста, надсѣвшись, затрещала!

Всѣхъ перемѣнъ одна и та жъ причина;

Что̀ было дномъ—теперь вершина.

И вотъ они на этомъ строятъ сами

Ученія все ставить вверхъ ногами.

Изъ рабскихъ жгучихъ бездна пришлось бѣжать

Намъ, чтобъ воздушнымъ царствомъ обладать:

И откровенье этой тайны всей

Должно дойти лишь поздно до людей.

Фаустъ.

Утесъ стоитъ,—и благородно нѣмъ;

Я не спрошу, откуда и зачѣмъ?

Когда природа строй свой утверждала,

Она и шаръ земной вполнѣ скругляла,

И были любы ей еще съ тѣхъ поръ,

И пропасти, и рядъ скалистыхъ горъ;

Затѣмъ съ холмовъ, съ округлой ихъ вершины,

Она тихонько перешла въ долины:

Тамъ все цвѣтетъ, и вотъ ея награда,

Но глупой ломки вовсе ей не надо.

Мефистофель.

По-вашему! все это ясно вамъ;

Но не тому, кто былъ при этомъ самъ.

Я былъ при томъ, какъ пламень неусталый

Все пучился и яростно пылалъ,

А молотокъ Молоха, строя скалы,

Обломки горъ далеко разметалъ.

Не мало ихъ повсюду взоръ встрѣчаетъ;

Кто жъ расшвырялъ ихъ по лицу земли?

Философа тутъ знанье не хватаетъ;

Скала лежитъ, лежи она какъ знаетъ;

Мы до болѣзни въ думахъ тутъ дошли.

Одинъ простой народъ все разгадалъ,

Его понятій съ толку не собьете;

Давно премудрость онъ позналъ:

Тутъ чудеса,—и сатана въ почетѣ.

На костылѣ хромаетъ вѣры спросту

На чортовъ камень съ чортова онъ мосту.

Фаустъ.

Въ своемъ конечно любопытно родѣ,

Какого мнѣнья черти о природѣ.

Мефистофель.

Природы тутъ въ расчетъ мы не беремъ.

Тутъ честь нужна: чортъ значитъ былъ при томъ!

Къ великому стремятся наши силы:

Разгромъ, насилье, безтолочь намъ милы!

Но чтобъ тебя спросить вполнѣ понятно,

Встрѣчалъ ли ты, что̀ для тебя пріятно?

Ты поглядѣлъ, какъ легкую забаву,

Земныя царства всѣ, и всю ихъ славу.

Но ненасытный между тѣмъ,

Не увлекался ли ты чѣмъ?

Фаустъ.

Ну что жъ! большого я взалкалъ.

Ну, отгадай!

Мефистофель.

Я отгадалъ.

Столицу выбралъ бы я вотъ,

Чтобъ посреди кипѣлъ народъ,

Стѣснились улицы нелѣпо,

На тѣсномъ рынкѣ лукъ и рѣпа,

Мясныя лавки, гдѣ роями

Толкутся мухи надъ лотками;

Всегда довольно встрѣтишь ты

И вони тамъ, и суеты.

Затѣмъ, за площадью спесивой,

Широкихъ улицъ рядъ красивый.

И наконецъ, гдѣ нѣтъ воротъ,

Предмѣстье безъ границъ пойдетъ.

Тамъ я въ каретѣ бъ все катался,

Движеньемъ пестрымъ наслаждался,

Что̀ не даетъ на мигъ единый

Покоя кучкѣ муравьиной.

Я ѣду иль верхомъ гуляю—

Всѣхъ тысячъ центръ я составляю,

И ото всѣхъ-то мнѣ почетъ.

Фаустъ.

Напрасно этимъ ты прельщаешь.

Ты радъ, что множится народъ,

Что онъ достаточно живетъ,

Пожалуй учится,—и вотъ

Бунтовщиковъ лишь воспитаешь.

Мефистофель.

Такъ на веселомъ мѣстѣ бъ могъ

Я пышный выстроить чертогъ:

Холмы и лѣсъ промежъ долинъ
Я совмѣстилъ бы въ садъ одинъ,
Гдѣ стѣны зелены, живыя,
Дороги какъ струна прямыя,
Каскады по скаламъ, ключи,
Воды различные лучи;
Тамъ вверхъ она несется, о бокъ съ нами
Шипитъ и плещетъ мелкими струями.
Тутъ я бъ прекрасныхъ женщинъ успокоилъ,
И домиковъ прелестныхъ имъ настроилъ;
И счетъ я позабылъ бы дней,
Въ уединеньи миломъ средь гостей!
Я «женщинъ» говорю; ихъ идеалъ
Во множествѣ всегда я принималъ.

Фаустъ.

Вздоръ модный, мой Сарданапалъ!

Мефистофель.

Какъ отгадать, къ чему ты устремился?
Къ высокому чему-нибудь!
Къ лунѣ ты ближе возносился,
Знать къ ней пошло тебя тянуть?

Фаустъ.

Нисколько.—На землѣ найду
Я, гдѣ за подвигъ взяться смѣло.
Великое свершится дѣло,—
Я силу чувствую къ труду.

Мефистофель.

Итакъ, ты жаждешь славы нынѣ?
Ты прямо вѣдь отъ героини.

Фаустъ.

Власть, собственность влекутъ мой взоръ.
Лишь подвигъ все, а слава вздоръ!

Мефистофель.

А все жъ иной поэтъ, быть-можетъ,
Тебѣ во славу пѣсню сложитъ,
И глупость глупостью встревожитъ.

Фаустъ.

Никакъ ты не поймешь вовѣкъ,
Чего алкаетъ человѣкъ.
Ты рѣзокъ, золъ и ѣдокъ самъ—
Гдѣ жъ знать тебѣ, что̀ нужно намъ?

Мефистофель.

Тебѣ повиноваться буду.
Раскрой же мнѣ вполнѣ свою причуду.

Фаустъ.

Я обращалъ глаза свои на море;
Оно само въ себѣ все возвышалось,
Затѣмъ, сравнявшись на большомъ просторѣ,
Оно на берегъ плоскій въ бой помчалось.
Мнѣ стало грустно, что кичливость вновь
Свободный духъ съ его сознаньемъ правъ,
Въ пылу страстей, волнующихъ ей кровь,
Насилуетъ, покой его поправъ.

Я думалъ—случай; напрягаю взглядъ,
Волненье стало и пошло назадъ,
Отъ гордой цѣли убѣгая вспять;
Но часъ придетъ—и та жъ игра опять.

Мефистофель ad spectatores.

Мнѣ новости не любопытны эти:
Я это знаю тысячи столѣтій.

Фаустъ (продолжаетъ страстно).

Волна ползетъ по всѣмъ изгибамъ края,
Безплодная, безплодность расточая;
Вотъ поднялась, растетъ, и залила
Пустынный край, который забрала.
Волна волну тамъ нагоняетъ только,—
Отхлынула— а пользы нѣтъ нисколько.
Стихіи власть въ отчаянье приводитъ
Меня, когда безцѣльно колобродитъ!
Тогда мой духъ себя опережаетъ:
Онъ биться радъ, онъ побѣдить желаетъ.
И это все возможно! Хоть сильна,
Но мимо всѣхъ холмовъ идетъ волна;
Какъ тамъ она надменно ни несется—
А что̀ повыше, то надъ ней смѣется,
И углубленьемъ ходъ ей вѣрный данъ.
Вотъ я себѣ въ душѣ составилъ планъ:
Высокое познай ты наслажденье!
Отнять у моря береговъ владѣнье,
Широкой влаги обуздать коварство
И далеко въ ея ворваться царство!
Я шагъ за шагомъ все обдумалъ это:
Вотъ цѣль моя; не пожалѣй совѣта!

(Барабаны и военная музыка за спиной зрителей вдали, съ правой стороны.)

Мефистофель.

Вѣдь какъ легко! Иль барабаны бьютъ?

Фаустъ.

Опять война! Уму не радость тутъ.

Мефистофель.

Война иль миръ— умно одно стремленье
На пользу свесть любое положенье.
Тутъ карауль, минутки не зѣвай;
Вотъ случай подошелъ! Ну, Фаустъ, хватай!

Фаустъ.

Избавь! Загадочной не нужно болтовни.
Короче, въ чемъ вопросъ? Ты лучше объясни!

Мефистофель.

Во время странствія я вновь замѣтилъ вскорѣ,
Что императора томитъ большое горе;
Его ты знаешь, какъ его мы веселили,
Да мнимымъ лишь богатствомъ надѣлили,
И свѣта тутъ не взвидѣлъ онъ;
Онъ молодымъ вступилъ на тронъ,
Ему могло еще казаться,
Что совмѣщается вполнѣ

И привлекательно вдвойнѣ:

И править всѣмъ, и наслаждаться.

Фаустъ.

Большой обманъ! Кто долженъ власть прiять,

Тотъ властью будь блаженъ необычайной;

Высокой волей долженъ онъ дышать,

Но мысль его другимъ должна быть тайной:

Чтò на ухо шепнулъ вѣрнѣйшимъ онъ,

Исполнено—и мiръ весь изумленъ:

И такъ пребудетъ, властью онъ гордясь,

Достойнѣйшимъ!—А наслажденье грязь.

Мефистофель.

Онъ не таковъ! онъ наслаждался самъ!

А государство гнило по частямъ;

Великъ и малъ взаимно враждовали,

И граждане другъ друга убивали,

На городъ городъ нападалъ,

Цехъ на дворянство возставалъ,

Епископъ съ капитуломъ въ спорѣ;

Куда ни глянешь, всѣ въ раздорѣ.

Въ церквахъ убiйства, у градскихъ воротъ

Страхъ и купца, и путника беретъ.

Во всѣхъ нахальство дерзкое росло;

Всякъ защищаясь жилъ. Такъ дѣло шло.

Фаустъ.

Шло хромо. Падало, вставало тожъ,

И шлепнулось такъ, что не разберешь.

Мефистофель.

Никто не смѣлъ бранить среду ихъ хилой,

Всякъ могъ казаться и казался силой;

Малѣйшiй красовался тожъ;

Но лучшимъ это стало не втерпежъ.

Заговорили всѣ они заразъ:

Тотъ будь *главой*, кто успокоитъ насъ.

Нашъ императоръ этого не можетъ!

Мы выберемъ другого.—Онъ поможетъ

Намъ встать, онъ личность оградитъ,

Онъ государство обновитъ,

И миръ и правду прiумножитъ.

Фаустъ.

Поповскiй голосъ!

Мефистофель.

Да попы и есть;

Они привыкли лакомо поѣсть,

Они тутъ часть большую захватили.

Возстанiе они же освятили;

Вотъ государь нашъ и идетъ войной,

И, можетъ, здѣсь въ послѣднiй вступитъ бой.

Фаустъ.

Мнѣ жаль его; въ немъ добрая есть воля.

Мефистофель.

Пойдемъ взглянуть! Надежда—смертныхъ доля,

Спасемъ его вотъ въ этой мы тѣснинѣ!

Спасенный разъ—задышитъ онъ отнынѣ.

Какъ знать, чей жребій вынется судьбами?

Будь счастливъ онъ,—придутъ вассалы сами.

(Они подымаются надъ среднимъ возвышеніемъ и осматриваютъ боевую линію въ долинѣ. Барабанный бой и военная музыка раздаются снизу.)

Мефистофель.

Позиція, я вижу, безупречна;

Мы подойдемъ, онъ побѣдитъ конечно.

Фаустъ.

Чего тамъ можно ожидать?

Обманъ да колдовство опять!

Мефистофель.

Военной хитрости не хочешь?

Хотя о важномъ ты хлопочешь,

Но цѣль ты главную пойми;

Когда престолъ и край спасемъ мы смѣло,

Склони колѣни и прими

Въ даръ ты прибрежье безъ предѣла.

Фаустъ.

Ты дѣлъ продѣлалъ—не сочтешь;

Вотъ выиграй сраженье тожъ!

Мефистофель.

Его ты выиграешь самъ;

Тебѣ начальство передамъ.

Фаустъ.

Вотъ эта высота прямая:

Повелѣвать, вещей не понимая!

Мефистофель.

Для этого и штабъ устроенъ,

Чтобы фельдмаршалъ былъ покоенъ.

Войну зачуя, въ добрый часъ

Совѣтъ военный я припасъ;

Народъ—все горные кряжи;

Кто ихъ избралъ—тотъ не тужи!

Фаустъ.

Кто тамъ въ оружіи идетъ?

Иль скликалъ горный ты народъ?

Мефистофель.

Нѣтъ! По подобную имъ рать

Самъ Петръ бы Сквенцъ не могъ набрать.

Три сильныхъ (появляются).

Мефистофель.

Взгляни на молодцовъ моихъ!

Въ лѣтахъ ихъ разница большая,

Съ другимъ оружьемъ всякъ изъ нихъ;

Но тройка эта разлихая.

(Къ зрителямъ.)

Надѣть ребенокъ нынче радъ

И шлемъ, и рыцарскія шпоры,

Такъ вамъ подавно угодятъ

Аллегорическіе воры.

Забіяка (молодъ, легко вооруженъ, пестро одѣтъ).

Кто смѣетъ мнѣ въ глаза взглянуть,
Тому я кулакомъ всю морду всковыряю,
А кто захочетъ улизнуть,
Того за чубъ сейчасъ поймаю!

Забирай (мужественъ, хорошо вооруженъ, богато одѣтъ).

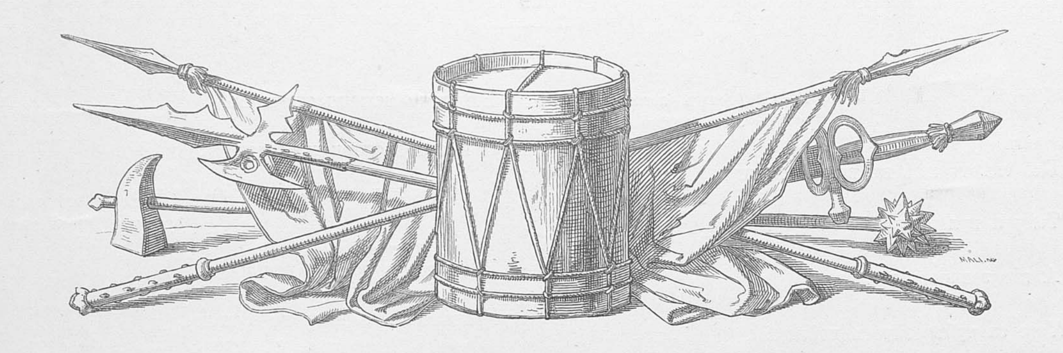
Пустыя драки вздоръ напрасный,
День пропадаетъ ни при чемъ;
Бери гдѣ можешь ежечасно,
О прочемъ спрашивай потомъ.

Держи-крѣпче (въ лѣтахъ, сильно вооруженъ, безъ плаща).

И въ этомъ тоже толку мало!
Добра сейчасъ какъ не бывало,
И ты опять безо всего,
Брать хорошо, но удержать важнѣе;
За старика держись дружнѣе,
Ужъ не отнимутъ твоего.

(Всѣ они спускаются въ долину.)

На предгорьи.

(Барабаны и военная музыка снизу. Разбиваютъ императорскую палатку.)

Императоръ, главнокомандующій, драбанты.

Главнокомандующій.

Мнѣ кажется, мы дѣльно поступили,
Что съ цѣлымъ этимъ войскомъ вотъ,
Въ долину тихо отступили;
Надѣюсь, счастіе насъ ждетъ.

Императоръ.

Чтò выйдетъ, то и будетъ видно;
Но полубѣгство это мнѣ обидно.

Главнокомандующій.

Взгляни на правый флангъ нашъ отдаленный!
Такого мѣста ищетъ умъ военный:
Холмы не круты, но довольно крупны,
Намъ выгодны, врагамъ же неприступны;
Даетъ пріютъ намъ мѣстности волна,
А конницѣ чужой она страшна.

Императоръ.

Мнѣ остается любоваться;
Рукамъ тутъ есть гдѣ разгуляться.

Главнокомандующій.

Здѣсь посреди долины тѣснымъ строемъ
Стоитъ фаланга, пышущая боемъ.
И пики ихъ поверхъ туманной мглы
На воздухѣ сіяньемъ дня свѣтлы.
Какъ мощно весь волнуется квадратъ!
Изъ этихъ тысячъ каждый битвѣ радъ.
На силу ихъ ты можешь положиться;
Съ ней вражья сила вѣрно сокрушится.

Императоръ.

Чудесный видъ! Я не встрѣчалъ такихъ.
Такое войско стòитъ двухъ другихъ.

Главнокомандующій.

Нашъ лѣвый флангъ мы утвердить успѣли;
Тамъ на скалѣ все храбрецы засѣли.
Уступы, что оружіемъ блестятъ,
Ту важную тѣснину защитятъ.
Сдается мнѣ, что вражескія силы
Нежданныя тамъ обрѣтутъ могилы.

Императоръ.

Вонъ и моя роденька! Вѣдь когда-то
Во мнѣ то дядю видѣли, то брата,
А между тѣмъ, шатая власть закона,
Достоинство все расхищали трона,
Затѣмъ, враждуя, край опустошали,
И вотъ теперь всѣ на меня возстали!
Колеблется толпы невѣрный духъ,
Да за волною общей хлынетъ вдругъ.

Главнокомандующій.

Вонъ человѣкъ, что посланъ былъ отъ насъ
Лазутчикомъ, спѣшитъ; ну, въ добрый часъ!

1-й лазутчикъ.

Дѣло наше справилъ ладно,
Ловко, смѣло въ каждый слѣдъ
Я навѣдывался жадно;
Но вѣстей хорошихъ нѣтъ.
Многихъ, съ рвеньемъ благороднымъ,
Находилъ я эти дни;
Но волненіемъ народнымъ
Извиняются они.

Императоръ.

Свои для эгоистовъ близки нужды,
Но благодарность, долгъ и честь имъ чужды.
Ну какъ же всякъ того-то не пойметъ:
Горитъ сосѣдъ, такъ до него дойдетъ?

Главнокомандующій.

Вотъ и второй спускается не смѣло
Отъ устали дрожитъ его все тѣло.

2-й лазутчикъ.

По началу я дивился
Всѣмъ нелѣпымъ чудесамъ;
Вдругъ нежданно появился
Императоръ новый тамъ.
По полямъ путемъ нежданнымъ
Всѣ толпами понеслись;
И за знаменемъ обманнымъ
Какъ бараны погнались!

Императоръ.

На пользу мнѣ подложный государь;
Теперь я только понялъ, что я царь!
Лишь какъ солдатъ я панцырь надѣвалъ;
Но нынѣ цѣль я высшую позналъ.
Я средь пировъ богатъ былъ не вполнѣ;
Опасности недоставало мнѣ.

Совѣтъ вашъ былъ, украсить боемъ пиръ,

И сердце билось, снился мнѣ турниръ;

И если бы не вашъ совѣтъ лукавый,

Давно бъ я былъ покрытъ военной славой.

Во мнѣ порывъ могучій пробудился,

Когда при васъ въ огнѣ я очутился;

Шелъ на меня стихіи грозный пылъ;

То призракъ былъ, но призракъ грозенъ былъ.

О битвахъ сталъ, о славѣ я мечтать;

Пополню все, что̀ могъ я прогулять!

(Снаряжаются герольды для вызова ложнаго императора.)

Фаустъ (въ бронѣ, съ полуопущеннымъ забраломъ шлема). Три сильныхъ (вооруженные и одѣтые какъ прежде).

Фаустъ.

На нашъ приходъ не станутъ же сердиться,

Вѣдь осторожность всюду пригодится.

Ты знаешь, свой у горцевъ разумъ есть,

Дано имъ камней письмена прочесть.

А духи, какъ съ равнины удалились,

Къ горамъ еще сильнѣе пристрастились:

И дѣйствуютъ въ пещерахъ безысходныхъ,

Вдыхая газъ металловъ благородныхъ;

При опытахъ разъединеній, слитій,

Ихъ цѣль одна—идти путемъ открытій.

Воздушными перстами тайнъ владыки

Прозрачные втиши слагаютъ лики;

Они въ кристаллѣ и въ его молчаньи

Земную жизнь провидѣтъ въ состояньи.

Императоръ.

Я слышу все и вѣрю я вполнѣ;

Но ты скажи, на что̀ все это мнѣ?

Фаустъ.

Знай: некромантъ изъ Норики, въ Сабинѣ,

Слуга твой вѣрный, преданный понынѣ;

Судьба ему жестоко угрожала,

Хворостъ пылалъ и пламя полыхало,

Чтобъ по сухимъ полѣньямъ вверхъ пройти,

Пропитаннымъ смолою; ужъ спасти

Ни человѣкъ не могъ, ни Богъ, ни черти;

Величество расторгло узы смерти.

То было въ Римѣ. Онъ къ тебѣ питаетъ

Любовь, и все въ твою судьбу вникаетъ;

Съ того же часу онъ, забывъ себя,

Глядитъ на звѣзды лишь изъ-за тебя.

Онъ насъ послалъ, приказывая строго

Быть при тебѣ. Въ горахъ такъ силы много;

Природѣ властной вольный тамъ пріютъ,

Попы-глупцы то колдовствомъ зовутъ.

Императоръ.

Въ день радости, гостей своихъ встрѣчая,

Мы веселы, когда толпа живая

Растетъ, одинъ спѣшитъ другому вслѣдъ,

Engelbert Seibertz erf. u. gez.

Adrian Schleich gest.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА, ВЪ СПБ

Такъ что въ просторныхъ залахъ мѣста нѣтъ;
Но тотъ безмѣрно дорогъ долженъ быть,
Кто помощь намъ явился предложить
Въ часы заботъ, когда надъ головою
У насъ вѣсы колеблемы судьбою.
Но не касайтесь мощною рукой
Меча свободно поднятаго мной;
Почтите мигъ, въ который всякъ стремится
Иль за меня или со мной сразиться!
Справляйся самъ! кто хочетъ тронъ обрѣсть,
Самъ заслужить такую долженъ честь.
Пусть призракъ тотъ, что противъ насъ поднялся
И императоромъ земли назвался,
Вождя и ленныхъ правъ присвоивъ силу,
Моей рукой низринется въ могилу!

Фаустъ.

Что̀ бъ ни было, но увлеченъ игрою,
Напрасно ты рискуешь головою;
Къ чему на шлемѣ гребень и султанъ?
Онъ смѣлой головѣ въ защиту данъ.
Безъ головы на что̀ всѣ члены нужны?
Она заснетъ и всѣ они недужны;
Больна она, все тѣло нездорово;
Оправилась—и ожило все снова:
Рука въ права могучія вступаетъ,
Подъемлетъ щитъ и черепъ защищаетъ,
Спѣшитъ и мечъ о долгѣ не забыть,
И отклоня ударъ опять разить;
Нога хранитъ со всѣми вѣрно связь,
Убитому на шею становясь.

Императоръ.

Таковъ мой гнѣвъ; я сталъ бы не блѣднѣя
Какъ на скамью, на голову злодѣя!

Герольды (возвращаясь).

Мало вѣсу, мало чести,
Тамъ у нихъ мы испытали,
Намъ на звукъ достойной вѣсти
Только смѣхомъ отвѣчали:
«Императоръ вашъ отпѣтый,
Вмѣстѣ съ эхомъ онъ отбылъ.
Помянувъ о вѣсти этой,
Скажетъ сказка: ««жилъ да былъ.»»

Фаустъ.

Сбылись желанья преданныхъ людей,
Что при особѣ состоятъ твоей.
Вонъ врагъ идетъ, мы дышимъ силой ратной;
Вели начать намъ въ мигъ благопріятный.

Императоръ.

Повелѣвать отказываюсь я.

(Къ главнокомандующему.)

Ты, князь, веди, обязанность твоя.

Главнокомандующій.

Такъ пусть нашъ правый флангъ вступаетъ въ бой!
И лѣвый флангъ врага, что наступаетъ,
Пока еще проходитъ подъ горой,
Всю нашихъ силъ отвагу испытаетъ!

Фаустъ.

Такъ ты позволь, чтобъ этотъ вотъ герой
Сейчасъ вступалъ съ твоими вмѣстѣ въ строй;
Въ твоихъ рядахъ онъ посреди другихъ
Проявитъ всю могучесть силъ своихъ.
(Онъ указываетъ вправо.)

Забіяка (выступаетъ).

Кто мнѣ лицо покажетъ, такъ ему
Расковыряю тотчасъ морду всю я;
Кто спину обратитъ ко мнѣ, тому
Чубъ, голову и шею отверну я.
Когда же мечъ я подыму,
И ринутся всѣ съ тою же любовью,
То станетъ врагъ одинъ по одному
Своей захлебываться кровью.
(Уходитъ.)

Главнокомандующій.

Фалангѣ тихо двигаться впередъ;
Пускай она врага всей силой ждетъ!
Вонъ тамъ направо кстати ужъ успѣли
Отвагой наши повредить ихъ цѣли.

Фаустъ (указывая на средняго).

Такъ пусть и онъ, куда велишь, пойдетъ.

Забирай (выступаетъ).

Хоть войско мужествомъ пылаетъ,
Пусть о добычѣ помышляетъ,
И всякъ изъ насъ ворваться ждетъ
Въ ихъ императорскій наметъ.
Недолго тамъ ему покрасоваться;
Я впереди фаланги стану драться.

Скорохватка (маркитантка, увязывается за нимъ).

Хоть я ему и не жена,
Но какъ любовнику вѣрна.
Намъ эта осень благодать!
Пустите женщину хватать,
Она блаженна грабежомъ;
Какъ побѣдятъ, запрета нѣтъ ни въ чемъ.
(Оба уходятъ.)

Главнокомандующій.

На лѣвый флангъ нашъ, какъ я ожидалъ,
Налегъ ихъ правый. Каждый возжелалъ
Противостать ихъ буйному почину,
Не давши имъ ворваться въ ту тѣснину.

Фаустъ (указывая налѣво).

И этотъ вотъ вамъ можетъ пригодиться;
Не лишнее и сильнымъ подкрѣпиться.

Держи-крѣпче (выступаетъ).

На лѣвый флангъ надѣйтесь смѣло!
Гдѣ я, тамъ наше будетъ цѣло;

Старикъ при дѣлѣ тутъ знакомомъ:

Что̀ схватитъ, не отбить и громомъ.

(Уходитъ.)

Мефистофель (спускаясь сверху).

Вы поглядите-ка за нами:

Изъ каждой пасти скалъ съ зубцами

Вооруженные стремятся,

По всѣмъ тропинкамъ шевелятся,

Въ забралахъ, панцыряхъ, съ мечами

За нами выросли стѣнами,

И знака ждутъ сразиться смѣло.

(Тихо обращаясь къ знающимъ.)

Откуда всѣ? Не ваше дѣло.

Конечно я ужъ не зѣвалъ,

Всѣ арсеналы обобралъ;

Тамъ всякъ изъ нихъ, кто пѣшъ, кто конный,

Стоялъ какъ властелинъ законный;

Цари да рыцари былые,

Теперь улитки лишь пустыя;

Въ нихъ привидѣнья забрались пока

Напомнить среднiе вѣка.

Какой бы чортъ въ нихъ ни торчалъ,

Эффектъ на этотъ разъ не малъ.

(Громко.)

Прислушайтесь, какъ злится стая,

Толкаясь словно жесть пустая;

Клоки штандартовъ тамъ заколыхались,

Радехоньки, что вѣтерка дождались.

Подумайте, тутъ древнiй весь народъ

Охотно въ распрю новую идетъ.

(Страшный трубный звукъ сверху, въ непрiятельскомъ войскѣ замѣтное волненiе.)

Фаустъ.

Весь горизонтъ затмился ясный

Лишь тамъ и сямъ какой-то красный

Блескъ начинаетъ проступать;

Оружье все какъ бы кроваво;

Скала, и воздухъ, и дубрава,

И небо не хотятъ отстать.

Мефистофель.

Нашъ правый флангъ стоитъ упорно,

Но вижу—выше всѣхъ, гдѣ драка,

Нашъ великанъ-то Забiяка,

Онъ тамъ работаетъ проворно.

Императоръ.

Одна рука сперва тамъ билась,

Теперь ихъ дюжина явилась!

Непостижимо для меня.

Фаустъ.

Иль никогда не слышалъ ранѣ

О сицилiйскомъ ты туманѣ?

Днемъ возникаютъ въ той странѣ,

Почти до облакъ подымаясь,

Въ средѣ воздушной отражаясь,

Явленья чудныя вполнѣ.

Тамъ города, сады порою,
Одна картина за другою,
Парятъ въ эѳирной вышинѣ.

Императоръ.

Но что̀ за странность! Блескъ великій
Распространяютъ наши пики;
У всей фаланги то и знаютъ
По копьямъ огоньки порхаютъ:
Вѣдь что-то призрачное тутъ!

Фаустъ.

Не погнѣвись, то безъ сомнѣнья
Слѣды духовнаго значенья:
То Діоскуровъ отраженья,
Пловцамъ извѣстныя явленья;
Они съ остаткомъ силъ идутъ.

Императоръ.

Кому жъ обязанъ я, скажи ты,
Коль тайны, что̀ въ природѣ скрыты,
Со всѣхъ сторонъ на насъ текутъ?

Мефистофель.

Конечно мудрецу тому же,
Что занятъ такъ твоей судьбой!
Враговъ не признаетъ онъ хуже
Твоихъ—и изболѣлъ душой.
Желаетъ онъ спасти тебя,
Хотя бы погубивъ себя.

Императоръ.

Былъ пышный въѣздъ почтить мою особу;
Я былъ въ чести; вотъ я задумалъ пробу
И порѣшилъ, что кстати одарю я
Живой прохладой бороду сѣдую.
Священству я испортивъ развлеченье,
Не заслужилъ его расположенья.
Ужель судьба чрезъ столько лѣтъ велѣла
Мнѣ дѣйствія познать благого дѣла?

Фаустъ.

Благодѣянью долго жить;
Смотри, что̀ тамъ вверху летаетъ!
Не знаменье ль онъ посылаетъ.
Оно жъ себя и объяснитъ.

Императоръ.

Тамъ въ высотѣ орелъ парящій,
А вслѣдъ за нимъ грифонъ грозящій.

Фаустъ.

Все это къ счастію, повѣрь.
Грифонъ вѣдь баснословный звѣрь;
Ну какъ же могъ онъ такъ забыться,
Чтобы съ орломъ ему сразиться?

Императоръ.

Теперь они все вверхъ взмываютъ
Кружась.—И оба въ тотъ же мигъ
Впились другъ въ друга. Когти ихъ
Врага отчаянно терзаютъ.

Фаустъ.

Замѣть, какъ гадкій-то грифонъ
Избитъ, истерзанъ очутился,
И львиный хвостъ склонивши, онъ
Въ вершины лѣса покатился.

Императоръ.

Какъ тутъ предвѣщано, такъ будь!
Дивлюсь, но не смущенъ ничуть.

Мефистофель (вправо).

Ваши бойко лѣзутъ драться,
Врагъ не можетъ удержаться;
Вотъ полѣзла ихъ орава,
На своихъ сбиваясь вправо,
Этимъ дѣло съ толку сбили,
Лѣвый флангъ свой оголили.
А фаланга наша живо
Вправо бросилась ретиво,
Гдѣ ряды враговъ не полны.
Вонъ, какъ яростныя волны,
Сшиблись съ грохотомъ и воемъ
Обѣ рати равнымъ боемъ.
Вотъ чудесное движенье;
Разобьемъ ихъ безъ сомнѣнья!

Императоръ (къ лѣвой сторонѣ, Фаусту).

Глянь, сдается, тамъ не ладно;
Нашимъ тамъ стоять накладно,
Камней сверху не бросаютъ;
По скаламъ уже взлѣзаютъ,
А вершины опустѣли;
Вонъ—враги-то налетѣли
Цѣлой тучей къ намъ въ долину.
Ужъ не взяли ли тѣснину?
Вотъ безбожья плодъ ужасный!
Ваши чары всѣ напрасны!
(Пауза.)

Мефистофель.

Моихъ два ворона вонъ вмѣстѣ;
Какія мчатъ они намъ вѣсти?
За наше дѣло страшно мнѣ.

Императоръ.

Чтò пользы въ птицахъ этихъ черныхъ?
Несутся на крылàхъ проворныхъ
Съ полей сраженія онѣ.

Мефистофель (воронамъ).

Къ ушамъ моимъ плотнѣй прильните!
Спасенъ, кого вы защитите;
Разуменъ вашъ совѣтъ вполнѣ.

Фаустъ (императору).

О голубяхъ ты слышалъ вѣрно,
Что такъ летаютъ непомѣрно,
Гнѣздомъ птенцовъ привлечены.
Тутъ ходъ событій обнаруженъ:

Почтовый голубь въ мірѣ нуженъ—
А воронъ почта для войны.

Мефистофель.

Меня смущаетъ донесенье.
Смотри, ужасно положенье
Героевъ нашихъ по скаламъ;
Врагъ занялъ нижнія вершины,
И если входъ займетъ тѣснины,
Держаться трудно будетъ намъ.

Императоръ.

Итакъ, обманъ всѣ чары эти,
Меня вы заманили въ сѣти;
Давно ужъ страхъ меня беретъ.

Мефистофель.

Мужайся! Можетъ быть исходъ.
Съ терпѣньемъ штучки тутъ возможны!
Въ дѣлахъ всего труднѣй кончать.
Мои гонцы благонадежны;
Вели ты мнѣ повелѣвать.

Главнокомандующій (который между тѣмъ подошелъ).

Съ тѣхъ поръ какъ съ ними ты связался,
Все время этимъ я терзался;
Не можетъ въ чарахъ счастья быть.
Мои тутъ силы не хватаютъ;
Начало ихъ—такъ пусть кончаютъ;
Желаю жезлъ свой возвратить.

Императоръ.

Ты сохрани его въ день грустный.
Ждать будемъ счастья своего.
Мнѣ страшенъ малый этотъ гнусный,
Боюсь я вороновъ его!

(Къ Мефистофелю.)

Жезла теперь не домогайся;
Въ тебѣ не то, что̀ быть должно.
Повелѣвай и постарайся
Спаси—и будь, что̀ суждено!

(Уходитъ въ палатку съ главнокомандующимъ.)

Мефистофель.

Пусть жезлъ тупой его спасаетъ!
Намъ пользы онъ не доставляетъ,
Тамъ крестъ какой-то виденъ былъ.

Фаустъ.

Что жъ дѣлать?

Мефистофель.

Все я порѣшилъ.
Ну, братцы черные, летите
Къ ундинамъ горнымъ, попросите
Снабдить насъ призраками водъ!
Онѣ искусство женщинъ знаютъ—
Отъ правды призракъ отдѣляютъ,—
И всякъ клянется: правда вотъ.

(Пауза.)

Фаустъ.

Дѣвицамъ водянымъ ужъ вѣрно
Польстили вороны безмѣрно;
Вонъ начинаетъ протекать.
Въ сухихъ мѣстахъ, гдѣ камни лишь торчали,
Ключи вездѣ заклокотали,
Теперь ужъ тѣмъ не сдобровать.

Мефистофель.

Привѣтъ любезный припасенъ—
Кто первымъ лѣзъ, и тотъ смущенъ.

Фаустъ.

Уже ручей въ ручей стремглавъ спадаетъ,
Вдвойнѣ ихъ бездна возвращаетъ;
А вонъ потокъ дугой исшелъ;
Вдругъ плотно онъ къ скалѣ ложится,
И въ тотъ и въ этотъ бокъ стремится,
И по ступенямъ мчится въ долъ.
Что̀ пользы стойко упираться—
Ихъ волны смыть совсѣмъ грозятся,
И на меня приливъ ихъ страхъ навелъ.

Мефистофель.

Не вижу я воды кипящей ложно;
Однихъ людей дурачить такъ возможно,
Я вижу смѣхъ одинъ во всемъ.
Они бѣгутъ огромными толпами,
Боясь исчезнуть подъ волнами,
Тогда какъ на землѣ стоятъ они ногами,
И такъ смѣшно какъ бы гребутъ руками.
Теперь смятеніе кругомъ.

(Вороны возвращаются.)

Я буду васъ хвалить передъ владыкой;
Но чтобы подвигъ совершить великій,
Ступайте въ кузницу, гдѣ пламень
У гномовъ; гдѣ металлъ и камень
Сверкаютъ искрами во тьмѣ;
Просите, не жалѣя слова,
Огня блестящаго, большого,
Какого ярче нѣтъ въ умѣ.
Хотя зарницы въ отдаленьи
И звѣздъ внезапное паденье
Не рѣдкость лѣтомъ по ночамъ;
Но по кустамъ зарницъ миганье
И звѣздъ шипящихъ содроганье
Едва ли видывалъ кто самъ.
Итакъ ступайте, и просите,
А нѣтъ, такъ прямо прикажите.

(Вороны улетаютъ, исполняется какъ сказано.)

Мефистофель.

Теперь враги сиди впотьмахъ!
Чтобъ страшно было сдѣлать шагъ!
Огни блудящіе, и сразу
Такой ужъ свѣтъ, что больно глазу!
Все это прелесть,—благодать;
Но надо звономъ ихъ пугать.

Фаустъ.

Пустое то изъ залъ вооруженье,

Провѣтрившись, пришло опять въ движенье;

Тамъ наверху и стукотня, и звонъ—

Престранный и фальшивый тонъ.

Мефистофель.

Да! Презадорны всѣ, хоть стары;

Какъ громки рыцарей удары;

Все какъ водилось съ давнихъ поръ.

Ручныя и ножныя шины

Какъ Гвельфы и какъ Гибелины,

Возобновили вѣчный споръ.

Въ нихъ духъ наслѣдственный таится,

Они не могутъ примириться;

Тамъ звонъ и гулъ во весь просторъ.

На торжествахъ чертовскихъ тоже

Злость партій намъ всего дороже:

Она все дѣло ускоритъ;

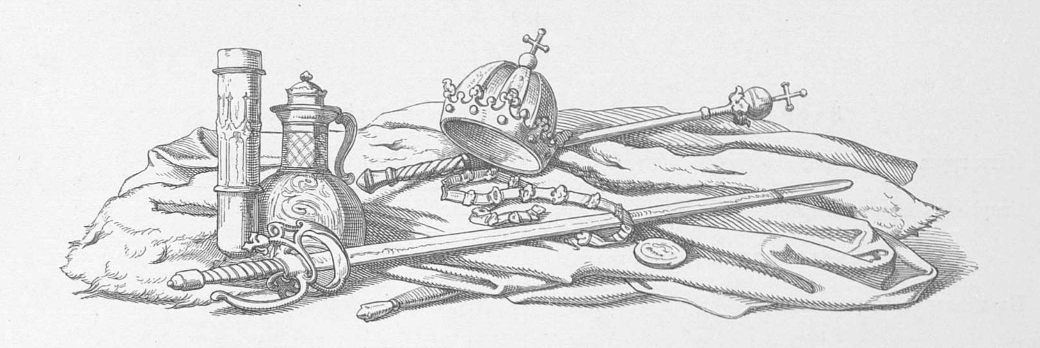
То крикомъ грянетъ вдругъ воинскимъ,

То чѣмъ-то рѣзкимъ, сатанинскимъ

Въ долинахъ страшно зазвучитъ.

(Воинственный громъ въ оркестрѣ подъ конецъ переходитъ въ веселую военную музыку.)

Шатеръ враждебнаго императора, тронъ, богатая обстановка.

Забирай, Скорохватка.

Скорохватка.

Вѣдь вотъ мы первые какъ разъ!

Забирай.

И воронъ не обгонитъ насъ.

Скорохватка.

О сколько тутъ добра кругомъ!
Съ чего начать? Кончать на чемъ?

Забирай.

Кругомъ повсюду благодать!
Не знаешь даже что̀ хватать.

Скорохватка.

А вотъ возьму коверъ цвѣтной;
Моя постель жестка порой.

Забирай.

Вонъ тамъ стальной кистень виситъ;
Давно по немъ душа болитъ.

Скорохватка.

Вотъ красный плащъ-то съ галуномъ,
Мнѣ снилось, что хожу я въ немъ.

Забирай (снимая оружіе).

Вотъ съ этимъ долго не болтай;
Убилъ его да и ступай.
Ты такъ ужъ много набрала,
А что̀ получше не взяла.
Оставь-ка лучше эту дрянь,
Бери-ка ящикъ тотъ вонъ, глянь!
Войскамъ тутъ жалованье; въ немъ
Одно мы золото найдемъ.

Скорохватка.

Тяжелъ онъ больно на вѣсу!
Не подыму я, не снесу.

Забирай.

Да ты нагнись, подставь-ка спину;
Тебѣ на горбъ его я вскину.

Скорохватка.

О горе! знать пришелъ конецъ;
Онъ мнѣ переломилъ крестецъ!

(Ящикъ падаетъ и раскрывается.)

Забирай.

Вотъ груда золота—ай, ай!
Скорѣе съ полу подбирай!

Скорохватка (присѣла на-земь).

Въ подолъ проворно подберу!
Не пропадать же такъ добру.

Забирай.

Довольно! уноси! не стой!

(Она встаетъ.)

О горе!—фартукъ-то съ дырой!
Куда идешь и гдѣ стоишь,—
Ты все богатствами соришь.

Драбанты (нашего императора).

Какой вамъ слѣдъ сюда ходить?
Чего въ казнѣ вамъ царской рыть?

Забирай.

Своимъ отвѣтили горбомъ,
Добычи часть свою беремъ.
Въ шатрѣ врага всегда дѣлежъ,
Мы, кажется, солдаты тожъ.

Драбанты.

Нѣтъ, намъ вы были бы въ укоръ:
Солдатъ и въ то же время воръ;
А кто по службѣ намъ собратъ,
Тотъ честный долженъ быть солдатъ.

Забирай.

Мнѣ ваша честность вся видна;
Не контрибуція ль она?
И каждый-то изъ васъ таковъ:
Давай! вотъ вашъ обычный зовъ.

(Скорохваткѣ.)

Ну, прочь! и что̀ взяла, тащи!
На угощеньи не взыщи!

(Уходятъ.)

Первый драбантъ.

Скажи, сейчасъ ты отчего
Не съѣздилъ по уху его?

Второй.

Ну вотъ, не стало силъ моихъ;
Есть что-то призрачное въ нихъ.

Третій.

Мнѣ затуманило въ глазахъ.
Блеститъ, не вижу какъ впотьмахъ.

Четвертый.

Да, какъ-то все, не знаю самъ,
День цѣлый было жарко намъ.
Такъ жутко, такъ тебя томитъ,
Тотъ падаетъ, а тотъ стоитъ.
Бьешь наугадъ, какъ бы впотьмахъ,
Ударишь—повалился врагъ,
Въ глазахъ твоихъ туманъ стоитъ,
Въ ушахъ шумитъ, гудитъ, шипитъ:
Такъ все и шло, и вотъ дошли.
А какъ—и толку не нашли!

Является императоръ съ четырьмя князьями. Драбанты удаляются.

Императоръ.

Тамъ что̀ бы ни было, мы кончили побѣдно—
Разбитый врагъ бѣжалъ, разсѣявшись безслѣдно.
Вотъ онъ предательскій и опустѣвшій тронъ,
Коврами убранный стоитъ нагроможденъ.
А мы, средь воиновъ отборнѣйшихъ въ отрядѣ,
Ждемъ царственно пословъ народныхъ о пощадѣ.
Со всѣхъ сторонъ спѣшитъ отрадная къ намъ вѣсть:
Покойно царство все, и въ немъ любовь къ намъ есть.
Хотя въ сраженіе и чары замѣшались,
Но наконецъ-то все жъ одни вѣдь мы сражались.
Случайность иногда на пользу для борцовъ.
Кровавый дождь съ небесъ, иль камень на враговъ.
Вдругъ звуки чудные въ горахъ въ часы сраженья,
Восторгъ у насъ въ груди, въ груди врага смятенье.
Надъ тѣмъ кто побѣжденъ насмѣшки безъ конца—
А кто побѣдой гордъ, благодаритъ Творца,
И въ голосъ всѣ одинъ, забывши всѣ уроны,
«Хвалите Господа!» воскликнутъ милліоны.
Теперь въ смиреніи потщуся заглянуть,
Что̀ прежде забывалъ, я въ собственную грудь.
Князь юный можетъ быть безпеченъ отъ природы,
Но важный мигъ цѣнить его научатъ годы.
И вотъ немедля вамъ достойнымъ четыремъ
Я царство поручить желаю, дворъ и домъ.

(Первому.)

Ты, князь, устраивалъ весь распорядокъ въ войскѣ,
Затѣмъ ты въ главный мигъ водилъ его геройски,
И въ мирѣ будь готовъ немедля зло пресѣчь;
Ты будь фельдмаршаломъ, прими ты этотъ мечъ.

Фельдмаршалъ.

Когда войска твои, страны всей оборона,
Границы утвердятъ незыблемо для трона,
Дозволь, чтобъ посреди твоихъ отцовскихъ залъ,
Великолѣпный пиръ передъ тобой предсталъ.
Мечъ этотъ наголо тогда держать я стану,
Чтобы навѣкъ почетъ державному былъ сану.

Императоръ (второму).

Съ твоей отвагою, съ твоимъ искусствомъ жить,
Ты будь гофмаршаломъ. Не такъ легко имъ быть.
Ты станешь во главѣ придворной всей прислуги,
А при раздорахъ ихъ я вѣчно безъ услуги;
Ты долженъ съ честію служить всѣмъ образцомъ,
Какъ мнѣ, двору и всѣмъ пріятнымъ быть лицомъ.

Гофмаршалъ.

Слуга державныхъ думъ отыщетъ путь къ благому:
Онъ въ помощь лучшему, и не во вредъ плохому.
Безъ лести ясенъ онъ, покоенъ правотой!
Я счастливъ, если я таковъ передъ тобой.
Но если возмечтать о пирѣ томъ дерзну я,
Когда возсядешь ты, тогда къ тебѣ приду я,

Съ лоханью золотой, и перстни всѣ приму,

Чтобъ руки освѣжилъ ты къ счастью моему.

Императоръ.

Хоть думать о пирахъ мнѣ въ важный часъ некстати.

Пусть такъ! Веселость другъ великихъ предпріятій.

(Третьему.)

Ты будешь стольникомъ! Прими подъ свой надзоръ

Охоту, хутора, и царскій птичій дворъ!

Блюди, чтобъ круглый годъ, какъ время наступило,

Любимое мое готово блюдо было.

Стольникъ.

Строжайшій постъ блюсти даю себѣ обѣтъ,

Пока любимыхъ яствъ передъ тобою нѣтъ;

Съ прислугой кухонной я буду самъ стараться,

Ни отдаленностью, ни срокомъ не стѣсняться.

Къ новинкамъ выписнымъ въ столѣ не падокъ ты;

Простое, сочное, вотъ всѣ твои мечты.

Императоръ (четвертому).

Ужъ если рѣчь ведетъ насъ къ празднику большому,

Быть чашникомъ тебѣ, герою молодому.

И въ этомъ званіи заботься объ одномъ—

Чтобъ погребъ былъ снабженъ отличнѣйшимъ виномъ;

Ты самъ воздерженъ будь, не слишкомъ забавляйся,

И случаемъ къ тому никакъ не соблазняйся!

Чашникъ.

И юность, Государь, коль довѣряютъ ей,

Нерѣдко предстаетъ со зрѣлостью мужей.

И я о торжествѣ томъ славномъ помышляю,

И царскій твой буфетъ въ умѣ я устрояю,

Гдѣ бъ кубокъ золотой въ серебряныхъ мелькалъ;

Но выберу сперва любимый твой бокалъ:

Венеціанское стекло его сверкаетъ,

Вино острѣе въ немъ и вѣкъ не охмеляетъ.

Иного качество такое соблазнитъ;

Твоя жъ умѣренность вѣрнѣй тебя хранитъ.

Императоръ.

Чѣмъ жаловалъ я васъ, въ минуты размышленья,

Вы сами отъ меня узнали безъ сомнѣнья,

И слово царское велико такъ само;

Но чтобъ скрѣпить его, потребно намъ письмо,

Нужна печать. Чтобъ ходъ дать дѣлу настоящій,

Я вижу, мужъ сюда подходитъ надлежащій.

Входитъ архіепископъ-канцлеръ.

Императоръ.

Кто зданье возводя, вставляетъ въ сводъ замокъ,

Держаться въ цѣлости навѣкъ всему помогъ.

Ты видишь, четырехъ князей мы тутъ избрали;

Чтò нужно для двора и дома, мы сказали.

Но то, чѣмъ царство все мы въ цѣлости хранимъ,

То полновѣсно мы вручаемъ пятерымъ.

Обиліемъ земель придамъ я имъ значенье;

Поэтому сейчасъ расширю ихъ владѣнье

Насчетъ наслѣдства тѣхъ, кто отпадалъ отъ насъ.
Васъ, вѣрныхъ, надѣлю я землями сейчасъ,
И правомъ къ случаю расширить нажитое
Путемъ наслѣдственнымъ, покупкой и мѣною;
Затѣмъ да будетъ вамъ безспорно вручено
Все, что̀ законному владѣльцу блюсть должно.
Вашъ судъ рѣшеніемъ въ дѣлахъ конецъ положитъ
И жалобъ на него затѣмъ ужъ быть не можетъ.
Налоги, подати, взиманье за проходъ,
Соль, горный промыселъ, монета—вашъ доходъ.
Вамъ я признательность свою тѣмъ знаменую,
Что къ власти царской васъ ближайшими причту я.

Архіепископъ.

Отъ имени всѣхъ насъ несу тебѣ поклонъ;
Ты, укрѣпляя насъ, свой укрѣпляешь тронъ.

Императоръ.

Вамъ пятерымъ еще права предоставляю,
Я живъ и царствую и жить еще желаю;
Но отъ грядущаго великихъ предковъ рядъ
Угрозой смертности мой отвлекаетъ взглядъ.
Мнѣ съ дорогими тожъ придетъ пора разстаться;
Вашъ долгъ наслѣдника тогда избрать стараться.
Его вѣнчаннаго введите вы на тронъ,—
Что̀ бурно началось, пусть мирно кончитъ онъ!

Канцлеръ.

Смиренно преклонясь и гордые душою,
Первѣйшіе князья стоятъ передъ тобою.
Покуда наша кровь свершаетъ вѣрный кругъ,
Мы—тѣло, коимъ твой повелѣваетъ духъ.

Императоръ.

И въ довершеніе, все что̀ опредѣляемъ,
Навѣки закрѣпить мы подписью желаемъ.
Хоть быть владѣльцами вамъ выпало на часть,
Но лишь съ условіемъ, чтобъ не дѣлить ту власть;
Какъ ни расширите вы своего имѣнья,
Пусть первородный сынъ получитъ всѣ владѣнья.

Канцлеръ.

На листъ пергамента мгновенно занесутъ
На счастье намъ и всей странѣ такой статутъ.
А приложить печать—тутъ дѣло не велико—
Священной подписью ты все скрѣпишь, владыко.

Императоръ.

Я отпускаю васъ, чтобъ о великомъ днѣ
Могли вы сообща обдумать все вполнѣ.

(Свѣтскіе князья удаляются.)

Архіепископъ (остается и говоритъ патетически).

Нѣтъ канцлера съ тобой; епископъ лишь остался,
И ждетъ, чтобы твой слухъ къ рѣчамъ его склонялся.
Душою отчей онъ изъ-за тебя скорбитъ.

Императоръ.

Скажи: что̀ такъ тебя въ веселый часъ страшитъ?

Архіепископъ.

Какъ горько видѣть мнѣ въ подобный часъ, не скрою,
Священное чело въ союзѣ съ сатаною!
Ты прочно утвердилъ повидимому тронъ,
Но имъ, увы, Господь, имъ Папа посрамленъ.
Послѣдній, все узнавъ, возмездья не отложитъ—
Священнымъ гнѣвомъ онъ грѣхъ царства уничтожитъ.
Онъ не забылъ еще, какъ ты въ избыткѣ силъ
Въ день коронаціи волшебника простилъ.
Лучъ твоего вѣнца безбожно, беззаконно
Проклятой головы коснулся благосклонно.
Но въ грудь себя ударь и съ грѣшнаго пути
Ко счастью, лепту ты святынѣ возврати:
Тотъ холмъ, гдѣ твой шатеръ когда-то красовался,
Гдѣ духамъ злобы ты въ защиту отдавался,
Гдѣ князю лжи внимать ты ухо преклонялъ,—
Его, покаявшись, подъ храмъ бы ты отдалъ;
Съ горами, гдѣ лѣса раскинулись обширно,
Съ холмами, пастбища склоняющими мирно,
Съ плесами рыбными сверкающихъ озеръ,
Со множествомъ ручьевъ, бѣгущихъ на просторъ,
Затѣмъ и самый долъ съ богатствомъ населенья:
Явясь раскаяннымъ, получишь отпущенье.

Императоръ.

Проступокъ тяжкій мой меня кидаетъ въ дрожь;
Границу означай, какъ нужнымъ то сочтешь.

Архіепископъ.

Сперва пусть скверное то мѣсто преступленья
Молить Всевышняго получитъ назначенье.
Ужъ стѣны прочныя духовный видитъ взоръ,
Вотъ солнце раннее весь озарило хоръ;
Крестообразное расширилось строенье
И зданье высится, для вѣрныхъ умиленье.
Текутъ поклонники къ вратамъ со всѣхъ сторонъ,
Впервые по горамъ гудитъ призывный звонъ
Съ летящихъ къ небесамъ высокихъ колоколенъ,
И грѣшникъ предстоитъ, и жизнью вновь доволенъ.
Дню освященія,—да сбудутся мечты!—
Твое присутствіе добавитъ красоты.

Императоръ.

Въ высокомъ дѣлѣ пусть проявится стремленье
Прославить Господа и получить прощенье.
Довольно! ты сумѣлъ мнѣ мысли вознести.

Архіепископъ.

Какъ канцлеръ помогу я формы соблюсти.

Императоръ.

Формальный документъ церковнаго владѣнья
Представь, я подпишу съ восторгомъ умиленья.

Архіепископъ (откланялся, но при выходѣ возвращается снова).

Когда возникнетъ храмъ, ему ты отъ души

И десятинный сборъ, и подать припиши
Навѣкъ. Вѣдь надобно поддерживать строенье,
И стóитъ дорого благое управленье.
Чтобы застроился скорѣй тотъ дикій край,
Ты изъ добычи часть намъ золота отдай.
Къ тому жъ потребно тутъ и съ самаго начала
И лѣсу, и сланцу, и извести не мало.
Подводы дастъ народъ, съ амвона слыша рѣчь,
И церковь станетъ тѣхъ, кто служитъ ей, беречь.

(Уходитъ.)

Императоръ.

Дѣйствительно тяжелъ и страшенъ грѣхъ мой главный.
Кудесники ввели меня въ убытокъ славный.

Архіепископъ (возвращаясь снова, съ глубокимъ поклономъ).

Прости мнѣ, государь! Тому, кто такъ мудренъ,
Прибрежье отдалъ ты.—Онъ будетъ отлученъ,
Коль ты, какъ слѣдуетъ раскаянному сыну,
И тамъ не повелишь дать въ церковь десятину.

Императоръ (досадливо).

Земли тамъ нѣтъ еще, ее изъ моря брать.

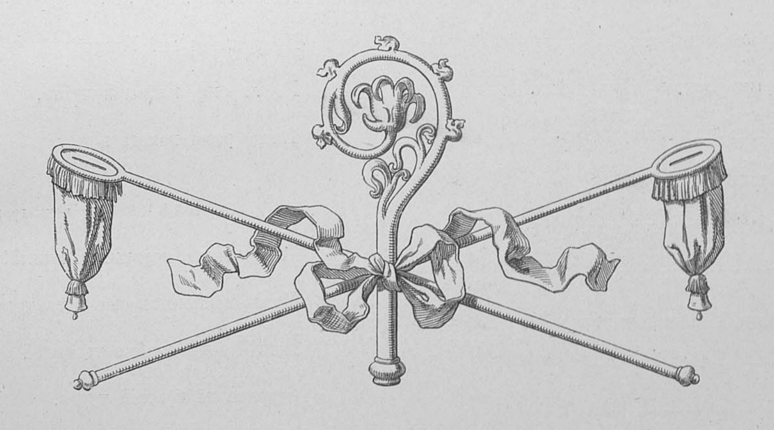
Архіепископъ.

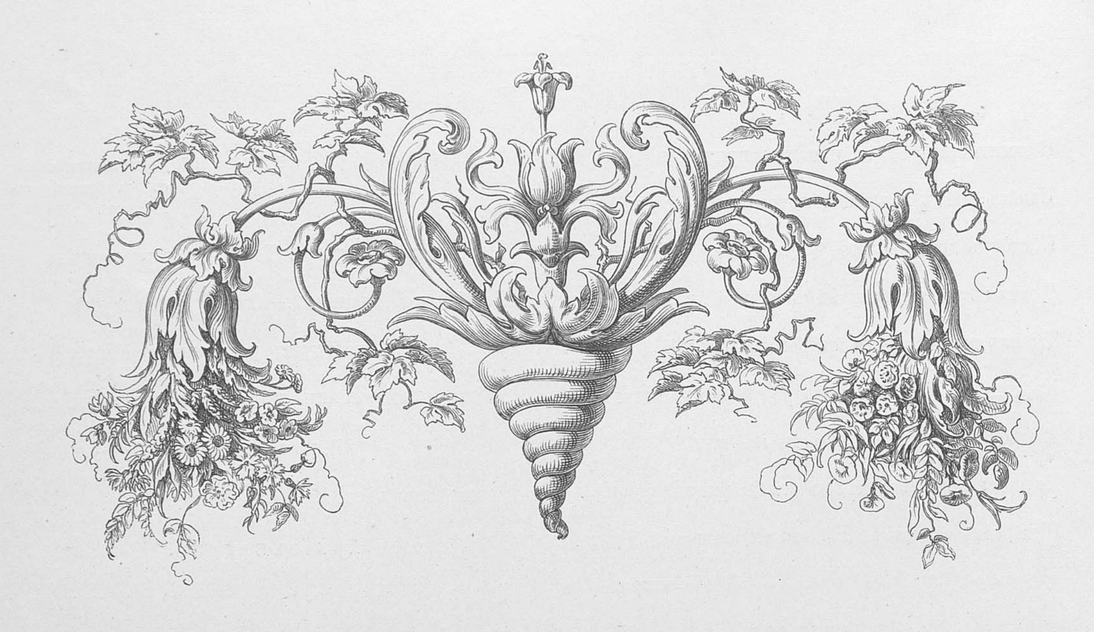
Кто получилъ права, съ терпѣньемъ можетъ ждать.
Намъ слово дорого твое, а не мытарство.

(Уходитъ.)

Императоръ (одинъ).

Вѣдь этакъ я могу раздать все государство.

Актъ пятый.

Открытая мѣстность.

Странникъ.

Да, могу не ошибаясь
Къ старымъ липамъ тѣмъ дойти.
Я призналъ ихъ, возвращаясь
Изъ далекаго пути!
Вонъ и хижина мелькнула,
Что̀ давала мнѣ прiютъ,
Какъ волной меня швырнуло
На пустынный берегъ тутъ!
Встрѣчу ль я хозяевъ снова,
Сердцемъ равной пары нѣтъ;
Вѣдь они во дни былого
Ужъ преклонныхъ были лѣтъ.
Ахъ! какiе люди это!
Постучаться ли? Узнать!
Все ль они, полны привѣта,
Также рады помогать?

Бавкида (очень древняя старушка).

Тише, тише, странникъ милый!
Мужъ мой спитъ еще вотъ тутъ;
Долгiй сонъ снабжаетъ силой
Старика на краткiй трудъ.

Странникъ.

Все ли, матушка, ты та же,
Что меня тогда нашла

И съ супругомъ добрымъ даже
Жизнь мнѣ, юношѣ, спасла?
Ты ль Бавкида, что сумѣла
Дать мнѣ пищи въ добрый часъ?

(Выходитъ мужъ.)

Филемонъ ли ты, что смѣло
Мнѣ добро изъ моря спасъ?
Помню я огонь вашъ ясный,
Помню колокола звонъ,
Приключенья часъ ужасный
Только вами разрѣшенъ.
Дайте жъ къ морю обратиться,
На него опять взглянуть;
Дайте мнѣ упасть, молиться—
Такъ моя стѣснилась грудь.

(Онъ идетъ въ равнинѣ.)

Филемонъ (Бавкидѣ).

Столъ накрыть тебѣ придется,
Гдѣ цвѣты въ саду вонъ тамъ.
Пусть бѣжитъ и ужаснется,
Не повѣритъ онъ глазамъ.

(Идетъ за нимъ. Стоя съ нимъ рядомъ.)

Что̀ грозило цѣлымъ адомъ,
Гдѣ несло тебя волной,
Видишь, стало чуднымъ садомъ,
Нынѣ это рай земной.
Стали съ вѣкомъ руки хилы,
Гдѣ ужъ, старцу, мнѣ спасать;
Какъ мои ослабли силы,
Отошло и море вспять.
Умъ владыкъ, рабочихъ сила
Понадѣлали плотинъ,
Чтобы тамъ, гдѣ море выло,
Человѣкъ сталъ властелинъ.
На раздолье оглянися,
Селъ, полей, лѣсовъ не счесть!
Но пойдемъ и подкрѣпися;
Скоро солнце хочетъ сѣсть.—
Вонъ, бѣлѣя по лазури,
Мчатся въ пристань корабли!—
Словно птицы въ страхѣ бури
На гнѣздо тянуть пошли.
Такъ сперва увидишь море
Синей лентой,—а потомъ
Справа, слѣва на просторѣ
Населенный край кругомъ.

Въ садикѣ.

Всѣ трое за столомъ.

Бавкида (страннику).

Что жъ сидишь ты молчаливо?
Въ ротъ крохи не хочешь взять?

Филемонъ.

Хоть узналъ бы онъ про диво:
Ты вѣдь рада поболтать.

Бавкида.

Точно! Диво это было!
И понынѣ не очнусь;
Все, что̀ здѣсь происходило,
Не добромъ сошло, боюсь.

Филемонъ.

Развѣ, берегъ уступая,
Императоръ погрѣшилъ?
Вѣдь герольдъ же, проѣзжая,
Всѣмъ про это протрубилъ.
Здѣсь у насъ, вблизи отъ моря,
Первый выкидали валъ,
Ставки, хижины!—Но вскорѣ
И дворецъ средь поля всталъ.

Бавкида.

Днемъ напрасно лишь копали,
Хоть лопатъ, мотыкъ не счесть;
Гдѣ жъ въ ночи огни мелькали,
Глядь, плотина утромъ есть.
Кровныхъ жертвъ знать пало много,
Ночью стонъ ихъ возникалъ;
Къ морю шла огней дорога,

Утромъ смотришь—тамъ каналъ.

Онъ безбожникъ, онъ алкаетъ

Нашей хатой овладѣть;

Какъ сосѣдъ онъ напираетъ,

Вамъ-де слѣдуетъ терпѣть.

Филемонъ.

Къ мѣсту звалъ же онъ другому

Насъ, чтобъ жили мы вольнѣй!

Бавкида.

Охъ! не вѣрь ты дну морскому,

Высоты держись своей!

Филемонъ.

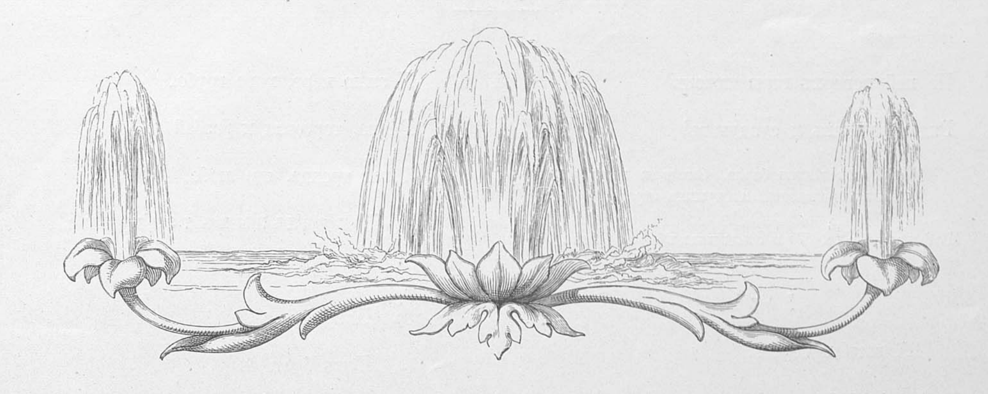
Ужъ пойдемъ къ часовнѣ съ нами,

При закатѣ прозвонить;

На колѣняхъ со слезами

Бога древняго молить!

Дворецъ.

Просторный, пышный садъ; длинный прямой каналъ.

(Фаустъ въ глубокой старости; идетъ задумчиво.)

Линцей, стражъ на башнѣ.

(Въ рупоръ.)

Садится солнышко, къ причалу
Вступаютъ въ пристань корабли.
Вотъ съ грузной баркою къ каналу
Чтобы сюда идти пришли.
Уже на мачту парусъ давитъ,
Флагъ разноцвѣтный вознесенъ,
Тебя веселый кормчій славитъ,
Ты полнымъ счастьемъ одаренъ.

(Колоколъ звонитъ на отмели.)

Фаустъ (вздрагивая).

Проклятый звонъ! разитъ жестоко
Онъ словно выстрѣлъ зоревой;
Моихъ границъ не видитъ око,
А тутъ досада за спиной.
Тая насмѣшку плутовато,
Тѣхъ звуковъ мнѣ твердятъ струи,
Что липы, темная та хата,
И та часовня —не мои.
Пойду ль гулять по той дорогѣ,
Чужая тѣнь мнѣ тамъ бѣда;
Мнѣ колетъ глазъ, мнѣ колетъ ноги,
О! хоть бѣжалъ бы я куда!

Стражъ (какъ прежде).

Какъ вѣтеръ по равнинѣ водъ
Къ намъ барку пеструю несетъ!

На ней поверхъ горы тюковъ
Ряды мѣшковъ и сундуковъ!

(Великолѣпная барка, богато и пестро нагруженная произведеніями чужихъ странъ.)

Мефистофель. Три сильныхъ товарища.

Хоръ.

А вотъ и берегъ,
Мы идемъ
И честь владыкѣ
Воздаемъ.

(Они выходятъ и выгружаютъ товары.)

Мефистофель.

Мы дѣло справили какъ разъ,
Пусть самъ патронъ похвалитъ насъ.
На двухъ мы корабляхъ ушли,
А двадцать въ портъ мы привели.
Какъ много дѣла было намъ,
Пускай товаръ разскажетъ самъ.
Въ свободномъ морѣ духъ вольнѣй;
Тамъ надо размышлять живѣй!
Тамъ кто проворенъ—тотъ схватилъ,
Корабль какъ рыбку подцѣпилъ;
А тамъ ужъ, дѣйствуя втроемъ,
Легко четвертый взять багромъ;
Тутъ пятый укрощай свой нравъ,
Коль ты сильнѣе, ты и правъ.
Тамъ спросятъ: *что?* не: *кто такой?*
Я знаю море, море грубо.
Война, торговля и разбой
Такая троица, что любо.

Три сильныхъ товарища.

Привѣта нѣтъ!
Патронъ не радъ!
Какъ будто мы
Веземъ не кладъ!
Онъ такъ взглянулъ,
Лицо скривилъ,
Какъ будто даръ
Ему не милъ.

Мефистофель.

Чего еще
Награды ждать!
Вы часть свою
Успѣли взять.

Товарищи.

Такой пустякъ
Отъ скуки чай;
По части равной
Всѣмъ давай.

Мефистофель.

Сперва разставьте
Въ залахъ мнѣ
Всѣ драгоцѣнности
Вполнѣ!

Engelbert Seibertz erf. u. gez.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА, ВЪ СПБ

Martin Storz gest.

Какъ это все
Онъ тамъ найдетъ,
То самъ подробно
Все сочтетъ;
Вѣдь онъ срамиться
Не гораздъ,
И вѣрно флоту
Пиръ задастъ.
А пестрыхъ птицъ ждать завтра надо,
Ужъ будетъ ихъ душѣ отрада.

(Грузъ убираютъ.)

Мефистофель (Фаусту).

Съ угрюмымъ взоромъ и челомъ
О счастьи внемлешь ты своемъ.
Премудрый, все ты побѣдилъ
И море съ сушей примирилъ.
Пріемлетъ море отъ земли
На бѣгъ веселый корабли.
Сказать, отсюда изъ дворца
Ты міръ объемлешь безъ конца.
Вотъ здѣсь ты дѣло начиналъ,
Здѣсь первый балаганъ стоялъ,
Канавка чуть замѣтно шла,
Гдѣ нынче брызги отъ весла.
Твой мощный умъ и трудъ чужой
Сумѣли море взять съ землей,
Здѣсь...

Фаустъ.

Проклинаю это *здѣсь!*
Я имъ ужъ истомился весь.
Тебѣ, бывалому, признаюсь,
Изныло сердце, я крушусь;
Невыносимо я терзаюсь!
И какъ скажу, такъ устыжусь.
Тѣхъ стариковъ смѣстить бы надо,
Въ тѣхъ липкахъ я хочу сидѣть;
И безъ того малютки-сада
Противно свѣтомъ мнѣ владѣть.
Я, чтобы вдаль глядѣть, тамъ кстати
Въ вѣтвяхъ устроилъ бы полати,
Свободнымъ взоромъ все обнять,
Чтò удалось мнѣ здѣсь создать;
Чтобъ видно было мнѣ кругомъ,
Какъ человѣческимъ умомъ,
Къ концу все дѣло сведено,
Народамъ жительство дано.—
Но тутъ-то всѣмъ мечтамъ предѣлъ:
Въ богатствѣ чувствуешь пробѣлъ.
И запахъ липъ, и этотъ звонъ,—
Ну, словно я похороненъ.
Такъ, всемогущій лишь на видъ,
На этомъ я пескѣ разбитъ.
Когда жъ я съ этимъ развяжуся!
Чуть зазвонятъ—и я бѣшуся.

Мефистофель.

Вполнѣ понятно для меня,
Что жизнь отравлена твоя.
Кто станетъ спорить! Тамъ, гдѣ звонъ,
Духъ благородный оскорбленъ,
И это *бимъ-бамъ-бумъ* клятое
Лишь портитъ небо голубое,
И съ первыхъ дней до погребенья
Во всѣ вмѣшалось отправленья,
Какъ будто между *бимъ* и *бумъ*
Вся жизнь лишь призракъ сонныхъ думъ.

Фаустъ.

Упрямство и строптивость ихъ
Мнѣ отравляютъ каждый мигъ,
И подъ конецъ привыкши ныть,
Устанешь справедливымъ быть.

Мефистофель.

Чѣмъ тутъ себя ты такъ стѣсняешь?
Впервые ль ты переселяешь?

Фаустъ.

Ступай же, устрани ихъ прямо!
Тотъ хуторокъ ты знаешь самъ,
Что я готовилъ старикамъ.

Мефистофель.

Перенесутъ ихъ да и только;
И не почувствуютъ нисколько.
Красивой собственности видъ
Ихъ и съ насильемъ примиритъ.

(Онъ рѣзко свищетъ.)

Тѣ трое являются.

Мефистофель.

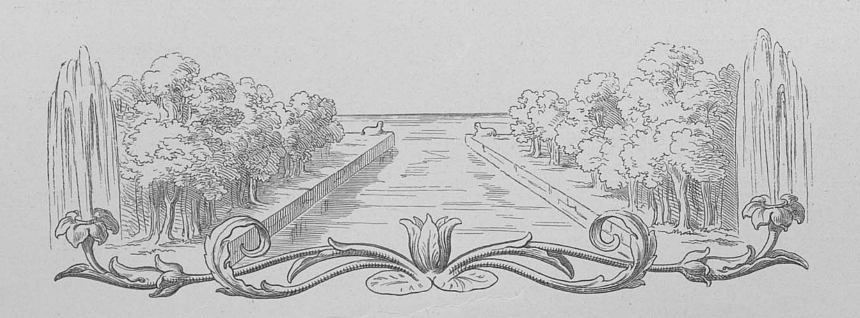
Пойдемте! Данъ приказъ прямой,
А завтра флоту пиръ горой.

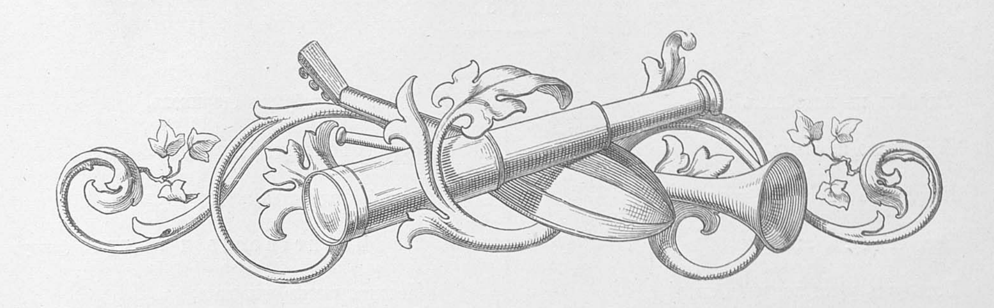
Трое.

Хоть сухъ былъ старика пріемъ,
Но на пиру за то гульнемъ.

Мефистофель (ad spectatores).

И здѣсь все то жъ, что̀ съ древнихъ дней,
Твой виноградникъ Навуѳей.

Глубокая ночь.

Линцей, башенный стражъ.

(Поетъ на вышкѣ.)

Глядѣть я родился,
Все взоромъ ловлю,
Я съ башней сроднился,
Весь свѣтъ я люблю.
И все предо мною,
Куда я ни глянь,
И звѣзды съ луною
И роща, и лань.
Всей этой раздольной
Любуюсь красой,
И всѣмъ я довольный
Доволенъ собой.
Счастливыя очи,
Что̀ бъ ни было тамъ,
Прекрасное всюду
Встрѣчалося вамъ!

(Пауза.)

Но не все для наслажденья
Здѣсь высоко я стою;
Что̀ за страшное видѣнье
Я во мракѣ узнаю!
Кто-то искрами моргаетъ
Изъ-подъ липъ во мглѣ двойной,
Все сильнѣе раздуваетъ
Злое пламя вѣтръ ночной.
Ахъ! избушка вся пылаетъ,
Хоть и влажнымъ мхомъ покрыта
Знать никто не выручаетъ,
Да кому спасать вдали-то?
Ахъ, старинушки, что̀ съ вами!
Какъ огня они страшились.
Иль пожретъ ихъ это пламя?
Что̀ за страсти приключились!
Пламя пышетъ пыломъ краснымъ,
Только черный остовъ сзади;
Ужъ удастся ли несчастнымъ

Уцѣлѣть въ подобномъ адѣ!
Засверкало языками
Вверхъ по листьямъ, межъ суками;
Все, что сухо, занялося,
Вотъ ужъ рухнуло; какъ жаль!
Что увидѣть-то пришлося
Мнѣ за то, что вижу вдаль!
И часовню раздавила
Тяжесть рухнувшихъ вѣтвей;
Вотъ макушки освѣтило,
Къ нимъ огонь взбѣжалъ какъ змѣй.
Вонъ стволы красны отъ зною,
До корней горитъ дупло.

(Долгая пауза. Пѣніе.)

Что манило красотою,
Со столѣтьями—легло.

Фаустъ (на балконѣ лицомъ къ отмели).

Кто сверху тамъ поетъ тоскуя?
Здѣсь поздно пѣть иль говорить.
То ноетъ стражъ; и не могу я
Въ душѣ поспѣшныхъ не бранить.
Но пусть сгорѣвшихъ липокъ нынѣ
Стволы истлѣвшіе торчатъ,
Поставлю вышку на равнинѣ,
Чтобъ въ безконечность несся взглядъ.
Тамъ будетъ видно мнѣ жилище
Той пары добрыхъ стариковъ,
Сердца которыхъ стали чище
Отъ благодѣтельныхъ трудовъ.

Мефистофель и тѣ трое (внизу).

Несемся рысью мы сюда;
Прости! Случилась тамъ бѣда.
Стучались мы, я въ дверь толкалъ,
Но намъ никто не отпиралъ;
Какъ налегли мы пуще вновь,
Гнилая дверь сошла съ крюковъ;
Мы стали кликать, угрожать,
Никто не думалъ отвѣчать.
И какъ бываетъ тутъ всегда,
Мы убѣждаемъ,—такъ куда!
Но, не теряя словъ пустыхъ,
Проворно мы убрали ихъ.
Испугъ ихъ долго не томилъ
Онъ пару сразу уложилъ.
А странникъ, что у нихъ былъ скрытъ,
Полѣзъ на драку—и убитъ.
Какъ эту свалку завели,
Упали угли и зажгли
Солому.—Вотъ теперь костромъ
Жилище стало всѣмъ имъ тремъ.

Фаустъ.

И вы-то глухи видно тожъ!
Обмѣнъ былъ нуженъ—не грабежъ.

Вашъ подвигъ дерзкій, роковой

Кляну! Дѣлите межъ собой.

Хоръ.

Давно извѣстно слово намъ:

Насилью подчиняйся самъ!

А если храбръ и принялъ бой,

Отвѣтишь домомъ и собой.

(Уходитъ.)

Фаустъ (на балконѣ).

Померкли звѣзды въ поздній часъ,

Огонь совсѣмъ почти погасъ,

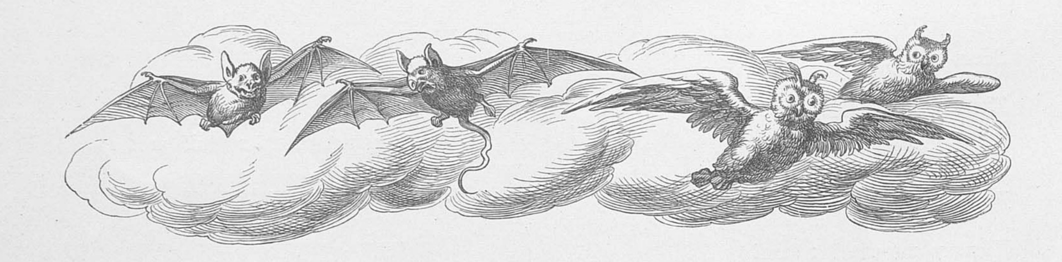
И вѣтерокъ, едва пахнетъ,

Ко мнѣ и дымъ и чадъ несетъ.

Скоръ былъ приказъ и скоръ исходъ!—

Что̀ это тѣнью возстаетъ?

Полночь.

Входятъ четыре мрачныхъ женщины.

Первая.

Зовусь Недостачей.

Вторая.

Я Долгомъ зовусь.

Третья.

Зовусь я Заботой.

Четвертая.

Зовусь я Нуждой.

Втроемъ.

Тутъ заперты двери; напрасно мы ждемъ,
Живетъ тутъ богатый—къ нему не войдемъ.

Недостача.

Тамъ стану я тѣнью.

Долгъ.

Тамъ стану ничѣмъ.

Нужда.

Глядѣть на меня тамъ не станутъ совсѣмъ.

Забота.

Вамъ, сестры, придется убраться отсель;
Забота жъ пролѣзетъ въ замочную щель.

(Забота исчезаетъ.)

Недостача.

Вы, сестры сѣдыя, уйдите скорѣй!

Долгъ.

Къ тебѣ я пристану какъ можно плотнѣй.

Нужда.

А вслѣдъ за тобою нужда побредетъ.

Втроемъ.

Все звѣздное небо отъ тучекъ въ затменьи,
А сзади-то, сзади, совсѣмъ въ отдаленьи,
Знать наша сестрица и *смерть* ужъ идетъ.

Фаустъ (во дворцѣ).

Пришли четыре, три ушли;
Ко мнѣ ихъ рѣчи не дошли.
Нужда, я словно разобралъ
Да слово *смерть* я услыхалъ;
Какъ призраковъ исполненъ звукъ глухой.
Не выбьюсь я никакъ на путь прямой:
Когда бъ я могъ отъ магіи укрыться,
Всѣмъ заклинаньямъ вовсе разучиться,
Лицомъ къ лицу съ тобой природа жить,
То стоило бъ и человѣкомъ быть.
Таковъ я былъ, пока во мглѣ не рылся,
Пока на міръ и на себя не злился.
Теперь видѣнья всюду на пути,
И ужъ не знаешь какъ отъ нихъ уйти.
Хоть ясный день ихъ и угонитъ прочь,
Опять въ видѣньяхъ спутаетъ насъ ночь.
Я веселъ съ поля вешняго иду,
Вдругъ птица каркнетъ. Что̀ сулитъ? Бѣду.
Насъ предразсудокъ день и ночь томитъ,
Сбывается, вѣщаетъ и грозитъ,
И такъ стоишь, и страхъ тебя беретъ.
Дверь заскрипѣла, а никто нейдетъ.

(Содрогаясь.)

Тутъ есть ли кто?

Забота.

Отвѣтить нужно: *да*!

Фаустъ.

Но кто же ты?

Забота.

Явилась я сюда.

Фаустъ.

Уйди ты прочь!

Забота.

Какъ разъ тутъ мѣсто мнѣ.

Фаустъ (сперва раздраженъ, затѣмъ успокоясь, про себя).

Не заклинай опять по старинѣ.

Забота.

Ухо пусть меня не слышитъ,
Все же мною сердце дышитъ;
Въ разныхъ видахъ я одна
Мучить каждаго властна.
По дорогѣ, надъ волнами
Я, мучительница, съ вами;
Не искавъ, меня найдешь,
Льстить начнешь, иль проклянешь!
Иль ты заботы не знавалъ?

Фаустъ.

Я свѣтъ-то только пробѣжалъ,
За волоса всѣ похоти хваталъ я,

Что̀ было не по мнѣ,—бросалъ я,
Что̀ ускользало—не ловилъ;
Я лишь хотѣлъ, да исполнялъ,
И вновь желалъ,—и такъ пробушевалъ
Всю жизнь; сначала мощно, шумно,
Теперь иду обдуманно, разумно.
Земля давно извѣстна мнѣ;
А взглядъ *туда* намъ прегражденъ вполнѣ.
Глупецъ! Кто ищетъ слабыми глазами
Подобья своего надъ облаками!
Здѣсь утвердись, да оглянись, межъ тѣмъ
Предъ доблестнымъ міръ видимый не нѣмъ.
Зачѣмъ ему по вѣчности носиться!
Что̀ онъ позналь, тѣмъ можетъ насладиться.
Такъ станетъ день за днемъ онъ проходить
И духовъ блажь его не въ силахъ сбить;
Блаженствъ и мукъ пусть ищетъ онъ въ стремленьи,
Онъ—ненасытный въ каждое мгновенье.

Забота.

Разъ кого я побѣдила,
Въ мірѣ все тому не мило.
Солнце скроется куда-то,
Ни восхода, ни заката;
При сознаньи полномъ внѣшнемъ
Все во мракѣ онъ кромѣшномъ;
Хоть богатствомъ онъ владѣетъ,
Имъ онъ править не умѣетъ.
Въ счастьи, въ горѣ онъ скучаетъ,
Въ изобильи голодаетъ;
Скорбь иль радость вдругъ предстанетъ,
Гнать онъ ихъ на завтра станетъ,
Такъ къ грядущему все рвется
И конца онъ не дождется.

Фаустъ.

Молчи! Тебѣ не сдамся я!
Твой вздоръ мнѣ только слухъ тревожитъ.
Ступай! Пустая литія
И умнаго сбить съ толку можетъ.

Забота.

Уходить? Иль воротиться?—
Вѣкъ не можетъ онъ рѣшиться;
Посреди большой дороги
Онъ на ощупь движетъ ноги.
Озираяся пугливо,
Онъ всѣ вещи видитъ криво,
И собой и всѣмъ стѣсняясь,
Не дыша, а задыхаясь;
Онъ, хоть жизнью и томится,
Не воспрянетъ, не смирится.
Такъ наладитъ безразсудно,
Бросить жалко, дѣлать трудно,

Engelbert Seibertz erf. u. gez. ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА. ВЪ СПБ. Adrian Schleich gest.

То отпуститъ, то придушитъ,
То вздремнетъ, то сонъ нарушитъ,
Все ни съ мѣста до упаду,
Такъ готовится онъ къ аду.

Фаустъ.

Жестокія видѣнья! Такъ людей
Ведете вы чрезъ тысячи страданій
И сводите чреду обычныхъ дней
На чепуху гнуснѣйшую терзаній.
Намъ демоновъ никакъ не отпугнуть;
Упорна цѣпь духовная, я знаю:
Но какъ забота вкрадчива ни будь,
Твоей я власти не признаю.

Забота.

Узнай ее, замѣтишь тутъ
Мое проклятье въ мигъ единый!
Слѣпцами люди вѣкъ живутъ;
Ты, Фаустъ, ослѣпни предъ кончиной!

(Дышитъ на него.)

Фаустъ (слѣпнетъ).

Спускаетъ ночь завѣсу роковую,
Но духъ мой яркимъ свѣтомъ озаренъ;
Что̀ я задумалъ довершить хочу я;
Властительное слово всѣмъ законъ.
Рабы, вставайте! Риньтеся толпой
Осуществить отважный замыслъ мой.
Сильнѣй трудись и заступъ, и лопата!
Что̀ тычками обставлено—то взято.
Порядокъ строгій, быстрый трудъ
Награду дивную найдутъ.
Въ великомъ дѣлѣ духъ преобладаетъ,
На тысячи онъ рукъ одинъ хватаетъ.

Большой дворъ дворца.

Факелы.

Мефистофель (въ качествѣ смотрителя).

Сюда, сюда, скорѣй, скорѣй!
Вы, дряблые лемуры,
Изъ жилъ, тесемокъ и костей
Сплетенныя натуры!

Лемуры (хоромъ).

Мы у тебя тутъ подъ рукой
И словно намъ сдается,
Что преогромною страной
Намъ обладать придется.
Жердей зачищенныхъ запасъ
И цѣпь для мѣры съ нами,
Но почему позвали насъ,—
Мы позабыли сами.

Мефистофель.

Тутъ нѣтъ искусства; дѣло просто—
Держитесь собственнаго роста,
Кто подлиннѣй ложись-ка на-земь вдоль,
А прочіе кругомъ вы дернъ обрѣжьте,
Пріемомъ не замысловатымъ
Врѣзайтесь длиннымъ вы квадратомъ!
Такъ изъ дворца да въ тѣсный домъ,
Все глупость та жъ, съ однимъ концомъ.

Лемуры (роютъ съ насмѣшливыми ужимками).

Какъ молодъ былъ я и любилъ,
Мнѣ жизнь была въ усладу,
Гдѣ чашъ веселый звонъ стоялъ—
Плясалъ я до упаду.

Но злая старость костылемъ
Своимъ меня хватила—
И я на гробовую дверь
Споткнулся—и въ могилу!—

Фаустъ (выходя изъ дворца, ощупываетъ притолку).

Какъ звонъ лопатъ отраденъ мнѣ!
Онъ о толпѣ рабочихъ извѣщаетъ,
Что землю съ ней самой же примиряетъ,
Границу указавъ волнѣ
И море затѣснивъ кругомъ.

Мефистофель.

Для насъ же занятъ ты трудомъ,
Твои плотины да причалы—
Нептуну праздникъ небывалый.
Чортъ водяной имъ будетъ радъ!
Какъ вы ни бейтесь—вы пропали,—
Стихіи къ намъ въ союзъ пристали,
И истребленіемъ грозятъ.

Фаустъ.

Смотритель!

Мефистофель.

Здѣсь!

Фаустъ.

Рабочихъ разыщи,
Сгоняй громаду за громадой,
Бери ты строгостью, наградой—
Плати имъ, увлекай, тащи!
И каждый день мнѣ узнавать придется,
Насколько вдаль канава подается.

Мефистофель (вполголоса).

Не о канавѣ знать народъ,
А о могилѣ рѣчь ведетъ.

Фаустъ.

Болото тянется къ горамъ,
И заражаетъ все, что̀ мы добыли;
Спустить бы грязь гнилую только намъ
Вотъ этимъ бы мы подвигъ завершили.
Мы бъ дали мѣсто многимъ милліонамъ
Зажить трудомъ, хоть плохо огражденнымъ!
Стадамъ и людямъ по зеленымъ нивамъ
На цѣлинѣ придется жить счастливымъ,
Сейчасъ пойдутъ селиться по холмамъ,
Что трудовой народъ насыплетъ самъ.
Среди страны здѣсь будетъ свѣтлый рай,
А тамъ волна бушуй хоть въ самый край,
И гдѣ буруны только входъ прогложутъ,
Тамъ сообща сейчасъ изъянъ заложутъ.
Да, этотъ смыслъ мной подлинно усвоенъ,
Вся мудрость въ томъ, чтобы познать
Что тотъ свободы съ жизнью лишь достоинъ,
Кто ежедневно долженъ ихъ стяжать.
Такъ проживетъ здѣсь, побѣждая страхъ,
Ребенокъ, мужъ и старецъ вѣкъ въ трудахъ.
При видѣ этой суеты
Сбылись бы всѣ мои мечты,
Тогда бъ я могъ сказать мгновенью:

Остановись! Прекрасно ты!

И не исчезнутъ безъ значенья

Земные здѣсь мои слѣды.—

Въ предчувствіи такого счастья я

Достигъ теперь вершины бытія.

(Фаустъ падаетъ навзничь. Лемуры подымаютъ его и кладутъ на землю.)

Мефистофель.

Все жаждетъ счастья онъ и благъ иныхъ,

И похоти одна другой смѣняетъ;

Пустой, дрянной, послѣдній жизни мигъ,

Несчастный задержать желаетъ.

Со мной такъ мощно бился онъ,

Но время царь, старикъ лежитъ сраженъ.

Часы стоятъ.

Хоръ.

Стоятъ! Молчатъ какъ ночь.

И спала стрѣлка.

Мефистофель.

Спала; не помочь!

Хоръ.

И все прошло!

Мефистофель.

Прошло! преглупый звукъ.

Зачѣмъ прошло?

Прошло и *чистое ничто,* вполнѣ равно!

Къ чему намъ вѣчно созиданье

И вслѣдъ затѣмъ въ ничто срыванье!

«Вотъ и прошло»—что̀ бъ это означало?

Да что его какъ бы и не бывало,

А кружится, какъ словно бы и было.

Затѣмъ-то мнѣ пустое—вѣчно мило.

Положеніе во гробъ.

Лемуръ (соло).

Кто плохо такъ сострoилъ домъ

Желѣзною лопатой?

Лемуры (хоромъ).

Ты, гость въ покровѣ холщевомъ,

Тебѣ онъ пребогатый.

Лемуръ (соло).

Кто залу плохо такъ убралъ?

Гдѣ стулья? Какъ убого!

Лемуры (хоромъ).

И то на краткій срокъ онъ бралъ;

Заимодавцевъ много.

Мефистофель.

Плоть здѣсь лежитъ; захочетъ духъ бѣжать,

Листъ предъявлю, что кровью мы писали.—

Къ несчастью, средствъ такъ много отыскали

У чорта души отнимать.

Старинный путь для насъ запалъ,

Насъ не манятъ и новыя дороги;

Что̀ я одинъ, бывало, совершалъ,

Къ тому ступай искать подмоги.

Engelbert Seibertz erf.u.gez. ИЗДАНIЕ А. Ф. МАРКСА, ВЪ СПБ. Adrian Schleich gest.

Во всѣхъ дѣлахъ мы стѣснены!
Обычай, право старины,
Все запаталось подъ ногами.
Бывало вздохъ послѣдній сторожишь;
И, какъ проворнѣйшую мышь,
Ее ты цапъ!—и ухватилъ когтями.
Теперь она все медлитъ покидать
Обитель трупа гадкаго, гнилую,
Пока стихіи наконецъ, враждуя,
Ее съ позоромъ станутъ изгонять.
Хоть истомись я цѣлый день, несчастный,
Когда? и какъ? и гдѣ? вопросъ напрасный;
Смерть потеряла силу быстроты;
И *точно ль?* даже не узнаешь ты;
Смотрѣть на трупъ мнѣ жадно приходилось;
То былъ обманъ, глядишь—зашевелилось.

(Фантастически флигельманскія тѣлодвиженія.)

Скорѣй сюда! удвойте шагъ большой,
Чины прямого и кривого рога!
Прислужники бѣсовскаго чертога,
Несите пасть геенны вы съ собой.
Хотя у ада много, много пастей,
И по чинамъ привыкъ онъ всѣхъ глотать;
Но въ будущемъ и этого отчасти
Уже въ расчетъ не станутъ принимать.

(Ужасный адскій зѣвъ разверзается слѣва.)

Разверзлись зубы, изъ гортани жаркой
Дохнуло пламя на меня,
И въ глубинѣ, гдѣ пылъ-то самый яркій,
Я вижу городъ вѣчнаго огня.
Вотъ до зубовъ волна огней плеснула,
И грѣшники, подплывъ, спасенья ждутъ,
Но страшная геенна ихъ жевнула
И вспять они по пламени текутъ.
И по угламъ премного мукъ кромѣшныхъ,
Хоть ужасамъ и не великъ пріютъ!
Прекрасно, что пугаете вы грѣшныхъ,
Они все это лживымъ спомъ сочтутъ.

(Къ толстымъ чертямъ короткаго, прямого рога.)

Вы, брюханы, въ огнѣ раздуты пылкомъ,
Въ васъ адской сѣрѣ клокотать просторъ;
Вы, чурбаны, съ негнущимся затылкомъ!
Блюдите низъ, не скажется ль фосфоръ:
То душенька, то крылья мчатъ психею;
Ихъ вырвите—и дрянь червякъ она;
Ее клеймомъ своимъ запечатлѣю,
И будь она гееннѣ отдана.
Предѣловъ нижнихъ слѣдъ держаться
Вамъ, бурдюки, и наблюдать:
Угодно ль тамъ ей оставаться—
Нельзя навѣрное сказать.
Всего вѣрнѣй она въ пупкѣ живетъ;
Такъ не зѣвать, оттуда ускользнетъ.

(Къ худощавымъ чертямъ длиннаго, кривого рога.)

Ей, великаны, что торчать шестами!
Глядите вверхъ на воздухъ, дурачье,
Готовьте руки съ острыми когтями,
Когда порхнетъ,—хватайте вы ее!
Но вѣрно ей ужъ старый домъ претитъ,
А геній-то все кверху поровитъ.

(Сіяніе сверху справа.)

Небесныя силы.

Вейтесь посланцы,
Неба избранцы,
Дайте просторъ!
Грѣшныхъ прощаетъ,
Прахъ оживляетъ!
Каждой природѣ
Къ свѣтлой свободѣ
Путь пролагаетъ
Медлящій хоръ.

Мефистофель.

Нескладица, противное блеянье
Въ недобрый день несется сверху къ намъ;
Женоподобныхъ шельмецовъ оранье,
Такое, что лишь по сердцу ханжамъ.
Вы знаете, когда мы измышляли
Людскую гибель въ распроклятый часъ:
Все, что мы гнуснаго сыскали,
Молитвѣ любо ихъ какъ разъ.
Обманетъ сволочь, схватитъ налетая!
Мы не впервой предъ ними въ дуракахъ—
Оружьемъ нашимъ насъ же поражая,
Они все тѣ же черти, въ пеленахъ.
Навѣки стыдъ поддаться нынѣ тоже;
Къ могилѣ всѣ и будьте насторожѣ!

Хоръ Ангеловъ (сѣя розы).

Розы блестящія,
Сладко дышащія,
Тихо парящія,
Жизнья дарящія,
Въ листьяхъ крылатыя,
Въ почкахъ зачатыя,
Время вамъ цвѣсть!
Міръ расцвѣчайте
Зеленью весь!
Рай навѣвайте
Спящему здѣсь!

Мефистофель (сатанамъ).

Не гнись, не жмись! Въ аду-то развѣ такъ?
Держитесь, пусть ихъ разсѣваютъ,
Исправенъ будь на мѣстѣ всякъ!
Цвѣточнымъ снѣгомъ, что ль, мечтаютъ
Они чертей горячихъ закидать?

Въ дыханьи вашемъ таетъ весь пустякъ.

Вы, поддувалы, дуйте! Полно, стой!

Вы дунули и блекнетъ легкій рой.

Чтò крѣпко такъ? Хоть морды бы заткнули!

Вы слишкомъ сильно ужъ подули;

И мѣры-то никто не сохранитъ!

Не только жмется, сохнетъ все, горитъ!

Вотъ ядовитымъ пламенемъ слетѣло!

Смѣлѣй стоять, держись другъ дружки смѣло!

Исчезла мощь, волненье по рядамъ;

Умильный жаръ почуялся чертямъ.

Ангелы.

Цвѣтики честные,
Пламя небесное,
Полны любви они,
Сердцу сулятъ они
Радости сѣнь.
Слово о мирѣ—
Въ чистомъ эѳирѣ
Шире и шире
Блещущій день!

Мефистофель.

О срамъ! О стыдъ! Чтò сталось съ вами?

И сатаны внизъ головами!

Пошли болваны кувыркомъ,

И въ адъ стремглавъ летятъ купаться.

Часъ добрый париться огнемъ!

Одинъ рѣшился я держаться.—

(Сражаясь съ горящими розами.)

Прочь! не порхай, блудящій огонекъ!

Тебя схвати, такъ гадкій ты комокъ.

Чего пристали? Больно вы ужъ пылки!

Меня печетъ какъ сѣрой на затылкѣ.

Хоръ Ангеловъ.

Чего чуждаетесь,
Къ тому не льните;
Чѣмъ возмущаетесь,
Вы не терпите.
Передъ насиліемъ
Стойте съ усиліемъ!
Любящій любящихъ
Только зоветъ!

Мефистофель.

Жжетъ голову и грудь, и печень мнѣ!

Въ сверхдьявольскомъ горю огнѣ!

Кипѣть въ аду не такъ ужасно!

Вотъ почему такъ громогласно

Вопите вы, влюбленные, когда

Измѣнницы вы ищете слѣда.

И я! Зачѣмъ въ ту сторону гляжу я?

Вѣдь съ ними вѣкъ я жилъ враждуя.

На взглядъ привыкъ враговъ въ нихъ узнавать.

Иль чѣмъ-то чуждымъ грудь моя объята?
Вы милы мнѣ, прелестные ребята;
И отчего васъ не могу ругать?—
Но если я поддамся ихъ обманамъ,
Кого же звать мы станемъ дуракомъ?
А къ ненавистнымъ мальчуганамъ,
Я чувствую, влечетъ меня тайкомъ!—

Желалъ бы, дѣточки, узнать я,
Не Люциферъ ли породилъ и васъ?
Вы милы, васъ хотѣлъ бы цѣловать я;
Вы словно кстати здѣсь какъ разъ.
Мнѣ такъ естественно, привольно,
Какъ будто васъ видалъ я съ давнихъ дней!
Какъ кошечка, я ластюсь къ вамъ невольно;
Взгляну на васъ,—вы все милѣй, милѣй.
Приблизьтесь же ко мнѣ, склоните взглядъ!

Ангелы.

Вотъ мы къ тебѣ, а ты чего назадъ?
Мы близимся, ты не бѣги смущенъ.

(Ангелы, летая, занимаютъ все пространство.)

Мефистофель (отодвинутый на авансцену).

Браните насъ вы злобными духами,
А колдуны вы прямо сами;
Чтобъ соблазнять мужей и женъ.—
Чтȯ за предательское дѣло!
Ужъ не любовь ли тутъ шалитъ?
Въ огнѣ какъ будто бы все тѣло;
Чуть слышу я, что на плечахъ горитъ!—
Вы носитесь, такъ вы сюда слетайте,
Прелестнымъ членамъ свѣтской воли дайте!
Вполнѣ прекрасна строгость въ васъ;
Но улыбнитесь же хоть разъ;
Да, этимъ бы я восторгался вѣчно.
Ну, какъ влюбленные глядятъ—конечно,
Съ оттѣночкомъ у рта, вотъ весь и сказъ.
Ты, длинный, всѣхъ милѣй мнѣ безъ сомнѣнья;
Поповское оставь ты выраженье,
Немножко страстно на меня взгляни!
Ходить бы вамъ приличнѣй обнажась;
Сорочки эти длинны такъ напрасно,—
Вотъ, вотъ летятъ, спиной оборотясь!
Бездѣльники вѣдь лакомы ужасно!—

Хоръ Ангеловъ.

Ты просіялъ бы,
Пламень любовный!
Такъ и грѣховный
Правду позналъ бы,
Чтобы отъ злого
Спасшись земного,
Въ горней обители
Счастье найти!

Engelbert Seibertz erf. u. gez. ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА. ВЪ СПБ. Martin Storz gest.

Мефистофель (приходя въ себя).

Но что̀ со мной! Какъ Іова покрыло
Меня всего болячками; но нѣтъ!
Я торжествую и при видѣ бѣдъ;
Въ себя, въ свою породу вѣрить слѣдъ.
Возрождена чертовскихъ членовъ сила!
На кожу вышелъ весь любовный бредъ,
Огнемъ я гнуснымъ больше не пылаю,
И всѣхъ я васъ, какъ должно, проклинаю!

Хоръ Ангеловъ.

Пламя святое!
Кто имъ овѣянъ,
Ризой одѣянъ
Тотъ не земною.
Выше и шире!
Пойте вокругъ!
Чище въ эѳирѣ,
Взвѣйся ты, духъ!

(Они возносятся, унося Фаустово безсмертное.)

Мефистофель (озираясь).

Но что жъ? Куда они дѣвались?
У малолѣтокъ я попалъ впросакъ!
Они съ добычей къ небесамъ умчались;
Вотъ почему къ могилѣ льнули такъ!
Великій кладъ, безцѣнный потерялъ я:
Возвышенную душу, что стяжалъ я,
Они ее подтибрили-то какъ!
Гдѣ жалобу мою хоть слушать станутъ?
Кто отстоитъ права мои въ борьбѣ?
На старости ты лѣтъ теперь обманутъ;
Ты заслужилъ, что плохо такъ тебѣ.
Я все сгубилъ ошибкой несомнѣнной,
Плода усилій страшныхъ я лишенъ;
Любовью глупой, похотью презрѣнной
Чортъ закаленный проведенъ.
Коли въ такія дѣтскія дѣла
Вдался такой бывалый неумѣло,
То глупость ужъ конечно не мала,
Которая къ концу имъ овладѣла.

Горныя ущелья, лѣсъ, скала, пустыня.

Святые анахореты, отдѣльно по горѣ, расположась между пропастями.

Хоръ и Эхо.

Рощи качаются,
Скалы смежаются,
Корни впиваются,
Сосны вздымаются;
Брызжетъ волна волнѣ,
Пропасть таитъ вполнѣ;
Львы къ намъ являются,
Молча ласкаются,
Чтутъ безгрѣховную
Пристань любовную.

Pater ecstaticus (паря внизъ и вверхъ).

Вѣчныхъ блаженствъ струи,
Пламенность изъ любви,
Грудь вся горящая,
Богомъ кипящая.
Стрѣлы, разите насъ,
Копья, пронзите насъ.
Млаты, дробите насъ,
Молніи, жгите насъ,
Чтобъ все мгновенное
Рушилось тлѣнное,
Звѣздно сіяй одно
Вѣчной любви зерно.

Pater profundus (низшая область).

Какъ здѣсь у ногъ моихъ ущелье
Въ глубокой пропасти лежитъ;
Какъ тысяча ручьевъ въ весельи
И въ пѣнѣ въ бездну пасть спѣшитъ;
Какъ силой, вверхъ его несущей,

Древесный стволъ въ эѳиръ влечетъ,—
Такъ и любовью всемогущей
Все создается, все живетъ.

Вокругъ меня погромъ жестокій,
Лѣсъ словно ходитъ со скалой!
А все жъ любовно такъ потоки
Стремятся къ пропасти глухой,
Долину оросить имъ надо;
А молніямъ, что̀ внизъ летятъ,
Очистить воздухъ весь отъ яда,
Что̀ испаренія таятъ.—
То вѣстники любви вѣщаютъ
О томъ, что̀ зиждетъ все вокругъ.
Пусть и во мнѣ воспламеняютъ
Они холодный, смутный духъ,
Что цѣпь мучительную тоже
Еще не въ силахъ былъ стрясти.
Смири Ты помыслы, о Боже!
Мое Ты сердце просвѣти!

Pater Seraphicus (средняя область).

Что̀ за облачко струится
Надъ вершиною лѣсной?
Что̀ сокрыто въ немъ? А мнится,
Это духовъ юный рой.

Хоръ блаженныхъ мальчиковъ.

Ахъ, отецъ, куда мы мчимся?
Кто мы? добрый, намъ открой!
Мы довольны; веселимся
Бытія живой игрой.

Pater Seraphicus.

Дѣти ночи преходящія,
Недозрѣвшія мечты,
Для родителей пропащія,
Прибыль Ангельской среды!
Если любящаго чистыхъ
Вы признали,—такъ сюда!
Но путей земныхъ, тернистыхъ
Въ васъ, счастливцы, ни слѣда.
Въ органъ глазъ моихъ вступите,
Это органъ міровой;
Какъ бы въ свой въ него глядите
Вы на этотъ видъ земной!

(Принимаетъ ихъ въ себя.)

Это—лѣсъ, а тамъ—по скаламъ
То̀ потокъ, надъ крутизной,
Низвергая валъ за валомъ,
Путь выгадываетъ свой.

Блаженные мальчики (изнутри).

Мощный видъ, но видъ суровый;
Трудно намъ его снести,
Насъ объемлетъ ужасъ новый,
Доблій, добрый, насъ пусти!

Pater Seraphicus.

Возноситесь, понемногу
Возрастая каждый часъ,
Какъ отъ вѣка близость къ Богу
Укрѣпляетъ силы въ насъ.
Духъ питаетъ дуновенье,
Что въ эѳирѣ лишь витаетъ;
Вѣчной жизни откровенье,
Что къ блаженству призываетъ.

Хоръ блаженныхъ мальчиковъ

(кружась надъ высшими вершинами).

Руки сплетайте
Въ радостный хоръ живой,
Пойте, летайте
Съ пѣсныю любви святой!
Внявъ о святынѣ,
Слѣдъ уповать,
Чтимаго нынѣ
Вамъ созерцать!

Ангелы (парящіе въ высшей атмосферѣ, унося Фаустово безсмертное).

Часть благородную отъ зла
Спасъ нынѣ міръ духовный:
Чья жизнь стремленіемъ была,
Тотъ чуждъ среды грѣховной.
А если и любовь объять
Его слетаетъ свѣтомъ,
Блаженный хоръ его встрѣчать
Спѣшитъ своимъ привѣтомъ.

Младшіе ангелы.

Эти розы, что держали
Покаянныхъ грѣшницъ руки,
Намъ въ побѣдѣ помогали,
Облегчали наши мýки.
Кладъ души мы сей стяжали,
Ими злыхъ мы закидали.
Черти врозь, какъ въ нихъ попало.
Вмѣсто адскихъ мукъ, познала
Ихъ среда любви мученья.
Сатана и тотъ въ смятеньи,
Какъ стрѣлой пронзенъ горячей.
Возликуйте надъ удачей!

Болѣе совершенные ангелы.

Бренныхъ останковъ гнётъ
Несть намъ такъ больно;
Самый азбестъ—и тотъ
Чистъ не довольно.
Коль мощь духовная
Прильнетъ къ стихіи
Во узы кровныя,
Даже святые
Не разрѣшатъ двойной
Жизни сближенье:

Въ вѣчной любви одной

Ихъ разрѣшенье.

Младшіе ангелы.

Какъ дуновенія

Въ выси верховной,

Чую волненія

Жизни духовной.

Тучекъ свѣтлѣй края,

Вижу блаженныхъ я

Мальчиковъ хоры;

Ихъ не томитъ земной,

Тягостный сонъ.

Тѣшитъ ихъ взоры

Міръ красоты иной,

Въ блескъ погруженъ.

Будь онъ сожитіемъ,

Съ вѣчнымъ развитіемъ,

Къ нимъ пріобщенъ!

Блаженные мальчики.

Благо личинкой могъ

Стать этотъ чаемый;

Ангельскій въ немъ залогъ

Такъ получаемъ мы.

Снимемте пряди всѣ

Бытности тлѣнной,

Ужъ онъ возросъ вполнѣ

Къ жизни священной.

Doctor Marianus.

(Въ высшей, чистѣйшей келіи.)

Здѣсь такъ свободенъ я

Духомъ подняться.

Женъ тамъ паритъ семья,—

Выше стремятся;

И неневѣстная

Межъ нихъ сіяетъ,

Царица небесная

Все озаряетъ.

(Восторженно.)

Ты, владычица міровъ!

Дай мнѣ зрѣть въ пустынѣ,

Гдѣ небесъ синѣетъ кровъ,

Тайнъ твоихъ святыни.

Не отвергни, что̀ въ груди

Мужа строго дышитъ,

Что̀ влечетъ къ тебѣ идти

И любовью пышетъ.

Сколько мощи въ насъ самихъ

При твоемъ велѣньи;

Но огонь нашъ гаснетъ вмигъ

Въ свѣтломъ примиреньи.

Дѣва-мать, изъ всѣхъ одна,

Чтимая всечасно;

Ты въ царицы намъ дана,

Богу сопричастна!

Къ ней бѣлоснѣжныхъ

Льнетъ тучекъ стая:

То грѣшницъ нѣжныхъ

Семья нѣмая,

Къ ея колѣнямъ

Сердца приноситъ,

Пощады проситъ.

Предъ недосягаемой,

Предъ тобой открыто,

Что для искушаемой

Ты одна защита.

Трудно слабымъ устоять,

И искать спасенья;

Кто же въ силахъ самъ порвать

Цѣпи вожделѣнья?

Какъ легко нога скользнетъ

По отлогой глади!

Кто въ безумство не впадетъ

Вздоховъ, взглядовъ ради?

Mater gloriosa (паритъ по воздуху).

Хоръ кающихся грѣшницъ.

Паря къ селеньямъ

Нагорнымъ рая,

Внемли моленьямъ,

Ты всесвятая,

Ты всеблагая!

Magna Peccatrix.

Ради той любви, что много

Слезъ къ стопамъ лила съ елеемъ

Твоего же Сына—Бога,

Не смущаясь фарисеемъ;

Ради урны, что струями

Благовонье изливала,

Ради той, что волосами

Мягко ноги отирала...

Mulier Samaritana.

Ради кладезя, гдѣ жадно

Авраама паства жалась;

Ради той бадьи, что хладно

Устъ Спасителя касалась;

Ради чистаго потока,

Что оттуда избѣгаетъ,

Вѣчно ясно и широко

Міозданье обтекаетъ!—

Maria Aegyptiaca (acta Sanctorum).

Ради мѣстъ священныхъ вѣрѣ,

Гдѣ Господь былъ положенъ;

Ради длани, коей въ двери

Входъ мнѣ строго возбраненъ;

Ради жизни покаянья,

Сорокъ лѣтъ въ степи, въ тоскѣ;

Ради словъ, что на прощанье

Я писала на пескѣ...

Engelbert Seibertz erf. u. gez.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА. ВЪ СПБ.

Adrian Schleich gest.

Втроемъ.

Ты, которая взираешь
На великихъ грѣшницъ окомъ,
Имъ стяжать не возбраняешь
Свѣтъ въ смиреніи высокомъ,
И душѣ ты доброй этой,
Что ошиблась въ мигъ забвенья,
Не вмѣняй ей, не посѣтуй,
Отпусти ей прегрѣшенья!

Una poenitentium

(называвшаяся прежде Гретхенъ, присоединяется къ нимъ).

Съ выси чистой
Много лучистый,
Ликъ свой пречистый
На это счастье обрати!
Давно любимый,
Ужъ не смутимый,
Ко мнѣ въ пути!

Блаженные мальчики

(приближаясь въ кругообразномъ движеніи).

Онъ перерось ужъ насъ
Могучимъ тѣломъ,
Пойдетъ вослѣдъ какъ разъ
Призывамъ смѣлымъ.
Мгновенной жизни сонъ
Здѣсь насъ не мучитъ;
Но онъ учился, онъ
И насъ научитъ.

Одна изъ кающихся

(прежде называвшаяся Гретхенъ).

Средь хора, гдѣ блаженство льется,
Пришлецъ пока и самъ не свой,
По жизни свѣжей лишь коснется,
Въ святомъ онъ сонмѣ станетъ свой.
Какъ оболочку онъ земного,
Земныя узы отрѣшилъ,
Какъ изъ эѳирнаго покрова
Вновь проступила юность силъ!
Дозволь мнѣ быть ему примѣромъ!
Еще онъ блескомъ ослѣпленъ.

Mater gloriosa.

Приди! Взносись ты къ высшимъ сферамъ!
Тебя учуя, вслѣдъ и онъ.

Doctor Marianus (павши ницъ).

На спасенье киньте взоръ
Въ покаяньи нѣжномъ,
Чтобъ объялъ блаженный хоръ
Миромъ васъ безбрежнымъ!
Лучшій помыслъ чтобъ не гасъ,
Насъ съ тобой сближая!
Дѣва, мать, царица, насъ
Защити, святая!

Chorus mysticus.

Все преходящее—

Только сравненье;

Сномъ лишь парящее,

Здѣсь исполненье;

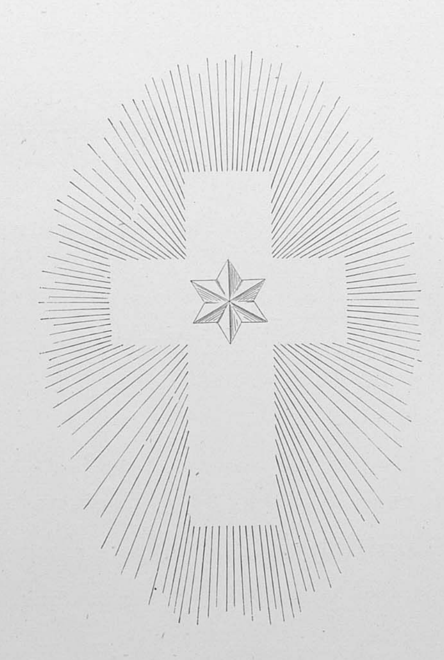
Здѣсь все безбрежное

Въ явной порѣ;

Женственно-нѣжное

Взноситъ горѣ.

FINIS.

Объясненіе второй части.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

стран.
7. *Успокоеніе Фауста, его пробужденіе и намѣренія.*
Открывающаяся сцена не служитъ прямымъ перехо-
домъ отъ послѣдней сцены тюрьмы. Фаустъ, оче-
видно, какъ и въ первой части, искалъ освѣженія
на лонѣ безлюдной природы. Знакомый намъ изъ
шекспировской *Бури*, тонкій и умный представи-
тель элементарныхъ духовъ, *Аріель*, приглашаетъ
благодѣтельныхъ эльфовъ, дыханіемъ вешняго вечера
8. освѣжить измученнаго Фауста. Тацитъ сообщаетъ о
вѣрованіи германцевъ, что въ извѣстный моментъ
заходящее солнце издаетъ звукъ. Изумительно это
миѳическое указаніе на сродство свѣтовыхъ и зву-
ковыхъ явленій. Аріель называетъ звуки, приноси-
мые восходящимъ солнцемъ, *неслыханными*, въ смы-
слѣ невыносимыхъ для слуха. Подкрѣпленный сномъ,
Фаустъ пробуждается въ райской мѣстности, при опи-
саніи которой Гёте, по собственному признанію пе-
редъ Экертомъ, имѣлъ въ виду берега озеръ четырехъ
9. Кантоновъ. Невыносимый блескъ солнца напоминаетъ
ему страшную границу людскихъ стремленій, представ-
шую ему нѣкогда въ образѣ духа земли. Въ водо-
падѣ онъ видитъ подобіе людской жизни, съ ея вѣч-
нымъ общимъ стремленіемъ, несмотря на мгновен-
ность индивидуума. Въ этомъ образѣ Фаустъ узнаетъ
жизненность собственнаго порыва. Онъ готовъ на
новые поиски.
11. *Мефистофель въ государственномъ совѣтѣ.* Мефи-
стофель переноситъ Фауста въ большой свѣтъ и даже
прямо въ императорскій дворецъ, гдѣ надѣется осѣ-

стран.
тить его честолюбіемъ, но близкое въ слабыхъ рукахъ
эгоизма къ распаденію государство не представляетъ
Фаусту ничего привлекательнаго. Мефистофель дол-
женъ сперва приготовить Фаусту путь ко двору и
пользуется случаемъ заступить мѣсто шута, безъ
котораго, равно какъ и безъ ученаго астролога,
императоръ не можетъ обойтись. Мефистофель вры-
вается во дворецъ съ загадкой, разгадка которой
12. заключается въ словѣ *шутъ*. Толпа, боящаяся голоса
правды, хотя бы и въ шутовской формѣ,—волнуется.
Императоръ, опираясь на счастливое предсказаніе
астролога, желалъ бы предаться маскараднымъ удо-
вольствіямъ и только не охотно уступаетъ просьбамъ
сановниковъ приступить къ совѣщанію съ государ-
14. ственными цѣлями. Главные представители власти—
архіепископъ-канцлеръ, главнокомандующій, государ-
ственный казначей и кастелянъ послѣдовательно жалу-
ются на государственное неустройство, не указывая
15. ни малѣйшаго средства къ исправленію зла. Ловкій
Мефистофель, къ которому императоръ съ безсиль-
ной иронiей обращается съ вопросомъ: не знаетъ ли
онъ еще какого зла,—становится на сторону льсти-
ваго астролога и, видя одно величіе, блескъ и могу-
щество, указываетъ, какъ на ничтожное обстоя-
тельство, на недостатокъ денегъ. По обороту его
рѣчи толпа догадывается, что у Мефистофеля готовъ
проектъ.

Никто изъ близорукихъ и эгоистическихъ блюсти-
телей власти не можетъ понять, что благосостояніе

СТРАН.

страны основано на органическомъ содѣйствіи всѣхъ къ правильной разработкѣ таящихся въ ней силъ, а не въ механическомъ обиліи золота, которое, служа только внѣшнимъ выраженіемъ органическаго труда и довольства, тотчасъ же отливаетъ туда, гдѣ господствуетъ обиліе продуктовъ. Мефистофель ловко пользуется ихъ слѣпой вѣрой въ золото, хотя знаетъ, что доставленіемъ денежныхъ знаковъ, онъ, удовлетворивъ общей жаждѣ на время, только увеличитъ затрудненія. Жаждущимъ золота онъ указываетъ на то, что его много въ видѣ руды въ горахъ и въ видѣ монеты въ старинныхъ стѣнахъ, откуда ихъ можетъ
16. извлечь только по *природѣ* мощный *духъ*. Слова *природа* и *духъ* смущаютъ архіепископа-канцлера, какъ антирелигіозныя, и онъ упрекаетъ Мефистофеля въ революціонномъ ученіи. Мефистофель отклоняетъ упреки шуткой надъ учеными; но императоръ нетерпѣливо требуетъ разгадки обѣщанія денегъ. Мефистофель указываетъ на то, что въ минуты воинскихъ бѣдствій, начиная съ переселенія народовъ, всѣ старались зарывать свои богатства въ землю, а все зарытое въ землѣ принадлежитъ по закону импе-
17. ратору. Всѣ радуются такому направленію дѣла, а Мефистофель вступаетъ въ сообщество съ астрологомъ, чтобы устами ученаго говорить двору то, что сочтетъ въ данную минуту для себя полезнымъ. Онъ ссылается на положительные пріемы астрологіи, въ которой небесная сфера раздѣлена на 12 отдѣловъ, называемыхъ *домами*. Находящійся на крайнемъ востокѣ горизонта считается 12-мъ домомъ, а непосредственно за нимъ, скрытый за горизонтомъ,— первымъ, въ извѣстный день и часъ (Dr. Sonleiden, Populäre Vorträge, 1855, ст. 223). Астрологія въ своемъ напыщенномъ истолкованіи положенія свѣтилъ, поддерживаетъ общее мнѣніе о всемогуществѣ драгоцѣнныхъ металловъ, свидѣтельствуя, что небесное солнце само чистое золото, а луна — серебро. Императоръ замѣчаетъ подсказываніе Мефистофеля, а толпа бранитъ составителей календарей (астрологовъ). Мефистофель, издѣваясь надъ недовѣріемъ толпы, говоритъ про таинственныя указанія природы, посредствомъ испытываемыхъ нами вблизи кладовъ ощущеній зуда и тягости въ ногахъ. Висѣльникъ (вырѣзанный изъ корня растенія Мандрагоры— Alraune)—помогаетъ открывать клады; оберегали ихъ
18. черныя собаки, змѣи и драконы. Императоръ требуетъ указанія кладовъ, угрожая въ противномъ случаѣ Мефистофелю смертью. Мефистофель еще болѣе раздражаетъ его желанія описаніемъ сокрытыхъ сокровищъ, которыя иногда попадаются и простому крестьянину на бороздѣ, и совѣтуетъ требовательному императору лично взяться за лопату.

СТРАН.

19. Императоръ готовъ приняться за трудъ, но астрологъ, подъ предлогомъ необходимой сосредоточенности при такомъ трудѣ, предлагаетъ отбыть сначала шумный карнавалъ. Такое предложеніе по сердцу ищущаго развлеченій императора, а Мефистофель радъ случаю поглумиться надъ глупцами, воображающими, что цѣль человѣчества, отдавшись праздности, покупать на золото тѣ продукты, которые бываютъ лишь плодомъ громаднаго труда.

20. *Маскарадъ*, въ которомъ Фаустъ появляется въ костюмѣ Плутуса, бога богатства, результата умственныхъ и нравственныхъ силъ, указываетъ на прямую противоположность Фауста съ императоромъ, ослѣпленнымъ окружающимъ его мишурнымъ блескомъ. Герольдъ объявляетъ, что маскарадъ не будетъ мрачнымъ воспроизведеніемъ нѣмецкой фантазіи о мертвецахъ, чертяхъ и шутахъ, а по примѣру Италіи, куда императоръ ѣздилъ короноваться, будетъ представлять легкую и осмысленную забаву. Изъ дальнѣйшаго хода уясняется, что Фаустомъ и Мефистофелемъ начертанъ весь планъ маскарада.

Первое отдѣленіе относится къ внѣшнимъ жизненнымъ благамъ и направленнымъ на нихъ условіямъ.
22. Эти блага представлены въ видѣ цвѣтовъ и плодовъ. При этомъ *оливковая вѣтвь съ плодами* и *вѣнокъ изъ колосьевъ* указываетъ на пользу, а *фантастическій вѣнокъ* и *фантастическій букетъ*—на искусственную красоту, силящуюся превзойти самую природу, чему *розы* противопоставляютъ свою значительность. *Теофрастъ*—отецъ древней ботаники. Неаполитанскіе *садовники* просятъ флорентинскихъ *цвѣточницъ* придать своими цвѣтами красоты ихъ полезнымъ плодамъ.

Если цвѣты и плоды служатъ выраженіемъ внѣшнихъ благъ, то слѣдующія маски представляютъ
23. *зависимость отъ внѣшнихъ благъ*. *Мать и Дочь*, и прекрасныя ея подруги среди рыбаковъ и птицелововъ, изображающихъ жениховъ, служатъ общимъ выраженіемъ той вѣчной ловли жениховъ, за которой таится желаніе матеріальнаго обезпеченія женщины.

24. *Дровосѣки и полишинели*—представители вѣчной неравномѣрности распредѣленія благъ земныхъ, причемъ праздные еще и насмѣхаются надъ трудящимися.

25. *Паразиты* (латинскіе scurrae) и *пьяница*—представители рабскаго отношенія людей къ земнымъ благамъ. Первые—рабы хлѣбосоловъ, а вторые— собственнаго порока.

26. Съ подобнымъ же оттѣнкомъ являются и придворные поэты, старающіеся другъ у друга оспорить первенство. Хотя *сатирикъ* и принимаетъ видъ сво-

СТРАН.

боднаго карателя нравовъ, но въ сущности онъ тотъ же льстецъ желанію толпы услыхать худое про другого. Оставляя въ сторонѣ несговорчивыхъ Прутковыхъ, герольдъ вызываетъ греческую миѳологію.

Граціи выражаютъ *благосклонность*, сближающую людей и смягчающую ихъ отношенія. Гезіодъ называетъ трехъ Грацій: *Аглаю* (блескъ), *Талію* (счастье) и *Евфрозину* (веселость). Но въ виду того, что Талія общеизвѣстное имя одной изъ 9 музъ, Гёте замѣнилъ его именемъ *Гегемоны* (повелительницы). Аѳиняне чтили 2-хъ грацій: *Гегемону* и *Ауксо* (Αὐξώ) (возростаніе).

Парки—представительницы *нравственной правомѣрности*. Ихъ имена указываютъ, что Клото (пряха) прядетъ нить жизни, *Лахезисъ* (снабдительница) ее продолжаетъ, а *Атропосъ* (неотвратимая) ее перерѣзаетъ. Гёте заставилъ Клото и Атропосъ на время помѣняться ролями, въ виду того, что нерѣдко блестящія надежды погибаютъ. По вызову герольда,
27. *Фуріи*, являясь въ милой маскарадной формѣ, тѣмъ не менѣе, подобно другимъ маскамъ, высказываютъ свое существо. *Алекто* (никогда ни успокоивающаяся) представляетъ первое недовѣріе и охлажденіе къ предмету любви, таящееся въ сердцѣ и послѣ при-
28. миренія. *Мегера* (неблагопріятная)—представительница ненасытности, смущающей сердечные союзы и ведущей къ дѣйствительной невѣрности. *Тизифона* (кровомстительница) воплощенная супружеская месть.

Засимъ слѣдуетъ изображеніе *благоустроеннаго государства, въ которомъ всѣ соединяются для содѣйствія общему благу*. Тяжелый слонъ, увѣшанный коврами, несетъ на хребтѣ своемъ башню, со стоящей на ней *Викторіей, богиней всякаго дѣянья*.
29. *Благоразуміе*, сидя на затылкѣ исполина, управляетъ имъ небольшой палочкой, какъ это дѣлаютъ карнаки. Благоразуміе, управляющее государствомъ, заковало двѣ враждебныя ему силы. *Боязнь* за успѣхъ всякой правильной государственной дѣятельности въ самой залѣ видитъ всюду одно ей враждебное. Прямой ей противоположностью является легкомысленная *надежда* на внѣшнее, ничѣмъ не заслуженное благо. Ясная обдуманность, сводящая всѣ силы къ общей дѣятельности, въ образѣ богини побѣды, руководитъ государствомъ.

Рядомъ съ ней поэтъ выводитъ ничтожныя побужденія завистливыхъ демагоговъ, поносящихъ все высокое, которое они желали бы принизить до соб-
30 ственнаго уровня. Выведенный здѣсь *Зоилоѳирситъ* собственно не принадлежитъ къ выступившему кортежу, а только ворвался въ него, по наущенію злобнаго Мефистофеля. Гёте позаимствовалъ двойное имя съ одной стороны у придирчиваго грамматика треть-

СТРАН.

яго столѣтія до Р. Хр. Зоила, стяжавшаго прозваніе *бича Гомера*, а съ другой—у безобразнаго Ѳирсита Иліады, и какъ нѣкогда Одиссей унялъ Ѳирсита жезломъ, такъ и здѣсь герольдъ поражаетъ Зоилоѳирсита, изъ котораго свертывается яйцо, выпускающее изъ себя ехидну и нетопыря, эмблемы злобы и безобразія, пугающія гостей къ радости Мефистофеля. Герольдъ, опасающійся, чтобы въ окна не ворвались еще подобные злые гости, видитъ новое явленіе. Приближается *избытокъ*, являющійся слѣдствіемъ и наградой мудраго, прозорливаго и могу-
31. щественнаго государственнаго управленія. Влетаетъ колесница на четвернѣ драконовъ и, никого не задѣвая, останавливается среди толпы. И это явленіе принадлежитъ къ маскараду, такъ какъ Фаустъ рѣшился принять въ немъ участіе въ образѣ Плутуса. Драконами правитъ мальчикъ, а на колесницѣ сидитъ цар-
32. ственная особа. Мальчикъ вызываетъ герольда назвать то и другое аллегорическое лицо; но герольдъ описываетъ ихъ внѣшнимъ образомъ. Мальчикъ обзываетъ своего повелителя богомъ богатства, котораго такъ желаетъ императоръ. *Плутусъ*, подъ которымъ скрывается Фаустъ, изображаетъ достатокъ, проистекающій изъ счастливаго государственнаго упра-
33. вленія Викторіи. Себя *мальчикъ* обзываетъ расточительностью — поэзіей, въ смыслѣ общаго служенія прекрасному въ свободныхъ искусствахъ. Въ смыслѣ искусства онъ связанъ съ Плутусомъ, какъ предшествующимъ основаніемъ художествъ. Свое расточительное богатство онъ заявляетъ ребяческими щелчками, превращающимися въ драгоцѣнности, среди которыхъ прорываются и огоньки, западающіе въ людскія сердца. Но когда всѣ раздаваемыя драгоцѣнности въ непосвященныхъ рукахъ превращаются въ жуковъ и мотыльковъ, то герольдъ видитъ во
34. всемъ только насмѣшки мальчика надъ толпой. Видя неспособность толпы понять его значеніе, мальчикъ проситъ своего повелителя свидѣтельствовать о немъ. Плутусъ признаетъ его духомъ своего духа, постоянно осуществляющимъ его высшія мечты и обладающимъ богатствомъ, съ которымъ Плутусово не выдерживаетъ сравненія, хотя и служитъ матеріальнымъ основаніемъ художественному богатству и всяческому духовному развитію, а не наоборотъ. Огоньки истинной поэзіи гаснутъ на непосвященныхъ головахъ. Непосредственнымъ доказательствомъ низменныхъ интересовъ толпы служитъ *болтовня* собравшихся поглядѣть на маскарадъ *бабъ*, которыхъ все вниманіе привлекъ *исхудалый* Мефистофель, сидящій на запяткахъ у Плутуса, какъ олицетворенный его контрастъ въ образѣ *скупца*. Имъ хочется его
35. ущипнуть, но онъ отвѣчаетъ имъ бранью. Бабы со-

СТРАН.

бираются бить скупца, но, испуганныя огнедышащими драконами, разбѣгаются

Хотя искусство, опирающееся на избыткѣ, и служитъ послѣднему лучшимъ украшеніемъ, но оно можетъ достигнуть вершины своего развитія, только
36. отрѣшась отъ мірскихъ суетъ въ уединеніи. При прощаніи съ Плутусомъ мальчикъ указываетъ на различіе между судьбой поклонниковъ богатства и служителей искусствъ. Что за *исхудалымъ* скрывается Мефистофель, а за *Плутусомъ* Фаустъ— очевидно изъ всего хода маскарада. Но Гёте самъ положительно высказалъ это Экерману и тѣмъ устранилъ всякія иныя толкованія.

Вслѣдъ за сопровождавшимъ избытокъ искусствомъ, являются и сопровождающіе его пороки: жажда денегъ и наслажденій, нарушеніе правъ и нравственности. Разступившаяся толпа съ жадностію приступаетъ ко вскрытому герольдовымъ жезломъ сундуку, въ которомъ золото кипитъ горячимъ ключомъ. Когда же свертки монеты выскакиваютъ изъ сундука и разсыпаются по полу, то часть толпы старается нахватать червонцевъ, а другая захватить весь сундукъ. Напрасно герольдъ хочетъ образумить толпу увѣреніями, что это не настоящія, а маскарадныя богатства; онъ вынужденъ просить Плутуса разогнать всѣхъ силой. Послѣдній, окунувъ жезлъ въ кипящій сундукъ, разгоняетъ призрачнымъ
37. огнемъ толпу. Но приходится оградиться и невидимою преградой законнаго наказанія отъ необузданной жадности толпы. На благодарность герольда Плутусъ (очевидно Фаустъ, устроившій дальнѣйшій ходъ маскарада съ императоромъ, въ видѣ Пана, во главѣ) отвѣчаетъ ожиданіемъ еще новаго замѣшательства.

Заканчивающая этотъ отдѣлъ неприличная выходка Мефистофеля указываетъ на безнравственность, вытекающую изъ алчности къ деньгамъ. Онъ изъ золота лѣпитъ неприличныя фигуры, какъ это поз-
38. воляютъ себѣ дѣлать полишинели римскаго карнавала. Не карая Мефистофеля, Плутусъ намекаетъ на предстоящую смуту, когда самая законная охрана становится безполезною. Таковъ таинственный смыслъ стиха:

„Законъ могучъ, еще сильнѣй нужда“.

Въ заключеніе маскарада является изображеніе *разрушенія, вызваннаго личными стремленіями властителя и его приближенныхъ къ беззавѣтной роскоши и удовольствіямъ*. Новая толпа дикихъ фавновъ, сатировъ и великановъ, сопровождающихъ великаго Пана, хоромъ возвѣщаетъ объ извѣстной ей тайнѣ,—намекая на то, что подъ маской *Пана* скрывается самъ императоръ. Вся эта беззавѣтная

СТРАН.

группа представляетъ прямую противоположность съ характеромъ *Плутуса*,—разумною дѣятельностью достигнутаго *избытка*. Устраивая съ Фаустомъ эту часть маскарада, Мефистофель очевидно разсчитывалъ на легкомысленное смущеніе императора, которому онъ надѣялся подъ шумокъ подсунуть къ подписи указъ объ ассигнаціяхъ.

Фавны — представители плотскихъ вожделѣній. *Сатиры*—того надменнаго эгоизма, который свысока смотритъ на жизнь всѣхъ остальныхъ, считая себя центромъ вселенной.
39. *Гномы*—крошечные обитатели горъ и рудниковъ, здѣсь представители алчности къ богатству, которое считаетъ себя въ правѣ нарушать всѣ законы, начиная съ трехъ главныхъ: *не укради, не прелюбодѣйствуй, не убей*.

Великаны, живущіе, по преданію, на Гарцѣ, часто изображаются у нижнегерманскихъ князей въ гербахъ подъ именемъ *дикихъ людей* (wilde Männer), держащихъ въ рукахъ вырванное съ корнемъ дерево. Здѣсь они представители грубыхъ совѣтниковъ безусловнаго насилія.

Одно появленіе императора въ образѣ орфическаго Пана (всей вселенной) достаточно указываетъ на то, что онъ считаетъ себя не главой и руководителемъ, а настоящимъ государствомъ.

Нимфы—представительницы лести, отвлекающей властителя отъ его великаго труда въ потокъ наслажденій. Богъ Панъ охотится по ночамъ за дичью, въ полдень онъ отдыхаетъ, и съ нимъ засыпаетъ вся природа. На войнѣ онъ возбуждаетъ своимъ крикомъ ужасъ, получившій названіе паническаго. Если льстивыя нимфы поддерживаютъ лѣниваго
40. Пана въ его бездѣйствіи, то *депутація гномовъ* еще болѣе укрѣпляетъ въ немъ эгоизмъ,—объясненіемъ, что все народное богатство является прямымъ его достояніемъ и лишь изъ рукъ его получаетъ значеніе. Гномы противопоставляютъ, живущему въ блескѣ дня, императору свое подземное житье, называя его троглодитскимъ, въ смыслѣ эѳіопскихъ троглодитовъ (Herod. IV, 185). Панъ, увлекаемый льстивыми рѣчами, вполнѣ предается своимъ эгоистическимъ стремленіямъ и тѣмъ вызываетъ несчастіе. Плутусъ сообщаетъ герольду, прикосновеніемъ къ жезлу, какъ бы магнитическую силу, для послѣдо-
41. вательной передачи страшнаго событія. Императоръ наклоняется, чтобы поглубже заглянуть въ кипящій золотомъ сундукъ; при этомъ борода его маски воспламеняется и зажигаетъ его маскарадный вѣнокъ, состоящій у Пана преимущественно изъ сосновыхъ вѣтокъ. Напрасно окружающіе его стараются потушить огонь: ихъ горючія одежды только увеличи-

V

СТРАН.

ваютъ общій пожаръ. Подобное событіе разсказано
въ *исторической хроникѣ* Готфрида (Абелина) о ко-
ролѣ французскомъ Карлѣ VI, въ 1394 г. Только
при крикѣ „самъ государь вѣдь пострадалъ“—ге-
рольдъ, узнавъ, что императоръ скрывался подъ
42. маской Пана, проклинаетъ пособниковъ такого лег-
комыслія. Уже загораются всѣ декораціи и все
должно невозвратно погибнуть, но волшебствомъ
Фауста-Плутуса укрощается разрушительное пла-
мя. Герольдъ разрушаетъ, по приказанію Фауста,
томительную иллюзію пожара. Близко ознакомив-
шись съ содержаніемъ придворнаго быта, Фаустъ
не могъ найти удовлетворенія въ политической средѣ.
43. *Аудіенція въ саду. Фаустъ* и *Мефистофель*, умѣв-
шіе высказаться императору въ качествѣ волшеб-
никовъ, просятъ, стоя на колѣняхъ въ залѣ при-
дворнаго сада, прощенія за испугъ, причиненный
маскараднымъ пожаромъ. Императоръ съ удоволь-
ствіемъ вспоминаетъ эту проказу, въ которой даже
44. среди огней видѣлъ обычное высокопочитаніе толпы.
Мефистофель пользуется его фразой о саламан-
драхъ, для изысканной лести о покорности импе-
ратору всѣхъ стихій. Наконецъ онъ возводитъ его
даже на Олимпъ. Но императоръ отклоняетъ такую
честь, въ видахъ насущныхъ земныхъ наслажденій,
и приглашаетъ волшебниковъ быть подъ рукой,
чтобы разогнать скуку своими фокусами.
45. О необычайныхъ послѣдствіяхъ вмѣшательства
волшебниковъ въ государственныя дѣла императоръ
тотчасъ же узналъ отъ своихъ приближенныхъ, сооб-
щающихъ о чудотворномъ дѣйствіи бумажныхъ де-
негъ. Архіепископъ-канцлеръ, относившійся такъ
враждебно къ шуту, заговорившему о природѣ и
духѣ, съ восторгомъ оглашаетъ формулу ассигнацій.
Императоръ, инстинктивно чувствующій недоброе
дѣло, основанное на отдачѣ въ залогъ несуществую-
щихъ предметовъ и ведущее прямо къ извращенію
прямыхъ отношеній труда къ достатку и богатству,
сначала выражаетъ свое негодованіе, но, убѣдясь,
46. что самъ онъ узаконилъ это дѣло и въ виду бле-
стящихъ результатовъ, успокоивается.

Основную мысль ассигнацій высказываетъ глав-
ный волшебникъ, Фаустъ. Но по уклончивости об-
щихъ его выраженій видно, что онъ самъ не до-
вѣрялъ средству, пущенному въ ходъ лукавымъ
Мефистофелемъ. Послѣдній выручаетъ Фауста, про-
должая выхвалять удобства ассигнацій, хотя въ
похвалахъ его просвѣчиваютъ дурныя стороны дѣла.

Говоря, что, имѣя ихъ въ рукахъ, не нужно тор-
говаться, онъ очевидно сравниваетъ ихъ не съ день-
гами, а съ вещами, мѣняемыми на золото, и про-
должаетъ ироническимъ совѣтомъ *покопать не-*

СТРАН.

множко, когда въ дѣйствительности золота не ока-
зывается. Гёте несомнѣнно имѣлъ въ виду банкъ
шотландца Джона Ло во время регентства герцога
Орлеанскаго. Не менѣе памятна была поэту и пе-
чальная судьба республиканскихъ ассигнацій.

Императоръ награждаетъ волшебниковъ, дѣлая ихъ
47. хранителями подземныхъ сокровищъ. Всѣ радуются
предстоящей возможности пользоваться богатствомъ
безъ труда, и императоръ приходитъ къ убѣжденію,
что даже новый приливъ богатствъ никому не по-
могъ ступить на новый путь съ того, который по-
губилъ общее достояніе. Одинъ шутъ оказывается
48. умнымъ. Онъ пользуется эфемеридами, чтобы, пока
имъ вѣрятъ, промѣнять ихъ на дѣйствительныя
цѣнности. Прежній шутъ снова занялъ свое мѣсто,
на которомъ Мефистофель одурачилъ весь дворъ.
49. *Нисхожденіе къ матерямъ.* Сцена происходитъ
вечеромъ, тогда какъ предшествующая происходила
до обѣда. Жаждущій развлеченій императоръ тре-
буетъ, чтобы волшебникъ-Фаустъ вызвалъ ему тѣни
Елены и Париса. Давъ слово, Фаустъ возлагаетъ
50. его исполненіе на Мефистофеля, который, въ ка-
чествѣ духа отрицанія вообще, и представителя
средневѣковыхъ преданій, чувствуетъ отвращеніе
къ положительной красотѣ древняго міра и сознается
въ своемъ безсиліи надъ язычниками.

Тѣмъ не менѣе, по извѣстной долѣ всевѣдѣнія,
Мефистофель указываетъ Фаусту на единственный
путь сближенія съ классическими образами, пред-
оставляя ему самому спуститься къ матерямъ.

Въ своемъ воздушномъ описаніи матерей, Гёте,
по собственному признанію, придерживался того
мѣста въ Плутархѣ (Мап. 20), гдѣ о небольшомъ,
по древнемъ городѣ Сициліи, *Энгіонѣ*, говорится,
что онъ знаменитъ появленіемъ богинь, именуемыхъ
матерями. Построеніе ихъ храма приписываютъ
критянамъ. Но въ другомъ мѣстѣ у Плутарха (de
orac. def. 22) говорится: „Есть 183 міра, располо-
женныхъ въ формѣ треугольника; на каждой сто-
ронѣ по 60 міровъ, остальные три стоятъ въ углахъ;
въ такомъ порядкѣ они слегка соприкасаются и
кружатся какъ бы въ пляскѣ. Внутренняя площадь
треугольника какъ бы представляетъ общій очагъ и
называется полемъ истины. На ней неподвижно ле-
жатъ основы, образы и первообразы всѣхъ вещей
когда-либо существовавшихъ и будущихъ. Ихъ
окружаетъ вѣчность, изъ которой время потоковъ
изливается въ міръ“. Гётевскія матери суть пер-
вообразы вещей, покоящіяся идеи, изъ которыхъ
исходятъ всѣ, поступающія въ жизнь, явленія. Не
внѣшними средствами Фаустъ вызываетъ явленія
Париса и Елены, прототиповъ героической эллин-

СТРАН.

ской красоты, а собственнымъ самоуглубленіемъ вдохновенной ими души. Его нисхожденіе къ матерямъ не что иное, какъ пробужденіе таящейся въ немъ самомъ идеи полнѣйшей красоты. Имя *матерей*, связанное съ мистическимъ процессомъ зарожденія, заставляетъ Фауста содрогнуться. На замѣчаніе Фауста о странной таинственности такого имени, Мефистофель подтверждаетъ такую таинственность и говоритъ о трудности доступа къ богинямъ.

51. Таинственныя описанія пустоты въ устахъ Мефистофеля только раздражаютъ нетерпѣливаго Фауста, которому снова мерещится и кухня вѣдьмы съ ея непонятными мистеріями, и собственная жизнь, не давшая отвѣтовъ на завѣтные вопросы.

Онъ говоритъ Мефистофелю, что хотя послѣдній, какъ мистическій учитель (*мистагогъ*) и старается озадачить новичка (неофита) мудреными словами, но мистагогъ выдаетъ свою пустоту за высшую мудрость, тогда какъ Мефистофель прямо указываетъ на пустоту, въ которой Фаустъ долженъ достигнуть высшей истины, причемъ Мефистофель самъ нейдетъ въ эту пустоту, а посылаетъ въ нее Фауста, какъ Лафонтеновская обезьяна—кошку за горячими каштанами. Мефистофель иронически хвалитъ недовѣрчивость Фауста, знающаго, что Мефистофель лжецъ. Онъ вручаетъ Фаусту ключъ, какъ эмблему жречества, и Фаустъ въ теченіе всей дальнѣйшей сцены является въ видѣ жреца.

52. Матери-идеи сидятъ, неподвижно стоятъ наготовѣ къ движенію или дѣйствительно идутъ въ міръ явленій, смотря по обстоятельствамъ. Треножникъ представляетъ непроницаемую тайну вѣчно творческой силы, матерямъ свойственной. Образованье и преобразованье вещей составляютъ вѣчный предметъ помысловъ матерей, окруженныхъ образами отжившихъ и нарождающихся вещей. Сами онѣ, будучи духовными, не видятъ тѣлесныхъ предметовъ. *Опасность* нерѣшительности, про которую говоритъ Мефистофель, мы объяснили себѣ такъ. Фаустъ является представителемъ жречества искусства. Безъ сомнѣнія, человѣчеству предстояло не мало ученыхъ трудовъ и философскаго раздумья для того, чтобы изъ міра готическихъ преданій всецѣльно погрузиться въ античный міръ красоты; но вся эта приготовительная работа, воспитавшая художника, должна оставить его въ рѣшительную минуту творчества, иначе ему грозитъ опасность погибнуть въ качествѣ жреца свободнаго искусства. Виртуозу, дающему концертъ, не время думать о гаммахъ.

53. Выраженіе: *всѣмъ существомъ спускаться* ясно указываетъ на духовное углубленіе въ область идей.

СТРАН.

54. *Мефистофель, какъ волшебный врачъ*. Вмѣсто задушевно стремящагося въ сумрачной галлереѣ къ высшимъ идеаламъ Фауста, передъ нами въ яркоосвѣщенной залѣ придворная толпа со своимъ вѣчнымъ стремленіемъ къ чувственности. Императоръ ждетъ только сценическаго представленія. Не успѣлъ Мефистофель на время отдѣлаться отъ назойливыхъ требованій кастеляна, уже со всѣхъ сторонъ къ нему, какъ къ знахарю, стремятся съ просьбами избавить отъ золъ, мѣшающихъ обычнымъ удовольствіямъ. Чѣмъ страннѣе и неожиданнѣе лѣченіе, тѣмъ болѣе на него спроса, особенно со стороны прекраснаго пола, такъ что Мефистофель рѣшается избавиться отъ докучныхъ, переставъ ихъ обманы-

56. вать и заговоривъ правду. Отъ взоровъ его не ускользаетъ таинственно строгій стиль рыцарской залы, какъ бы располагающій къ духовидѣнію.

57. *По вленіе Париса и Елены*. Герольдъ, смущенный таинственностью ожидаемаго, отказывается отъ объясненій и ограничивается внѣшнимъ описаніемъ. Императоръ сидитъ передъ стѣной, завѣшанной коврами; слѣдовательно, никакого театра нѣтъ. Трубный звукъ по распоряженію Мефистофеля подаетъ знакъ начала представленія. Астрологъ, состоящій и на этотъ разъ въ союзѣ съ Мефистофелемъ, магически приготовляетъ сцену и самъ выходитъ на авансцену для объясненій происходя-

58. щаго. Описаніе появляющагося древне-дорическаго храма возбуждаетъ порицанія со стороны средневѣкового архитектора, исключительно увлекающагося готическимъ стилемъ. Астрологъ особенно выставляетъ на видъ, что все, долженствующее совершиться, принадлежитъ области фантазіи, наперекоръ разуму. Изъ торжественнаго заклинанія жреца-Фауста мы видимъ, что всѣ, отраженные первообразами, матерями, образы выходятъ въ міръ явленій, гдѣ, совершивъ назначенный кругъ развитія, снова возвращаются въ царство матерей, которыхъ окружаютъ. Находящихся подъ пологомъ дня, т.-е. въ видѣ явленій, нечего вызывать, и потому Магія старается овладѣть таящимися подъ пологомъ ночи, превращая возможность въ дѣйствительность. Образованіе поэтическихъ образовъ

59. сопровождаетъ общая гармонія. Слѣдующій затѣмъ разговоръ высказываетъ односторонность воззрѣній толпы на истинно-прекрасное. Дамъ увлекаетъ или непосредственное присутствіе юноши, или требо-

60. ваніе условной утонченности. Въ мужчинахъ сказывается зависть. *Мефистофелю* не можетъ нравиться положительная античная красота Елены. Астрологъ отказывается отъ дальнѣйшаго объясненія. Фаустъ находитъ въ ней чистый идеалъ, за-

СТРАН.

тмевающій все, что онъ зналъ прекраснаго въ жизни. *Мефистофель* долженъ ему напомнить, что онъ самъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ. Зрители,
61. женщины и мужчины, въ своихъ сужденіяхъ естественно мѣняются ролями. Дамы не прощаютъ
62. Еленѣ преданія о раннемъ похищеніи ея Тезеемъ при помощи Пиритоя. Такая тема вызываетъ ученаго филолога на обычный ему трудъ доказывать подлинность факта письменными свидѣтельствами. Онъ указываетъ на III, 156 ст. Иліады, гдѣ старцы свидѣтельствуютъ о ея красотѣ. Замѣчаніе астролога *о похищеніи Елены* намекаетъ на преданіе о ея похищеніи Парисомъ на охотѣ или при жертвоприношеніи. Ревнующій Фаустъ вспоминаетъ о магическомъ ключѣ и, не взирая на увѣщанія Астролога, хватаетъ Елену и касается ключомъ

СТРАН.

Париса. Гёте воспользовался подобною же сценой въ разсказѣ Гамильтона L'enchanteur Faustus, гдѣ заклинатель вызываетъ передъ королевой Елисаветой рядъ знаменитыхъ красавицъ, и гдѣ дѣло кончается ужаснымъ взрывомъ, когда Фаустъ вслѣдъ за Еленой, Маріамной и Клеопатрой вызывалъ соотечественницу королевы, прекрасную Розамунду, и королева захотѣла обнять ее. Состоящіе при королевѣ Эссексъ и Сидней находятъ глаза Елены не выразительными, а послѣдній порицаетъ форму ея ногъ. Но вездѣ преданіе о Фаустѣ получаетъ подъ рукой поэта общечеловѣческое значеніе, и взрывъ указываетъ на невозможность похотливыхъ отношеній къ идеальной красотѣ.
63. Мефистофель не щадитъ пораженнаго Фауста своей насмѣшкой.

АКТЪ ВТОРОЙ.

СТРАН.

64. *Мефистофель въ рабочемъ кабинетѣ Фауста.* Соблазнитель переноситъ Фауста въ его прежнее жилище, гдѣ контрастъ его первобытнаго состоянія съ настоящимъ выступаетъ еще ярче. Конечно, на высокое стремленіе къ идеалу красоты, Мефистофель смотритъ какъ на глупость и болѣзненное состояніе. Въ кабинетѣ все по-старому, до мѣховой мантіи доцента, висящей на крюкѣ. При воспоминаніи о быломъ наставленіи ученика, его беретъ охота снова надѣть мантію, съ которой въ глазахъ
65. толпы связана вся премудрость. Изъ старой шубы вылетаютъ насѣкомыя, между прочимъ Farfaletta, по-итальянски родъ бабочекъ, а въ переносномъ значеніи *причуды*. Farfarello (французск. farfadet—домовой). Уже въ первой части Мефистофель провозглашаетъ себя повелителемъ непріятныхъ для человѣка насѣкомыхъ и животныхъ. Поэтому хоръ появляющихся насѣкомыхъ тотчасъ же признаетъ въ немъ своего патрона и отца, который разсылаетъ ихъ по всѣмъ угламъ мертвеннаго жилища.

Мефистофель и Фамулусъ. Чтобы пробудить омертвѣлое жилище, Мефистофель звонитъ въ колоколъ, отъ громовыхъ звуковъ котораго все зданіе потрясено и двери разверзаются. Въ испугѣ прибѣгаетъ Фамулусъ (помощникъ) ставшаго на мѣсто Фауста профессоромъ, Вагнера. Даже, послѣ того какъ Мефистофель назвалъ его какъ знакомаго

СТРАН.

по имени (вѣрующаго Апостола), Фамулусъ началъ-
66. было читать католическую молитву, начиная со слова Oremus (помолимся), что конечно не нравится Мефистофелю, который начинаетъ выхвалять сперва прилежанье самого собесѣдника, а затѣмъ его профессора Вагнера, бывшаго фамулуса Фауста. Петромъ онъ обзываетъ папу и признаетъ Вагнера первосвященникомъ науки, отпирающимъ *верхъ* и *низъ*, физику и метафизику. Говоря, что Фаустъ уже забытъ, а все открыто только Вагнеромъ, Гёте, быть-можетъ, намекаетъ на то, какъ Фихте совершенно изгладилъ воспоминаніе о своемъ предшественникѣ, Рейнгольдѣ, и высказался, что кажется открылъ путь, на которомъ философія способна стать очевидною наукой. Фамулусъ выставляетъ скромность Вагнера, оставившаго неприкосновеннымъ кабинетъ высокочтимаго имъ Фауста, куда Фамулусъ едва рѣшается вступить, по случаю вскрывшихся отъ ужаснаго сотрясенія дверей. Поэтому онъ спрашиваетъ объ астрономическомъ звѣздномъ часѣ, чтобы быть въ состояніи донести Вагнеру съ точностью о случившемся. На просьбу Мефистофеля допустить его до свиданія съ Вагнеромъ, Фамулусъ не рѣшается доложить объ этомъ Вагнеру, который, обратясь къ алхиміи, какъ истый philosophus per ignem уже нѣсколько мѣсяцевъ занятъ у очага лабораторіи, никого къ себѣ не до-

СТРАН.

пуская. На увѣренія Мефистофеля, что послѣдній можетъ стать хорошимъ пособникомъ Вагнеру, Фамулусъ идетъ попробовать счастья.

67. *Мефистофель и Баккалавръ*. Сцена эта—пародія на трансцендентальный идеализмъ философіи Фихте, господствовавшей въ Іенѣ съ 1794 г. Г-жа фонъ-Кальбъ разсказываетъ, что лѣтъ за 12 до появленія на сценѣ первой части (1808) Гёте читалъ ей сцену между Мефистофелемъ и отчаяннымъ идеалистомъ, щеголявшимъ своею абсолютностью. При этомъ Кальбъ помнитъ рѣчи объ избіеніи всѣхъ тридцатилѣтнихъ. Такимъ идеалистомъ является здѣсь Баккалавръ (недоучка, остановившійся на первой ученой степени), неспособный самобытно справиться съ идеализмомъ и воображающій себя въ правѣ порицать все, что повидимому не подходитъ подъ одностороннія понятія, возникающія изъ чужихъ словъ, принимаемыхъ на вѣру. Заслыша потрясающіе звуки, онъ радостно несется глядѣть на общее разрушеніе, воображая, что при этомъ ему будетъ хорошо. Увидавъ прежняго наставника, онъ радъ, что пріобрѣлъ извѣстную діалектику, при помощи которой онъ можетъ высказывать свое пренебреженіе къ наукѣ, опыту и вообще ко всякому положительному труду, не замѣчая высокаго комизма

68. собственныхъ выходокъ. На его хвастовство происшедшею въ немъ перемѣной, Мефистофель тонко указываетъ на перемѣны, происходившія въ его прическахъ, и играетъ словомъ *абсолютно*. Баккалавръ, понявъ иронію, сердится. Напрасно Мефистофель указываетъ на фактъ, что горькій опытъ жизни подтверждаетъ намъ слова нашихъ наставниковъ, казавшіяся намъ сначала невѣроятными, а впослѣдствіи оказывающіяся справедливыми до пошлости. Но Баккалавръ, не зная что отвѣчать на такую несомнѣнную истину, прибѣгаетъ къ обычной уловкѣ говорить въ сущности совершенно о другомъ въ видѣ опроверженія тезиса. Мефистофель говоритъ о судьбѣ наставленій, а Баккалавръ бранитъ наставниковъ. Съ пренебреженіемъ относится онъ и къ опытности. Мефистофель иронически смиряется, признаваясь, что въ его рукахъ кладъ, какъ у не-

69. искусныхъ кладокопателей, превращался въ уголья. Баккалавръ оправдываетъ свою грубость нѣмецкимъ чистосердечіемъ. Мефистофель ищетъ защиты у партера, какъ это, напр., дѣлаетъ, у Аристофана въ *Облакахъ*, побѣжденная Неправдой Правда. Нѣкоторыя слова Фихте о тридцатилѣтнемъ возрастѣ были истолкованы въ смыслѣ избіенія 30-лѣтнихъ, что, по мнѣнію Мефистофеля, чорту съ руки. При имени *чорта* идеалистъ увлекается сумасбродною мыслію объективнаго творчества види-

СТРАН.

маго и невидимаго міра изъ человѣческаго сознанія. Не будучи въ состояніи понять отношеній субъекта къ объекту, онъ слѣпо ухватился за одну половину

70. дѣла, какъ за неслыханную новинку. Но Мефистофель хорошо знаетъ, что ничего глупаго или умнаго подумать невозможно, о чемъ бы не думали до насъ. Онъ утѣшаетъ насъ мыслію, что опытъ—наилучшій исправитель сумбурныхъ ученій и утопій.

71. *Гомункулъ*. Извѣстный (1775—1841) въ Вюрцбургѣ тупоумный натур. философъ І. Я. Вагнеръ, задававшійся научнымъ возбужденіемъ вегетаціи безъ обсѣмененія и организмовъ посредствомъ кристаллизаціи, навелъ Гёте на мысль превратить своего филолога Вагнера въ алхимика.

Гёте только воспроизводитъ передъ нами искусственное зарожденіе Гомункула (человѣчка), какъ о томъ мечталъ Парацельзъ и другіе алхимики до послѣдователей Месмера (1791) включительно. Эти homunculi должны, по словамъ Парацельза, быть людьми исполненными тайныхъ знаній, такъ какъ искусство, въ силу ихъ искусственнаго происхожденія, вошло у нихъ въ плоть и кровь. Гёте воспользовался Гомункуломъ къ воплощенію задушевнаго стремленія Фауста къ высшему идеалу красоты; его Гомункулъ со своею инстинктивною потребностью дѣятельности и потребностью изъ сознательной силы *произойти* въ видѣ конкретнаго существа—вполнѣ выражаетъ такое художественное стремленіе. Хотя индивидуализированный Гомункулъ, подобно Фаусту, Еленѣ и друг. лицамъ, представляетъ самобытное историческое или сказочное (для поэзіи безразлично) лицо, но, въ виду всемірнаго значенія драмы, мы вынуждены слѣдить и за его историко-философскимъ значеніемъ. Хотя тупоумный Вагнеръ и считаетъ, что онъ *произвелъ* Гомункула, но Мефистофель, насмѣхаясь надъ безуміемъ Вагнера, *впускаетъ* въ реторту Гомункула, но не въ видѣ подвластнаго чертенка, а въ видѣ насмѣшки надъ алхимическими бреднями. Здѣсь мы стоимъ передъ однимъ изъ тончайшихъ и глубочайшихъ моментовъ творчества Гёте, умѣющаго самымъ прямымъ и нагляднымъ образомъ разрѣшать самое сложное. Мы скоро убѣдимся, что всадившій Гомункула въ реторту Мефистофель, со своимъ остроумнымъ, но одностороннеплотскимъ скептицизмомъ, не въ состояніи былъ понять нравственной стороны Гомункула, который, находясь передъ лицомъ зрителя въ ретортѣ, въ сущности зародился въ душѣ самого Фауста. Если же мы хоть на минуту зададимся вопросомъ: какъ могъ Мефистофель распоряжаться тѣмъ, чего въ сущности не понимаетъ,—то ежедневный опытъ безчисленными примѣрами отвѣтитъ на такой вопросъ

СТРАН.

положительно. Мефистофель, желавшій только под-
трунить надъ Вагнеромъ, попадаетъ въ собственныя
сѣти, оправдывая пословицу: „чему посмѣешься, тому
и поработаешь“. Стоящій духомъ не только выше
Вагнера, но и самого Мефистофеля — Гомункулъ
заставляетъ Мефистофеля идти въ высшей степени
непріятнымъ для него путемъ, по которому стремится
душа Фауста.
71. *Вагнеръ, Гомункулъ и Фаустъ.* Заслыша необы-
чайный звонъ, Вагнеръ въ лабораторіи толкуетъ его
въ пользу своей задачи. Мефистофель еще болѣе воз-
буждаетъ его надежды возникающимъ въ ретортѣ
явленіемъ. Неожиданно появляясь, онъ притворяется
незнающимъ въ чемъ дѣло, и получаетъ въ отвѣтъ ма-
теріальное объясненіе никому невѣдомой тайны за-
72. рожденія организма. Мефистофель подъ видомъ одо-
бренія трунитъ надъ кристаллизаціей организмовъ.
Гомункулъ съ перваго слова издѣвается надъ нелѣ-
пымъ папашей Вагнеромъ, воображающимъ замѣнить
ограниченнымъ искусствомъ безграничную природу.
Мефистофеля Гомункулъ, будучи самъ демонической
природой, обзываетъ братцемъ, который способенъ
тотчасъ же отыскать цѣль для его жажды дѣятель-
73. ности. Вагнеръ задаетъ Гомункулу существеннѣйшіе
вопросы, на которые не находитъ отвѣтовъ; но Ме-
фистофель, поднимая его на смѣхъ, указываетъ на
то, что Гомункулу предстоятъ не словопренія, а дру-
жественное дѣло въ оздоровленіи Фауста, о которомъ
Мефистофель, въ силу договора, долженъ заботиться.
При видѣ лежащаго на кровати Фауста Гомункулъ
изумленъ и увлеченъ значительностью этого образа.
Онъ вмѣстѣ съ банкой вырывается изъ рукъ Вагнера
и, освѣщая Фауста, какъ бы озаряетъ его сонныя
мечты, и громко ихъ высказываетъ. Фаусту грезится
моментъ зачатія Елены отъ Леды и Юпитера въ об-
разѣ лебедя. Средневѣковый чортъ Мефистофель не
можетъ видѣть идеаловъ чистаго греческаго искусства
74. и обзываетъ Гомункула фантастомъ. Послѣдній не
удивляется слѣпотѣ глазъ, привыкшихъ къ грубой
средневѣковой обстановкѣ, и, страшась новыхъ по-
трясеній пробужденнаго Фауста, требуетъ немедлен-
наго перенесенія его въ среду, соотвѣтствующую его
духовной жаждѣ. При указаніи Фарсальской долины,
Мефистофель выражаетъ свою антипатію къ Греціи
и классическимъ грекамъ вообще, хотя долженъ при-
знаться, что въ данномъ случаѣ не можетъ исцѣлить
Фауста и вынужденъ подчиниться Гомункулу, кото-
рый утѣшаетъ его напоминаніемъ о знаменитыхъ въ
75. древности ѳессалійскихъ вѣдьмахъ, изъ коихъ одна,
именно *Эрихто*, появляется въ прологѣ классиче-
ской Вальпургіевой ночи. Ясно, что сказочному
Фаусту въ своей погонѣ за Еленой некуда больше

СТРАН.

обратиться какъ въ царство классическихъ тѣней,
хотя бы и самое кратковременное и призрачное, ка-
кимъ оно является на посидѣлкахъ одной ночи, на-
званной для краткости и по соотношенію съ народ-
ной легендой Вальпургіевою (наканунѣ 1-го мая).

Еще въ 1758 году M-lle de Lussan написала
Veillées de Thessalie. Мефистофель на этотъ разъ дол-
женъ только пассивно служить своимъ волшебнымъ
плащомъ, въ который завертывается вмѣстѣ съ боль-
нымъ Фаустомъ, предоставляя Гомункулу освѣщать
путь своимъ свѣтомъ. Остающагося ни при чемъ Ваг-
нера Гомункулъ обращаетъ снова къ старымъ пер-
гаментамъ, пока самъ постарается найти точку на
і, разумѣя подъ этимъ свое завѣтное *произойти*, т.-е.
осуществить, воплотить духовное стремленіе Фауста
къ идеально прекрасному. При этомъ Гомункулъ обѣ-
щаетъ алхимику, чего они обыкновенно добиваются:
золота, долголѣтія и знанія, хотя и здѣсь ironиче-
ски относится къ мысли, связующей добродѣтель
съ знаніемъ, такъ какъ подобная мысль только сви-
дѣтельствуетъ о неспособности людей отдѣлять об-
ласть познанія и разума отъ совершенно отдѣльной
области воли. Но Вагнеры на это глухи.
77. *Классическая Вальпургіева ночь* распадается на
пять отдѣленій, изъ коихъ два разыгрываются на
верхнемъ Пенеѣ, одно на нижнемъ, послѣднее на
прибрежьи и волнахъ Эгейскаго моря, а первое въ
Фарсальской долинѣ. Фаустъ ищетъ Елену, Гомун-
кулъ желаетъ тѣлесно произойти, Мефистофель
ищетъ сродственныхъ существъ. Прежде всѣхъ уда-
ляется Фаустъ, а происхожденіемъ, воплощеніемъ
Гомункула, изображающаго духовное стремленіе
Фауста, завершается отдѣльное цѣлое.

Написанный трагическими триметрами прологъ
вложенъ въ уста ѳессалійской вѣдьмы Эрихто, живу-
щей на Гемусѣ или Гемѣ (Балканахъ), которую Секстъ
Помпей вопрошалъ объ исходѣ сраженія. Гёте за-
ставляетъ Эрихто жаловаться на преувеличенія по-
этовъ, а именно на Лукана, который въ мрачныхъ
краскахъ изображаетъ ее въ VI книгѣ своихъ *Фар-
салій.* У Гёте она принуждена каждый годъ являться
въ ночь наканунѣ битвы, уничтожившей римскую
свободу, и присутствовать при возобновленіи всего
ужаса. Сюда же стекаются и образы древне-эллин-
ской саги, такъ какъ битва эта имѣла своимъ по-
78. слѣдствіемъ паденіе классическаго міра.—При ви-
дѣ странныхъ воздухоплавателей, освѣщаемыхъ фо-
наремъ Гомункула, Эрихто удаляется, страшась но-
выхъ нареканій. Гомункулъ, при видѣ самыхъ звѣ-
рообразныхъ представителей эллинизма, не узна-
етъ цѣли своихъ стремленій и не вдругъ рѣшается
спуститься и положить Фауста на классическую

стран.

землю древнихъ сказокъ. Очнувшись въ странѣ сво-
ихъ мечтаній, Фаустъ выражаетъ свое стремленіе
съ перваго слова: „А гдѣ она?“ Мефистофель совѣ-
туетъ каждому хлопотать о своемъ и только про-
ситъ Гомункула подавать сигналы къ сбору. Фаустъ
отправляется на поиски.
79. *Въ верховьи Пенея.* Надписи нѣтъ, но дальнѣйшая
ссылка указываетъ на это. Въ ней сказано: *верховье
Пенея какъ прежде* и кромѣ того встрѣчаются тѣ
же грубѣйшіе образы первобытной саги. Мы нахо-
димъ Мефистофеля въ кругу звѣроподобныхъ обра-
зовъ, частію для него привлекательныхъ, частію же
смущающихъ его своею здоровою откровенностью.
Ему пріятнѣе было бы встрѣтить, какъ онъ выра-
жается, заклейстеренное звѣрство, говорящее чув-
ственности, а это черезчуръ античное холодно. Тѣмъ
не менѣе приходится раскланиваться. Сперва онъ
встрѣчается съ перешедшими къ грекамъ съ востока
четвероногими птицами *Грифами* (Плиній), къ ко-
торымъ, какъ атрибуты, принадлежатъ *Муравьи* и
Аримаспы. Грифы сердятся на то, что Мефистофель
обзываетъ ихъ старичками игривыми, ссылаясь на
непріятное этимологическое вліяніе звука *гр*. Тутъ
Гёте пользуется случаемъ осмѣять этимологическія
объясненія, лишенныя исторической почвы.

По поводу золота Гёте пользуется сказаніемъ Ге-
родота (III, 102, 116) объ Аримаспахъ и мура-
80. вьяхъ. Одноглазые Аримаспы спорятъ съ грифами
изъ-за охраняемаго послѣдними золота. Въ отдален-
номъ углу Индіи исполинскіе муравьи, ростомъ съ
собаку или лисицу, роя себѣ подземныя норы, вы-
рываютъ золотой песокъ, который индѣйцы уносятъ
въ дни наступающихъ жаровъ, когда Аримаспы пря-
чутся въ свои пещеры. Если индійскіе грифы слу-
жатъ представителями чисто звѣриныхъ образовъ, то
Египетскіе Сфинксы уже являются сочетаніемъ че-
ловѣческаго образа съ животнымъ. Дѣвственные бюсты
звѣроподобныхъ сфинксовъ (со львиными крылатыми
тѣлами) привлекаютъ Мефистофеля сѣсть между
ними. Но загадочные сфинксы знаютъ, что онъ, ру-
ководясь однимъ животнымъ инстинктомъ, не въ си-
лахъ понять ихъ миѳическаго значенія, которое они
называютъ *духовными звуками*, и хотятъ вывести его
вопросами на чистую воду. Отвѣчая уклончиво на
вопросъ объ имени, онъ не упускаетъ случая под-
трунить надъ старинными англійскими представле-
ніями, такъ-называемыми *моралитетами*, въ кото-
рыхъ рядомъ съ чортомъ появлялся порокъ (The old
vice или Iniquity) въ длинномъ пестромъ одѣяніи съ
деревяннымъ кинжаломъ и бичомъ, которымъ стегалъ
чорта, заставляя его громко ревѣть. Вынужденный
признаться что онъ зло, Мефистофель старается при-

стран.

дать этому признанію историческую форму. Сфинксъ
спрашиваетъ его, понимаетъ ли онъ, подобно имъ,
что-либо въ звѣздахъ. Ничего не понимая, онъ ста-
рается склонить разговоръ хоть на тему загадокъ.
Узнавъ изъ прозрачной загадки сфинкса, кто передъ
ними, строгіе грифы стараются прогнать Мефисто-
81. феля. Спокойные сфинксы объясняютъ Мефистофелю,
что въ царствѣ средневѣковыхъ вѣдьмъ le beau c'est
le laid, уродливость Мефистофеля не могла быть пре-
пятствіемъ успѣху, но здѣсь даже среди полуживот-
ныхъ ему съ его копытомъ будетъ плохо. Стремле-
ніе къ истинной красотѣ, еще сильнѣе чѣмъ въ
сфинксахъ, выражается въ *Сиренахъ*, появлявшихся
въ древнѣйшемъ искусствѣ прелестными женщинами
съ птичьими ногами; лишь позднѣй являются онѣ
въ образѣ птицъ съ женскими головами. Сфинксы
напрасно предостерегаютъ Мефистофеля отъ сиренъ,
такъ какъ онъ и самъ находитъ мало привлекатель-
наго въ нихъ и въ ихъ пѣніи. Намекъ на громо-
звучную музыку, лишенную мелодіи.
82. Совершенно противоположную ноту вноситъ Фаустъ,
со своимъ возвышеннымъ стремленіемъ къ идеальной
красотѣ; соприкосновенье съ нею онъ угадываетъ
даже въ предстоящихъ ему чудовищныхъ ликахъ.

На вопросъ Фауста у сфинксовъ, не видали ли
они Елены, они отвѣчаютъ, что, будучи убиты
Геркулесомъ еще до ея рожденія, ничего о ней не
знаютъ (Гёте позволяетъ имъ говорить это на осно-
ваніи преданія объ избавленіи Геркулесомъ земли
отъ всѣхъ чудовищъ вообще). Сфинксы отсылаютъ
Фауста къ Хирону, представляющему все еще слія-
ніе животнаго элемента съ человѣческимъ, хотя въ
болѣе одухотворенной формѣ. Сирены, по своей
природѣ, стараются увлечь Фауста, но онъ, по со-
вѣту сфинкса, уходитъ. Къ Мефистофелю стремятся
исключительно уродливыя созданія фантазіи, въ ко-
торыхъ и у древнихъ не было недостатка. Надъ
головой его проносятся дѣти нимфы *Стимфалы*, хищ-
ныя птицы, покрытыя мѣдными перьями, которыми
онѣ поражали животныхъ и людей. Геркулесъ пере-
стрѣлялъ ихъ на лету, пугая ихъ съ мѣста врученной
ему Аѳиною трещоткой. Гёте представляетъ ихъ
83. какъ болотныхъ птицъ съ гусиными лапами. Онѣ въ
смыслѣ чудовищъ могли бы счесть себя родствен-
ными почтеннымъ сфинксамъ. За ними слѣдуютъ го-
ловы *Гидры*, отрубленныя въ болотѣ близъ Лерны
Геркулесомъ (внукомъ Алкея). Если Мефистофеля
пугаютъ эти чудища, то его сильно привлекаютъ
площадныя, чувственныя *Ламіи*, которыхъ позднѣй-
шія греческія сказанія представляли поглощающими
дѣтей. Онѣ способны были принимать всякіе виды,
между прочимъ и дѣвушекъ. Аполлоній Тіанскій

СТРАН.

обзываетъ ламіей публичную женщину, за то, что она высосала у юноши деньги изъ кармана и кровь изъ жилъ. Мефистофель охотно пользуется совѣтомъ сфинкса пріударить за ламіями и лишь изъ вѣжливости спрашиваетъ, найдетъ ли онъ сфинксовъ на прежнемъ мѣстѣ, на что тѣ отвѣчаютъ, что, будучи эмблемами мудрости и силы, онѣ отличаются неподвижностію.

84. *У нижняго Пенея.* Слова *нижній* нѣтъ въ подлинникѣ. Рѣчной богъ и нимфы потоковъ, хотя еще вполнѣ сливаются съ тѣмъ, чему служатъ олицетвореніемъ, но своей человѣчностью указываютъ на область чистаго искусства, въ которой можетъ появиться Елена, если не собственнымъ лицомъ, то хоть въ разсказѣ Хирона. Тихо почіющій *Пеней* просыпается, зачуявъ что-то недоброе въ водяномъ трепетѣ, предшественникѣ землетрясенія. Фаустъ изумленъ, слыша человѣческую рѣчь въ прибрежномъ тростникѣ. *Нимфы* склоняютъ его на отдыхъ.

85. Подъ вліяніемъ чудной мѣстности Фаустъ поддается галлюцинаціи, дозволяющей ему видѣть зарожденіе

86. Елены, которое видѣлъ только во снѣ. Только въ непосредственномъ мірѣ красоты, онъ можетъ вступить въ общеніе съ Еленой въ разсказѣ Хирона. Онъ тотчасъ узнаетъ въ благородномъ всадникѣ, приносящемъ (кому-нибудь) вѣсть въ эту ночь, ожидающаго *Хирона.* Хотя послѣдній наполовину звѣрообразенъ, но уже, какъ дѣятель, наставникъ и врачъ, принадлежитъ къ поколѣнію чистыхъ героевъ. Такъ какъ Хиронъ въ постоянныхъ разъѣздахъ, то, чтобы разспросить его, Фаустъ вынужденъ сѣсть къ нему на спину. Хиронъ скромно отклоняетъ похвалы Фауста, обращенныя къ нему, какъ къ воспитателю и врачу, тѣмъ, что дѣло воспитателя не благодарно, а врачебное упало. Онъ считаетъ Фауста льстецомъ, а когда тому удается заставить его говорить, то Хиронъ вкратцѣ описываетъ ему аргонавтовъ: Діо-

87. скуровъ, Кастора и Поллукса, Бореадъ (сыновей Борея и Ориѳіи), Калая и Зета, освободившихъ Пенея отъ гарпій, Язона, Орфея и кормчаго Линцея, причемъ объясняетъ удачу взаимнымъ ихъ довѣріемъ. Въ молодомъ Геркулесѣ онъ видитъ идеалъ мужественной красоты. На вопросы Фауста объ идеалѣ женской красоты, Хиронъ вспоминаетъ какъ онъ несъ

88. Елену. При этомъ онъ пользуется канвой преданія, по которому Тезей похитилъ несовершеннолѣтнюю Елену и заперъ въ замкѣ Афиднѣ, за что братья ея Діоскуры, похитивъ ее изъ заточенія, опустошили Аттику. На замѣчанія Хирона о произвольномъ отношеніи преданія и поэтовъ къ миѳическимъ красавицамъ, Фаустъ воспламеняется мыслію, что Ахиллесъ нашелъ же ее на Ферѣ, уже послѣ смерти, постигшей его подъ Троей, и, слѣдовательно, уже находясь внѣ условій времени, поэтому и она принуждена будетъ высокою къ ней любовью Фауста—жить

СТРАН.

89. внѣ временныхъ условій. Спокойный Хиронъ смотритъ на Фауста какъ на поврежденнаго умомъ, которому помочь можетъ развѣ сама дочь Эскулапа—Манто (Предсказательница). Поэтическая вольность Гёте называетъ Манто дочерью Эскулапа, тогда какъ она дочь прорицателя Тирезія и состоитъ на службѣ Аполлона, а не Эскулапа. — На вопросъ Фауста: куда примчалъ его Хиронъ, тотъ указываетъ на мѣсто битвы при Пиднѣ (168 г.), гдѣ *царь* Персей былъ разбитъ *гражданиномъ* Л. Эмиліемъ Павломъ. Македонія (здѣсь представительница Греціи), вслѣдствіе этого сраженія превращена въ Римскую провинцію. Гёте помѣщаетъ Манто въ знаменитомъ Олимпійскомъ храмѣ Аполлона, такъ-называемомъ Пиѳіонѣ, бывшемъ средоточіи прорицаній. Мудрая *Манто,* остающаяся въ храмѣ, не взирая на круговоротъ вре-

90. менъ, тотчасъ признаетъ и оцѣниваетъ стремленіе Фауста къ невозможному (идеалу) и совѣтуетъ ему вступить въ тайный ходъ къ Персефонѣ, въ которомъ она, лишенная дневного свѣта, ждетъ животворныхъ его лучей.

Гёте заставляетъ Орфея сходить у Манто въ адъ у Олимпа, тогда какъ онъ сходилъ въ Лаконіи у Тенара, но, не послушавшись наставленій Плутона, оглянулся и потерялъ Эвридику навѣки. На это-то непослушаніе и намекаетъ Манто словами: „Воспользуйся ты лучше!“

91. *У верховья Пенея.* Гёте былъ жаркимъ противникомъ ученія вулканистовъ, производящихъ образованіе земной поверхности отъ насильственныхъ переворотовъ, происходящихъ отъ подземнаго огня. Считая въ числѣ своихъ противниковъ и знаменитаго Гумбольдта, онъ придерживается мнѣній нептунистовъ, приписывающихъ образованіе земной поверхности въ общемъ постепенному развитію, при которомъ позднѣйшіе перевороты могли имѣть лишь частное значеніе. Въ спокойномъ развитіи пребывающей природѣ поэта равно противны были какъ почвенные, такъ и государственные перевороты. Онъ вездѣ ожидалъ успѣха лишь отъ тихаго развитія. Такъ и здѣсь, насмѣхаясь надъ безумнымъ вулканизмомъ, онъ производитъ своего Гомункула обычнымъ нептуническимъ путемъ.

Мы возвращаемся къ мѣсту, на которомъ оставили грифовъ, сфинксовъ и сиренъ, на вулканической почвѣ. Сирены тотчасъ же выражаютъ свое нерасположеніе къ этому мѣсту: на спасительныхъ волнахъ онѣ желаютъ утѣшать пѣснями несчастный народъ (вулканистовъ). Въ предчувствіи приближаю-

СТРАН.

щагося землетрясенія онѣ стремятся къ спасительному морю. Разрушительное явленіе всѣмъ грозитъ бѣдою.

Сейсмосъ (землетрясеніе) въ образѣ ворчливаго старика приподымаетъ плечами землю; но неподвижные сфинксы, въ данномъ случаѣ представители
92. косности, являются противниками насильственнаго переворота. Они узнаютъ старика Сейсмоса, который когда-то, внявъ мольбѣ Латоны и выдвинувъ изъ морской пучины островъ Делосъ, далъ ей возможность разрѣшиться отъ бремени Аполлономъ и Діаной, такъ какъ ревнивая Юнона взяла клятву съ земли, что та не дастъ нигдѣ пріюта ея беременной противницѣ. Делосъ же во время клятвы еще не существовалъ. Хотя сфинксы и видятъ, что Сейсмосъ разорвалъ долину, но утѣшаются мыслію, что не всю, а лишь отчасти и дальше ни силъ его не хватитъ, ни сфинксы (косность матеріи) этого не допустятъ.

Сейсмосъ, представитель вулканизма, приписываетъ себѣ одному все внѣшнее устройство земли. Онъ хвалится своими выходками въ сообществѣ титановъ Отоса и Эфіалта, когда они навалили Оссу на Пеліонъ, а Олимпъ на Оссу, а расшутившись, даже прикрыли Парнассъ двумя горами въ видѣ двурогой шапки. Въ настоящую минуту, выдвигая новую гору изъ нѣдръ земныхъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ создаетъ новую среду жизни.

93. Грифы указываютъ муравьямъ на золото, сверкающее въ разсѣлинахъ горы. Хоръ муравьевъ, способныхъ сносить по крошкѣ золотые блестки, подъ конецъ выражаетъ, что самая гора, какъ мѣстное явленіе, не имѣетъ никакого общаго значенія для происхожденія земной поверхности.

Кромѣ золота, гора содержитъ и желѣзо, приводя и обывателей, способныхъ къ его разработкѣ. Но на ней появляются *Пигмеи* (Кулачки), крошечные горные работники, соотвѣтствующіе средне-вѣковымъ гномамъ. Съ этимъ именемъ далѣе связывается гомеровское сказаніе (Иліада, III. 3), по которому *журавли:*

„Съ крикомъ стадами летятъ черезъ быстрый потокъ океана,
Бранью грозя и убійствомъ мужамъ малорослымъ, Пигмеямъ“.

94. Рядомъ съ ними мать-земля нарождаетъ и *Дактилей* (мальчикъ-съ-пальчикъ), еще меньшихъ противъ Пигмеевъ ростомъ. Старшій *Пигмей*, въ виду неизбѣжной вражды представителей вулканизма съ нептунистами, болотными птицами, хотя наружный миръ еще не нарушенъ, распредѣляетъ воинственныя приготовленія, и поручаетъ своимъ пигмеямъ

СТРАН.

строить кузницы для ковки оружія, муравьямъ добывать металлъ, а дактилямъ готовить дровъ и угольевъ для ковки. Здѣсь указаніе на идейскихъ дактилей, знаменитыхъ въ древности членовъ жреческой общины, искусной въ медицинѣ и всякихъ механическихъ работахъ. Даже во времена высшаго развитія греческаго просвѣщенія, гадательно объясняли ихъ имя тѣмъ, что они жили близъ горы *Иды* (которой?) и по искусству своихъ пальцевъ получили названіе *Дактилей;* что во время лѣсного пожара они открыли способъ обработки металловъ, приносили жертвы богамъ на грубыхъ каменныхъ алтаряхъ и современемъ сами причислены къ лику боговъ.

Генералиссимусъ ведетъ свою мелкую рать на болотныхъ цапель, чтобы черноватыми хохолками ихъ убрать свои шлемы. Оставшись одни, муравьи и дактили сѣтуютъ на свою подчиненность и зависимость отъ товарищей, но до времени не рѣшаются изъ нея выступать.

Ивиковы журавли Шиллера носились въ воображеніи Гёте въ видѣ постоянныхъ воздушныхъ обличителей всякаго совершающагося неправа. О помощи родственнымъ цаплямъ, гибнущимъ отъ стрѣлъ пигмеевъ, они взываютъ къ кочующимъ черезъ море другимъ журавлямъ (нептунистамъ), объявляя вѣчную вражду безобразному, временно торжествующему вул-
95. канизму. Чувствующій къ ламіямъ влеченіе Мефистофель изумленъ переворотомъ, произведеннымъ такъ неожиданно *Сейсмосомъ*. Онъ выхваляетъ каменное постоянство своего Брокена, гдѣ по преданію *Барышня* (Fräulein) Ильза вѣчно сидитъ на своемъ *камнѣ*, каменная гряда (Heinrichshöhe) *Гейнрихова высота* остается такъ же неподвижна, какъ и двѣ гранитныя скалы близъ *Ширке*, получившія отъ шума покрывавшихъ ихъ лѣсовъ названіе *Храпуновъ* (Schnarcher), тогда какъ здѣсь возникшая гора заслонила его знакомыхъ сфинксовъ. Въ долинѣ еще не потухли огни, озаряющіе образы древней эллинской саги, среди которыхъ чувственный Мефистофель узнаетъ ламій. Ламіи, въ образѣ публичныхъ красавицъ, притворно убѣгая, увлекаютъ Мефистофеля, который, хорошо зная ихъ дѣйствительную цѣну, все-таки не можетъ удержаться. Къ Мефистофелю, какъ отрицанію истинной красоты, стремятся самые безобразные образы классической древности.
96. Такъ появляется и подземная служительница Гекаты *Эмпуза* (одноножка), нѣчто въ родѣ вампира, высасывающаго кровь у спящихъ. Она способна принимать всякіе образы и потому трудно ее узнать, но, узнавъ, легко прогнать. Одноножкой она называется потому, что у ней одна человѣческая нога,

СТРАН.

а другая ослиная или изъ навозу. Намекая на превращенія ламій, она смѣется надъ Мефистофелемъ, добровольно впадающимъ подъ вліяніемъ похоти въ сильную глупость.

97. Обманутый и осмѣянный Мефистофель ищетъ сфинксовъ между новыми скалами, которыя кажутся ему Блоксбергомъ, принесеннымъ вѣдьмами.

98. *Ореада*, горная нимфа (воплощеніе горы), хвалится древнимъ происхожденіемъ своего утеса и ссылается на то, что черезъ него, по разсказу Лукана, бѣжалъ Помпей въ Лариссу, кинувъ прощальный взглядъ на мѣсто проигранной битвы; тогда какъ горы, возникшія по прихоти волшебной ночи, исчезнутъ при пѣніи пѣтуховъ. Привычный къ сѣвернымъ лѣсамъ, Мефистофель, тѣмъ не менѣе, хвалитъ осѣняющія гору дубравы, у опушки которыхъ встрѣчаетъ Гомункула. Говоря о своемъ желаніи произойти, Гомункулъ признается, что видѣнное имъ до сихъ поръ не могло привлечь его, и онъ привязался къ двумъ мудрецамъ, способнымъ безъ сомнѣнія указать ему надлежащій путь. Мефистофель смѣется надъ людьми, для которыхъ природа является не предметомъ изученія истины, а лишь орудіемъ проведенія собственныхъ воззрѣній и убѣжденій, и совѣтуетъ Гомункулу возникать собственными усиліями. Но тотъ заинтересованъ совѣ-
99. томъ умныхъ людей. *Анаксагоръ*, много занимавшійся механическимъ объясненіемъ землетрясеній, затменій и метеоровъ, является здѣсь сторонникомъ механической теоріи земныхъ переворотовъ (вулканистомъ), въ противоположность нептунисту *Θалесу*, производившему все изъ воды. Не отвергая мѣстнаго явленія горы, Θалесъ не придаетъ ему, какъ исключенію, міровoго значенія. Анаксагоръ, судя о Гомункулѣ по небольшому его объему, предлагаетъ ему быть царемъ *Мирмидоновъ* (отъ Μύρμηξ—
100. муравей) и пигмеевъ. Но Θалесъ не совѣтуетъ ему останавливаться на такой мелочи, при которой онъ не можетъ ожидать великаго. При этомъ онъ указываетъ на гибель самихъ пигмеевъ, истребляемыхъ журавлями.

Продолжая насмѣшку надъ вулканистами, Гёте воочію проводитъ еще теорію образованія поверхности земли, вслѣдствіе паденія аэролитовъ, причемъ вспоминаетъ, что *Анаксагоръ* предсказалъ паденіе аэролита съ солнца въ Эгоспотамосѣ. Въ то же время поэтъ указываетъ на то, что многія ученія держатся единственно воображаемыми призраками. Анаксагоръ, видя гибель своихъ пигмеевъ, въ отчаяніи обращается съ мольбой къ *Гекатѣ*. Мистическій и мракомъ сокрытый образъ этой богини впервые встрѣчается у Гезіода. Несмотря на многихъ, приписываемыхъ ей, отцовъ и матерей, въ числѣ которыхъ находятся и Зевесъ съ Герой, она происхожденія титаническаго и одна изъ титановъ была на сторонѣ Зевеса, за что не была низвергнута съ другими въ тартаръ, а получила отъ Зевеса великую власть на небѣ, на землѣ и въ подземномъ царствѣ. Троякая власть ея сообщала ей множество именъ, указывающихъ на тройственность, сближающую ее съ троеликой луной (по тремъ фазамъ). Сближая и въ своей молитвѣ видимую на небѣ луну съ чародѣйною Гекатой, Анаксагоръ молитъ ее о проявленіи гнѣва, на защиту пигмеевъ. Безъ особенныхъ чаръ она появлялась обыкновенно въ сопровожденіи воющихъ собакъ. Въ способность θессалійскихъ чародѣекъ мистическими (священными) пѣснопѣніями совлекать свѣтила небесныя съ ихъ путей вѣрила вся древность. Въ настоящемъ мѣстѣ просвѣчиваетъ и убѣжденіе Анаксагора, что небесныя тѣла суть раскаленныя металлическія массы. Анаксагоръ видитъ уже мгновенное исполненіе его молитвы, въ ужасающемъ приближеніи раскаленнаго луннаго диска, и падаетъ въ отчаяньи, что самъ же накликалъ бѣдствіе. Θалесъ видитъ въ немъ больного энтузіаста.

101. Между тѣмъ Гомункулъ замѣтилъ, что дѣло не обошлось одной мечтой Анаксагора, а что громаднымъ аэролитомъ раздавило и правыхъ, и виновныхъ. *Θалесъ*, объявивъ и метеорологическое объясненіе столь же призрачнымъ, какъ и вулканическое, приглашаетъ Гомункула къ морю (нептунизму). По мнѣнію Θалеса, только море можетъ сочувственно принять такихъ гостей, какъ Гомункулъ, съ его чуднымъ стремленіемъ къ зарожденію.

Мефистофель ворчитъ на отсутствіе смолистыхъ деревьевъ; а *Дріада* упрекаетъ его въ неспособности справиться съ мѣстными условіями. На его вопросъ: что онъ видитъ въ мрачной пещерѣ, нимфа поясняетъ, что это *Форкіады*, дочери Форка (мрака) и Влето (пещеры), коихъ имена *Дейно, Пефредо и Эніо* намекаютъ на страшный ихъ видъ. Извѣстныя также подъ именемъ *Грей*, сѣдыхъ, онѣ родились сѣдыми, съ однимъ глазомъ и однимъ зубомъ у всѣхъ трехъ.

102. Хотя Мефистофель и пораженъ ихъ безобразіемъ, но дальше онъ самъ сознаетъ свое съ ними духовное сродство, во имя котораго и испрашиваетъ ихъ благосклонности. Хотя *Форкіады* и встрѣчаются (Prom. Aesch. 794—796) у древнихъ, но какъ слѣды мрачной фантазіи, а не какъ идеалы искусства, какими желалъ бы ихъ представить льстивый Мефистофель. Онъ упоминаетъ Рею, жену Сатурна и мать Зевса, и сливающуюся съ нею у итальянскихъ народовъ Опсъ, чтобы показать, что

СТРАН.

считаетъ *Форкіадъ* древнѣйшими божествами. Выраженіе: *двойной шагъ* указываетъ на Дедала, раздвоившаго ноги статуй и тѣмъ придавшаго имъ движеніе. Мефистофель совѣтуетъ Форкіадамъ, за невозможностью покинуть мрачную пещеру, чтобы лично вступить въ живую область искусства, перенести свою сущность на другого, т.-е. на него.

103. При этомъ онъ соображаетъ, что, принимая образъ, хотя и уродливыхъ женщинъ, онъ представитъ смѣшеніе половъ, хотя какъ духъ онъ въ сущности не имѣлъ пола.

105. *Эгейское море.* Гомункулъ достигаетъ полнаго развитія сліяніемъ съ высшей красотой. Гёте воспользовался случаемъ провести греческое искусство по всѣмъ ступенямъ развитія. Веселый праздникъ морской представляетъ яркую противоположность съ разными сценами: выдвиганія горъ и паденія громадныхъ аэролитовъ. Тамъ Анаксагоръ заклиналъ грозную Гекату. Здѣсь сирены тоже обращаются къ лунѣ, но испрашиваютъ ея благосклонности. Первыми появляются *Нереиды* и *Тритоны* въ смыслѣ грубыхъ морскихъ чудищъ, полурыбъ и полулюдей. Какъ истые дикари, они способны только обвѣшиваться произведеніями искусства, попавшими въ пучину съ корабельщиками, привлеченными пѣ-
106. ніемъ сиренъ. Сирены именно въ этомъ смыслѣ возбуждаютъ въ нереидахъ и тритонахъ сознаніе ихъ собственнаго достоинства, предлагая косвенный вопросъ о существованіи у нихъ высшихъ, религіозныхъ потребностей. Дикари спѣшатъ утвердительно отвѣтить на щекотливый вопросъ фактомъ и отправляются на островъ Самоѳракію, которой смутныя и спорныя божества *Кабиры* были, по Крейцеру, исходною точкой всей греческой миѳологіи. Называя *Кабировъ* странными богами, которые, непрестанно создавая себя, не знаютъ сами кто они такіе, сирены намекаютъ на споры миѳологовъ о числѣ и сущности *Кабировъ*.

Ѳалесъ, приведя Гомункула къ берегу моря, совѣтуетъ ему обратиться къ старцу *Нерею*, олицетворенію самого моря, непрестанно доставляющему людямъ новыя свѣдѣнія. Гомункулъ хотя и слышитъ, что Нерей брюзга, но надѣется, что тотъ въ сердцахъ не разобьетъ его фонаря. Нерей указываетъ на безполезность всякихъ совѣтовъ тамъ, гдѣ люди руководятся не разумомъ, а волей, и намекаетъ на свои прорицанія Парису (оды Горація 1,
107. 15). *Орлами Пинда* Нерей обзываетъ грековъ, разрушителей Трои. На новую просьбу Ѳалеса наставить Гомункула, Нерей отвѣчаетъ отказомъ по причинѣ предстоящаго свиданія съ дочерьми Доридами и главною изъ нихъ, Галатеей. Дочери Нерея и

СТРАН.

Дориды носятъ въ древности названіе Нереидъ. Если древнѣйшее искусство охотно представляло морскія шествія на колесницѣ изъ раковины, обожаемой на островѣ Кипрѣ въ гор. Паѳосѣ—Аѳродиты (Киприды), то въ позднѣйшее время такъ изображалась Галатея. Вѣрный постепенности всяческаго развитія, Гёте всюду держится перехода грубой животной формы въ человѣческую, до высшаго проявленія красоты въ Галатеѣ, избѣгая Олимпійцевъ, какъ чисто божественнаго элемента. Въ этомъ смыслѣ не Венера, а Галатея, какъ идеалъ красоты, является цѣлью конечнаго стремленія Гомункула (Фауста) и какъ бы прелюдіей къ Еленѣ. Гёте держался описанія тріумфа Галатеи у *Филострата*, котораго держался и Рафаэль въ своей картинѣ. Такимъ образомъ передъ нами историческій фактъ, что Гомункулъ (стремленіе человѣчества къ идеалу высшей культуры) вынужденъ былъ воплотиться, произойти у ногъ Галатеи. Безъ античной Елены нѣтъ культурнаго Фауста,
108. нѣтъ фантастическаго Эвфоріона. Нерей отсылаетъ просителей къ Протею. Ѳалесъ, зная измѣнчивость и лживость Протея, не ждетъ удачи, но совѣтуетъ испробовать счастія.

Сирены возвѣщаютъ приближеніе еще высшей формы развитія въ образѣ просвѣтленныхъ самоѳракійскими Кабирами нереидъ и тритоновъ. Они несутъ не самихъ Кабировъ, а полированные щиты изъ исполинской черепахи, въ которыхъ отражаются сумрачные боги.

Сирены выхваляютъ силы малыхъ на видъ боговъ, которыхъ въ видѣ карликовъ Геродотъ видѣлъ въ Мемфисскомъ храмѣ—и упоминаютъ о главномъ ихъ качествѣ, спасителей пловцовъ. Сирены сами признаютъ превосходство Кабировъ надъ ними.

Кабиры. Страбонъ въ 10 кн. § 39 пишетъ:

„Аргивецъ *Акузилай* утверждаетъ, что *Кабира* родила отъ Вулкана сына *Камила*; сыновья этого *Камила* были три Кабира; отъ нихъ родились три дочери Кабириды“.

Ферекидъ говоритъ, что „Ритія родила отъ Аполлона девять Корибантовъ, жившихъ въ Самоѳракіи, а Кабира, дочь Протея, родила отъ Вулкана трехъ Кабировъ и столькихъ же нимфъ Кабиридъ. Тѣмъ и другимъ посвящено было особое богослуженіе (имена ихъ таинственны и потому назвать ихъ не могу)“. *Мназей* называетъ эти имена: *Аксіеръ, Аксіокерза* и *Аксіокерсъ*, а Діонисодоръ присовокупляетъ четвертаго *Касмила*. У Гёте насмѣшка изъ устъ Нереидъ относится къ тріумфу Шеллинга надъ Крейцеромъ. Крейцеръ производитъ имена первыхъ трехъ Кабировъ изъ египетскаго, причемъ

СТРАН.

другъ его Мюнтеръ замѣчалъ Шеллингу, что справедливость такого производства не страдаетъ отъ того, что четвертое имя до сихъ поръ не поддается такому производству изъ египетскаго. Шеллингъ, напротивъ, торжественно доказывалъ, что такъ какъ три первыхъ производятся отъ финикійскаго, то и Касмилъ весьма легко производится отъ родственнаго еврейскаго. Нереиды и тритоны указываютъ на то, что *Касмилъ* разсудительнѣе всѣхъ и ней-
109. детъ на фальшивое истолкованіе. Сирены совѣтуютъ быть осторожнымъ съ богами, такъ какъ неизвѣстно, на какую степень поставятъ его миѳологи. Подъ ихъ искусной рукой низшій богъ можетъ получить высшее мѣсто и смѣяться надъ другими приниженными. Такъ какъ по *Ферекиду* Кабировъ и Кабиридъ шесть, то съ Касмиломъ ихъ выходитъ семь, къ коимъ Крейцеръ еще причисляетъ осьмымъ самого Гефеста, котораго никто не называетъ Кабиромъ, и котораго приходится искать не въ Самоѳракіи, а на Олимпѣ. Шеллингъ остановился на семи Кабирахъ, ищущихъ возсоединенія въ единствѣ Зевса. Низшій изъ Кабировъ, *Аксіеръ* по имени, обозначаетъ *Голодъ*, бѣдность, съ дальнѣйшимъ значеньемъ желанія, стремленія *къ сокровеннымъ тайнамъ*. *Сирены* являются сторонницами Крейцера, который всю греческую миѳологію сводитъ на восточное поклоненіе свѣтиламъ.

Нереиды и Тритоны, принесшіе изъ Самоѳракіи Кабировъ (миѳологи, придающіе имъ такое важное значеніе), ожидаютъ торжественныхъ гимновъ въ честь своему открытію. Сирены утверждаютъ, что миѳологи (Тритоны) даже затмили славу Аргонавтовъ, у которыхъ въ рукахъ только золотое руно, тогда какъ у первыхъ Кабиры. Въ Египтѣ Кабиры происходятъ отъ могучаго творца вселенной (деміурга) *Пта*, имѣющаго сходство съ греческимъ Гефестомъ. Онъ изображался небольшого роста съ огромнымъ брюхомъ, ушами, глазами и ртомъ, съ головой, прикрытой половиной яичной скорлупы. Такія формы перешли и на Кабировъ, которыхъ Крейцеръ представляетъ себѣ кружечными богами,
110. въ формѣ пузатыхъ горшковъ. Ѳалесъ и *Протей* указываютъ на пристрастье ученыхъ къ вопросамъ не по мѣрѣ ихъ значительности, а лишь по мѣрѣ ихъ затруднительности и странности. Протей указываетъ Гомункулу на море, какъ на среду постепеннаго органическаго развитія. Гёте безъ сомнѣнія припоминалъ ученіе Анаксимандра, считавшаго море родиной человѣка, жившаго въ немъ наподобіе рыбы; только когда люди достигли полнаго развитія и способности жить на сушѣ, море выбросило ихъ на берегъ. Поэтому рыбъ должно считать родоначальниками людей. Если сблизить съ этимъ мнѣніе Окена и слова Дарвина о человѣческомъ зародышѣ, то поневолѣ скажешь съ Мефистофелемъ:

Что кто-жъ умно иль глупо думать можетъ,
О томъ, о чемъ не мыслили вѣка?

Протей хочетъ сказать, что Гомункулъ такъ неожиданно родился, какъ дѣвичій сынъ, и находитъ даже въ его безполости удобство, такъ какъ морская среда не встрѣтитъ затрудненія воспользоваться имъ, какъ придется. Гомункулъ уже слышалъ освѣжительный органическій запахъ моря.
111. Протей приглашаетъ его на узкій мысъ, гдѣ онъ близко увидитъ морское торжество.
112. *Тельхины родосскіе* представляютъ послѣднюю ступень человѣческаго развитія, которому недостаетъ только идеальности. Они древнѣйшіе обитатели Родоса, дѣти Талассы (моря) и славились своимъ колдовствомъ и умѣніемъ обработывать металлы и лить статуи, изъ коихъ многія извѣстны были какъ произведенія. Нептунъ снабдилъ ихъ на этотъ разъ своимъ трезубцемъ, чтобы укрощать волны моря.

Тельхины привѣтствуютъ свѣтлую Діану во имя брата ея Аполлона, котораго они на Родосѣ чтутъ непрестанными пѣснопѣніями (пеанами) и множествомъ статуй, отъ малыхъ до исполинскаго колосса, служащаго маякомъ, освѣщающимъ островъ послѣ захожденія солнца (Аполлона).
113. Протей не безъ основанія смѣется надъ мертворожденными произведеніями рукъ человѣческихъ по сравненію ихъ съ вѣчной природой. При этомъ онъ намекаетъ на землетрясеніе 224 года до Р. Хр., разрушившее колоссъ Родосскій, котораго громадные остатки увезены арабами въ половинѣ VI вѣка. Онъ уноситъ Гомункула въ область моря. На совѣтъ Ѳалеса, пройдя тысячи формъ, дойти до человѣка, Протей, какъ богъ измѣнчивости этихъ формъ, очевидно не можетъ желать, чтобы Гомункулъ скоро дошелъ до послѣдней человѣческой, послѣ которой путь прогресса формъ невозможенъ.

Ѳалесъ понимаетъ развитіе въ духовномъ смыслѣ и скромно приписываетъ генію временное значеніе Протей соглашается на исключенія въ пользу людей, подобныхъ Ѳалесу, котораго онъ видитъ уже нѣсколько столѣтій въ прославленномъ сонмѣ греческой саги. *Ѳалесъ и Анаксагоръ*, какъ истые носители греческой мудрости, съ полнымъ правомъ выступаютъ въ классической Вальпургіевой ночи.

Въ настоящемъ тріумфѣ Галатея занимаетъ мѣсто Афродиты, поэтому въ числѣ атрибутовъ богини красоты и любви сирены замѣчаютъ и голу-
114. бей, носящихъ ея воздушную колесницу. Нерей отвергаетъ будничное толкованіе чуднаго явленія

СТРАН.

паѳосскихъ голубей; и Ѳалесъ любуется глубокимъ жизненнымъ значеніемъ миѳа.

Псилы и *Марзы*—представители волшебной силы чувства прекраснаго, глубоко таящейся въ душѣ человѣка. *Марзы*—итальянскій народъ заклинателей змѣй. По Плинію, Псиллы—африканскій народъ такихъ же заклинателей змѣй, исцѣлявшій укушенія змѣй высасываніемъ. Гёте, перенося ихъ на островъ Кипръ, дѣлаетъ ихъ таинственными хранителями колесницы Афродиты, вмѣсто которой они теперь вывозятъ прелестную дочь Нерея. Никакія увлеченія новыхъ поколѣній, никакія внѣшнія торжества враждебныхъ силъ и народностей (римлянъ въ образѣ орла, венеціанцевъ въ образѣ крылатаго льва, турокъ и христіанъ подъ эмблемами луны и креста) не сдерживаютъ таинственнаго шествія вѣчной красоты.

Сирены приглашаютъ единоутробныхъ Доридъ, приблизясь къ Галатеѣ, напоминать ей собою ея божественную мать Дориду, дочь Океана и Ѳетиды; тѣмъ не менѣе онѣ указываютъ на привлекательность Галатеи въ смыслѣ земной женщины. Идеальное сліяніе человѣческаго съ божественнымъ воплощается въ любви богинь Доридъ къ дѣтямъ моряковъ, потерпѣвшихъ крушеніе.

115. Нерей, отказываясь даровать безсмертіе возлюбленнымъ его дочерей, полагаетъ конечнымъ срокомъ развитія красоты возрастъ возмужалости.

Едва восторженный Нерей завидѣлъ Галатею, какъ

СТРАН.

ее уже умчали дельфины. Высшій идеалъ красоты предстаетъ во всей чистотѣ лишь въ рѣдкія мгновенія передъ духовными взорами даже истиннаго художника.

116. Ѳалесъ въ восторгѣ признаетъ въ Галатеѣ высшую красоту и истину природы (ибо красота есть высказанная истина), исшедшую, согласно его ученію, изъ воды. Онъ славитъ океанъ, какъ источникъ всей органической жизни.

Хотя Дориды и удалились настолько, что взоры ихъ не могутъ встрѣтиться со взорами Нерея, но послѣдній и въ отдаленіи не спускаетъ глазъ съ колесницы Галатеи.

Гомункулъ, вдали отъ Нерея, на спинѣ Протея-дельфина въ морѣ, не можетъ противостоять прелести Галатеи. Его склянка страстно сверкаетъ и звенитъ. Онъ все ниже склоняется къ ногамъ Галатеи и, разбившись о ея тронъ, проливаетъ въ море свой огонь.

117. Сирены провозглашаютъ и славятъ эротическое сліяніе огня и воды, заимствуя свое изображеніе у фосфорическихъ явленій, сопровождающихъ подъ водою въ тихія ночи плавателей по Средиземному морю.

Общій хоръ присоединяетъ хвалы вѣтрамъ, оживляющимъ море, и землѣ, въ пещерахъ которой хранилась колесница Афродиты (Галатеи), такъ что торжество завершается хвалой всѣмъ зиждительнымъ началамъ.

АКТЪ ТРЕТІЙ

СТРАН.

118. представляетъ соединеніе *Фауста съ Еленой* 12 сентября 1800 г. Гёте сообщилъ Шиллеру, что Елена наконецъ появилась. Шиллеръ написалъ своему другу: „Благородный, высокій духъ древней трагедіи вѣетъ въ монологѣ и тихой мощью возбуждаетъ сокровеннѣйшія глубины души. Если вамъ удастся этотъ синтезъ благороднаго съ варварскимъ, то будетъ найденъ и ключъ къ остальной части цѣлаго, и вамъ уже не трудно будетъ какъ бы аналитически съ этой точки опредѣлить и распредѣлить смыслъ и духъ остальныхъ частей; ибо эта вершина, какъ вы сами ее называете, должна быть видна со всѣхъ точекъ цѣлаго и озарить ихъ всѣ“. По поводу общаго значенія цѣлаго, Гёте самъ выразился: „Пора примириться наконецъ страстной

СТРАН.

распрѣ между классиками и романтиками. Наше образованіе есть главная потребность; откуда мы почерпнемъ образованіе, было бы безразлично, если бы мы не дожны были страшиться *искаженія* по дурнымъ образцамъ. Вѣдь все-таки болѣе широкому и свѣтлому взгляду въ содержаніе и сущность греческой и римской литературы мы обязаны освобожденію, между XV и XVI вѣками, отъ монашескаго варварства“. Онъ присовокупляетъ, что все, сообщаемое имъ, онъ вынесъ изъ опыта жизни, и потому надѣется, что найдутся желающіе пережить снова и его поэтическія созданія.

Трудно что-либо прибавить къ этимъ немногимъ словамъ величайшихъ мастеровъ.

Елена, чтимая на ея родинѣ въ Лаконскомъ го-

СТРАН.

родѣ Ѳерапнѣ какъ богиня красоты, была первоначально существомъ небеснымъ, миѳически перешедшимъ на историческія лица. Уже одно имя ея напоминаетъ Селену (луну). Она постоянно дочь владыки неба, Зевса, и сестра Діоскуровъ, спасителей въ бурной ночи. Въ своей миѳологіи Преллеръ указываетъ, что луна часто представляется въ образѣ прекрасной женщины, и ея передвиженія и фазы представляютъ поводъ къ исторіямъ похищеній.

Такимъ образомъ похищеніе и возвратъ соста вляютъ главное зерно преданій о Еленѣ. Такъ какъ по преданію она скрывалась одновременно и въ Троѣ, и въ Египтѣ, откуда ее тоже вывелъ Менелай, то Стезихоръ и Эврипидъ представляютъ это такъ, что только призракъ ея послѣдовалъ за Парисомъ, а сама она осталась на Нилѣ и тамъ найдена супругомъ. Мы уже говорили о ея похищеніи Тезеемъ и освобожденіи братьями, равно какъ о тѣни Ахилла, соединившейся съ ея призракомъ на островѣ Левке (у Гёте Фера).

Погрузившійся въ мірѣ греческаго искусства Фаустъ—самъ Гёте. Отбросивъ всякіе романтическіе подходы, онъ прямо выводитъ передъ нами Елену, въ тѣхъ самыхъ формахъ жизни, какими окружали ее греческая трагедія и преданія. Во всемъ предстоящемъ передъ нами образѣ нѣтъ черты не обоснованной на глубокомъ изученіи классической древности, а намъ въ пору изучать дѣло настолько, чтобы понять значеніе того или другого, повторяя слова Гёте къ будущимъ своимъ критикамъ: такъ *онъ это захотѣлъ сдѣлать*. (So wollt er' s machen).

Греческая трагедія возникла изъ религіозныхъ хоровъ на праздникахъ Діонисія. Предводитель хора вступалъ въ разговоры со своими соучастниками о судьбахъ Вакха, изображеннаго отдѣльнымъ лицомъ. Такимъ образомъ хоръ явился представителемъ народнаго голоса, толкователемъ общаго впечатлѣнія, переживающимъ самыя страданія и смерть героя. Гёте выводитъ передъ нами Елену со всѣми атрибутами Софокловой трагедіи, и такъ какъ онъ только все воспроизводитъ, ничего не сочиняя, то мы не можемъ сказать, что это не Елена.

Появленіе и ужасъ Елены. Елена появляется передъ дворцомъ своего супруга Менелая въ Спартѣ въ сопровожденіи плѣнныхъ троянокъ, во главѣ которыхъ *Панталисъ* отличается своею привязанностью къ госпожѣ.

На большой картинѣ знаменитаго *Полигнота* въ Дельфахъ, Елена представлена была не задолго до ея возвращенія изъ Трои, причемъ двухъ сопровождающихъ ее служанокъ называли именами: Панталисъ и Электра.

СТРАН.

Елена, достигнувъ Спарты при помощи юго-восточнаго вѣтра *Эвра*, обсуждаетъ свое положеніе при вступленіи снова во дворецъ, выстроенный отцомъ ея Тиндареемъ, когда онъ вернулся изъ Аѳинъ (съ Холма Паллады). Здѣсь выросла она съ Клитемнестрой и братьями Діоскурами. Въ ея собственномъ сознаніи она—жертва злобнаго рока и сказочныхъ навѣтовъ, обратившихъ ея плѣненіе разбойникомъ въ добровольное бѣгство. Не вступая на порогъ супружескаго дома, она надѣется оста-
120. вить всю роковую бурю за спиной. Здѣсь, какъ въ Софокловомъ *Филоктетѣ*, выступаетъ строфа хора, за которой, послѣ новой рѣчи Елены, слѣдуетъ антистрофа, и заключительное пѣніе (эпода).

Въ своемъ художественномъ воспроизведеніи древней трагедіи Гёте избираетъ для хоровъ размѣры, лишь вполнѣ подающіеся условіямъ нѣмецкаго, а слѣдовательно и русскаго стиха. Мы были еще сдержаннѣй и трезвѣе.

Напрасно хоръ старается ее утѣшить высокимъ
121. значеніемъ ея красоты, заставляющей преклоняться и героя, и мудреца. Она впадаетъ въ раздумье по поводу страннаго, молчаливаго поведенія Менелая во время плаванія.

Хоръ антистрофы выражаетъ надежду увидать ее вскорѣ во всемъ царственномъ убранствѣ; но Елена впадаетъ въ мрачное раздумье, вспоминая, что Менелай, приказавъ ей все приготовить для жертвоприношенія, не указалъ на самую жертву. Въ концѣ ея рѣчи слышится намекъ на спасенную Ифигенію.

Въ *Троянкахъ* Эврипида греки передаютъ Менелаю Елену для наказанія, и онъ увозитъ ее на кораблѣ для того, чтобы дома предать смерти.

122. Въ *эподѣ* хоръ утѣшаетъ царицу собственнымъ примѣромъ. Вѣдь сами же троянки пережили гибель Трои. Елена уходитъ во дворецъ.

Греческая трагедія, не взирая на видимую сдержанность, свойственную всему классическому искусству, богата въ хорахъ лирическимъ буйствомъ и сценическими пріемами, которымъ немногіе изъ новѣйшихъ умѣли подражать. Какъ напр., въ *Іоаннѣ Грозномъ* гр. Толстого шумные и веселые скоморохи врываются на сцену въ минуту нежданной смерти Грознаго, такъ и въ древней трагедіи радостные хоры нерѣдко предшествуютъ мрачнымъ событіямъ, возвышая значеніе послѣднихъ. Въ данномъ случаѣ хоръ преисполненъ высокимъ счастіемъ царицы, идущей изъ тяжкой неволи навстрѣчу полному счастію. Хоръ не обращается ни къ какому лицу, а выражаетъ общій радостный порывъ.

Панталисъ, предводительница хора, спрашиваетъ

СТРАН.

возвращающуюся Елену: что могло ее такъ смутить въ собственномъ домѣ. Безстрашная дочь Зевса (по Гомеру) говоритъ, что изъ мрака бездны, откуда когда-то произошли чудища въ родѣ Химеры, Тифея и т. д., и теперь исходятъ чудовища, подобно облакамъ дыма изъ огнедышащей горы, способныя потрясти и героя. Стигійскіе подземные боги встрѣтили ее такимъ ужасомъ, что она готова бѣжать изъ дому.—Но отрезвленная видомъ бѣлаго дня, она хочетъ освятить домъ, чтобы жить въ немъ съ супругомъ. Разсказъ Елены о страшномъ явленіи напоминаетъ подобное мѣсто *въ Эвменидахъ* Эсхила,

123. ст. 34. При дальнѣйшемъ описаніи расположенія дома по Гомеру, Гёте очевидно держался Фоссова плана, приложеннаго имъ къ переводу *Одиссеи*.

За мощенымъ переднимъ и среднимъ дворами, находится въ глубинѣ мужская комната съ очагомъ, представляющимъ средоточіе дома. Въ высокую кладовую рядомъ съ супружеской опочивальней (θάλαμος) надобно подыматься позади мужской комнаты.

„Вверхъ по ступенямъ высокимъ поспѣшно взошла Пенелопа;
(Одиссея, Жуковскаго XXI, ст. 5).
„Рабы спали въ пыли около огня".
(Одисс. XI, ст. 190).

Мефистофель, появляющійся на порогѣ дворца въ образѣ Форкіады, радъ, въ качествѣ представителя безобразія, смущать и запугивать прекрасные образы классической древности.

124. Хоръ, при видѣ такого безобразія, проникается лирическимъ чувствомъ всего страшно пережитаго, при разрушеніи Трои (Энеида II, 310—317). Страшный крикъ боговъ по Гомеру. Подъ *раздоромъ* можно разумѣть и Эриду (богиню раздора), и сражающихся. Въ Иліадѣ гл. XVIII, 222:

„Трои сыны лишь услышали *мѣдяный* гласъ эакидовъ".

Всѣ бѣдствія, пережитыя плѣнными троянками, кажутся имъ какимъ-то тяжкимъ сномъ, изъ котораго выплываетъ въ дѣйствительности предстоящее передъ ними чудовище, которое онѣ несомнѣнно считаютъ происшедшимъ отъ мрачнаго Форкиса, отца Горгонъ и Форкіадъ (*Грай*). Съ точки зрѣнія свѣта, озаряющаго положительную красоту міра, безобразіе только отрицаніе, какъ тѣнь, которая видна только со стороны. Счастливыя своею богоподобною красотой, троянки въ ужасѣ проклинаютъ приближающееся къ нимъ чудовищное безобразіе.

СТРАН.

125. *Форкіада*, въ духѣ древней трагедіи, принимаетъ за основаніе своей рѣчи пословицу и, упрекнувъ
126. хоръ въ безстыдствѣ, сравниваетъ его сперва со стадомъ журавлей (Иліада III, 3), затѣмъ съ прожорливой саранчей и подъ конецъ указываетъ на ихъ рабское положеніе рыночнаго товара.

Елена вступается за вѣрныхъ троянокъ, но Форкіада проситъ защитить ее, старую служанку, отъ крикливаго хора.

Предводительница хора выражаетъ свое отвращеніе къ безобразію Форкіады и тѣмъ даетъ поводъ къ перебранкѣ отдѣльными стихами (стихомиѳіи), столь свойственной древней трагедіи.

127. *Эребъ*—воплощеніе хаотической ночи, отецъ парокъ и родоначальникъ всѣхъ нуждъ и бѣдствій. Странно, что по отдаленному ходу мыслей въ числѣ послѣднихъ находится и дружба.

Тирезій—извѣстный ѳивскій прорицатель, одаренный Зевесомъ семью сроками человѣческой жизни. Любимецъ Прозерпины, онъ одинъ сохранилъ въ тартарѣ разумное сознаніе.

Оріонъ—исполинъ-охотникъ, сынъ Посидона и Эвріалы, ставшій извѣстнымъ созвѣздіемъ. Его *нянька* была пословицей глубокой старости.

Гарпіи—дочери морского чудовища, въ родѣ крылатыхъ Стимфалидъ, питались, по преданію, собственными нечистотами.

Предводительница хора Панталисъ, выпущенная Персефоной на время изъ ада, для извѣстныхъ цѣлей, знаетъ отъ нея, что подъ личиной ключницы Форкіады скрывается Мефистофель, и въ минуту раздраженія грозится разоблачить его тайну; на что Форкіада-Мефистофель приглашаетъ ее объявить свое имя и призваніе, т.-е. полученное отъ Персефоны знаніе, чѣмъ раскроется общая ихъ тайна.

Замѣшательство Елены, обморокъ и новый ужасъ. Не столько непріятная ссора, сколько упоминаніе о подземныхъ образахъ, на которые преднамѣренно ссылалась Форкіада, уносятъ Елену изъ дѣйстви-
128. тельности къ мрачнымъ картинамъ минувшаго, созданнаго вокругъ ея сложившеюся сагою, такъ что она и сама не знаетъ, клевета ли это или дѣйствительное былое, передъ которымъ должно умолкнуть ея внутреннее сознаніе собственной невинности.

Форкіада, подъ видомъ участія, приводя опредѣленныя событія, еще болѣе старается придать сомнительной особѣ несомнѣнно обвинительное значеніе. Съ походомъ Менелая въ Критъ, она соединяетъ и начало собственнаго рабства и уходъ Елены съ Парисомъ. Но когда дѣло доходитъ до ея призрачной двойственности въ Египтѣ и Троѣ едино-

СТРАН.

временно, Елена, глядя на свою призрачность, лишается сознанія.

129. Въ слѣдующей пѣснѣ, состоящей изъ прооды (предварительн. пѣсни), пары строфъ (ст. 6—13 и 14—21) и эподы, хоръ начинаетъ впечатлѣніемъ ужаснаго безобразія Форкіады, указываетъ на ея злостное отношеніе къ царицѣ, и кончаетъ впечатлѣніемъ высокой красоты послѣдней. Когда Елена снова приходитъ въ сознаніе, Форкіада-Мефистофель, воздавая честь ея красотѣ, подходитъ къ конечному разрѣшенію своей роли, состоящему въ томъ, чтобы, побуждаемая ужасомъ, Елена сама искала спасенія у средневѣковаго Фауста. Мы готовы видѣть въ этомъ поэтическое возсозданіе перехода греческой образованности въ Западную Европу, вслѣдствіе турецкаго нашествія (1453).

130. Приступая къ исполненію повелѣній царицы, Форкіада приводитъ дѣло къ объясненію, что Менелай обрекъ и ее, и хоръ троянокъ на смерть. Казнь служанокъ приводитъ на память Одисс. XXII, ст. 458. Адская прислуга, подобно Мефистофелю, не могущая появиться въ классической трагедіи въ настоящемъ видѣ, является закутанною.

Рѣшимость Елены. Преданная своей царицѣ, предводительница хора, убѣдясь въ угрожающемъ

131. бѣдствіи, старается смирить Форкіаду и спросить о средствѣ къ спасенію. Отвѣтъ послѣдней, что все зависитъ отъ быстраго рѣшенія Елены, заставляетъ и хоръ, и самую Елену обратиться къ Форкіадѣ. Ножницы парки Атропосъ—золотыя, подобно всѣмъ принадлежностямъ боговъ. Форкіада, начавъ издалека, сводитъ къ тому, что въ теченіе долгихъ лѣтъ

132. отсутствія Менелая и Елены, къ сѣверу отъ Спарты у подошвы Тайгета, въ долинѣ истока Эврота успѣлъ засѣсть народъ изъ полночныхъ странъ (киммерійцы у Гомера и Геродота) и, построивъ неприступную твердыню, властвуетъ страной. Дальнѣйшее описаніе народа и его повелителя нравится Еленѣ и въ особенности хору. Въ ленномъ государствѣ во главѣ стоитъ одинъ. Послѣ завоеванія Константинополя франками-германцами и венеціанцами (1204 г.) весь Пелопонезъ былъ розданъ леннымъ баронамъ. Отъ владыки замка Геракисъ на Эвротѣ зависѣли шесть ленныхъ владѣтелей. Гёте изучалъ это завоеваніе Греціи какъ разъ когда создавалъ Елену. *Приношеніемъ* были дары, которыми средневѣковые города, монастыри откупались отъ нападеній сильныхъ рыцарей. О людоѣдствѣ героевъ Иліады говорится въ

133. виду угрозы Ахилла (Иліада XXII, ст. 345). На Веймарской вазѣ, въ изображеніи похищенія Кассандры, на щитѣ Аякса виденъ узелъ изъ змѣй. Изображенія на щитахъ семерыхъ героевъ подъ Өивами упоминаются у Эсхила (ст. 337). Въ гербахъ всѣ цвѣты называются розами.

СТРАН.

Но царица все еще не вѣритъ такой мести со стороны Менелая, и когда Форкіада напоминаетъ ей страшную казнь Деифоба (Вирг. Энеида VI, ст. 494), то она объясняетъ ее любовью къ ней. Форкіада указываетъ на неизбѣжность этой мести вслѣдствіе того, что Деифобъ обладалъ Еленою.

134. Трубными звуками, раздавшимися вдали по волѣ Форкіады-Мефистофеля, послѣдній вынуждаетъ ее на рѣшимость. Какъ ни глубоко ея отвращеніе къ безобразной Форкіадѣ, Елена рѣшается послѣдовать за нею съ затаенною мыслію о самоубійствѣ въ крайнемъ случаѣ.

Переходъ Елены и пріемъ ея Фаустомъ. Чудесное перенесеніе въ средневѣковой замокъ сопровождается хоромъ, состоящимъ изъ двухъ строфъ и эподы. Поднимающійся съ Эврота туманъ быстро покрываетъ рѣку и плавающихъ по ней, связанныхъ съ преданіемъ о зачатіи Елены, лебедей. Хриплые голоса послѣднихъ кажутся дѣвушкамъ-лебедушкамъ предсмертнымъ знаменіемъ, какъ для нихъ, такъ и для дочери Лебедя-Зевеса. Онѣ не могутъ разобрать, сами ли онѣ несутся впередъ или земля бѣжитъ подъ ихъ

135. ногами. Имъ уже мерещится Гермесъ-Психопомпъ (погонщикъ душъ), сопровождающій ихъ обратно въ Аидъ, изъ котораго онѣ лишь на время выпущены Персефоною. Туманъ разсѣивается, и хоръ, увидавъ себя среди тѣснаго двора, окруженнаго мрачными стѣнами, считаетъ себя попавшимся въ плѣнъ. Здѣсь рисуется замокъ XIV и XV столѣтія съ воронкообразнымъ дворомъ, окруженнымъ высокими четырехъ-этажными строеніями, тогда какъ собственно средневѣковые замки были гораздо просторнѣе. Предводительница хора упрекаетъ дѣвушекъ въ страстности ихъ увлеченія. Елена напрасно ищетъ глазами Форкіаду, долженствующую довести дѣло до конца и представить ее владѣтелю замка. Но по средневѣковой любезности, женщина не можетъ отыскивать владѣльца замка, а онъ долженъ ее встрѣтить съ почетомъ. Фаустъ долженъ оклеветанную, но невинную Елену принять какъ средневѣковой рыцарь, согласно рѣшенію Персефоны, не на нѣмецкой землѣ, а явиться за нею въ Спарту со своимъ войскомъ. Дворецъ Тиндарея и замокъ, въ который онъ превращается, только волшебные призраки; но появленіе Фауста въ Спартѣ, гдѣ возникаетъ Елена, должно съ точки зрѣнія трагедіи считаться дѣйствительностью.

136. Предводительница хора замѣчаетъ поднявшееся въ замкѣ движеніе. Хоръ плѣненъ юною красотой кортежа; онъ описываетъ мгновенное строеніе трона,

СТРАН.

на который восходитъ Елена и прославляетъ великолѣпный пріемъ. Въ словахъ предводительницы хора выражается впечатлѣніе граціознаго достоинства, отличавшаго средневѣковое рыцарство. Съ ея приглашеніемъ Елены обратить вниманіе на Фауста оканчивается античная часть трагедіи Елены, что видно даже по размѣру стиховъ, ибо вмѣсто триметровъ начинаются новѣйшіе пятистопные ямбы и вмѣсто свободныхъ лирическихъ размѣровъ — риѳмованные трохеи и ямбы и лишь въ немногихъ мѣстахъ, соотвѣтственно античному духу, возвращаются и древніе метры.

137. Въ духѣ *рыцарскаго почтенія* къ женщинѣ Фаустъ, извиняясь передъ Еленой въ несвоевременности почетнаго пріема, приводитъ къ ней на судъ стража, заслужившаго смерть своей оплошностью.

Елена, незнакомая съ такимъ высокимъ положеніемъ женщины, тѣмъ не менѣе желаетъ, въ качествѣ судьи, выслушать обвиняемаго. Линцей, стражъ на башнѣ,—котораго имя для выраженія зоркости, происходя отъ λυγξ (рысь), заимствовано у кормчаго Аргонавтовъ, о которомъ говорено (стр. XI),—объясняетъ свое смущеніе необычайною красотой Елены.

138. Мысль о казни изъ-за нея пробуждаетъ въ Еленѣ воспоминанія всѣхъ невольно перенесенныхъ ею бѣдствій. Фаустъ самъ признаетъ ея власть надъ собой и всѣмъ его достояніемъ.

139. *Линцей* приноситъ Еленѣ въ даръ драгоцѣнности, накопленныя имъ во время переселенія народовъ.

140. Фаустъ приказываетъ Линцею убрать богатствами залы для пріема царицы. Елена приглашаетъ Фауста занять подобающее ему мѣсто рядомъ съ нею на тронѣ.

Пораженная необычайностью риѳмованной рѣчи, Елена желала бы владѣть ею, и Фаустъ объясняетъ ей внѣшнее созвучіе словъ внутреннею симпатіей

142. говорящаго. Хоръ, стоящій на своей античной почвѣ и потому состоящій изъ двухъ строфъ и эподы, объясняетъ привѣтливость царицы къ Фаусту плѣнною зависимостью. По мнѣнію хора плѣнницъ, женщины хотя и тонко отличаютъ красоту отъ безобразія, но по обстоятельствамъ предоставляютъ и послѣднему власть надъ собою. Хоръ кончаетъ заявленіемъ, что и властители не прочь выказать свое счастіе передъ толпою.

Исполнясь романтическимъ чувствомъ, Елена уже говоритъ риѳмами. Она называетъ себя отжившей въ томъ смыслѣ, что сбрасываетъ съ себя все пережитое горе.

Защита со стороны Фауста и блаженство любви. За изображеніемъ романтической рыцарской любви является изображеніе рыцарской отваги и силы.

СТРАН.

143. *Форкіада-Мефистофель* радуется возможности причинить новый, хотя и неосновательный испугъ и мученіе Еленѣ. Глумясь надъ любовною симпатіей, которой не понимаетъ, онъ возвѣщаетъ о грозномъ приближеніи мстительнаго Менелая.

Въ средніе вѣка въ Греціи существовали франкскіе, нѣмецкіе и венеціанскіе лены. Держась чисто внѣшней связи текста, мы вынуждены объяснить существованіе такихъ ленныхъ владѣній во время троянской войны волей Персефоны, которая не средневѣкового Фауста отодвинула хронологически назадъ, а дозволила своей Еленѣ со всей ея обстановкой выйти изъ Аида через 2000 лѣтъ навстрѣчу Фаусту. Но въ переносномъ смыслѣ, придающемъ именно 2-й части ея міровое значеніе, дѣло произошло именно такъ, какъ оно олицетворено въ самой трагедіи. Классическая красота и образованность не могла сама вторгаться въ грубый міръ Запада, а нужно было напротивъ Западу, при помощи арабовъ, выносить Фауста, взалкавшаго этой красоты и вынужденнаго переживать лично всю героическую эллинскую сагу.

Когда Голтей спросилъ Гёте, что это означаетъ, что Фаустъ раздѣляетъ страны между отдѣльными военачальниками, поэтъ отвѣчалъ: „Да, да, милыя дѣти, если бы вы не были только такъ глупы“ и оставилъ его, убѣдившись, что человѣкъ, взявшійся на слѣдующій день читать *Елену*, судя по такому вопросу, мало въ ней понимаетъ.

Всѣмъ тремъ Пелопонезскимъ городамъ, носящимъ имя Пилоса, приписываютъ рожденіе Нестора.

144. При вѣсти о враждебности одного Менелая, среди общаго покоренія Греціи германцами, Фаустъ приказываетъ отбросить этого морского разбойника къ морю и раздѣляетъ весь Пелопонезъ между начальниками германскихъ племенъ, оставляя Еленѣ, какъ главѣ леннаго государства, ея родную Спарту и прелестную сосѣднюю Аркадію. Приведенныя здѣсь народныя имена имѣютъ по корнесловію слѣдующее значеніе: германы (военные люди), готѳы (храбрые), франки (свободные), саксы (осѣдлые), норманны (сѣверные люди).

Со своей точки зрѣнія, хоръ въ двухъ строфахъ и эподѣ восхваляетъ мудрость и силу властелина, который и царицу, и служанокъ ея принялъ подъ вѣрную защиту.

145. Указавъ на прелесть почвы, породившей идеальную красоту, Фаустъ, садясь рядомъ съ Еленой, приглашаетъ ее *оставить за собой*, забыть все мученіе, вытекающее изъ *воли*, предавшись исключительно безболѣзненному чувству художественнаго созерцанія, осуществляемому пребываніемъ въ Аркадіи.

Пещера, въ которую удаляется Фаустъ съ Еленой,

страп.

ближе всего напоминаетъ Тюрингское сказаніе о пещерѣ Венеры.

146. *Эвфоріонъ* является плодомъ сочетанія Фауста съ Еленой.

Форкіада будитъ спящій у входа въ пещеру хоръ и обращается въ то же время къ болѣе серьезнымъ зрителямъ съ невѣроятнымъ разсказомъ о появленіи и качествахъ Эвфоріона, который, такъ сказать, на ея глазахъ превращается изъ подвижного, бойкаго младенца въ жреца новой лирической поэзіи.

147. *Хоръ*, котораго пѣсня состоитъ изъ 2-хъ парныхъ строфъ, останавливается только на внѣшней необычайности разсказа и съ этой стороны совершенно правъ, говоря, что поэтическое воображеніе никогда не можетъ превзойти того, что̀ уже создано эллинскою сагой. Но въ его пѣснѣ для насъ многозначительно именно то, что хоръ, говоря о поучительности поэзіи, подразумѣваетъ поученіе исключительно въ смыслѣ красоты, а не въ томъ, какой у насъ обыкновенно придается этому выраженію; не въ смы-

148. слѣ нравственнаго поученія. Приводимое имъ сказаніе о Вакхѣ, будучи безспорнымъ примѣромъ ловкости и хитрости, не можетъ служить примѣромъ нравственности.

149. При мелодической музыкѣ, сопровождающей до конца сцену Эвфоріона, даже Форкіада-Мефистофель, стоящій, при отрицательномъ своемъ характерѣ, все-таки ближе къ романтическому строю, чѣмъ къ классическому, выражаетъ конецъ античнаго міра и начало новаго самою формой риѳмованной рѣчи. По его удаленіи, хоръ проникается тѣмъ же романтическимъ духомъ. Словами: *„пусть и солнца свѣтъ затмится“* онъ намекаетъ на кончину древняго поэтическаго строя, уступающаго мѣсто романтизму. Конечно и классическая поэзія не была совершенно чужда задушевности, иначе романтизмъ и не прильнулъ бы къ ней такъ неразрывно.

Мы не удивляемся, что Кюнцель предлагаетъ играть въ театрѣ всю сцену Эвфоріона за дымками, въ виду того, что для Елены и Фауста Байронъ отдаленное будущее, такъ какъ на фантастическое этой сцены указываетъ сопровождающая ее музыка. Но для читателя, ищущаго поэтической правды прежде всякой хронологической и понимающаго, что какъ бы великій поэтъ ни скрывался за средневѣковымъ Фаустомъ и троянской Еленой, все-таки и къ Фаусту, и къ Еленѣ, и къ Байрону нисходилъ онъ самъ—и для него все одинаково прошедшее или скорѣе настоящее.

Появляющіеся *Елена, Фаустъ и Евфоріонъ* высказываютъ отраду семейнаго счастія, хоръ раздѣляетъ это чувство. Скоро, однако, внутренняя стре-

страп.

мительность и порывъ на высоты высказывается въ геніальномъ младенцѣ.

151. Просьбы родителей на время удерживаютъ его на землѣ, но за то онъ бросается въ хоръ дѣвушекъ, увлекая ихъ къ рѣзвости, докучающей Фаусту.

Хотя надпись и гласитъ, что *Эвфоріонъ* танцуетъ и *поетъ* съ хоромъ, но очевидно всѣ двѣнадцать слѣдующихъ стиховъ принадлежатъ одному хору, изображающему грацію Эвфоріона, который, отдохнувъ отъ игры, затѣваетъ новую, причемъ преслѣдуетъ очарованныхъ имъ дѣвушекъ какъ дичину; увлекающійся лишь тѣмъ, что̀ берется съ бою, онъ догоняетъ самую рѣзвую, пренебрегая остальными.

152. Но сопротивляясь насильственнымъ ласкамъ, троянка—выходецъ изъ Аида, —уносится пламенемъ, насмѣшливо приглашая его ловить ее. Здѣсь кончается изображеніе первыхъ, неукротимыхъ и неудовлетворенныхъ стремленій молодости Байрона.

Возносясь все выше и пріобрѣтая все болѣе широкій кругозоръ, Эвфоріонъ озираетъ Пелопонезъ,

153. окруженный моремъ. Хоръ, не понимающій его безпредметныхъ стремленій, старается удержать его въ мирныхъ поляхъ Аркадіи, но ему грезится война и побѣда. Полный благородныхъ преданій вольнолюбивой Эллады, Эвфоріонъ переноситъ этотъ воинственный духъ и на современныхъ грековъ въ ихъ борьбѣ за независимость. Громъ битвы за освобожденіе все болѣе воспламеняетъ Эвфоріона. Онъ ле-

154. титъ раздѣлить участь бойцовъ и вдохновенный принимаетъ свое развѣвающееся платье за крылья.

Хоръ оплакиваетъ новаго Икара, который падаетъ мертвый къ ногамъ родителей. Тѣло, носящее черты Байрона, исчезаетъ, ореолъ въ видѣ кометы возносится къ небу, а плащъ и лира, какъ поэтическіе атрибуты, остаются на землѣ. Въ предисловіи къ первому изданію мы уже высказали наше личное воззрѣніе на эту сцену. Всякое разсужденіе о первоначальной ея концепціи имѣетъ въ глазахъ нашихъ лишь историческое значеніе. Передъ нами она въ окончательномъ своемъ видѣ и, намъ кажется, въ наиболѣе значительномъ. Хотя самъ Байронъ, какъ лицо, исчезъ, но ореолъ его поэзіи будетъ вѣчно сіять. Все выражаемое надгробною пѣснью хора, до того характерно въ примѣненіи къ Байрону до паденія Мисолунги включительно, что видѣть въ Эвфоріонѣ что-то другое — болѣе чѣмъ странно. Разлука, распаденіе хора. Не-

156. многими триметрами Елена же объявляетъ Фаусту о своемъ возвращеніи къ Персефонѣ вослѣдъ за сыномъ. Она исчезаетъ, оставляя на рукахъ Фауста свои покровы, которые, по словамъ Форкіады, во всю его жизнь станутъ возносить его надъ всѣмъ низкимъ. Излишне прибавлять, что тутъ подразу-

СТРАН.

мѣвается, независимо отъ содержанія, та манера приходить къ природѣ и человѣку, которой мы преемственно научились у Гомера и его послѣдователей. Форкіада-Мефистофель не можетъ упустить случая посмѣяться надъ безсильными подражателями Байронизму.

158. Вѣрная *Панталисъ*, томившаяся все время совершенно чуждымъ ей романтическимъ вліяніемъ—единственно изъ преданности госпожѣ, съ чувствомъ успокоенія и исполненія долга сходитъ снова вслѣдъ за Еленой въ Аидъ, къ трону неисповѣдимой Персефоны.

Но жизнелюбивый хоръ указываетъ на ту разницу, о которой говоритъ В. фонъ-Гумбольдтъ: „Есть духовная индивидуальность, которой однако не всякій достигаетъ, и она-то, какъ самобытная духовная форма, вѣчна и не преходяща. Но что̀ не въ силахъ сформироваться такимъ образомъ, должно, пожалуй, вернуться къ общей жизни природы“. Хоръ, вѣрный подробностямъ гомерическаго созерцанія Аида (Одиссея X, 510, XI, 539, 573), не желаетъ возвращаться въ эту однообразно-безцвѣтную скуку. *Асфоделосъ*, асфодиллъ—растеніе изъ породы лилій, мелкоклубныя коренья котораго составляли пищу бѣдняковъ. Нѣчто въ родѣ древняго картофеля.

Одисс. Жук. XXIV, 5—8.

„Полетѣли за Эригіемъ тѣни
Съ визгомъ; какъ мыши летучія, въ нѣдрѣ глубокой пещеры,
Цѣпью къ стѣнамъ прилѣпленныя — если одна оторвавшись,
Свалится на-земь съ утеса—визжатъ, въ безпорядкѣ порхая“.

159. Одна часть хора превращается въ дріадъ (древесныхъ нимфъ), другая—въ ореадъ (горныхъ нимфъ), третья—въ наядъ (ключевыхъ нимфъ), четвертая—въ виноградныхъ нимфъ.

СТРАН.

Зная, что у истинныхъ художниковъ вдохновеніе предшествуетъ рефлексіи, мы не спрашиваемъ, почему Гёте кончаетъ свою Елену вакхическою картиной, а стараемся лишь понять и объяснить себѣ, почему это такъ вышло. Поэтъ, такъ сказать, хоронитъ свою Елену, а онъ самъ въ первой венеціанской эпиграммѣ говоритъ, что древніе украшали свои саркофаги и урны самыми жизненными и разгульно-вакхическими сценами.

Пришедшій къ грекамъ, со своимъ мистически-разгульнымъ культомъ съ Востока, Діонисій мало-по-малу не только разрушительно дѣйствовалъ на ихъ трезвый, религіозный и семейный строй, но увлекъ и самое искусство и поэзію на соблазнительно опасные пути. Если въ концѣ классической Вальпургіевой ночи мы, какъ бы прелюдіей къ Еленѣ, видимъ въ Галатеѣ высшее развитіе греческаго искусства, то здѣсь передъ нами возникаетъ его паденіе, подъ вліяніемъ разгульнаго вакхическаго культа. Передъ нами внутренняя причина смерти Елены, т. е. эллинскаго міра. Позволимъ себѣ сказать болѣе. То, что̀ вѣчно присуще душѣ человѣка, нельзя, обозвавши историческими моментами, устранить и сбыть съ рукъ. Вѣчный опытъ показываетъ, что такъ-называемые послѣдовательные моменты—рядомъ живутъ въ духѣ человѣчества, принимая лишь новые оттѣнки.

Окончательная невозможность раціональнаго разрѣшенія вопросовъ о зарожденіи жизни и о вѣчномъ стремленіи къ индивидуальной свободѣ привела древнѣйшій Востокъ къ мистеріямъ. Эллинскій міръ понялъ эти стремленія совершенно съ внѣшней, чувственной и потому опасно разрушительной стороны, и лишь болѣе сосредоточенному Сѣверу предстояло всѣмъ строемъ своей религіи, искусства и науки уйти за тѣмъ внутреннимъ идеальнымъ мистицизмомъ, которымъ нашъ поэтъ кончаетъ своего Фауста.

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

СТРАН.

161. *Фаустъ и Мефистофель.* Исполненный стремленія къ новой, могучей дѣятельности, Фаустъ несется на облакѣ, образовавшемся изъ одежды Елены. Подъ сильнымъ впечатлѣніемъ прожитой античной жизни, онъ ведетъ свой монологъ триметромъ, описывая самое дѣйствіе, какъ это въ обычаѣ древней драмы. Спустивъ его на уступъ скалистыхъ горъ, облако уносится, принимая образы древнихъ красавицъ. Охватывающій его легкій туманъ, подымаясь и нѣжно сливаясь, напоминаетъ ему первыя, неясныя грёзы

стран.

любви къ Гретхенъ, которыя онъ называетъ „любовью Авроры“.

Появленіе Мефистофеля въ семимильныхъ сапогахъ, вмѣсто античныхъ котурновъ, указываетъ, что
162. мы снова на почвѣ средневѣковой легенды. Браня Фауста, спустившагося среди каменныхъ грудъ, Мефистофель утверждаетъ, что базальтъ скалъ былъ первоначально дномъ ада, который выдвинутъ наверхъ только вулканическимъ переворотомъ. Нептунистъ Фаустъ обзываетъ эту мысль дурацкой легендой и заставляетъ Мефистофеля объяснить, какъ произошло все дѣло.

Мефистофель полукомически объясняетъ переселеніе чертей изъ адской бездны въ воздушныя пространства. На замѣчаніе Фауста, что легкія измѣненія обще-круглой поверхности земли лежали искони въ потребности самой природы, Мефистофель отвѣчаетъ увѣреніями, что самъ присутствовалъ при переворотѣ, оставившемъ слѣды въ видѣ разбросанныхъ обломковъ гранита и базальта, присовокупляя, что лишь простой народъ понимаетъ присутствіе при этихъ явленіяхъ дьявольской силы. Въ заключеніе онъ спрашиваетъ: неужели Фаустъ, носящійся по свѣту, не нашелъ ничего для себя привлекательнаго?
164. На утвердительный отвѣтъ Фауста, онъ пускаетъ въ догадки и, мечтая вслухъ за Фауста, выбираетъ сперва столичный городъ, въ родѣ Парижа, въ которомъ былъ бы самъ центромъ общаго почета и вниманія; затѣмъ нѣчто въ родѣ Версаля (съ его Parc-aux-cerfs) Людовика XV, гдѣ властолюбивая Помпа-
165. дуръ готовила ему ежедневныя жертвы. Когда Фаустъ отвергаетъ и этотъ модный развратъ, Мефистофель ищетъ его идеаловъ на лунѣ, но Фаустъ отвѣчаетъ, что и на землѣ достаточно мѣста для благой дѣятельности могучаго труда. Когда грубый Мефистофель полагаетъ, что Фаустъ взалкалъ славы и почестей, послѣдній объясняетъ, что онъ дорожитъ *властью и собственностью*, синонимами, безъ которыхъ никакой великій подвигъ немыслимъ. Собственность и есть полная возможность употребить все свое умѣнье и силы на извѣстное дѣло. Мефистофель полагаетъ, что каковы бы ни были побужденія сильнаго владыки, найдутся лиры для его прославленія.

Фаустъ объясняетъ, что видъ морского прилива на отлогомъ берегу навелъ его на мысль отнять у моря то громадное пространство, которое оно дѣлаетъ совершенно безплоднымъ и непроизводительнымъ, періодически захватывая его своей прихотью.
166. Фаустъ желаетъ насыпями и плотинами отбить у моря часть его владѣній и требуетъ обычнаго содѣйствія Мефистофеля. Раздается военная музыка, и Мефистофель, не взирая на отвращеніе Фауста

стран.

къ войнѣ, объясняетъ ему, что наступила благопріятная минута для осуществленія заявленнаго послѣд-
167. нимъ плана. Обогащенный на время волшебникомъ, добродушный императоръ, оставаясь вѣрнымъ своему желанію *править и наслаждаться*, довелъ государство снова до величайшей опасности. Фаустъ, порицая такое ложное пониманіе верховной власти, выставляетъ идеалъ властителя, котораго замыслы дѣлаются извѣстными только по приведеніи ихъ въ исполненіе. Замѣчательно, что когда Мефистофель, описывая всѣ бѣдствія, истекающія для народа изъ бездѣйствія власти, объясняетъ избраніе анти-императора желаніемъ лучшихъ людей видѣть во главѣ государства перваго встрѣчнаго, способнаго защищать личность и собственность, — Фаустъ прямо восклицаетъ: „поповскій голодъ!“, угадывая, что для сторонниковъ избирательства важна не самая гарантія, заключающаяся въ избираемомъ,—которая настолько же загадочна, какъ всякое будущее,—а замѣна незыблемой наслѣдственности случайностью, при которой ловкому эгоизму открывается обширное поле дѣйствія. Фаустъ согласенъ подать помощь императору въ битвѣ съ противникомъ. Знакомый Меланхтона, Фаустъ изъ Кундлинга, хвастался, что доставилъ въ Италіи силой колдовства императорскому войску побѣду. Особенно приписывали вліянію волшебника побѣду Карла V при Павіи. Мефистофель, указавъ Фаусту на расположеніе императорскаго войска, предвидитъ, что, получившій волшебную помощь въ битвѣ, императоръ вознагра-
168. дитъ Фауста широкимъ морскимъ прибрежьемъ, необходимымъ послѣднему для его цѣлей. Поэтому Фаустъ, рѣшительно отказывающійся отъ предводительства войсками, не можетъ уклониться отъ участія въ битвѣ. Мефистофель ободряетъ его, иронически обзывая *трехъ сильныхъ* (вызванныя его волшебствомъ воплощенія насилія) военнымъ совѣтомъ. Гёте заимствовалъ мысль о трехъ сильныхъ изъ Книги Царствъ (II. 23. 8), а имена ихъ изъ Исаіи (8. I, 3) по переводу Лютера *Raubebald* и *Eilebeute*, оставленные въ русскомъ переводѣ Библіи подлинникомъ: *Магер-шелал-хам-базъ* (спѣшитъ грабежъ, ускоряетъ добыча).

Петръ Сквенцъ или Петръ *Квинце*—тотъ плотникъ, который у Шекспира въ драмѣ *Сонъ въ лѣтнюю ночь* набираетъ могучихъ аѳинскихъ рабочихъ, чтобы разыграть съ ними трагедію Пирама и Тисбе.

170. *Помощь Фауста*. Главнокомандующій объясняетъ императору выгоды расположенія большого войска,
171. видъ котораго внушаетъ императору довѣріе. Но лазутчики возвращаются съ вѣстями: одинъ объ отказѣ союзниковъ дать помощь, на основаніи до-

страп.

машнихъ народныхъ волненій, а другой—объ избраніи анти-императора. Опасность возбуждаетъ всю
172. энергію изнѣженнаго императора, какъ во время маскараднаго пожара. Въ эту минуту вооруженный Фаустъ приходитъ съ *тремя сильными* предложить таинственную помощь горцевъ, которые научены горными духами читать смыслъ формацій и кристаллизацій ископаемаго царства, по общему соотвѣтствію явленій природы провидѣть въ нихъ и внѣшнія историческія событія. Изумительна художественная правда во всѣхъ объясненіяхъ Фауста императору происходящихъ вокругъ чудесъ. Чудеса всѣ исходятъ изъ Мефистофеля, и потому Фаустъ самъ старается объяснить ихъ себѣ, а тѣмъ болѣе императору, чтобы не отталкивать его мыслію о вліяніи нечистой силы.

Въ *Некромантѣ изъ Норики въ Сабинѣ* нѣкоторые толкователи видѣли Георгія Сабеллія Фауста Младшаго, о которомъ мы говорили въ предисловіи къ первому изданію. Дюнцеръ, напротивъ, указываетъ, что въ біографіи Беневенуто-Челлини горы Норики, между Сабиномъ и Сполето, обозначены какъ избраннѣйшія мѣста колдовства. Гёте самъ говоритъ, что въ этомъ смыслѣ о нихъ часто упоминаютъ въ
173. романахъ. Императоръ, при всей благодарности Фаусту за участіе, отклоняетъ чуждую помощь, разсчитывая на собственную энергію, и намѣренъ покончить дѣло съ анти-императоромъ единоборствомъ. Фаустъ доказываетъ императору, что глава государства не долженъ подвергаться подобному риску.

Герольдъ сообщаетъ о томъ, что вызовъ на единоборство принятъ въ лагерѣ противника насмѣшками. Замѣчательно, что только что кипѣвшій минутнымъ одушевленіемъ императоръ въ минуту начала битвы отказывается отъ предводительства войскомъ, сваливая его на главнокомандующаго.

174. *Фаустъ* прикомандировываетъ своихъ трехъ сильныхъ: *Забіяку, Забирая и Держи-Крѣпче*, къ которымъ присоединяется, какъ дилетантка грабежа, *Скорохватка*.

175. *Мефистофель*, собравъ по арсеналамъ старинное вооруженіе, засадилъ въ него злыхъ духовъ, чтобы шумомъ и звономъ пустого оружія смутить непріятеля. Во мракѣ начинаютъ сверкать зловѣщіе огни, которые Фаустъ тоже объясняетъ сицилійской фатаморгана, а блескъ пикъ—огнемъ Св. Эльма, припи-
176. сываемымъ вліянію Діоскуровъ. Когда императоръ вспоминаетъ объ освобожденіи имъ съ костра некроманта, послѣдній (наподобіе Иліады XII, 200) посылаетъ видимое знаменье въ воздушной битвѣ—орла съ баснословнымъ грифономъ; тѣмъ не менѣе,

стран.

177. при видѣ худого оборота битвы, императоръ падаетъ духомъ и упрекаетъ волшебниковъ.

Мефистофель преднамѣренно увеличиваетъ смущеніе императора, указывая на своихъ вороновъ, появляющихся уже въ первой части въ кухнѣ вѣдьмы. Вороны *Одина* въ христіанскомъ мірѣ отошли къ сатанѣ.

178. Окончательно потерявшіе присутствіе духа, императоръ и главнокомандующій уходятъ въ палатку, сдавая команду Мефистофелю, но безъ передачи фельдмаршалскаго жезла, украшеннаго крестомъ.

Самъ *Фаустъ* спрашиваетъ, что̀ дѣлать. Но Мефистофель уже все рѣшилъ. Онъ знаетъ природу человѣка, на которую мнимое дѣйствуетъ гораздо
179. сильнѣе дѣйствительнаго. Поэтому онъ напускаетъ на противниковъ мнимое наводненіе, призрачный огонь изъ кузницы гномовъ и призрачный шумъ
180. пустого оружія. Веселая военная музыка возвѣщаетъ о побѣдѣ императорскаго войска.

181. Въ покинутый шатеръ анти-императора являются Забирай и Скорохватка, какъ олицетвореніе гра-
182. бежа. Имперскіе драбанты прогоняютъ ихъ, но въ то же время въ словахъ ихъ слышно сознаніе вмѣшательства въ побѣду чего-то сверхъестественнаго, подъ вліяніемъ котораго побѣдители дѣйствовали какъ въ чаду.

183. *Новое устройство государственнаго управленія.* Гёте снова выводитъ предъ нами процессъ распаденія нѣмецко-римской имперіи, какъ онъ же говоритъ о немъ въ пятой книгѣ *Поэзія и Правда* (*Dichtung und Wahrheit*). Отдѣльные князья, вмѣсто совокупной защиты трона и государства, помышляютъ только о расширеніи собственной власти въ ущербъ верховной, хотя показываютъ видъ, что озабочены лишь успокоеніемъ и охраной главы государства.

Выслушавъ отдѣльно каждаго, мы найдемъ, что императоръ исполненъ благородной, такъ сказать, національной гордости. Вопреки очевидности, онъ хочетъ приписать побѣду одной доблести войска и объясняетъ видимо сверхъестественныя явленія случайной игрой природы. Онъ не только возвышается до ироніи надъ самымъ фактомъ побѣды, но сознаетъ, что вполнѣ пріобрѣтенная имъ сила должна служить исходною точкой разумныхъ и благихъ преобразованій. Голоса окружающихъ его доказываютъ, что эти люди, вполнѣ понимая высокое значеніе верховной власти, желаютъ, чтобы даже каждый актъ частной жизни владыки былъ окруженъ символами могущества и высокопочитанія. Чего же лучше? Но связавъ всѣ рѣчи, выраженныя чопорными александрійскими стихами, мы исполняемся глубокаго ко-

СТРАН.

мизма. Оказывается (гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно), что для императора попрежнему пиры и забавы составляютъ главную цѣль, для которой государство является средствомъ, а его окружающіе полагаютъ, что служеніе престолу и отечеству состоитъ исключительно въ ношеніи меча наголо, держаніи перстней и заботѣ о кухнѣ, за каковыя заслуги слѣдуетъ получить какъ можно большее вознагражденіе въ видѣ самостоятельной власти.

185. *Архіепископъ-канцлеръ* поддерживаетъ мнѣніе: „Ты, укрѣпляя насъ, свой укрѣпляешь тронъ". Когда императоръ своимъ статутомъ узаконилъ всѣ злоупо-

186. требленія феодализма, Архіепископъ, пугая побѣдителя гнѣвомъ папы и вѣчнымъ мученіемъ за соучастіе въ волшебствѣ, требуетъ приношенія мѣстности побѣды въ даръ церкви, для сооруженія храма. Холмъ, на которомъ стоялъ шатеръ императора, мало-

СТРАН.

по-малу превращается въ устахъ Архіепископа въ цѣлую ленную область.

Императоръ соглашается на все, и Архіепископъ раскланивается, но, возвращаясь, требуетъ не только постройки храма на счетъ государства, но вѣчной десятины доходовъ и часть золота, доставшагося по-

187. бѣдителю. Императоръ и на это согласенъ, хотя уже чувствуетъ убытокъ, причиненный ему кудесниками.

Архіепископъ, возвращаясь, снова требуетъ, чтобы и Фаустъ давалъ ему десятину дохода съ полученнаго въ даръ прибрежья, и когда императоръ замѣчаетъ, что тамъ еще ходитъ море, у котораго предстоитъ брать дно, то Архіепископъ справедливо возражаетъ, что было бы право на полученіе того, что другой производитъ трудомъ и усиліями, такъ можно терпѣливо ждать. Императоръ самъ видитъ безграничность требованій.

АКТЪ ПЯТЫЙ.

СТРАН.

Филемонъ и Бавкида. Имена и характеры заимствованы поэтомъ изъ *Метаморфозъ* Овидія (книга VIII, 626—724), гдѣ гостепріимные старики, одни изо всей деревни пріютившіе Юпитера и Меркурія, пощажены этими богами, погрузившими всю деревню въ болото и превратившими хижину стариковъ въ храмъ, въ которомъ они до окончательнаго безсилія оставались жрецами, а затѣмъ, по испрошенной ими у боговъ милости, не видали взаимныхъ могилъ, а единовременно превращены въ два дерева: онъ въ дубъ, она въ липу.

На холмѣ у самаго прибрежья, завоеваннаго искусствомъ и усиліями Фауста у моря, въ хижинѣ подъ липками проживаетъ старческая пара, пріютив-

188. шая нѣкогда странника, потерпѣвшаго крушеніе. Вся ихъ идиллія представляетъ яркую противоположность съ неукротимымъ стремленіемъ Фауста, которому они могли бы сказать, что на землѣ дѣйствительно достаточно мѣста для добрыхъ дѣлъ въ маломъ

189. видѣ, когда нѣтъ силъ на большіе размѣры. *Филемонъ* объясняетъ изумленному страннику блестящую перемѣну, произведенную на прибрежьи человѣческимъ

190. геніемъ; но болтливая и суевѣрная Бавкида разсказываетъ про канализацію, со своей точки зрѣнія объясняя все чернокнижіемъ и даже человѣческими жертвами; причемъ видитъ въ Фаустѣ завистника,

СТРАН.

192. желающаго завладѣть ихъ собственностью. Надѣющійся на древняго бога Филемонъ зоветъ всѣхъ при закатѣ солнца на молитву къ часовнѣ.

Мученье Фауста. Прямой противоположностью благодушной пары является Фаустъ въ своемъ дворцѣ, окруженномъ садомъ, куда съ моря проходитъ широкій каналъ. Несмотря на глубокую старость, Фаустъ остался мужемъ желаній, и его флотъ, везущій къ нему сокровища далекихъ странъ, какъ о томъ возвѣщаетъ въ рупоръ башенный стражъ (тоже въ

193. знакъ зоркости прозванный Линцеемъ), не удовлетворяетъ его стремленія къ полновластію. Его возмущаетъ мысль, что Филемонъ и Бавкида упорно отказываются промѣнять свое бѣдное жилище съ часовней на болѣе удобное, предлагаемое Фаустомъ.

194. *Мефистофель* съ Тремя Сильными подымается къ баркѣ, нагруженной сокровищами, по каналу къ дворцу. Хотя поэтъ прямо называетъ его Мефистофелемъ, но, очевидно, Фаустъ видитъ въ немъ довѣреннаго предводителя флота; Мефистофель не скрываетъ, что подъ его руководительствомъ морская торговля перешла въ морской разбой. Явный намекъ на морской деспотизмъ Англіи.

Мефистофель смягчаетъ ропотъ своихъ подчиненныхъ перспективой пира, который Фаустъ задастъ

195. флоту, при появленіи *пестрыхъ птицъ*, т. е. разно-

СТРАН.

калиберныхъ моряковъ остальныхъ кораблей.—Разжигая неудовольствие Фауста на Филемона и Бавкиду,
196. Мефистофель вызываетъ его согласие на насильственное переселенiе стариковъ, хотя отъ его злорадства не ускользаетъ смыслъ дѣйствiя, заключавшiйся еще въ исторiи Навуѳея, не уступавшаго царю Ахаву своего виноградника; за это насилие при помощи подведенныхъ царицей Iезавелью лжесвидѣтелей: Навуѳей убитъ каменьями, а Ахавъ овладѣлъ его виноградникомъ (Кн. Царствъ III, 21).
197. Стражъ Линцей, вполнѣ погруженный своимъ родомъ жизни въ созерцанiе, почерпаетъ изъ него лишь безболѣзненное отношенiе къ красотамъ мiра; но и тутъ ему приходится быть зрителемъ потрясающихъ сценъ. Въ данную минуту онъ различаетъ вдали пожаръ хижины и липокъ Филемона и паденiе часовни.
198. *Фаустъ*, вслушавшiйся въ жалобы стража и увидавшiй съ балкона пожаръ у стариковъ, хотя и сожалѣетъ о подобномъ исходѣ дѣла, но радъ осуществленiю давнишняго своего желанiя. Мефистофель, прибѣгающiй со своими спутниками съ пожара, объясняетъ, что при насильственномъ удаленiи стариковъ изъ хижины, завязалась борьба, въ которой защищавшiй ихъ странникъ убитъ, а хижина отъ разбросанныхъ углей сгорѣла; сами же старики умерли вслѣдствiе мгновеннаго испуга.
199. *Фаустъ* проклинаетъ насилие исполнителей, которые, не смущаясь проклятiемъ, отвѣчаютъ хоромъ, что сопротивленiе силѣ всегда приводитъ къ гибели.

Подъ влiянiемъ чувства собственной вины, Фаустъ чуетъ приближенiе какихъ-то тѣней.
200. *Фаустъ слѣпнетъ*. Гёте, представлявшiй себѣ Фауста столѣтнимъ старикомъ, долженъ бы былъ въ прозѣ сказать, что, и ослѣпнувъ отъ старости, онъ до конца остался мужемъ желанiя. Въ драматической картинѣ поэтъ вынужденъ былъ выразить медленный процессъ утраты зрѣнiя въ одномъ данномъ моментѣ и потому воспользовался миѳической формой.

Олицетворенная *забота* является не у однихъ лириковъ, какъ Горацiй и Гейне, но и у драматическихъ писателей. Гёте только подъ видомъ четырехъ мрачныхъ женщинъ выводитъ рядомъ съ заботой и другихъ нравственныхъ мучителей человѣка, не стѣсняясь даже мужскимъ родомъ *Mangel—Недостача*, у насъ *Schuld*, который мы перевели не *виной*, не идущей здѣсь къ дѣлу, а *долгомъ*, въ смыслѣ несостоятельности передъ заимодавцемъ.

Очевидно, что ни *недостачи*, ни *долговъ*, ни проистекающей изъ нихъ *нужды* не можетъ быть у богача, но тѣмъ вѣрнѣе доступъ къ нему *заботы*— и въ перспективѣ, какъ у всѣхъ, *смерть*.

СТРАН.

201. Разслушавъ только мрачныя слова: *забота и смерть*, Фаустъ, повидимому давно разставшись съ Мефистофелемъ, сожалѣетъ о связи своей со сверхъестественнымъ мiромъ, исполненнымъ таинственныхъ страховъ и предразсудковъ. Онъ радъ бы разучиться магическимъ заклинанiямъ.

Когда неотступная *забота* называетъ себя по имени, Фаустъ силится доказать, что забота надъ нимъ безсильна, такъ какъ онъ весь поглощенъ насущной дѣятельностью.
203. Безсильная воздѣйствовать на духъ, забота оставляетъ видимый знакъ своего могущества, ослѣпляя Фауста.—Но и лишась зрѣнiя, человѣкъ желанiй еще съ большей стремительностью относится къ задуманной цѣли.

Смерть Фауста. Мефистофель, въ качествѣ смотрителя за работами, не безъ злобной иронiи, исполняетъ приказанiя слѣпого Фауста. *Lemures*, Ле-
204. муры, ночныя привидѣнiя древнихъ римлянъ, тощiе и расслабленные остовы. Созванные Мефистофелемъ въ видѣ копачей, они, при видѣ жердей и землемѣрской цѣпи, воображаютъ, что дѣло идетъ о новомъ захватѣ земель, но въ разслабленности забываютъ и цѣль своего прихода. Вмѣсто хитрыхъ гидравлическихъ работъ, Мефистофель заставляетъ ихъ копать могилу, которую они роютъ съ пѣсней, напоминающей пѣсню могильщиковъ въ *Гамлетѣ* Шекспира.
205. Слѣпой Фаустъ, выходя ощупью изъ дворца, съ восторгомъ прислушивается къ звяканью лопатъ, говорящихъ о спѣшности труда. *Мефистофель*, измѣряющiй духовные подвиги бренными результатами, конечно правъ, указывая на ту же смерть на водѣ и на сушѣ. Нетерпѣливый Фаустъ поручаетъ смотрителю Мефистофелю сгонять всѣми средствами рабочихъ для прорытiя канавы, требуя ежедневнаго донесенiя объ успѣшности работы. Осушенiе вреднаго болота завершитъ, по его словамъ, все великое дѣло, доставивши безбѣдное, хотя и трудовое существованiе многимъ миллiонамъ людей.

На этомъ мѣстѣ критики отыскиваютъ перерывъ и противорѣчiе въ драматической концепсiи, указывая, что выше ослѣпнувшiй Фаустъ говоритъ объ осуществленiи своего отважнаго замысла, который на самомъ дѣлѣ оказывается простымъ прорытiемъ канала, имѣющимъ только завершить уже давно осуществленное дѣло. Дѣйствительно, держась буквы, можно придти къ такому открытiю, но, вникнувъ глубже въ основной характеръ человѣка желанiй, не станемъ удивляться, что въ Фаустѣ цѣль его стремленiй теряетъ свою привлекательность по мѣрѣ устраненiя препятствiй и возрастаетъ по мѣрѣ ихъ возникновенiя. Фаустъ алкалъ собственности и вла-

СТРАН.

сти и не могъ вынести препятствія, представляемаго ничтожной хижиной Филемона. Устранивъ это препятствіе, онъ, какъ мы видѣли, не только разочаровался въ предметѣ желанія, но и почувствовалъ угрызеніе совѣсти. Ясно, что неожиданное физическое препятствіе, слѣпота, дало новый толчокъ его желаніямъ, и онъ, какъ видно изъ дальнѣйшихъ его словъ, уже влагаетъ въ свою работу не личное чувство власти, а чувство дѣятельности во благо многихъ милліоновъ. Съ этой точки зрѣнія самая работа представилась ему и новымъ замысломъ, и дѣйствительнымъ вѣнцомъ всякой честной дѣятельности человѣка на землѣ.

Возникающая передъ Фаустомъ картина облагодѣтельствованныхъ имъ милліоновъ людей возноситъ его на вершину блаженства, при которомъ онъ готовъ, какъ говорится въ первой части, сказать мгновенью:

206. „Остановись! прекрасно ты!“

Мефистофель, держащійся буквы договора и считающій смерть Фауста въ эту минуту ловушкой, въ которую ему наконецъ удалось поймать Фауста, не постигаетъ, что его земной повелитель не слѣпо покорствовалъ то одному, то другому желанію, а, пройдя цѣлый ихъ рядъ, отъ самаго низменнаго разгула до высочайшаго стремленія къ служенію человѣчеству, самобытно ушелъ изъ-подъ власти дьявола. Мефистофель, увѣренный въ побѣдѣ, торжествуетъ, повторяя со своимъ хоромъ слова Фауста въ договорѣ:

„Часы стоятъ“ и „спала стрѣлка“.

Слова хора: „и все прошло“, онъ справедливо съ духовной точки зрѣнія называетъ глупыми. Напоминающій пѣсню могильщика въ *Гамлетѣ*, хоръ гробокопателей Лемуровъ выражаетъ ту же тщету человѣческой жизни. На вопросъ Лемура о скудномъ убранствѣ залы—даже безъ стульевъ,—хоръ отвѣчаетъ, что блага земныя даются лишь въ ссуду на время жизни, и затѣмъ многочисленные заимодавцы все отбираютъ у должника-мертвеца.

Битва Мефистофеля съ Ангелами изъ-за души Фауста. Мефистофель становится надъ могилой, чтобы тотчасъ же, согласно договору, подписанному кровью, принять душу Фауста; тѣмъ не менѣе его смущаетъ мысль о затрудненіяхъ, возникшихъ въ новѣйшее время при полученіи подобнаго долга.
207. Прежній путь вылетанія души изо рта замѣненъ исходомъ ея изо всего тѣла, но въ какомъ именно мѣстѣ, онъ еще самъ хорошо не знаетъ. Даже до минуты разложенія нельзя съ достовѣрностью судить о самой смерти. Въ силу этого онъ вынужденъ поставить къ могилѣ цѣлый караулъ низкорослыхъ и великановъ чертей. Первымъ нужно наблюдать за

СТРАН.

выдѣленіемъ души изъ нижнихъ частей тѣла, а вторымъ — изъ головы. Для полноты атрибутовъ онъ приказываетъ принести съ собой и пасть геенны (Исаіи 5. 14).

О городѣ *вѣчнаго огня* говоритъ Дантъ (8. 67—72):

И вождь: «Мой сынъ, ужъ виденъ градъ въ туманѣ,
Зовомый *Дисъ*, гдѣ, воя и стеня,
Проклятые столпилися граждане».
И я: «Уже предстали предъ меня
Багровыя мечети въ дымномъ смрадѣ,
Возставшія какъ-будто изъ огня».

Раздутымъ брюханамъ Мефистофель велитъ наблюдать книзу за проявленіемъ фосфора въ первой стадіи разложенія—пестрыми пятнами. Этотъ-то фосфоръ и есть, по мнѣнію Мефистофеля, душа, у грековъ въ образѣ бабочки—Психеи.—Гёте смѣется надъ спорами о главномъ мѣстопребываніи души, тѣмъ паче надъ помѣщеніемъ ея въ пупокъ или подъ ложечку, на томъ основаніи, что, кромѣ обычнаго образа чте-
208. нія, ясновидящіе читаютъ этимъ мѣстомъ. Чертямъ-великанамъ приказывается ловить душу на лету когтями, такъ какъ у геніальнаго Фауста она пожалуй попросится вверхъ.

Небесныя силы приглашаютъ Ангеловъ помогать грѣшнымъ проложить себѣ путь къ свободѣ и спасенію отъ праха. Такой хоръ очевидно кажется Мефистофелю страшною какофоніей, звучащей совершенно некстати. Онъ возмущенъ мыслію, что самые отвратительнѣйшіе грѣхи, измышленные чертями на гибель человѣчества, именно и составляютъ предметъ Ангельскихъ молитвъ въ видахъ избавленія грѣшныхъ. Приближающіеся Ангелы разсѣваютъ розы, взятыя изъ рукъ кающихся грѣшницъ, чтобы умиротворить
209. ими измученную желаніями душу. Но небесныя эмблемы всепримиряющей любви, падая на чертей, производятъ на нихъ противоположное дѣйствіе и жгутъ ихъ невыносимымъ огнемъ, только разгорающимся отъ нечистаго дуновенія. Между тѣмъ, и при болѣзненномъ воздѣйствіи на злобно отрицающихъ, небесныя розы приносятъ и служителямъ зла незнакомое имъ разслабляющее умиленіе. Черти вверхъ пятами летятъ въ адъ, одинъ Мефистофель остается вѣренъ борьбѣ. Но и онъ испытываетъ власть любви, проявляющуюся у него самой цинической стороной. Убѣдясь въ безплодности своихъ новыхъ порывовъ
211. и истерзанный болью, Мефистофель еще рѣшительнѣй возвращается къ своей антипатіи ко всему чистому и проклинаетъ духовъ свѣта.

Заключительный хоръ Ангеловъ возвѣщаетъ объ окончательномъ очищеніи воздуха ниспадающими розами, вслѣдствіе чего духъ Фауста можетъ безпрепятственно возноситься.—Мефистофель, потерявшій

СТРАН.

плоды всѣхъ своихъ усилій, и тутъ не понимаетъ всего самобытнаго преуспѣянія Фауста и приписываетъ неудачу своему любовному порыву, заставившему его прозѣвать добычу.

212. Вознесеніе Фауста. Хоръ анахоретовъ, повторяемый эхомъ, воспѣваетъ тѣ кельи, которыя размѣщаются по горнымъ ущеліямъ, соотвѣтственно отрѣшенности отшельника отъ всего земного;—такъ какъ самыя горы (Аѳонъ или испанскій Монсерратъ), по мѣрѣ подъема становясь все пустыннѣй, представляютъ все менѣе житейскихъ удобствъ. Еще Исаія говоритъ о благодатномъ мирѣ, когда „левъ будетъ ѣсть солому какъ быкъ, а змѣя будетъ ѣсть землю".

Исполненный религіознаго восторга, *Pater ecstaticus* представляетъ намъ не вполнѣ оконченную духовную борьбу съ житейскими побужденіями. Оттого эта борьба такъ стремительна. Три затѣмъ слѣдующихъ анахорета соотвѣтствуютъ тремъ главнымъ поясамъ святой горы. Въ низшемъ — соименный ему *Pater profundus*, представитель того періода духовной жизни, когда, въ силу одной земной мудрости, человѣкъ доходитъ до простого пониманія, что въ цѣпи причинности одно звено не хуже другого, и что жизнь зиждется на разрушеніи. Что поэтому безумно искать въ природѣ того зла, которое кажется лишь въ сознательной душѣ человѣка, и успѣшно бороться со зломъ можно только подъ наитіемъ благодати, независящей отъ воли человѣка, хотя бы онъ пламенно, какъ Pater profundus, и молилъ о ней.

213. *Pater Seraphicus* хотя уже вступилъ въ область благодати, но не забываетъ земныхъ страдальцевъ, стремящихся вознестись духомъ. Вотъ почему онъ любовно относится къ хору дѣтей, рожденныхъ и умершихъ въ ту же ночь. Такъ какъ передъ вступленіемъ въ небо, они не испытали никакихъ земныхъ страданій и даже не видали природы, то Pater Seraphicus предлагаетъ имъ вступить въ органъ его глазъ, такъ какъ глаза новорожденныхъ еще не приспособились къ различенію предметовъ. Гёте безъ сомнѣнія имѣлъ въ виду Сведенборга (1689—1772), который, состоя въ сношеніяхъ съ небесными и земными духами, принималъ ихъ въ свои глаза и другіе члены, чтобы дать имъ возможность земныхъ ощущеній. Потрясеннымъ грозными явленіями горной природы мальчикамъ Pater Seraphicus совѣтуетъ возноситься къ Богу, хотя начиная съ нижайшей области.

214. Ангелы, возносящіе душу Фауста, хотя и объясняютъ благопріятныя условія его быстраго воспаренія, но еще не вознесли его до горныхъ вершинъ, надъ которыми парятъ блаженные мальчики. Хотя младшіе Ангелы и торжествуютъ свою побѣду надъ духами зла, при помощи эмблематическихъ розъ, но болѣе совершенные Ангелы не скрываютъ, какъ тяжело имъ вознести въ абсолютную чистоту душу Фауста, обремененную еще частью земного, которое, будь оно даже изъ азбеста (ископаемаго льна, изъ котораго ткани очищаютъ огнемъ), сравнительно не довольно чисто. Когда воля, оставивъ свой абсолютно-чистый источникъ, выразилась въ явленіи человѣческой особи и здѣсь, всею внутреннею силой слившись съ желательными стихіями, прилѣпилась къ тому, въ чемъ индивидуумъ находилъ свое благо, то сохраненіе такой индивидуальности и по смерти, но съ отрѣшеніемъ отъ подобныхъ индивидуальныхъ благъ, является противорѣчіемъ, разрѣшаемымъ только божественной благодатью.

СТРАН.

215. Младшіе Ангелы, завидя нижайшихъ по духовному развитію блаженныхъ мальчиковъ, радуются, что Фаустъ въ хорѣ ихъ можетъ начать свое собственное.

Блаженные мальчики смотрятъ на Фауста, какъ на личинку, которая, переставъ быть червемъ, еще не преобразилась въ мотылька, и принимаютъ его отъ ангеловъ, какъ залогъ собственнаго своего духовнаго служенія ищущимъ спасенія. Снимая земныя пряди личинки, они созерцаютъ развитіе мотылька.

Doctor Marianus, получившій свое имя отъ исключительнаго служенія высшему женственному принципу въ лицѣ Дѣвы Маріи, воспѣваетъ благодатное вліяніе этого элемента на мужественное творчество.

216. При видѣ кающихся грѣшницъ, онъ высказываетъ ту опасность, которой въ земной жизни подвергается этотъ элементъ, въ силу своей сущности.

Три раскаянныхъ грѣшницы умоляютъ Богоматерь простить невольное прегрѣшеніе бывшей Гретхенъ.

Magna peccatrix умоляетъ во имя той сцены, о которой повѣствуетъ Лука VII. 36.

Mulier Samaritana—та самаритянка, которая, перемѣнивъ пять мужей, жила въ безбрачныхъ отношеніяхъ и, отказывая Іисусу въ водѣ изъ наслѣдственнаго отъ Іакова (и Авраама) колодца, не хотѣла понять, о какомъ источникѣ живой воды говоритъ Спаситель.

Житія Святыхъ подъ 2-е апрѣля повѣствуютъ о Маріи, семнадцать лѣтъ предававшейся предосудительной жизни въ Александріи и даже на пути въ Іерусалимъ на торжество воздвиженія Креста. Но при входѣ во храмъ она какъ бы почувствовала отталкивающую ее отъ дверей невидимую руку и услыхала голосъ, что она найдетъ успокоеніе по ту сторону Іордана. Вслѣдствіе этого она провела 48 лѣтъ въ пустынѣ и лишь въ послѣдній годъ удостоилась причаститься у монаха Зосимы, которому

СТРАН.

перед смертью написала на пескѣ просьбу: похоронить и помянуть ее.

217. Небесная пѣсня Гретхенъ, почти буквально тождественная по тону и выраженію съ той, въ которой она, въ первой части, изливала свои страданія передъ Скорбящей Богородицей, является торжествомъ творчества. Тамъ дѣло происходитъ на землѣ. И самъ высшій идеалъ любви стоитъ у подножія креста Сына своего и, переживающая моментъ самоотреченной любви, Гретхенъ чувствуетъ, что любовь на землѣ требуетъ жертвъ и страданія. Здѣсь же, въ безотносительномъ мірѣ, самозабвеніе любви не требуетъ никакихъ уже по сущности дѣла невозможныхъ жертвъ и потому является полнымъ торжествомъ примиреннаго духа.

Фаустъ переросъ уже развитіемъ духовнымъ блаженныхъ мальчиковъ, которые отъ общенія съ нимъ ожидаютъ недостающей имъ мудрости.

Мысль, безсознательно сказавшаяся въ блаженной пѣснѣ Гретхенъ, сознательно высказывается теперь

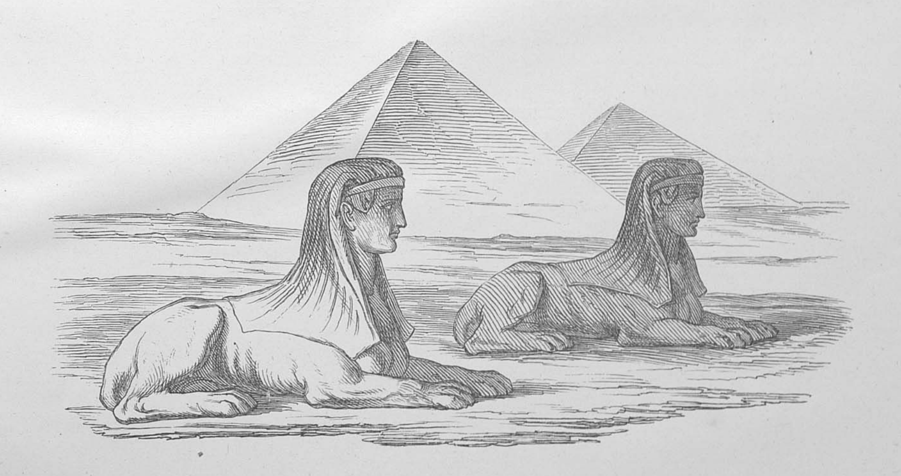
СТРАН.

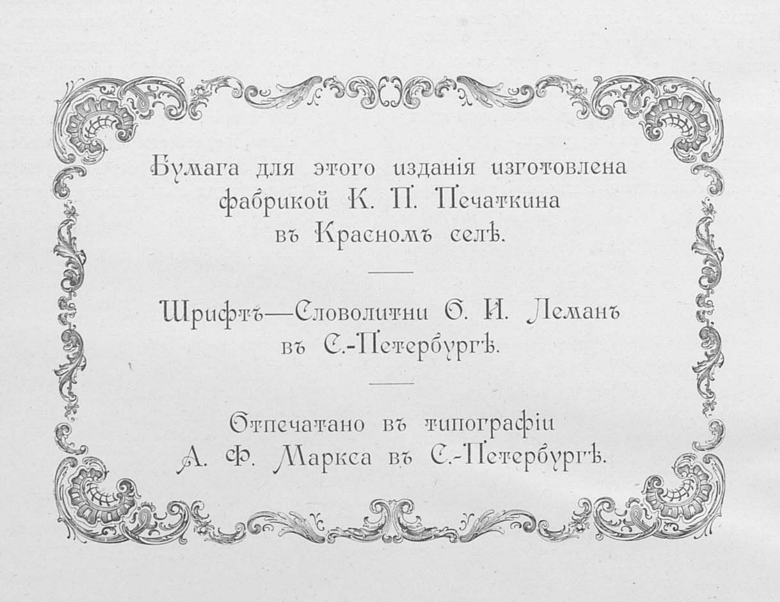
ею при видѣ увлекшей ее нѣкогда юности силъ Фауста, проявляющихся здѣсь его готовностью къ вѣчному усовершенствованію, хотя онъ еще ослѣпленъ небеснымъ блескомъ и нуждается въ наглядномъ поученіи Гретхенъ.

Mater Gloriosa, призывая самую Гретхенъ въ высшія сферы, указываетъ и на симпатію, въ силу которой Фаустъ послѣдуетъ за возносящейся.

Возвѣстившій о появленіи Богоматери Doctor Marianus приглашаетъ кающихся прибѣгнуть къ источнику любви.

218. Chorus mysticus, какъ подобаетъ хору, въ краткихъ и общихъ словахъ выражаетъ основы отношеній вещественнаго міра явленій къ трансцендентному. Гдѣ нѣтъ явленій, не можетъ быть и сравненій; гдѣ все временно, не можетъ быть окончательнаго исполненія; что по безбрежности явленій недосягаемо, перестаетъ быть такимъ тамъ, гдѣ нѣтъ пространства. Остается одна суть: мужественная воля и влекущая сила женственности.

Бумага для этого изданія изготовлена
фабрикой К. П. Печаткина
въ Красномъ селѣ.

Шрифтъ—Словолитни О. И. Леманъ
въ С.-Петербургѣ.

Отпечатано въ типографіи
А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ.